

Дион Форчун. Козлоногий Бог.

(пер. с английского — Майя Эберт)

Доносится глас судьбы
Из-за Ионического моря
«Великий Бог Пан мертв, мертв,
Умирена рогатая голова.
Закрылась дверь, от которой нет ключа -
Опустели долины Аркадии».
Скованный Железным Веком,
Потерявший дорогу в лесное царство,
Тоскует человек,
Разлученный с быстроногим Паном.
Устало будет влачить он свои цепи,
Пока Козлоногий Бог не придет снова.
Наполовину человек, наполовину животное,
Пан - величайший, Пан - ничтожнейший,
Пан - это всё, и всё есть Пан:
Ищи его в каждом мужчине.
Резвое козлиное копыто и мохнатое бедро -
Следуй за ним в Аркадию.
Он пробудит живых мертвецов -
Раздвоенное копыто и рогатая голова,
Человеческое сердце и человеческий разум,
Козлоногий Бог Пан возвращается!
Наполовину животное, наполовину человек -
Пан - это все, и все есть Пан.
Приди же, о Козлоногий Бог, приди снова!
(из ритуала Пана)

Глава 1.

В двустворчатых дверях дома номер девяносто восемь на Пелхам Стрит повернулся ключ владельца, который, если судить по его внешнему виду, только что вернулся с похорон. Дворецкий, встретивший его в наружном холле и забравший у него аккуратно сложенный зонт, высокую шляпу с широкой траурной лентой, облегающее черное пальто, мокрое от дождя — ибо никто не смог бы держать зонт в тот момент, когда тело опускали в землю, — постарался изобразить на своем лице одновременно сострадание и осуждение в подходящих ситуациях пропорциях.

Это была задача не из легких, и он много думал об этом, ожидая возвращения своего хозяина. Чрезмерного сострадания здесь определенно не требовалось; но, с другой стороны, показное осуждение было бы сочтено признаком дурного вкуса и, вероятно, вызвало бы негодование, выдав его слишком большую осведомленность о проблемах чужой личной жизни. В конечном итоге он решил держать оба выражения лица наготове и отразить то, которое увидит на лице своего хозяина. Но его невозмутимое, мертвенно-бледное лицо ни о чем ему не сказало; в сущности, его работодатель мог бы точно также повесить шляпу на вешалку, как сунул ее ему в руки, ибо это было единственным указанием на то, что он заметил присутствие рядом другого живого существа, предположительно обладавшего бессмертной душой.

Хью Пастон прошел через просторный внутренний холл и, войдя в свой кабинет, закрыл за собой дверь и достал себе выпивку из бара. Это было ему необходимо.

Он плюхнулся в огромное кресло рядом с электрическим камином и вытянул ноги к огню. От подошв его ботинок, промокших в грязи церковного двора, пошел пар, но он не обратил на это никакого внимания. Он сидел неподвижно, уставившись на свечение; пытаясь, если уж говорить начистоту, решить ровно ту же самую проблему, которая так сильно мучила его дворецкого.

Он только что вернулся с похорон своей жены, погибшей в автомобильной аварии. Это не было редкостью. У большинства мужчин были жены и автомобильные аварии тоже происходили часто. Но эта авария была не совсем обычной. Машина сгорела дотла; и хотя владелец отеля Ред Лайон, у ворот которого и произошел данный инцидент, опознал тела мистера и миссис Томпсон, которых хорошо знал как частых гостей своего заведения в последние несколько лет, надпись внутри часов, обнаруженных на мужчине, выдала в погибшем Треворе Уилмотта, бывшего одним из самых близких друзей Хью Пастона, а надпись на обратной стороне свадебного кольца женщины свидетельствовала о том, что это была жена Хью Пастона.

Какой должна была быть реакция мужа, одновременно оскорбленного и осиротевшего? Должен ли он был горевать и простить, или же с отвращением отречься? Этого Хью Пастон не знал. Он знал только то, что пережил сильнейший шок и только начинал отходить от оцепенения, которое стало милосердным обезболивающим после столь жестокого удара. Его ударили по всем самым уязвимым местам, по каким только можно было ударить мужчину. Если бы Фрида оставила записку на своем столике, чтобы сказать, что она решила сбежать с Тревором Уилмоттом, он бы пострадал и простил. Но они уже возвращались домой, когда произошла авария; она позвонила и сказала, что вернется к чаю. Тревор же должен был поужинать с ними вечером. Это, безусловно, длилось достаточно долго; в сущности, это происходило с самых первых дней женитьбы, если на хронологию хозяина отеля можно было положиться.

Сидя здесь, потягивая свой напиток и глядя на безликое сияние электрического огня, Хью Пастон начал перебирать в памяти разные события, спрашивая себя, что он чувствует и как ему следовало бы к этому относиться.

Подошвы его ботинок уже перестали дымиться и начали трескаться к тому моменту, как он закончил обозревать свою жизнь с Фридой в свете того, что ему было известно теперь. Он верил, что любовь между ним и Фридой когда-то была взаимной, даже если она не выдержала испытания браком. И он снова и снова задавался вопросом, что же это было — то, что в конечном итоге погубило их любовь? Был ли брак с ним разочарованием для нее? Он вздохнул и решил, что был. Насколько он мог судить, он сделал все, что было в его силах. Но, очевидно, этого было недостаточно. Он сравнил Тревор и Фриду с Тристаном и Изольдой, и на этом остановился.

Он резко вскочил на ноги. Одно он знал точно — он не мог оставаться в доме. Он отправится на прогулку и когда устанет, завернет в какой-нибудь отель и позвонит своему слуге, чтобы тот принес ему вещи. Он обвел взглядом комнату со скрытым освещением, не дававшим теней, прямолинейной мебелью, которая одновременно казалась такой простой и такой громоздкой, и острыми краями узоров на ковре и занавесках, вонзавшихся в него, словно множество свёрл дантиста.

Он поспешно вышел в холл. Дворецкого не было на месте и он нашел свою шляпу и пальто самостоятельно. Бесшумно закрыв за собой *большие* двери, он быстрым шагом двинулся в северном направлении. Но к тому моменту как он пересек Оксфорд Стрит и пошел по улице, напоминавший ему лежащий за ней Мэйфейр, он замедлил свой шаг. Он очень мало ел и спал с тех пор, как следствие вскрыло определенные факты, и теперь это выводило его из себя.

Устав идти на север и обнаружив, что район становится грязным, он резко повернул направо и в следующий момент обнаружил себя на узкой и ветреной улочке с убогими зданиями, в основном сдававшимся под магазины, торгующие подержанной мебелью, и дешевые закусовые.

Хью Пастон медленно шел по этому сомнительному проезду. У него не было сил на быструю ходьбу, но не было и желания возвращаться в убийственно пустой дом. Эта старая улица, позволявшая ему отвлечься от тех событий, мысли о которых он крутил в своей голове целыми днями, казалась ему интересной. Его позабавил вид тряпичной сумки с распродажи и он остановился, чтобы рассмотреть ее. Никто его не побеспокоил; никто не заставил его купить эту вещь. Всем здесь было абсолютно безразлично его существование. Впрочем, этого он и хотел. Если бы он отправился на прогулку по Мейфейру, его бы на каждом шагу окликали его друзья, любопытные и жадные до новостей и пытающиеся казаться равнодушными, в то время как единственное, чего он хотел, это чтобы ему позволили тихо отползти в сторону илизать свои раны.

Он неторопливо пошел дальше, отвлеченный от созерцания старинных викторианских украшений для каминов и дешевой восточной бижутерии вонью соседнего трактира, и остановился напротив магазина подержанной литературы, на двери которого была слабо видимая из-за выцветшей краски надпись «Т. Джелкс, торговец антикварными книгами». Стоявшие здесь обычно наружные столы были убраны из-за сильного дождя, но в узком проходе, который вел к наполовину застекленной двери, покрытой уже выцветшей от времени зеленой краской, стояло нечто вроде мусорной корзины. Яркий свет фонаря, стоявшего прямо напротив, резко контрастировал с угасающим грозным закатом и позволял рассмотреть книги в корзине, не смотря на сгущающиеся сумерки. Это была выгодная ситуация для магазина подержанных книг, подумал Хью, потому как ему не требовался дополнительный свет для демонстрации своих товаров и его владелец вполне мог положиться на городской совет в вопросах освещения своих витрин.

Он стал лениво перебирать содержимое корзины, уже зная по своему прошлому опыту, что никакая живая душа, никакой латиноамериканец или бойкий еврей не бросится ему здесь что-либо продавать и что все здесь было пропитано приличествующим англосаксам равнодушием к ведению бизнеса. Рыться в корзине с книгами стоимостью в два пенса занятие весьма забавное, при условии, конечно, что вы не против запачкаться. В ассортименте были главным образом старые религиозные книги и засиженная мухами фантастика. Местная библиотека, по-видимому, избавлялась от испорченных книг, и к тому времени, как библиотека решала, что книга созрела для того, чтобы ее выбросили, она становилась особенно вкусной для мух. Хью с сомнением перебирал гниющие книги, названия которых не мог разобрать, и решил не напрягать зрение ради подобного содержимого.

Более-менее чистый голубой переплет вынырнул из хаотичной массы книг, словно щепка из водоворота, и он с надеждой выудил его. Это оказалось потрепанное библиотечное издание популярного романа, давно уже напечатанного в карманном варианте. Он погрузился в чтение при свете фонаря, стоявшего за его спиной. Из названия на обложке он понял, что это

может быть чем-то стоящим, и был заинтригован. «Заточенный в опале». Это распалило воображение.

Вскоре он нашел абзац, из которого родилось название книги. «Это событие дало мне совершенно новое видение мира», прочел он. «Я увидел его как огромный опал, внутри которого стоял я сам. Опал светился матовым блеском, поэтому я смутно осознал существование другого мира за пределами своего собственного». В ритме повествования было определенное очарование, и он продолжал читать, надеясь на большее. Но больше он ничего не нашел. По-видимому дальше история становилась детективным романом с дружелюбным инспектором Ано в главной роли, весело гарцующим по его страницам. Хью начал задаваться вопросом, не закралось ли чего-то лишнего под эту грязную голубую обложку. Такие ошибки иногда встречались в печатных изданиях. Он продолжал скользить глазами по тексту, будучи не в силах уловить суть произведения, ибо мистики в нем было ровно столько же, сколько мяса в яйце.

Потом он открыл книгу с конца, зная, что там обычно находится ключ к разгадке даже самой мистической из всех детективных историй. Хороший детективный роман был как раз тем, чего он хотел в данный момент. Ему нужно было что-то достаточно интригующее, что захватило бы всё его внимание, и достаточно умное, что смогло бы его удержать. Он упрямо нырял в книгу и пробегал глазами по строчкам, проклиная тайну, настолько сильно его захватившую. Вскоре он прочел бы всю книгу целиком, если бы продолжил в том же духе. Снова и снова он приходил в недоумение от мысли, что содержание книги, судя по всему, никак не было связано с ее названием, и почти убедился в справедливости своей гипотезы об ошибке переплетчика, когда вдруг наткнулся на ключ к разгадке и читал, пораженный и полностью поглощенный рассказом, о Черной Мессе, проведенной священником-вероотступником и распутной женщиной. Было в этом нечто такое, что одновременно захватывало внимание и увлекало разум.

Он открыл выцветшую зеленую дверь, услышав звук колокольчика, возвестившего о его визите, и вошел в магазин со своей находкой в руках.

Магазин был погружен во мрак, если не считать света уличного фонаря, пробивавшегося внутрь между рядами книг, выставленных в витрине. Воздух был тяжелым от характерного запаха старых книг, разлитого в нем; но сквозь этот запах слабо пробивался другой; ароматный, терпкий и сладкий. Это не было запахом воскуренных трав; не было запахом церковного ладана; в конце концов, это не было запахом каких-либо благовоний или ароматических свечей. В нем было что-то от всех трех и что-то еще кроме, что-то такое, чего он не мог различить. Запах был очень слабым, таким, как если бы сквозняком от открывшейся двери донесло до него едва различимые волны этого аромата из тех щелей между книгами, где был спрятан предмет, его источавший. Возникнув в темноте магазина также, как он возник в его сознании после прочтения о Черной Мессе с ее зловещими запахами, он поразил его настолько, что вместе с героем А. Е. В. Мэйсона он ощутил, что «скорлупа мира может треснуть и луч света пробьется сквозь нее». На мгновение одержимость последними событиями была сломлена; память о них развеялась, как если бы кто-то стер их влажной губкой с доски и разум его обновился, став восприимчивым и трепещущим в предвкушении того, что вот-вот должен был получить.

Он услышал, как кто-то засуетился во внутреннем помещении и раздался звук чиркнувшей спички. Во-видимому, электрического освещения в магазине не было. Затем на полу возникло смутное теплое сияние, выбивавшееся из-под занавески в дверном проеме между книгами, и в следующий же момент он увидел, как высокий сутулый мужчина в халате или

каком-то подобном просторном одеянии отодвигает ее и выходит в главное помещение магазина. Занавеска позади него быстро вернулась на место и всё вновь погрузилось во мрак.

— Прошу прощения, - раздался голос, - Я зажгу свет. Не ожидал, что кто-нибудь зайдет в этот промозглый вечер.

Чиркнула и разгорелась спичка, и на миг ему почудилось, что перед ним возникла лысая голова стервятника с бахромой седеющих рыжеватых волос; огромный орлиный клюв, казалось, плавно переходил в кадык, выступавший на жилистой шее, выглядывавшей из-под низкого и мятого воротника, в то время как все остальное было скрыто под огромным халатом из верблюжьей шерсти.

— Проклятие! - воскликнул голос, когда спичка внезапно погасла.

Услышав это единственное слово, Пастон понял, что имеет дело с человеком образованным, с джентельменом, с человеком, который не был слишком далек от его собственного мира. Вовсе не так ругались пролетарии, когда обжигали себе пальцы.

Вспыхнула другая спичка, и, тщательно закрывая ее своими большими костлявыми руками, человек в халате вытянулся во весь рост и зажег керасиновую лампу, свисавшую с потолка в центре комнаты. Это было под силу только очень высокому человеку, и владелец книжного магазина, если, конечно, он им был, обладал поистине высоким ростом и был настолько худым, что его широкие одежды висели на нем, как на вешалке; более того, его неподвязанный балахон со свисающим поясом делал его похожим на огромную летучую мышь, висевшую во сне на жилистых крыльях. Но Пастон увидел в этой мимолетной картине больше, чем было ему явлено, также как до этого услышал в одном слове больше, чем было произнесено; его старинная и невзрачная одежда не была дешевыми обносками, это был оригинальный Харрис Твид. Как только вспыхнул свет и глаза его смогли рассмотреть книги, расставленные повсюду вокруг него, он понял, что по двухпенсовой корзине не стоило оценивать ассортимент магазина, поскольку она была заполнена неликвидными отбросами, а книготорговец был, бесспорно, прекрасным специалистом и эрудитом.

Хью протянул ему грязный синий томик.

— Я нашел это в вашей корзине с дешевыми книгами, - сказал он.

Книготорговец уставился на книгу.

— Но как это попало в двухпенсовую корзину? - воскликнул он, как будто бы обращаясь к самой книге.

— Она стоит дороже двух пенсов? - спросил Хью Пастон, забавляясь в душе и гадая, не придется ли ему ругаться из-за лишних медяков, прежде чем книга станет его собственностью.

— Нет, нет, конечно же нет, - ответил книготорговец. - Если она лежала в двухпенсовой корзине, я возьму с вас за нее два пенса. Но по своей воле я не стал бы подвергать ее такому унижению. Я уважаю книги. - Внезапно он поднял голову и пронзил взглядом своего

собеседника. - Я испытываю к ним такие же чувства, какие иные люди испытывают к лошадям.

— Они для вас как жратва и выпивка*? - спросил Пастон, улыбаясь.

— Да, именно так, - ответил книготорговец. - Вам ее завернуть?

— Нет, спасибо, я заберу ее просто так. Кстати, нет ли у вас чего-то еще в таком же духе?

Возникло ощущение, что железные ставни, которые он мог бы опускать перед дверями своего магазина, захлопнулись перед лицом книготорговца.

— Вы имеете в виду что-то еще из книг А. Е. В. Мэйсона?

— Нет, я имею в виду что-то еще о... хмммм... Черной Мессе.

Книготорговец с подозрением посмотрел на своего гостя, не желая быть во что-нибудь втянутым.

— У меня есть «Бездна» Гюисманса на французском.

— Я сейчас не в том состоянии, чтобы читать на французском. Мне нужно что-нибудь легкое. У вас есть перевод?

— Нет, перевода нет, и я не думаю, что когда-либо будет.

— Но почему?

— Британская общественность этого не потерпит.

— Это легкий французский?

— Нет.

— Тогда я боюсь, что вы переоцениваете мои способности. Есть ли у вас что-то еще по этой теме на английском языке?

— Еще ничего не написано.

— Ничего не написано, о чем бы вы слышали, я полагаю?

— Ничего не написано на эту тему.

— Ох, ладно, я думал, что вы знаете. Вот вам ваши два пенса.

— Спасибо. Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Пастон оказался снаружи, на темной улице, шел легкий дождь. У него не было ни малейшего желания возвращаться домой этой ночью, и поскольку порывы шквалистого ветра возвещали о скором усилении дождя, он пытался вспомнить адрес ближайшего отеля, который бы соответствовал его состоянию в данный момент времени. Ибо когда он вышел из книжного магазина, к нему тотчас же вернулось его прежнее настроение; воспоминания, словно призраки, воскресли в сгущавшихся сумерках, и ему срочно захотелось вернуться к ярким огням и другим людям. Но только не к друзьям. Последними, кого ему хотелось бы видеть, были его друзья. Он не хотел, чтобы с ним говорили люди. Он всего лишь хотел, чтобы они сновали вокруг него в ярком свете.

Он и не надеялся поймать такси в этом захудалом районе, но поскольку это был кратчайший путь ко многим приличным местам, в тот же миг из-за поворота показалась машина. Пастон подал знак и такси остановилось у обочины.

Он назвал водителю адрес одного из *крупнейших* железнодорожных отелей и сел в машину. Такси развернулось и *вынесло* его на широкую, прямую и светлую улицу, и он вздохнул с облегчением.

Наконец они подъехали к огромному зданию названного им отеля и он вошел в гостиную и заказал себе виски с содовой, и, закурив сигарету, уселся за книгу; виски с содовой дало ему временное успокоение и его нервы были не так взвинчены в данный момент. Он читал быстро, с нетерпением отслеживая каждый поворот истории о детективах и трупах. Он читал не ради истории. Он читал ради информации. Информации об опале и его пленнике. Информации о Черной Мессе, которая так захватила его воображение и настолько заинтриговала его.

Из своего беглого прочтения он заключил, что Черная Месса была делом весьма грязным; что для ее исполнения требовался священник, отступивший от веры; а также нужна была дама крайне легких нравов. Он не понимал, что именно было сделано; как не понимал он и того, ради достижения каких целей люди пошли на это. Церемония как таковая не слишком его заинтересовала; не будучи человеком верующим, он не был особо оскорблен; во всем этом было для него не больше смысла, чем в представлении Парижского Мьюзик-Холла. Психология этого действия полностью ускользала от него.

Единственным, в чем он действительно был заинтересован, и тем, ради чего он купил эту книгу, был ее заголовок, «Заточенный в опале»; намек на побег — вспышка огня в самом сердце камня — приоткрывающиеся врата жизни.

Ибо он достиг финальной точки своего путешествия прежде, чем дни его были сочтены. Жизнь его зашла в тупик и если перед ним не откроется какая-нибудь дверь, то ему не останется ничего другого, кроме как упасть в пропасть, находящуюся на краю света. Символизм огня, мерцающего в сердце непрозрачного камня, очаровывал его, но насколько он мог судить, тема эта не была раскрыта в ходе сюжета. Писатель уловил отблеск, но потом вновь потерял его из вида. Идея проведения Черной Мессы заинтриговала его, но он не пошел по этому следу. Теперь же он, Хью Пастон, которому был дан этот след, готов был пройти по нему до конца; и он подумал, почему бы ему и вправду не сделать этого? Ему нечего было терять, не перед кем отчитываться. Если он загубит свою жизнь, это будет

только его дело. А что до его души, то он ничего не знал о ее существовании и это заботило его меньше всего. Судьба вернула ему залог и он снова был свободен.

Его захватила идея воспользоваться ключом, которым автор «Заточенного в опале» покрутил перед глазами своих читателей, а потом спрятал снова. Он вспомнил слова книготорговца из магазина подержанных книг о том, что не существовало никаких других книг о Черной Мессе на английском, но была одна на французском, причем очень французском французском, как понял Хью Пастон. Он взглянул на часы. Было начало десятого. Почему бы не вернуться туда и если в магазине будет гореть свет, не достучаться до хозяина и, угостив его выпивкой, не попытаться его разговорить? Он был почти уверен, что этот человек знал что-то о Черных Мессах, иначе зачем бы ему было говорить о них с такой уверенностью в самом начале, а потом закрываться, словно моллюску? Хью Пастон взял пальто и, согрешив против портного, засунул толстую книгу в карман, после чего вышел из отеля.

*отсылка к Диккенсу.

Глава 2.

Ночь была ясной, но несущиеся пред ликом полной луны облака обещали скорое усиление ветра. Хью Пастон поднял воротник пальто и пошел пешком по грязным улицам. Ему казалось неуместным приезжать в узкий проулок на такси, создавая шумиху и привлекая к себе внимание, и придавать предстоящему визиту ту значимость, какой он не хотел ему придавать. Более того, от духоты отеля у него разболелась голова и его внутреннее беспокойство потребовало выхода.

Влажная свежесть порывистого ветра, встречавшего его на перекрестках, была ему приятна; ветер охлаждал его лицо и давал ему нечто, с чем он мог бороться. После яркой оживленности, царившей в отеле, темнота была сущим благословением. Также сильно, как он жаждал света и толпы ранее этим вечером, также сильно теперь он желал темноты и одиночества, и его настроения сменяли друг друга с чрезвычайной скоростью. Сейчас он был капризен, неуравновешен и чрезмерно возбужден — физически и умственно. Он быстро шел по улицам, полный жизненной энергии, которая не могла найти ни цели, ни выхода. Он не знал, чего бы он хотел, а если бы он получил желаемое, то вряд ли бы он этому обрадовался. Его переполняло раздражение. Если бы он сейчас столкнулся с кем-нибудь, то оттолкнул бы его и обругал. Он подозревал, что его возбужденное состояние не продлится долго, и, как это всегда бывало раньше, в течение нескольких минут сменится еще большей тяжестью, и тогда единственным, чего он захочет, будет сесть в такси и отправиться домой. А уже дома, как он знал, снова наступит состояние возбуждения и чрезмерная усталость не даст ему заснуть.

Это был цикл, который повторялся в течение последних нескольких дней, и у него не было причин ожидать каких-либо перемен, за исключением разве что того, что усталость его становилась всё сильнее и фазы становились всё короче и выраженнее, и смена их становилась для него всё более мучительной.

В этой ветренной темноте его осенило, что то, что сломало его, было вовсе не развалом его брака. Это было следствием, но не причиной. Проблема, как он теперь понимал, зрела долгое время. Его весьма позабавило осознание того, что он, человек, одно время изучавший психоаналитическую литературу по настоянию своей жены, чтобы им было о чем говорить за праздничными обедами, поскольку это было модной темой для обсуждения, сейчас переживал нечто вроде дезинтеграции личности.

Не заметив, как он добрался сюда, он оказался у магазина подержанных книг. Несмотря на поздний час, он был освещен точно также, как и когда он ушел. Он нажал на ручку наполовину застекленной двери. Она поддалась и он вошел в магазин, услышав звук колокольчика, возвестившего о его приходе. Он услышал шорох во внутренней комнате, потрепанный саржевый занавес отодвинулся в сторону и перед ним возник книготорговец, морщась от яркого света незатененного фонаря и вопросительно глядя на своего гостя.

На мгновение Хью Пастон забыл, зачем пришел сюда. Он явно съезжал с катушек и это немало пугало его. С титаническими усилиями он собрал себя в кучу и, запинаясь, произнес:

— Вы говорили, что у вас есть другая книга... по этой теме... на французском, как я понял, - и ситуация была спасена.

По крайней мере, он надеялся на это. Во всяком случае, книготорговец принял его за обычного клиента. На его лице не отразилось удивления ни столь странной просьбой, ни столь поздним визитом. Если бы Хью Пастон находился в здравом уме, он бы понял, что полное отсутствие удивления на лице книготорговца свидетельствовало лишь о том, что он мог уже вытащить голову из песка, поскольку перья его хвоста были отлично видны. Хотя конечно же он не мог знать о том, что вскоре после его предыдущего визита грифоголовый книготорговец вышел на свою обычную ежевечернюю прогулку после закрытия магазина и купил привычную ежевечернюю газету, обнаружив в ней фотографию в соответствующем разделе, на которой штатному фотографу посчастливилось ясно запечатлеть одно лицо — лицо главного скорбящего на неких нашумевших похоронах, и, уставившись на него, он пробормотал себе под нос: «Бедняга! Значит, вот почему он хотел чего-то захватывающего и был не в состоянии читать на иностранном языке?».

Книготорговец внимательно посмотрел на своего посетителя, прежде чем ответить.

— Ах, да, - ответил он, наконец, - Роман «Без дна» Гюисманса — та самая книга, о которой вы говорите. У меня она здесь есть. Ваше упоминание о ней подогрело мой интерес, и я сам снова погрузился в ее чтение этим вечером. Я также вспомнил, что был несколько не прав, говоря, что нет никаких других книг на английском о Черной Мессе — стоящих прочтения книг, конечно же. Я не называю книгой чистую сенсацию. Не существует ничего, насколько мне известно, строго по теме Черной Мессы, но есть одна или две интересных книги на близкие темы. «Любовница дьявола», например; или «Король Зерна и Королева Весны». Возможно, вы захотите взглянуть на них. Они есть у меня, поэтому будьте любезны проследовать за мной.

Он откинул потрепанный занавес, висевший в проеме двери между книжными шкапами, и Пастон проследовал за ним во внутреннюю комнату.

Никогда раньше он не был в комнате позади магазина и поэтому был заинтересован. Одна половина мира никогда не знает о том, как живет другая, и он находился на пороге того, чтобы увидеть ту сторону жизни, которая никогда не открывалась ему прежде. Он надеялся, что это отвлечет его от раздумий.

Он оказался в крошечной комнатке, потолок которой был слишком высок для помещения подобного размера. Здесь был газовый рожок, но он не был зажжен, а тот свет, который исходил отсюда ранее, был светом зеленой масляной лампы, стоявшей на маленьком столике позади старинного кожаного кресла подле камина. Благодаря лампе на столе, кресло

окружала аура теплого света; остальная комната была погружена в полумрак, ибо пламя за старомодной каминной решеткой было низким.

Саржевые занавески с потрепанной бахромой небрежно висели на длинном французском окне, находившемся напротив той двери, через которую они вошли, а рядом с ним находилась полуприкрытая дверь, через проем которой был виден угол раковины. Стены до самого потолка были заставлены шкафами с запасами товара. Груды пыльных книг лежали в углах на полу. Маленький кухонный стол, накрытый грубой сине-белой клетчатой скатертью, занимал центр комнаты и был единственной свободной от книг поверхностью в комнате. Деревянный стул стоял рядом с ним, явно указывая на главную функцию стола. Отсутствие здесь второго стула говорило о счастливой жизни книготорговца в одиночестве.

Камин с полкой из белого мрамора представлял собой прекрасный образец кузнечного искусства с высокими металлическими полками по обеим сторонам, на одной из которых стоял, греясь, теплый глиняный чайник, а на другой - тяжелое фарфоровое блюдо с узором в китайском стиле. Чрезвычайно старая и убогая серая козлиная шкура и набор невероятно тяжелых утюгов завершали всю картину.

На противоположной от камина стороне, у кресла с лампой на подлокотнике стоял большой кожаный диван со сломанными пружинами, который был из того же гарнитура, что и кресло, и сидение которого также было завалено книгами. Продавец одним движением руки избавился от них, смахнув их на пол.

- Будьте любезны, присядьте, - сказал он, указывая на сломанные пружины. Хью Пастон сел и понял, что это было куда лучше, чем он ожидал, и что к его огромному удивлению на диване из этого гарнитура сидеть было намного удобнее, нежели на стульях в его собственном доме. Он откинулся назад в его просторные глубины и расслабился.

- Я боюсь, что я отвлекаю вас от ужина, - сказал он.

- Нисколько, - ответил книготорговец, - Я еще даже не начал его готовить. Я только заварил чай. Могу я...эээ..предложить вам чашечку, если вы окажете мне честь? Мне было бы жаль, если бы он остыл.

Хью Пастон принял предложение, не желая ранить его чувств. Он не пил чай даже в лучшие времена своей жизни, а нынешний период был отнюдь не из лучших. Он мог думать только о крепком бренди и о том, не заказать ли ему его потом, когда через несколько часов он вернется в отель, и он чувствовал, что обязательно это сделает.

Книготорговец достал две больших белых чашки с узкими золотыми ободками и странным маленьким золотым цветком на дне каждой из них. Хью вспомнил, что видел похожие в сарае дома своего детства. Ему казалось, что тогда они использовались для разведения гербицидов и инсектицидов. В любом случае, ни один человек из них не пил. В эти вместительные чашки было налито немного молока из бутылки. Потом чем-то наподобие свинцовой ложки был насыпан сахар и затем струйка жидкости цвета роскошного красного дерева потекла из сломанного носика черного чайника.

- Это, - сказал книготорговец, протягивая ему чашку, - напиток настоящих мужчин.

Хью Пастону было несколько странно слышать подобный эпитет в применении к чашке чая, но как только он попробовал его, он понял, что это было оправдано. Он был горячим. Он был крепким. Он был богат танином. И все это вместе мгновенно ударило в голову, словно алкогольный коктейль, и вовсе не было похоже на тот чай, который обычно подавался в гостиниой его жены.

- Боже, - сказал он, - Это прекрасный напиток. Мне кажется, вы спасли мне жизнь.

- Еще чашечку?

- Да, конечно.

Следующая чашка была налита и выпита в дружеском молчании: по одну сторону камина сидел Хью Пастон во фраке, а по другую в запыленном халате сидел старый стервятник. Хью внезапно осознал, что с этим человеком невозможно было соприкоснуться поверхностно, как на Мейфейре. Если кто-то соприкасался с ним, то ему открывался настоящий человек. И он почувствовал, что каким-то непостижимым образом ему удалось соприкоснуться с этим человеком; и что за это человеческое прикосновение что-то в нем цеплялось, словно ребенок.

Глаза старика, глубоко посаженные, сияли яркой голубизной под напоминающими горные хребты надбровными дугами, как у гориллы, и нависающими бровями, которые больше подошли бы на роль усов. Он был гладко выбрит, а его грубая кожа свисала складками, как у ищейки. Рот у него был большим и улыбчивым, словно у верблюда, а губы - тонкими.

С первого взгляда Хью Пастону показалось, что владельцу лавки больше восьмидесяти лет; но на самом деле он был разбитым и одряхлевшим мужчиной шестидесяти пяти лет и выглядел заметно старше из-за халата — одежды, которая обычно ассоциируется с немощностью.

Книготорговец, в свою очередь, смотрел на мужчину, сидевшего напротив, прикидывая, что тому могло быть немного за тридцать, но каким бы ни был его настоящий возраст, он никогда не смог бы уже выглядеть молодо. Он пытался понять, был ли тот на самом деле влюблен в женщину, которая погибла вместе со своим любовником, и решил, что нет. На его лице было то голодное и беспокойное выражение, которого не бывает на лице мужчины, который любил хоть раз в жизни, даже если и пострадал от любви. Это был человек, думал он, который не сумел состояться. Жизнь дала ему все, чего ему хотелось, но ничего из того, в чем он на самом деле нуждался бы. Недостаток духовных витаминов и рахитичная душа были его диагнозами. Книготорговец подумал, что в сидевшем перед ним человеке было слишком много идеализма, чтобы стать алкоголиком, но он, тем не менее, был вполне способен на совершение необдуманных и эксцентричных поступков, если никто не протянет ему твердую руку помощи, и что вероятно он мог бы даже броситься в омут нового брака, лишеного любви, или вступить в разрушительную связь с первой попавшейся женщиной, не испытывая к ней ни единого чувства.

Со своей стороны он искренне презирал Мейфейр со всеми его порядками и делами, и презрение это было самым настоящим, а не старомодной ненавистью к кислому винограду*. Ибо он считал, что среднестатистический житель этого района никогда не будет способен держать голову над водой в конкурентном мире, если к нему не будет привязан плавательный пузырь в виде унаследованных денег. Если бы его вышвырнули в жизнь через ворота муниципальной школы, он бы упал в канаву и остался там навсегда. Таким искренним и

полным было его чувство собственного превосходства, что ему пришлось преодолеть своего рода снобизм, чтобы протянуть дружескую руку человеку, который не являлся архитектором своей собственной судьбы.

Он внимательно разглядывал своего посетителя и наблюдал за тем, как тот успокаивался и расслаблялся, и имея собственный опыт взлетов и падений в жизни, он понимал, что упадок сил не заставит себя долго ждать и вскоре парень почувствует себя скорее мертвым, чем живым. Он гадал, что можно было сделать, чтобы помочь ему пережить этот сложный период.

- Скажите, могу ли я предложить вам поужинать со мной, сэр? Становится поздно, и — я не знаю, конечно, как вы — но я начинаю испытывать голод.

- Да, черт возьми, как только вы упомянули об этом, я почувствовал, что и я тоже проголодался.

Старик скрылся за дверью рядом с французским окном, зажег газовую лампу и Пастон увидел маленькую встроенную кухоньку, тесную, как корабельный камбуз. Хлопанье газа говорило о наличии газовой плиты за дверью, и через несколько мгновений послышалось благородное шипение.

Старик принес вторую тарелку и поставил ее греться рядом с огнем. Тяжелый черный чайник был возвращен на каминную полку.

- Яичница с беконом вас устроит? - поинтересовался он.

- Первоклассно. Лучше и быть не может!

- Два яйца?

- Да, достаточно.

В удивительно короткий промежуток времени книготорговец появился снова с нагруженным оловянным чайным подносом и начал переставлять на стол в центре комнаты разношерстный набор посуды. Все казалось грубым, но начищенным, за исключением ножей из нержавеющей стали, которые уже много лет не видели доски для чистки.

Старик с сомнением посмотрел на них. Затем он подошел к каминной полке и, очистив ее от книг тем же простым способом, каким очистил диван, стал точить об нее ножи, ударяя то одной, то другой их стороной по белой мраморной поверхности, периодически проверяя их края большими пальцами, а затем вернул их на стол.

—Есть одно преимущество в использовании мраморной полки для чистки ножей, - сказал он, - Она помогает экономить обезьянье мыло. Теперь все готово. Вы идете?

Он запустил руку в огромную кучу книг, которая возвышалась в дальнем углу, немного пошарил среди них, встряхнул их так, что они посыпались на пол лавиной, и извлек из-под них второй кухонный стул, который приставил к столу.

Они уселись. Хью Пастон думал о том, что он никогда в своей жизни не нюхал ничего лучше, чем этот бекон, и не видел ничего столь же привлекательного, как хрустящие края поджаренной яичницы, которую книготорговец подал с той же сковороды, на которой ее готовил.

Они принялись за еду. Старик, казалось, не был расположен к беседе, и Хью Пастон, который чувствовал себя так, как если бы не ел целую неделю, тоже не имел никакого желания разговаривать. Они ели в тишине. По окончании трапезы хозяин поставил черный чайник обратно на свое место на полке и наполнил его водой. Затем он со страшным грохотом скинул всю посуду на поднос и отнес все это вместе на кухню.

— Я ненавижу отбросы, - сказал он, оказывая услугу санитарии. Затем он вернулся к пылающему огню и начал наполнять трубку.

*отсылка к басне Эзопа о лисе и винограде

Глава 3.

Хью Пастон дремал над сигаретой, положив ноги на табурет у камина, и чашка крепко заваренного чая стояла перед ним. События последних тяжелых дней, включая его жизнь в браке с Фридой, казалось, уплывали в далекое прошлое и бездна времени поглощала их. Старый книготорговец, глядя на него, понял, что тот явно предпочел бы пойти спать чему угодно другому. Он встал, подошел к окну, отодвинул занавеску, потянув за потрепанную бахрому, и уставился в темноту. Ничего не было видно. Дождь стекал по стеклу длинными полосами. Яростный ветер прорывался сквозь щели в окне и раскачивал кисточку на шнурке незадернутой шторы.

— Зверская ночь, - сказал он, задерживая занавеску и возвращаясь к огню.

Хью Пастон с трудом открыл глаза.

— Который час? Полагаю, мне следовало бы поймать такси?

— Мы засиделись допоздна. Я не знаю, сможете ли вы поймать такси в этом районе. У меня нет телефона и паб на углу уже закрыт. Вам далеко идти?

Хью сказал название отеля.

— Святой боже, как вы там оказались?

— Только Бог и знает. Я нет. Я не мог оставаться дома, поэтому и убрался оттуда.

Ему не пришло в голову, что он даже не представился и не рассказал книготорговцу свою историю, но почему-то он был свято уверен в том, что старик знал о нем все, как это и было на самом деле.

Книготорговец задумчиво посмотрел на него.

— Вам не нужно туда возвращаться. Нет, вы определенно не должны этого делать. Послушайте, сэр, могу я предложить вам кровать на эту ночь? Вы будете желанным

гостем, если захотите остаться.

- Вы чертовски добры ко мне. Да. Я был бы очень рад.

Старик взял лампу и прошел в магазин. В одном углу была узкая деревянная лестница без перил, напоминавшая стремянку. Они поднялись по ней через неровную дыру в полу, как если бы взбирались на сеновал. По-видимому из магазина не было предусмотрено выхода наверх, но его владелец арендовал также маленькую квартирку над ним и решил проблему необходимости уходить туда на ночь в столь простой и элегантной манере. Хью Пастон гадал, знал ли об этом арендодатель и не возражал ли он против того, что его пол был распилен столь бессовестным образом.

Оглядевшись, он увидел, что все здесь было покрыто толстым слоем серой пыли, на которой отпечатались широкие следы квартиросъемщика; там, куда ему не нужно было ходить, пыль лежала нетронутой. Хью задумался, не поспешил ли он принять приглашение на ночлег.

Они поднялись еще на один пролет. Кусок старого выцветшего войлока лежал на полу, но его, похоже, все-таки вытряхивали через окно время от времени. Низко висевшая газовая горелка в виде рыбьего хвоста слабо освещала комнату. Сквозь открытую дверь он увидел край высокой, старомодной ванной, сильно нуждавшейся в покраске.

Хозяин открыл дверь соседиству с ванной комнатой, вошел и поставил лампу на комод.

- Располагайтесь, - сказал он. - Никаких жуков. Я гарантирую это. Впрочем, это единственное, что я могу гарантировать.

Хью подумал про себя, что, учитывая состояние лестницы, он был рад получить хотя бы такие гарантии. Хозяин исчез, чтобы через минуту вернуться с выцветшей старой фланелевой пижамой, у которой не было пуговиц и которая к тому же была дырявой.

- Возьмите, пожалуйста, - сказал он, - Извиняюсь за то, что она без пуговиц, однако их роль выполняет пояс, а это главное.

Оставшись в одиночестве, Хью Пастон осмотрел свою каморку. Кровать была с неким подобием балдахина — с двух высоких опор, стоящих позади нее, косо свисал навес, угрожая упасть и в любой момент ударить спящего по голове. Занавески из выцветшего красного штофа свисали с него, как того требовала негигиеничная мода предыдущего века. Хью переоделся в дырявую пижаму и лег в кровать, на которой лежал толстый старый перьевой матрас, полдюжины полинявших одеял и выцветшее лоскутное покрывало. Хью никогда не спал на перине прежде и ему было интересно попробовать. Он опустил занавески, услышав зловещный скрип навеса над головой, и засунул их под матрас, чтобы спастись от сквозняка, исходившего от окна, в которое с воем бил ветер. Где-то совсем близко, предположительно с крыши, раздался отчаянный кошачий вопль. Это было последнее, что помнил Хью Пастон.

Когда он проснулся, было уже светло и его хозяин, все еще одетый в старый халат, из-под которого теперь виднелась пижама, стоял, глядя на него с огромной кружкой в руках.

- Я принес вам чай. Здесь есть банка с горячей водой, спрятанная под ковром. Если вам нужна ванна, вам придется сходить в местную прачечную. Моя ванна разбита. Я провалился в нее прошлым летом. В любом случае, здесь негде нагревать воду. Вставайте, когда захотите. Торопитесь некуда. Я оставлю бритву на каминной полке.

Он помахал рукой и вышел.

Завтрак был одним из самых вкусных, думал Хью, что он ел за всю свою жизнь. Стоявший на каминной полке чайник был по-настоящему горячим, а они делали тосты на вилках, держа их над пылающими углями. Ему не хватало только такого же халата, как у старого книготорговца, и пары ковровых тапочек, чтобы завершить эту идеальную картину.

Они спокойно курили, делясь друг с другом газетой, когда вошла пожилая домработница.

- Что на счет еды? - спросила она.
- Сосиски с пюре, я думаю, на ланч. На ужин как обычно, а на воскресный обед пудинг с говядиной. Вас это устроит, мистер Пастон?

Хью внезапно проснулся.

- Боже правый, вы собираетесь продержаться здесь все выходные?
- Вы можете остаться, если пожелаете. Вы мне не мешаете. Сдается мне, вы не очень-то хотите провести выходные дома.
- Господи, нет, я думаю, что я не хотел бы быть там, равно как и в этом проклятом отеле. Я бесконечно вам благодарен.

Книготорговец хмыкнул.

Старая леди, хмыкнув, взяла огромную сумку из черной американской ткани, и отправилась закупаться на уик-энд.

Как только за ней закрылась дверь, Хью Пастон повернулся к хозяину.

- Я хотел спросить, почему вы делаете все это для меня?

Старик нахмурился.

- Т.Г.И*, - произнес он.

Пастон засмеялся.

- Ну ему-то, конечно, известно, только я не в его власти. Вы слышали мою историю, верно?
- Я узнал о произошедшем из газет и догадался об остальном.
- Больше ничего и не было. Газеты описали все как есть.

Старик не ответил.

- Ну, в любом случае я вам чрезмерно благодарен. Одному богу известно, что бы я с собой сделал, если бы провел ночь в одиночестве в этом отеле.
- Вероятнее всего, вы бы провели ее не один, - ответил книготорговец с легкой улыбкой.

- Скорее всего, так и было бы. После стольких ужасных часов это было бы единственным доступным мне утешением. Вот тебе и Дора, упокой господи ее душу.

Книготорговец поднялся.

- Я должен заняться работой, - сказал он. - Чувствуйте себя, как дома. Здесь есть много книг, которые стоило бы прочитать. Не давайте огню погаснуть.

Он исчез за занавеской.

Предоставленный самому себе, Хью Пастон закинул ноги на диван и закурил. Необычайно комфортные апартаменты, подумал он. Общая убогость и обветшалость не имели значения. У старого книготорговца было все для создания настоящего комфорта. Среди грязных подушек лежала книга, которая стала официальной причиной его возвращения в магазин прошлым вечером. Он выудил ее и стал перелистывать страницы.

Умело пропуская строчки, он продирался сквозь дебри романа. Синяя Борода совершенно его не интересовал, также как и бессмысленная любовная история во французском стиле; он пытался угнаться за каноником Докром, *«ужасающим каноником»*, и находил его таким же неуловимым, как и Дюрталь. Однако в конечном итоге ему удалось настичь его и он сидел, посмеиваясь, над страницами, где тот проводил Черную мессу в ризе с козлами, чулках и подвязках на голое тело. Он не видел в этом ничего ужасающего. Более того, это казалось ему смешным.

К тому моменту старый книготорговец уже закончил со своими хлопотами и вернулся в комнату позади магазина. Поскольку с почтовыми заказами он разобрался, то теперь ему было решительно нечего делать весь оставшийся день, кроме как празднично сидеть и ждать случайных покупателей, а поскольку погода была отвратительной, казалось маловероятным, что они придут.

- Я тут подумал, Джелкс, - сказал Хью Пастон, - Нельзя ли нам сделать что-нибудь с диваном? Я медленно в него проваливаюсь.
- Конечно, мой дорогой друг, почему вы не сказали об этом раньше? Вы всегда можете попросить обо всем, что вам нужно, пока вы здесь. Я буду рад вам помочь.

И он упал ниц на коврик у камина к ногам перепуганного Пастона, который решил, что Черная Месса теперь началась всерьез.

К счастью, он ошибся. Старый книготорговец всего лишь решил заглянуть под диван.

- Ах, вот оно что, - сказал он, - Я понял, что не так. Пружины выпадают.

Лежа там, он протянул руку и подтянул к себе несколько книг, разбросанных по полу, и начал складывать их в стопку под диваном.

- Это, - сказал он, поднимаясь и отряхивая колени, - лучшее применение, которое я могу придумать современным романам.

*G.O.K, God Only Knows в оригинале - только господу известно

Глава 4.

В тот же миг, как Пастон приготовился сесть на вновь отремонтированный диван, раздался громкий стук в дверь.

— Это миссис Халл, - сказал продавец и вышел встретить домработницу, которая влетела в магазин, словно корабль на всех парусах, и была с ног до головы обвешена покупками, главным образом завернутыми в газетные листы. Старый книготорговец дал ей несколько случайных серебряных монет из кармана брюк, не удосужившись даже пересчитать их, и она уплыла снова.

Он швырнул набитую покупками черную клеенчатую сумку на стол и из нее начало вываливаться всё, что только можно было себе вообразить, включая мышеловку и пару подтяжек.

— Достоянная абсолютного доверия, - сказал он, - И невероятно удобная для меня. Именно такая женщина нужна этому месту. Никакой изюминки. Выполняет свою работу и, закончив, убирается вон.

Книготорговец начал разбираться с обедом. Он вытащил фунт бледных свиных сосисок, просвечивающих сквозь мокрые куски жиронепроницаемой бумаги, словно тело пляжной красавицы сквозь купальный костюм. Затем он достал большую порцию картофельного пюре в миске, которое оставалось только разогреть — очевидно, оно было куплено в соседней закусочной. Какой простой способ жить, подумал Хью Пастон со вздохом зависти. И какой эффективный!

Он вспомнил обо всех приготовлениях к обеду, которые всегда считал необходимыми, и о том, что не смотря на все эти приготовления, конечный результат далеко не всегда оправдывал его ожидания. Что ему было абсолютно ясно, так это то, что ничего из приготовленного на его кухне никогда не было столь же вкусным, как еда, поданная прямо со сковородки старого Джелкса.

Он прислонился к косяку двери, ведущей в маленькую кухню, и наблюдал за тем, как старик расправляется с готовкой. Сковорода казалась ему пляжем, на котором постепенно набирали румянец бледно-розовые сосиски.

— Вы будете есть их целыми или мне их проткнуть*? - внезапно спросил Джелкс, помахивая вилкой для тостов над сковородой.

Пастон, застигнутый врасплох, без раздумий выпалил:

— Ну, я знаю, что сейчас не в моде большая грудь, но лично я предпочитаю размер чуть больше среднего. Это кажется мне более женственным.

Старый книготорговец посмотрел на него с недоумением; но прежде чем он успел спросить его о значении этого загадочного заявления, сосиски решили проблему самостоятельно, начав лопаться одна за другой.

- Ах, вон как, - философски заметил он, - Вам придется принять их такими, какие они есть. Теперь они все проткнуты.

Он вытряхнул их из сковороды, взял белую китайскую миску с картофельным пюре, и держа ее в вытянутой руке, хлопнул по дну миски, ловко увернувшись от горячего жира, который брызнул со сковороды в тот момент, когда в нее плюхнулся картофель. Хью Пастон, стоя с сигаретой в зубах, беззвучно рассмеялся. Он подумал о своем дворцеком. Он подумал о своем поваре. Он подумал об официантах модных ресторанов. Он гадал, что подумали бы о нем его друзья. Он гадал, что он сам мог бы думать о себе теперь. Очевидно, переодеться к обеду в этом заведении означало надеть халат, предварительно сняв воротничок.

Внезапно он осознал, что старый книготорговец был ему ближе, чем кто-либо другой из тех, кого он встречал в своей жизни. Повзрослев, он стал человеком, легким в общении, однако в душе все равно оставался глубоко замкнутым. За его показным дружелюбием скрывались повышенная ранимость и боязнь приносить свое сердце туда, где его могли склевать. Он спасался от этого только тем, что отказывался заглядывать внутрь себя самого; тем, что заставлял себя жить на поверхности; тем, что пытался превратить себя в того человека, каким он всегда хотел казаться. Интересно, думал он, сколько еще людей поступало также? Он часто поражался той тоске, которая отражалась на лицах жителей Мейфейра. Лицо старого книготорговца, хоть жизнь его изрядно потрепала и закалила, всегда было радостным.

Он понял, что ему положительно нравится этот старикан. Какой же драгоценной старой птицей он был! Он чувствовал, что из-под соломенной крыши усов ярко-голубые глаза продавца заглядывали в его душу настолько глубоко, насколько сам он никогда не смог бы заглянуть. Он чувствовал себя так, как чувствует себя больной, попавший в руки хорошего доктора. Он удивлялся тому, что старик, который был человеком из другого поколения, так спокойно воспринял его заявление о сосисках. Он что, воспитывался на Фрейде? Такая бестактность любым другим пожилым представителем среднего класса могла бы быть воспринята также, как если бы он уронил ему на ногу полтора кирпича.

Его медитацию прервал большой черный жестяной поднос, который сунули ему в руки. Старик составил на него обед и Хью Пастон потащил тяжелый груз в гостиную. Не дожидаясь, когда его об этом попросят, он залил воду в большой черный чайник и поставил его на полку у камина, чтобы заварить их извечный чай. Его отполированная до блеска внешняя оболочка раскололась и была содрана с него, словно скорлупа с жареного каштана, и вместе с ней исчезли его напряжение и растерянность. Он понял, что старый продавец со своим чайным подносом и сковородкой, со сломанным диваном и перекошенной кроватью с периной восстановил его душевное равновесие и бережно сопроводил его через кризис. Как он это сделал, он не имел ни малейшего понятия. Он понимал только то, что живая человеческая рука легла на его плечо посреди жестокого, яркого и бездушного Мейфейра, и что прикосновение этой руки каким-то необычайным образом восстановило его доверие к жизни, как если бы он был плачущим в темноте ребенком.

Книготорговец ел быстро и никогда не разговаривал за едой. Обед завершился куском пирога с изюмом вместо пудинга; они заварили чай и, не смотря на желание Пастона поболтать, старый книготорговец сунул ему в руки две грязных книги и заявил:

— Развлеките себя этим. У меня в это время дневной сон.

Следуя своим словам, он откинулся на спинку стула, открыл рот и мгновенно заснул. Хью Пастон, который не умел проваливаться в сон также быстро, стал рассматривать книги, которые были ему даны.

Это были те самые книги, которые книготорговец рекомендовал ему раньше: «Любовница Дьявола» Броуди-Иннеса, который был «присяжным стряпчим», что бы это ни значило, и «Король Зерна и Королева Весны» Наоми Митчисон, описывающая историю древней Спарты. Он смутно припоминал, что Наоми Митчисон была дочерью профессора греческого языка или какой-то другой классической дисциплины, так что она вполне могла располагать достоверной информацией и при условии, что она не слишком грубо оперировала фактами, написать действительно стоящую прочтения книгу. Ему было непонятно, почему именно это старый Джелкс порекомендовал как полезное приложение к роману Гюисманса.

Сперва он открыл книгу Митчисон и прочитал вступительную главу, повествующую о колдовстве скифской ведьмы.

— В этом, - сказал он самому себе, - нет ничего необычного, это банальный гипноз.

Он кое-что узнал о магии туземцев, когда ездил в экспедицию по охоте на дичь, и знал об огромной силе воздействия самовнушения на разум примитивных людей. Единственное отличие книжной истории от реальности заключалось в том, что в книге сила была чем-то, что использовали на расстоянии, без прямого воздействия на жертву, а от этого, как он понимал, как раз и зависел конечный результат. Индуцированное самовнушение — так, он слышал, называл гипноз один известный врач, который на всех званных обедах говорил исключительно о себе и своей работе в качестве рекламы своих услуг.

Он вспомнил о тех случаях, которые видел своими глазами, ведь увидеть — значит, поверить; и он вспомнил также о серии похожих случаев, описанных в ежемесячном журнале «Ворлд Вайд» - издании, претендовавшем на публикацию исключительно правдивых историй и проверявшим каждую из них ради сохранения своей репутации.

Это было странно, очень странно - обнаружить сходство между магией современной Африки и древней Скифии. Он был почти уверен в том, что информация в книге была правдивой; к тому же он своими глазами наблюдал подобные вещи в Африке; и даже если глаза его обманывали его, были еще статьи в журнале «Ворлд Вайд», описывающие похожие события, рассказы о которых приходили со всех концов земного шара. Все и сразу заблуждаться не могли.

Как и все жители Мейфейра, которым часто приходилось поддерживать светские беседы за столом, он был мастером в игнорировании лишней информации и прочитывал в книге только самую суть, как это делают литературные обозреватели. Сейчас, правда, он наткнулся на то, что приковало к себе все его внимание, и читал, не отрываясь, рассказ о ритуалах весенней вспашки. Наоми Митчисон была достаточно благоразумной женщиной; она оставила на откуп воображению даже больше, чем Гюисманс; какая-нибудь старая дева, читающая ее книгу, возможно, не заметила бы в ней совершенно ничего странного. Хью Пастон, однако, нашел в ней то, что обогатило его познания о человеческой природе. Он знал, что по этому поводу говорили Хэвлок Эллис, Крафт-Эбинг и Август Форель, но он никогда раньше не встречал упоминаний чего-либо похожего на описанное в этой книге. Журнал «Ворлд Вайд», публикующий истории о магии туземцев, тоже не писал ни о чем подобном. Они отлично знали свою публику — британскую публику.

Темная, уютная комната исчезла сразу же, как только в его воображении возник образ обнаженной женщины, лежавшей в центре огромного поля и наблюдавшей за тем, как маленькие, весенние, белоснежные облака кружат в небе над ней, и пока она наслаждалась прикосновениями холодного ветра и весеннего солнца к своему обнаженному телу, снежно-белый бык медленно подтягивал примитивный плуг все ближе и ближе к ней.

Он продолжил чтение; но поскольку судьба королевского дома Спарты интересовала его меньше всего на свете, он отложил книгу в сторону и принялся за другую. Это была история совершенно другого калибра, основанная на отчетах о сжигании ведьм, публиковавшихся в городских газетах Шотландии, и так как автор этой книги был «присяжным стряпчим», что звучало весьма впечатляюще, он решил, что и этот рассказ также мог быть основан на реальных событиях.

Старое заклинание «Лошадь, шляпа, по коням и прочь» восхитило его, в нем чувствовался аутентичный ритм. Он смеялся над описанием того, как привлекательная и энергичная Исабель Гауди кладет метлу в кровать к своему глупому и скучному супругу, а сама сбегает на шабаш ведьм, проходящий на старом церковном кладбище, чтобы наслаждаться ласками Дьявола, который, как выяснилось впоследствии, был земным мужчиной и скорее всего очень мужественным мужчиной, если ведьмы поверили ему; и поскольку они рассказывали свои истории под пытками, то было вполне вероятно, что они говорили правду.

Ему было интересно, что заставило благопристойных и рассудительных шотландских жен и горничных надеть каблуки и пойти по такому пути, как этот. Он мог понять желание устроить нечто вроде кутежа до самого утра, но почему же тогда они так обожали Дьявола? Зачем в это нужно было вмешивать религию?

Его рассмешила мысль о том, что какой-то уважаемый бюргер сыграл роль Дьявола, обвешав себя коровьими рогами — два рога были на голове, а один он держал в руках. Какой модный, подумал он, и хорошо организованный ковен мог бы получиться из жителей Мейфейра! От этой мысли он рассмеялся так громко, что разбудил старого Джелкса, который резко, словно птица, вскинул голову, и поинтересовался причиной его веселья.

Пастон рассказал ему.

- Хью, - ответил Джелкс. - Вы так и вовсе предпочитаете сосиски.

И Хью Пастон засмеялся еще громче.

Старик много думал во время своего формального сон-часа. Он вытащил Хью Пастона на берег во время шторма и было бы не правильно теперь стоять и смотреть на то, как глубокие темные воды затягивают его обратно. Но что ему было делать с этим парнем? Оставить его у себя еще на некоторое время было бы ошибкой. Пастон принадлежал к другому миру. Он вполне мог бы наслаждаться таким пикником в течение одной или двух ночей, отдыхая на кровати с периной в заведении, где нет даже ванной комнаты, но долго он так не протянет. Нет, Хью Пастон должен в понедельник вернуться туда, откуда пришел.

Но что будет с ним потом? С этим парнем происходило что-то в корне неправильное. Это началось намного раньше отступничества его жены. Ее измена стала только следствием распада его личности, но не была причиной этого. Интересно, какую внутреннюю драму он пережил? Вероятно, истинный смысл его жизни был скрыт от него сейчас даже больше, чем

от старого книготорговца. Бушевавшие внутри него мощные подводные течения делали беспокойной поверхность его водной глади, и хозяин этих течений был последним человеком, который знал о том, что они собой представляют.

Они заварили чай. Хью Пастон попытался сосчитать количество чашек, которые они уже выпили в этот день, но потерпел неудачу. Шторм возобновился и бил в окна, служившие надежной защитой от непогоды; его сигарета, трубка Джелкса и полыхавший в камине огонь объединились друг с другом, чтобы создать здесь атмосферу праздного безделья, в которой душа освобождалась от оков и взлетала в причудливые выси, в то время как тело расслаблялось, будучи лишенным сил двигаться.

Когда огонь стал слишком низким для того, чтобы греться возле него, они принялись за сливовый пирог, который подавался у Джелкса как перекус между приемами пищи, заменяя собой сладости. Поскольку пирог застревал в зубах, разговор был невозможен до тех пор, пока он не будет съеден.

Сейчас, однако, они закончили с трапезой и Джелкс навел порядок. Неаккуратный по своей природе, он никогда не позволял остаткам еды валяться где попало и скидывал их в кучу на кухне, чтобы там они дожидались следующего утра, когда ими займется миссис Халл, которая проводила одну большую уборку каждые двадцать четыре часа — не приходилось сомневаться, что именно эта практика стала причиной покупки мышеловки.

— Ну, - сказал старый книготорговец, возвращаясь к огню, как только была отдана дань Клоацине**. - Вы уже прочли эти книги, так ведь? И что вы из них вынесли?

— В них нет ничего о Черных Мессах, насколько я понял.

— Нет, и я говорил вам об этом. Но в них можно найти весьма любопытную информацию, если вы умеете читать между строк. Писатели часто вкладывают в свои романы то, о чем не посмели бы рассказать в официальных документах, где нужно расставлять все точки над И и палочки над Т.

— Вы же не хотите сказать, что люди проводили Черные Мессы в Древней Греции или в кальвинистской Шотландии? Они же не знали, как это делается.

— Нет, конечно, и они бы и не узнали этого, если бы Гюисманс не приоткрыл завесу тайны. Для этого дела нужен первоклассный священник.

— Но почему?

— Потому что никто больше не знает, как это делается.

— Но ведь книгу с нужными словами можно достать где угодно. Ведь все это есть в молитвословах.

— Для этого требуется намного больше, чем знание слов. Знаете ли вы о том, что священнику требуется целый год после посвящения в сан, чтобы научиться служить Мессу?

— Откуда вы это знаете?

— Потому что я сам чуть не стал одним из них.

— Черт побери!

— Да, я обучался у иезуитов.

— Чего же вы испугались? Что не сможете управлять своей судьбой?

— Я смог бы прекрасно управлять своей судьбой, но я не смог бы быть достаточно смиренным.

Пастон взглянул на морщинистого старого стервятника и решил, что его словам можно доверять.

— И вы бы смогли провести Черную Мессу, если бы вам этого захотелось?

— Если бы я захотел, то конечно смог бы, для этого у меня достаточно знаний. Но я не хочу.

— То есть вы были должным образом посвящены?

— Нет, я не зашел настолько далеко. Но никто не может жить так близко к тайнам, как я жил в семинарии, и ничего не узнать — если, конечно, держать глаза открытыми. Я видел больше, чем учил, но понял это намного позже.

— Что вы думаете о иезуитах, если этот вопрос не покажется вам бестактным?

— Я думаю, что они самые тренированные люди в мире — и самые опасные, если вы окажетесь не на их стороне. Я думаю, что они совершают некоторые фундаментальные ошибки, но я уважаю их. Они многому меня научили.

— Чему же они вас учили?

— Они учили меня силе тренированного разума.

— И это именно то, что придает силу словам Мессы?

— Да, именно это, и плюс огромная сила самой Церкви, способной вернуть обратно вложенную энергию. Вот почему от Римской Католической Мессы исходит такая энергия, какой не ощутить от англо-католической. А. Ц.*** не знает, как правильно тренировать своих людей.

— То есть это не вопрос теологии?

— Нет, это вопрос психологии — по крайней мере, так думаю я, хотя по мнению всех церковных авторитетов это ересь.

— И именно поэтому для проведения Черной Мессы требуется священник-вероотступник? Потому что это тренированный человек?

— Именно так. Он знает, как вложить силу в этот обряд.

— Послушайте, Джелкс, а не проведете ли вы Черную Мессу для меня, ради разнообразия?

— Нет же, чертов вы придурок, я не буду этого делать, это слишком опасно.

— Но вы только что сказали, что всё это только психология.

— Может быть, но подумали ли вы о том, что именно вы этим всколыхнете?

— Всколыхну где?

— В самом себе.

— Что я всколыхну в самом себе?..

— Ну, подумайте; поразмыслите над этим.

— Не уверен, что я могу подумать об этом. Мне не хватает информации.

— У вас будет ее предостаточно, если вы сможете ее правильно использовать.

— Ну, я могу понять, что представляет собой Черная Месса, описанная А. Е. В. Мэйсоном, когда злодей заставляет подтянутую обнаженную красотку служить ему в качестве алтаря и проводит ритуал на ее животе. Ясно, почему это становится своего рода встряской, однако я знаю десятки других, куда более прекрасных способов получения таких же эмоций. Чего я не могу понять, так это почему приятели каноника Докра, когда он просто сделал все наоборот и перевернул все с ног на голову, попадали на пол в припадке и искусили друг друга. Мне он показался просто смешным, он и эти его козлы.

— Вам бы не было смешно, если бы вы были ревностным католиком.

— Нет, конечно. Я полагаю, что это было бы осквернением всего того, что было бы для меня свято. А поскольку нет ничего, что я почитал бы как святыню, то Черная Месса, описанная Гюисмансом, не может меня шокировать. И раз даже в ней нет ничего шокирующего, то я сомневаюсь, что меня может шокировать обряд, описанный Мейсоном. Так что же мне теперь, отказаться от этой бесполезной затеи и смириться с жизнью, в которой не будет никаких сильных эмоций?

— Я этого не говорил.

— Послушайте, Т. Джелкс, прекратите. Зачем вы размахиваете морковкой перед носом осла и заставляете его иакать, видя ее перед собой, если как только он пытается дотянуться до нее своей мордой, вы ее тут же убираете?

— Так чего же вы хотите в конечном итоге?

— О, будь оно все проклято. Я не знаю, чего я хочу. Но чего-то мне определенно хочется, это факт. Вы знаете, чего я хочу, черт возьми, и намного лучше, чем я сам!

— Вы «жаждете горизонта, за которым скрываются странные пути****»??

— Нет, - ответил Пастон, внезапно задумавшись. - И в этом, как я полагаю, заключается моя главная проблема. В моей жизни нет никаких путей, тем более странных. Было бы лучше, если бы я начал хотя бы поклоняться дьяволу; да вот только вы мне не позволите, несговорчивая вы старая кляча.

Джелкс растянул губы в своей верблюжьей улыбке.

— Мы можем организовать для вас что-нибудь получше, чем поклонение дьяволу, - сказал он.

— Кто это мы? - быстро спросил Пастон, уцепившись за множественное число.

Книготорговец махнул рукой.

— Я использовал множественное число в общем смысле, - сказал он беспечно.

— Боюсь, что я не знаю, что вы имели в виду, - сказал Пастон.

— Я тоже, - ответил Джелкс, - Но прозвучало это интересно.

— О, да говорите же уже все, как есть, очистите свою совесть!

— А почему я должен ее очищать? Я предпочитаю комфортную грязь, как вы могли заметить.

— Вы мучительное испытание для меня, Т. Джелкс. Налейте же мне еще чая, чтобы успокоить мою уставшую душу.

— Но вы все еще не сказали мне, что вы думаете об этих книгах?

— Я сказал вам, что я думаю о «Любовнице Дьявола» и вы посмеялись надо мной. Я вам больше ничего не расскажу.

— Вы итак сказали мне достаточно.

— Я рассказал вам слишком много, чертов вы старый психоаналитик, я уйду домой.

Джелкс издал булькающий звук.

— Итак, вы обнаружили, что эти фантастические рассказы проникают в самую суть человеческого естества?

— Да, Джелкс.

— И они отзываются вам в вашем состоянии?

— Да, будьте вы прокляты, отзываются.

— Почему это происходит?

— Я не имею ни малейшего представления о том, почему это происходит, но они действительно отзываются и делают это самым странным образом. Джелкс, они оживляют. Эти знания живые. В них есть сила.

— Итак, вы сказали, что эти книги проникают в самую суть человеческого естества и очень отзываются вам в вашем состоянии. Теперь скажите мне, что же в них так привлекает вас?

— Запах серы, я думаю, если вы конечно хотите услышать правду.

— Ну, сын мой, в наше время цивилизованным мужчинам — да и женщинам, кстати, тоже, - сера нужна не меньше, чем лошадям соль.

— И именно это заставило Исабель Гауди и остальных танцевать с дьяволом на церковном кладбище?

— Да, именно так. По тем же причинам вакханки отправлялись танцевать с Дионисом в горах и рвать оленей в ключья.

— Вы читали «Вакханок», Ти Джей?

— Да.

— Вы знаете, я всегда удивлялся, почему такой человек, как Эврипид, так презирает бедного старого Пенфея. В конце концов, тот просто был против того, чтобы все уважаемые женщины его королевства уходили кутить, и на его месте так думал бы любой добропорядочный гражданин. Я полагаю, что объяснение их поведению кроется в привкусе серы на языке, не так ли?

— Да, вы правы. И Эврипиду, который был посвященным, это было известно; и именно поэтому он пытался рассказать об этом своим согражданам. Он знал, что не хлебом единым жив человек. Ему также необходима щепотка серы периодически.

— Да, с психологической точки зрения это так. И это было в порядке вещей для греков, которые ко многому относились достаточно спокойно; но если я пойду в счастливый Хэмпстед и, сняв с себя одежду, разорву в ключья баранью ногу, у меня будут проблемы с полицией.

— Да, - ответил книготорговец, задумчиво глядя в огонь, - Боюсь, что такие проблемы будут.

— Получается, что Черная Месса это действие такого же порядка, Ти Джей? Способ порвать со всеми условностями?

— Да, именно так. Это то, чем она является по своей сути; это реакция, сын мой, реакция на передозировку праведной Мессой.

— А разве это может вызвать передозировку?

— От любого лекарства, если оно достаточно сильное, может случиться передозировка. Вы приняли слишком много живительной соли и вы видите, как вы себя чувствуете.

— Ти Джей, вы ужасный старый язычник.

— Я счастливый старый язычник, мой дорогой, и благодарен Господу за это.

— Я тоже язычник, Ти Джей, но я не счастлив.

— Когда вы были счастливы в последний раз, Хью?

— Странно, что теперь и вы задаете мне этот вопрос, потому что его я часто задаю себе сам. Вряд ли я смогу вспомнить. У меня было чертовски мало счастливых моментов в жизни, и тем не менее, мне кажется, что у меня было все, о чем только можно было мечтать. Я всегда старался делать все от меня зависящее и относиться ко всему философски, но проблема, вероятно, заключается в том, что мне никогда не приходилось напрягаться. Я не знаю, испытывал ли я счастье хоть раз с тех пор, как закончил школу — разве что только вполсилы.

— Но вы притворялись, что счастливы?

— Да, мне приходилось. Но потом мне это так надоело, что я перестал. Единственное, от чего я получаю удовольствие в последние годы, так это от отстрела дичи. Возможно, я бы получал удовольствие еще и от полетов, если бы у меня не было этой чертовой воздушной болезни.

— Так вам нравится чувство опасности?

— Да, это так. Это дает мне необходимую встряску и заставляет почувствовать себя живым.

— А в другое время вы не чувствуете себя живым?

— Нет, не чувствую, или наоборот мне начинает казаться, что я слишком живой и тогда я не знаю, куда себя деть.

— Был ли ваш брак счастливым до этой трагедии?

— Да, Ти Джей, был. Фрида была прекрасной женой. Я не имел к ней претензий до начала расследования.

— И все же вы не производите впечатление человека, который был бы по-настоящему влюблен в нее.

— Ну, я и был, и не был в нее влюблен. Я был верен ей и у нас все было неплохо. Мы никогда не сказали друг другу ни одного грубого слова. Мне казалось, что она была всем довольна. И все же наш брак, похоже, не удовлетворял ее, иначе бы она не пошла налево, ведь так?

— А вы когда-нибудь ходили налево сами?

— Не знаю, поверите ли вы мне, Ти Джей, но я не слишком преуспел в этом. Конечно, в том кругу, в котором я вращаюсь, никто не осудил бы меня за это; но я был воспитан старой шотландской няней-кальвинисткой, которая сделала меня тем, кто я есть, и мне всегда было сложно заставить себя сойти с привычных рельсов, и если даже я это делал, это не приносило мне никакого удовольствия.

— Еще Игнатий Лойола говорил: «дайте мне ребенка до семи лет и потом делайте с ним, что хотите».

— В первые дни после заключения брака я испытывал сильный стресс; я полагаю, что эти ощущения знакомы каждому человеку также, как каждой собаке знакома чума. Тогда я сбежал в Париж и там мой старый приятель отвел меня к первоклассной парижской кокотке. Сдается мне, что вы могли бы это назвать моей личной Черной Мессой. Однако эта девушка не оправдала моих ожиданий. Я испытывал с ней те же ощущения, что и с Фридой — мне казалось, что ее вообще не было рядом в этот момент. Такое же чувство испытываешь, когда снимаешь телефонную трубку, а на линии тишина. После этого случая я завязал с этим делом и остепенился. Я решил, что раз я получил лучшее из того, на что можно было рассчитывать, то и холодность эту стоило принять как должное.

— Ну, сынок, не стоило ожидать, что настоящий профессионал отдаст тебе всего себя. Ты заплатил за тело и ты получил тело, но разумеется *женщина* была далеко, и поэтому на линии было тихо.

— Но тогда почему с Фридой все было точно также?

— Почему так было с Фридой? Может быть, она вышла замуж против своей воли или вы увели ее у кого-то другого?

Хью Пастон сидел, уставившись в огонь, с погасшей сигаретой в зубах. Наконец, он вытащил ее и ответил:

— Ти Джей, вы сейчас задали вопрос, ответ на который я пытаюсь найти с самого начала расследования. Знаете ли вы, кто познакомил меня с Фридой, и, можно сказать, сам устроил эту свадьбу?

— Нет, и кто же это был?

— Ее кузен, Тревор Уилмотт - тот парень, с которым она впоследствии встречалась.

Брови Джелкса поползли на лоб от удивления.

— Что вы говорите! Так что же это была за игра такая?

— Я не знаю. Мне никогда не приходило в голову, что это всего лишь игра. Тревор был моим близким другом в колледже и когда мы его закончили, то оба находились в крайне печальном положении; он не мог найти работу, а мне не оставалось ничего другого, кроме как тратить деньги налево и направо, поэтому мы отправились вместе в экспедицию.

— И вы заплатили за это удовольствие?

— Да, я заплатил за всё. У Тревора не было ни гроша, но для меня деньги ничего не значили. Он не был ничего мне должен. Мне ничего не стоило ему помочь.

— И что было дальше?

— Ну, дальше кузина Тревора присоединилась к нам на корабле в Марселе. Я возвращался из такой глуши, где о женщинах даже не слышали, поэтому был очарован ей и, видимо, не смог этого скрыть. В любом случае, старина Тревор что-то почуял и поспешил сыграть роль свата, поэтому в следующий же момент он потащил меня в дом ее отца, чтобы устроить дело. Мы с Фридой были неплохой партией друг для друга. Ее семья полюбила меня — или они полюбили мои деньги, я уж не знаю. Это обратная сторона богатства — ты никогда не знаешь, что нравится окружающим больше, ты сам или твои деньги. Но тогда я был молод и доверчив, и когда Фрида дала мне понять, что не возражает против моего общества, я сразу же влюбился в нее, как мальчишка. Ее семья была довольна, потому что они были бедны, как церковные мыши. Моя семья не возражала, потому что у нее были связи везде, где только можно. Словом, довольны были все и даже я сам. Союз более идеальный было бы сложно придумать, и мне казалось, что и мой лучший друг тоже доволен тем, как все вышло, ведь это он нас свел. Я думал, что и Фриду тоже все устраивает, так как она сама ускорила процесс. О чем еще здесь можно было мечтать?

— И все же что-то пошло не так с самого начала?

— Ох, Ти Джей, я не знаю. Как я могу судить? Я не был больше женат - ни до, ни после этого. Но да, тогда мне казалось, что что-то не так, поэтому я и отправился в Париж, чтобы напиться и забыть об этом. Но я быстро понял, что Париж был ничуть не лучше Лондона, поэтому поджал хвост и остепенился. Потом мне стало казаться, что все не так уж и плохо. Фрида была чертовски хороша. Она была прекрасной женой для меня, Ти Джей, и мне не в чем было ее упрекнуть. Мы даже ни разу не поссорились.

— В этом и проблема. Если бы вы любили друг друга, то не смогли бы избежать старых добрых ссор всякий раз, когда один из вас вел себя не так, как хочется другому.

— То есть вы думаете, что она вышла за меня из-за денег.

— Как по мне, то это именно так и выглядит.

— Да, мне кажется, что вы правы.

Повисла тишина и в комнате начали сгущаться сумерки. Огонь был низким, но старый книготорговец не торопился подбросить в камин еще угля.

В конце концов тишину нарушил сам Пастон. Хотя прошло уже много времени, он говорил так, как будто бы просто продолжал свою мысль:

— Вы знаете, это очень горько осознавать, Ти Джей, что один из нас давал другому все самое лучшее, а он... Существует так много романов о страданиях девушек, насильно выданных замуж за богатых мужчин; но я не знаю ни одной книги, которая рассказывала бы о страданиях парня, который влюбился в девушку и потом обнаружил, что она вышла за него только из-за денег.

— Помогло ли вам это найти объяснение произошедшему?

— Да, это многое объясняет. Кроме, разве что, одного — почему Тревор из кожи вон лез, чтобы организовать этот брак?

— Вы читали книгу Генри Джеймса «Крылья голубки»?

— Нет, а о чем она?

— О мужчине и женщине, которые любят друг друга, но не могут себе позволить сыграть свадьбу. И тогда они решают, что мужчина должен жениться на богатой женщине, которая умирает от чахотки.

Хью Пастон задумался.

— Да, сдаётся мне, что это та самая причина, - сказал он растянуто. - Теперь все ясно. Получается, что я просто был дойной коровой, которая спонсировала чужой любовный роман. Господи, ну что за мир! Ти Джей, вы провели мне настоящую хирургическую операцию, а я теперь даже не знаю, смогу ли я быть благодарен вам за это.

— Если я сделал все так, как это делают фрейдисты, то у вас, Хью Пастон, отнюдь не возникнет желания благодарить меня. Но на этом я не остановлюсь. Так как мы закончили с анализом, то теперь приступим к синтезу.

— Вам придется повременить с этим, Ти Джей. Я чувствую себя сейчас так, как чувствуют себя отправленные в нокаут боксеры. Думаю, мне стоило бы немного пройтись.

— Дождь льет, как из ведра.

— Это не имеет значения. Мне нужно на воздух.

*игра слов: bust означает и бюст (грудь), и нечто, что разломано на части, проколото или лопнуто.

**Клоацина, «Очистительница» — прозвище богини Венеры в древнем Риме. Она правила канализационными стоками и системами, наиболее известным из которых была «клоака

Максима». По легенде, когда римляне строили этот сток, они обнаружили в нем статую женщины, и, очистив ее от грязи, нарекли Клоациной и сделали богиней канализации.

*** англиканская церковь

****отсылка к стихотворению Редьярда Киплинга «Песнь мертвых»

Глава 5.

Сперва Хью Пастон бесцельно бродил по темным улицам, наслаждаясь прохладным, омытым дождем воздухом после духоты комнаты позади магазина. Откровение, к которому подвел его старый книготорговец, конечно, стало для него тяжелым ударом. Он знал, что старик успешно вскрыл нарыв в его душе и теперь у него появился шанс на исцеление. И все же он не питал иллюзий на счет того, что вышел из леса. Ему не нравилось осознавать свои чувства. Это было ему непривычно. Он слышал об абсцессах на аппендиксе, которые разрываются и вызывают перитонит, если их оперируют слишком поздно. Он пытался понять, не слишком ли поздно для оказания реальной помощи появился на сцене старый книготорговец и не начнется ли у него сейчас перитонит души вдобавок к его первоначальному аппендициту. Если бы он только знал, что старик, которого он оставил одного в пыльной комнате позади магазина, думал о том же самом и был чрезмерно взволнован результатом своих игр с душами, ведь одно дело понять теорию психоанализа и совсем другое — применять ее на практике.

Через некоторое время Хью Пастон закончил свои бесцельные блуждания и решительно направился в сторону своего дома. Расстояние было небольшим и его длинные ноги быстро несли его по пустынным улицам.

Добравшись до места, он открыл двери своим ключом и вошел в темный коридор. В конце коридора была распашная дверь, пройдя сквозь которую он оказался на черновой лестнице. Спустившись на несколько ступеней, он подошел к двери на лестничной площадке, из-под которой была видна полоса света. Он постучал и женский голос с легким шотландским акцентом велел ему войти.

Он вошел в маленькую комнату, полную всевозможных безделушек, и низкая угловатая женщина с седеющими волосами поднялась со своего места в знак приветствия. Она была настоящей леди, но совсем не такой, как те, кого он встречал по другую сторону распашных дверей. Она не поздоровалась с ним, сэкономив на привычном «Добрый вечер, мистер Пастон», но осталась молча стоять, дожидаясь его распоряжений.

— Присядьте, миссис Макинтош, - сказал он и она села, все еще молча и вопросительно глядя на него.

— Миссис Макинтош, - сказал он. - Я собираюсь оставить этот дом.

Она кивнула, не выразив ни малейшего удивления.

«Я убью эту женщину, если она хоть как-то это прокомментирует», думал он, но она ничего не сказала. В свое время она наблюдала проблему своими глазами.

— Я хочу, чтобы вы рассчитались со слугами. Выдайте каждому из них жалование, равное оплате трех месяцев работы. В том, что эта лавочка прикрывается, нет их вины. Все вещи из моей спальни сложите в сундуки — личные вещи, я имею в виду, мне не нужно ничего из той мебели; потом вытащите все бумаги из моего письменного стола и сложите их в коробки, а после выставляйте участок на продажу. Затем отдайте дом в руки агентов и позвольте им распродать с аукциона все, что они только смогут здесь найти.

— А что на счет вещей миссис Пастон?

Судорога пробежала по его лицу.

— Продайте их тоже.

— Но что делать с ее бумагами, мистер Пастон?

Хью долгое время сидел, не произнося ни слова, и устремленный на него взгляд женщины был полон сочувствия. Наконец он ответил:

— Да, с этим нужно будет разобраться, но сейчас я не смогу. Это никак невозможно. Знаете что, сложите их все в коробки и положите туда же, куда все остальные вещи, но только пусть они хранятся отдельно от моих бумаг, ясно вам?

— Да, мистер Пастон, - тихо ответила экономка. - Вы можете положиться на меня.

— Спасибо, да, я знаю, что могу, - сказал он и, резко вскочив на ноги, с силой сжал ее руку и выскочил за дверь еще до того, как она закончила растирать свои онемевшие пальцы.

Он вздохнул с облегчением и ушел, не оглядываясь. Он надеялся, что больше никогда не увидит этот дом снова; да и, если уж на то пошло, весь этот район. Все его молитвы сейчас были о том, чтобы он не встретил никого из своих знакомых, пока ловит такси, но поскольку такси в Мейфейре ходили настолько же часто, насколько редко они ходили в Мэрилебоне, его молитвы были услышаны.

Хотя было уже поздно, когда он вернулся на Биллингс Стрит, он обнаружил в магазине свет, а наполовину застекленная дверь легко ему поддалась. По первому же звонку дверного колокольчика старый книготорговец выскочил из-за саржевой занавески, ибо чем больше он думал о том, как его гость воспринял сказанное, тем более тревожно ему становилось.

Хью Пастон проследовал за ним в комнату позади магазина, бросил свою шляпу на стол и плюхнулся на свое прежнее место на диване. Его поведение успокоило старика, ибо он мог видеть, что Пастон чувствует себя здесь, как дома.

— Итак, - сказал он, - Я справился с этим дельцем.

— Каким дельцем? - в ужасе воскликнул Джелкс, опасаясь, как бы это ни оказалось убийством.

— Дал распоряжение, чтобы слугам выдали жалование и продали дом. Избавился от всего, кроме своей одежки. Ах да, и кроме бумаг моей женушки. Ими нужно будет однажды заняться, но только не сейчас. Нет, и не вздумайте просить меня об этом, Т. Джелкс, даже если вам кажется, что повторное проживание всего этого пойдет мне на пользу.

Старик вздохнул с облегчением.

— Ну что же, - сказал он, - Я думаю, вы заслужили свой ужин.

— Да, - ответил Пастон, - Я тоже так думаю.

Сковородка и чайник приступили к делу, и они разделили трапезу в дружной и молчаливой атмосфере, после чего убрали все со стола. Но не смотря на то, что ему больше не нужно было переживать о том, как бы его гость не вышиб мозги себе или кому-нибудь другому, старому книготорговцу все равно совершенно не нравилось, как тот выглядел. Его безнадега и апатия уступили место сдерживаемому возбуждению, из чего старик заключил, что ему было еще далеко до внутренней целостности и он все еще был способен на совершение необдуманных поступков, последствия которых могли дорого ему обойтись.

Он пытался придумать что-то, что сможет не только отвлечь внимание его гостя, но и удержать его. Насколько Джелкс мог судить, он уже оправился от потрясения и разочарования, но все те чувства, что бурлили внутри него так долго, теперь поднимались наверх, словно вода во время прилива. Что было делать с этим приливом дальше, было непонятно; поднявшаяся вода обязательно куда-то пойдет и если не создать для нее никакого рационального канала, по которому она сможет направиться, то она обязательно найдет иррациональный.

Джелксу было непросто понять мировоззрение человека, молча сидящего с сигаретой на его продавленном диване. Он был представителем другого класса и воспитывался в других традициях; был представителем другого поколения и человеком абсолютно другого темперамента. Джелкс попытался мысленно перенестись в то время, когда ему было столько же лет, сколько сейчас этому мужчине, и вспомнить, что он тогда чувствовал.

Но там он не получил никакой подсказки. Первые огни его юности разгорелись от огромной мистической страсти, которая обжигала все вокруг своим бездымным пламенем.

Его мать осталась вдовой в сложном финансовом положении, и хотя она сама не была католичкой, решила проблему с его образованием, отправив его в дешевую, но прекрасную школу в пригороде, управляемую несколькими иезуитскими священниками. Ее заверили, что никто не будет принудительно обращать ее мальчика в свою веру, и это заверение ее устроило. Никакого принуждения и не было, но среди учителей, как это обычно бывает, нашелся мужчина невероятной харизмы и парень очень глубоко к нему привязался. Никакого принуждения и не потребовалось, ведь мальчишка пришел и начал стучаться в эти двери по собственному желанию. Он не только вошел в паству, но и стремился к священству. Он чувствовал, что в этом заключалось его призвание, и люди, имевшие огромный опыт суждения о таких вещах, сочли, что он прав. Но было уже слишком поздно. Его жесткий и негибкий характер начал формироваться еще до его поступления в семинарию. Спортивное поле возле подготовительной школы сделало свое дело. Он не мог смириться со сплетнями, принуждением и постоянными унижениями. В первом порыве веры он склонил голову перед этим ярмом; но потом начал задаваться вопросом, а готов ли он после своего

посвящения точно также обращаться с другими людьми? И что-то из того, что начало формироваться еще на футбольном поле, восстало внутри него и заявило, что ничто не заставит его поступать подобным образом. Он попросил об освобождении. Его друг пришел к нему и умолял его остаться. Он не только умолял, но и оплакивал его, в отчаянии заламывая руки; это было ни чем иным, как духовной изменой. Все происходящее произвело на подростка ужасное впечатление и надолго ему запомнилось. Он не принимал никаких обетов, будучи только послушником, но ему успели внушить сильнейшую убежденность в необходимости соблюдения целомудрия и это, вместе с откровениями его друзей с разбитыми сердцами, позволило ему избежать даже взглядов в сторону женщин, не то что влюбленности в них. Священник в сердце, он прожил свою жизнь в полнейшей духовной изоляции; мистик по характеру, он отказывал себе во всяком духовном утешении, полагаясь лишь на критическое мышление.

Без гроша в кармане, не имея никакой квалификации, он по большой удаче получил работу ассистента в магазине подержанных книг и, обнаружив, что торговля была довольно приятным занятием, быстро всему научился, ибо, как могли заметить его учителя в семинарии, был очень смышленным парнем. Не тратя ни копейки на подружек или на то, чтобы выглядеть более привлекательным в женских глазах, он стабильно откладывал деньги и к тому времени, как ему стукнуло сорок, вложил все средства в открытие собственного магазина; вскоре он начал достаточно зарабатывать для того, чтобы удовлетворить свои простейшие нужды, и удовлетворив их, отказался предпринимать какие-либо дальнейшие усилия, наслаждаясь жизнью, которую вел, с чайником на полке, ногами на каминной решетке, книгой в руках и коллекцией странной, но интересной для него литературы.

Хотя у него не было никакого опыта в том, ради чего его новый друг ездил в Париж, он прекрасно был осведомлен о географии тех мест, по которым бродит человек, переживший тяжелое эмоциональное потрясение. Его собственная проблема приняла форму острого кризиса; кризис Хью Пастона, решил он, приобрел хронический характер; своим накопительным эффектом он медленно разрушал его внутреннее равновесие. Джелкс помнил, что в то время, когда он проходил свое собственное испытание, его спасло только внезапное обретение им нового интереса. Освобождая полки в магазине подержанных книг своего хозяина, он наткнулся на перевод любопытного труда Ямвлиха о Египетских Мистериях; полученное знание, наложившись на уже известный ему метод Святого Игнатия, стало для него откровением, сравнимым по силе со вторым обращением в веру, ибо во внезапной вспышке посетившего его озарения он увидел отблеск ключа к технике достижения высшего состояния сознания. Это заставило его возобновить старые Поиски — поиски света, который никогда не освещал ни земли, ни моря*. Он внезапно узнал, что в мире существует и другой вид мистицизма, отличный от христианского, против которого он восстал; и тогда душа его вновь ожила и человек в нем был спасен. С тех пор он гнался за самыми странными и малоизученными идеями, следуя за каждой смелой гипотезой в науке и каждой новой точкой зрения в философии.

Его профессия позволила ему, даже будучи человеком бедным, собрать поистине выдающуюся коллекцию странной литературы. Она не была слишком большой, но и книг по данной теме, которые стоило бы иметь, тоже было мало. Многие из того, что попадало к нему в руки после терпеливых поисков, уходило из них снова к первому же покупателю, который оценивал книгу по достоинству и решал, что нашел желаемое. Со временем он понял, что стоит искать не доктрину, но определенное мировоззрение, и что найти то, что принесет ему больше всего пользы, он может только среди *obiter dicta*** , но не среди обоснованных суждений.

Новалис, Гегель и Хинтон были теми, к кому он возвращался чаще всего среди философов; Герберта Спенсера он отбросил в сторону, презрительно фыркая. Почему вещь должна называться несуществующей лишь потому, что она непостижима? *Non est demonstrandum****. Как может средний, даже, может быть, слишком усредненный человеческий разум устанавливать норму? Черт с тобой, Герберт! - и он бросил его в огонь, где он вонял так страшно, что его пришлось спасти, и такой конец становился концом многих других благородных актов мести.

Еще в семинарии старый книготорговец усвоил, что когда дело касается понимания трансцендентных вещей, способности разных людей сильно различаются, и тренированное сознание во много раз превосходит в этом нетренированное; и что разум, наполненный музыкой, благовониями и тусклым светом воспринимает вещи иначе, чем тот, который хладнокровно делает свою работу. Герберт Спенсер не мог видеть дальше розового кончика своего противного носа.

Поиск Абсолюта полностью захватил внимание этого неопрятного теолога, живущего среди своих пыльных книг, и держал его в счастливом и безмятежном настроении в то время, как годы его проходили один за другим и не приносили ему ни славы, ни удачи, а только жалкие гроши, ибо он совсем не хотел напрягаться.

Он получил хорошее образование в иезуитской школе, знал классические языки и имел рабочее знание иврита, а следовательно, мог докопаться до источника большинства вещей, за исключением тех, что требовали знания санскрита. Он находил полезной точку зрения мадам Блаватской даже не смотря на то, что она сильно его раздражала. Она могла подсказать, где искать, и указывала на значение многих вещей, казавшихся странными. Метерлинк сравнивал ее книги со строительной площадкой и Джелкс был почти полностью с ним согласен, удивляясь тому, что у мистиков так редко бывает полный порядок в мозгах. Ему никогда не приходило в голову, что здание его собственного разума выглядело со стороны так, как если бы в него попала бомба.

Фрейд сначала довел его до бешенства и был близок к тому, чтобы отправиться в огонь вслед за Гербертом Спенсером как односторонний нарушитель приличий; потом классическое образование Джелкса все же пришло ему на помощь и он распознал во Фрейте последователя дионисийской философии. Питая большое уважение к грекам, он после этого неохотно прислушался к Фрейдю и очень сожалел, что изучаемый им доктор не имел классического образования и не знал, что Приап и Силен были богами, а не маленькими мальчиками, играющими в грязи. Не знал он и того, что они — это еще не весь Олимп, но что есть также златокудрые Афродита и Аполлон. Работы великого австрийца он читал с мрачным видом.

— Это, - заключил он, - Не язычество, а разложение христианства, - и вернулся к трудам Петрония, который, по его мнению, о тех же самых вещах писал намного лучше.

Но сколько бы удовольствия не доставляла ему игра в шахматы с Абсолютом, он понимал, что совершенно бесполезно предлагать этот хлеб жизни Хью Пастону в его нынешнем состоянии; да и, если уж на то пошло, в любом состоянии. Пастон был человеком, изголодавшимся по жизни; человеком, который голодал среди изобилия, не понимая, что с ним происходит. Добрая старая кальвинистская няня надела ему шоры на глаза, а то, что в государственной школе считали духовным воспитанием, доделало остальное. Старый Джелкс вспомнил циничный комментарий Литтона Стрэйчи о числе лучших мальчиков великого доктора Арнольда, которые сходили с ума****.

Он с облегчением обнаружил, что его гость, избавившийся от своих неотложных дел, выглядел вполне довольным, поев домашней еды прямо со сковородки, и теперь развлекал себя хождением вдоль полок. Он видел, что Пастон набрал и принес на диван целую охапку интересующих его книг, зная, что здесь он найдет верный ключ к разгадке человеческой природы, и уселся их рассматривать. Он заметил, что среди них был и драгоценный Ямвлих; и старый том мадам Блаватской; и, что было уж совсем неуместно, еще один роман Гюисманса, «Наоборот». Джелкс наблюдал, как он переходил от одной книги к другой и снова возвращался к предыдущей. Он думал, что роман «Наоборот» заинтересовал Пастона лишь из-за того, что был написан Гюисмансом, и был сильно удивлен, когда он уселся за его чтение. Время шло; старый книготорговец заварил свежий чай, вызывающий желание облачиться в ночной колпак, и поставил кружку рядом с локтем своего гостя, который этого даже не заметил.

Внезапно Хью Пастон поднял голову.

— Я нашел свою Библию, Джелкс, - сказал он.

— Святой Боже, - воскликнул старый книготорговец, - Мне нравится ваш вкус в Библиях.

— В этой все не настолько примитивно, как в оригинале.

— Может быть и нет. Но даже с точки зрения литературной ценности я предпочел бы оригинал.

— Это вы, Джелкс, вы можете предпочитать оригинал, если вам он нравится. А это мой выбор.

— Будь вы моим сыном, вы бы давно лежали на моих коленях лицом вниз.

— Если бы я был вашим сыном, Т. Джелкс, то к настоящему моменту вы были бы уже мертвы и выращивали маргаритки на своей могиле, если бы не вырастили огромный дуб. Я уже не ребенок.

— Значит, вы уже достаточно повзрослели для того, чтобы иметь более зрелые предпочтения в литературе.

— Да ну бросьте же, вы же не станете называть «Наоборот» детской книжкой, не так ли?

— Я бы назвал ее книгой для прыщавых подростков. Любого, кто уже отрастил свои зубы мудрости, будет тошнить от нее.

— После того, как вы об этом сказали, Ти Джей, мне кажется, что с этой копией кто-то поступил именно так. Вы плохо обращаетесь со своим товаром. Но шутки в сторону, я действительно уловил проблеск света в моем жалком состоянии. Прошу вас, не принимайте мои слова всерьез, но позвольте мне нести чушь, если мне этого хочется. Это забавляет меня и отвлекает мои мысли от худших вещей. Слушайте, я пошел и засунул все свои земные пожитки на аукцион и мне предстоит заново пополнять свои запасы, понимаете? Я не могу сидеть здесь вечно, так ведь?

— Нет, я боюсь, что не можете. Я провалился в ванную, а вы провалились в диван; и, между нами говоря, такими темпами мы оба провалимся в подвал в скором времени. Я бы хотел оставить вас здесь, но это не сработает. У нас обоих достаточно здравого смысла, чтобы понять это.

— Я не это имел в виду, Ти Джей; мне нравится ваше жилище. Я имел в виду, что не могу до бесконечности пользоваться вашей добротой.

— Ну, пусть будет так. Что вы предлагаете сотворить на основании этой проклятой книжки? Я полагаю, вам известно, как закончил Дез Эссент?

— Лежа на спине и испытывая позывы к рвоте. Да, я знаю. Но он совсем перестал шевелиться. Кроме того, он никуда не выходил из дома. У него не было целей. А я теперь хочу нацелиться на что-нибудь.

— И на что же вы предполагаете нацелиться? - рыжеватые брови старого книготорговца поднялись настолько высоко, что почти достали до волны седеющих волос над его воротником.

— Это не так легко выразить в словах. Я не уверен, что сам знаю, что это будет. Вы можете представить себе нечто среднее между романами «Без Дна» и «Наоборот», с примесью Ямвлиха и Игнатия?

— Могу, но лучше не буду.

— Это может выглядеть не так плохо, как звучит. Давайте так. Мне ведь нужно заново обставить дом, правда?

— В этом нет необходимости, я одолжу вам сковородку.

— Она мне не нужна. Вы только что признали, что психика моя устроена таким образом, что мне обязательно требуется ванна с целым дном. И вы правы. Я выражаю себя в вещах, которые меня окружают. Я не могу довольствоваться жизнью внутри себя и игнорировать их так, как это делаете вы.

— Вы бы игнорировали их, если бы обладали моим уровнем дохода, - сухо ответил Т. Джелкс.

— Осмелюсь сказать, что в этом что-то есть.

— Это дает очень много преимуществ, мой мальчик, и вы обязательно узнаете о них, если случайно проглотите свою серебряную ложечку.

— Серебряная ложечка дает не только преимущества, Ти Джей. Это чертовски трудно — владеть деньгами и не позволять им владеть тобой, если у тебя их много. С ними ты чувствуешь себя так, как если бы у тебя был слишком большой парус для твоего судна, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Мне кажется, вы снова подцепите парочку липких друзей.

— Это меньшая из моих проблем. Они вольны склевать все, до чего дотянутся. Здесь на всех хватит. Я больше не питаю никаких иллюзий, так что теперь никто не сможет задеть моих чувств. От меня ведь ожидают только оплаты любых чужих гулянок. Теперь послушайте, Ти Джей, если вы закончили перебивать. Я собираюсь оборудовать определенное местечко для жизни, а с вашей проклятой сковородкой далеко не уедешь. И я собираюсь оборудовать его *в стиле* Гюисманса не потому, что я настоящий дегенерат, как его благословенный Дез Эссент, но потому что это забавляет меня и дает мне возможность что-то делать и о чем-то думать. Пустой ум мучает не меньше пустого желудка. Уж поверьте тому, кто знает об этом не по наслышке, Ти Джей.

— Все в порядке. Я совсем не возражаю против инкрустированных драгоценными камнями черепах, украшающих собой ковры в гостиной, при условии, конечно, что сами черепахи на это согласны.

— Я не думаю, что бедные старые черепахи согласятся на это. Если подумать, инкрустация должна быть чем-то вроде пломбировки зуба. В любом случае, животное все равно умерло на том ковре, и это, я бы сказал, было совершенно ожидаемо.

— Так там не будет черепах? Вы разочаровали меня.

— Нет, Ти Джей, как не будет и угольно-черных женщин без одежды, ожидающих на столе из черного дерева, ломящегося от еды черного цвета.

— Я рад это слышать. Правда, не могу сказать, что меня заботит икра. Как по мне, на вкус она точно такая же, как береговые улитки, потушенные в канализационной воде. Но, возможно, я слишком несправедлив к ней. Признаюсь, я ел ее с лезвия перочинного ножа и даже не использовал никаких приправ.

— Я думаю, что все дело в ноже, Ти Джей. Возможно, вы использовали его для чего-то еще перед тем, как попробовать с него икру.

— Возможно. Вероятнее всего так и было. И все же, что там на счет этого жилища, которое вы планируете обставить и в котором *не найдется* места для моей сковородки? И как, черт возьми, вы впутали сюда Игнатия Лойолу и Ямвлиха?

— На самом деле все очень просто. Давайте зайдём вот с какой стороны. Вы, конечно, помните, что Броуди-Иннесс в «Любовнице дьявола» рассказывал о здравомыслящих шотландских домохозяйках, сбегаящих из дома, чтобы потанцевать с дьяволом? Ну, так это в точности обо мне!

— Да, я вижу, - сухо ответил старый книготорговец. - Боже, спаси Дьявола!

— Вы восприняли это слишком буквально, а я не это имел в виду. На самом деле я пытался сказать, что мне необходимо немного духовной соли.

— Вы можете достичь этого без каких-либо занятий домашним хозяйством, мой мальчик. В сущности, было бы куда более целесообразно создать Канал между вами и вашей духовной солью.

— Вы опять неправильно меня поняли. Как же объяснить вам, что я имею в виду. Вы помните, что Наоми Митчисон говорила о том, как привнести стихийную силу в описанный ей ритуал в «Короле зерна и Королеве весны»?

— Теперь вы послушайте меня, Хью Пастон. Пожалуйста, не забывайте о том, что вы говорите едва ли не со священником.

— Да нет же, я сейчас не о том, о чем вы подумали. Вы продолжаете меня перебивать и не даете мне времени, чтобы объясниться.

— Времени? Вечность — вот то, чего вы хотите, судя по тому, что вижу я.

— Ну ладно, мы отодвинем в сторону Наоми и ее приятелей, раз уж вы так привередливы. Итак, вы помните, что говорил Ямвлих о создании образов богов в своем воображении, чтобы невидимые силы могли проявляться через них?

— Да.

— Ну вот, предположим, я чувствую, что мне нужно немного духовной соли — нет, все в порядке, я не буду ссылаться на Наоми. Предположим, я чувствую, что нуждаюсь в ней и хочу добыть ее способом *в духе* Броуди, ведь не думаете же вы, что я мог бы достичь этого способами *в духе* Ямвлиха, не столкнувшись с проблемой обустройства платформы в центре вспахиваемого поля?

— Хью Пастон, если вы и дальше будете продолжать в том же духе, я вышвырну вас за дверь.

— Да перестаньте! Ти Джей, я чист, словно весенний ручей, это ваш мерзкий ум создает проблемы. К чему я пытаюсь подвести вас, так это к вопросу о том, что же люди получали от участия в Элевсинских мистериях? Они получали встряску, не так ли? Ну, и что же это была за встряска? Это то, что нужно сейчас и мне тоже.

— Вы не найдете Дионисийского безумия, связавшись с Дез Эссентом и его черепахами. Он был мертв более, чем наполовину.

— Я бы сказал, что он активно разлагался. И он не тот, на кого я хотел бы равняться. Я скорее стал бы равняться на каноника Докра с его козлами и прочим. Что я имею в виду под этим — ровно то же самое, что и Лойола, который говорил, что если создать какое-либо место в своем воображении и представить себя в этом месте, то вы вскоре начнете себя чувствовать так, как если бы и правда там побывали. Теперь подумайте, что будет, если я обставлю свой дом *в духе* Ямвлиха; иначе говоря, я сначала создам «композицию места» с целью вхождения в контакт со старыми языческими богами и затем создам такую же обстановку в реальности. Предположим, что в этой обстановке я потом буду жить, день за днем, и...

— Вы настолько к этому привыкнете, что через некоторое время перестанете что-либо замечать.

— Я так не думаю. Сдается мне, что это будет производить на меня эффект *присутствия*. Но предположим, что я задействую еще и свое воображение во всем этом, как это делают священники, когда читают Мессу — не получу ли я в таком случае некое Реальное Присутствие — только языческого типа?

— Бог мой, Хью, вы вообще понимаете, о чем вы говорите?

— Я-то понимаю, а вот вы, похоже, нет. Вы думаете, что я говорю о Черной Мессе. Но я говорю о другом. Я говорю о том, что существует множество способов установления контакта с Непроявленным.

— Я был бы счастлив, если бы вы не говорили об этом при мне.

— Ти Джей, мне кажется, что вы испугались! Вы искренне, по-настоящему напуганы. Чего бы боитесь? Вы думаете, что я вытащу настоящего дьявола из глубин ада?

— Приятель, я знаю намного больше об этих вещах, чем вы. Да, я *напуган*, и совсем не скрываю этого. Теперь ответьте мне серьезно, вы действительно верите в то, что все эти штучки, которые вы планируете проверить, дадут настоящий результат или вы просто хотите поиграть в эти игры?

— Ти Джей, я не знаю, но я очень хочу это узнать. Одно могу сказать вам — если никакой невидимой реальности не существует и все настолько поверхностно, как я всегда думал, то я просто вышибу себе мозги и тихо предам себя забвению, потому что просто не смогу больше выносить этого. Это чистейшая правда и я нисколько не шучу.

— Я предполагал, что у вас на уме нечто подобное, - ответил Т. Джелкс.

*отсылка к стихотворению Вильяма Вордсворта, «Элегические строфы, внушенные картиной сэра Джорджа Бомонта, изображающей Пилский замок во время шторма», которое в оригинале звучит куда лучше, чем в русском переводе.

**«сказанное попутно», латынь. В англосаксонском праве так обозначается часть судебного решения, имеющая лишь убеждающий характер и не являющаяся обязательной для других судов.

***Это не доказано, латынь.

****отсылка к книге писателя и литературного критика Литтона Стрэйчи «Выдающиеся викторианцы» (“Eminent Victorians”), в которой он с немалой долей скепсиса и остроумия пересказывает биографии кардинала Генри Эдуарда Мэннинга, архиепископа Вестминстера, Флоренс Найтингейл, сестры милосердия и общественной деятельницы, Томаса Арнольда, английского педагога и реформатора образовательной системы в Англии, который также был директором школы Регби и старался развивать нравственность в своих учениках, а также генерала Чарльза Джорджа Гордона, известного британского генерала. Упомянутый здесь Дион Форчун доктор Арнольд мечтал дать мальчикам, которых он обучал, настоящее

христианское образование, учил их классическим предметам и языкам и старался все христианские принципы поведения вложить им в головы, но парни, как бы он ни пытался призвать их к порядку, все равно каждую воскресную проповедь издевались над ним, выпускали крыс ему под ноги и делали прочие забавные вещи, а потом он их за это порол, считая, что так они искупают грехи и движутся к освобождению.

Глава 6.

- Думаю, мне лучше заварить свежий чай, - сказал Джелкс. - Мы забыли о нем и он скис.

Не то чтобы его на самом деле беспокоил прокисший чай, ведь он был горячим и чайник, стоящий на полке у камина, практически вскипел, но он хотел иметь возможность немного поразмыслить перед тем, как свяжет себя обещаниями в той психологической игре, которую они вели, сидя на старом сломанном диване. Он возился в кухне, согревая воду в чайнике на газовой конфорке, вместо того, чтобы использовать для этого старый черный японский чайник, стоящий на полке у камина, что он обычно делал в целях экономии.

Конечно же, ему требовалось время для размышлений, ведь он прекрасно понимал, к чему клонит Пастон. Он планировал, подражая декадентскому герою Гюисманса, заставить все вещи, которые его окружают, определять его настроение, наделив каждую из них особым психологическим значением. Его целью, однако, было не произведение впечатления эстета, но вхождение в контакт с этими древними, забытыми силами, упомянутыми в различных книгах. Ему казалось, что Хью Пастон верит в их объективность, и Джелкс не думал, что будет правильным в настоящий момент развеивать его иллюзии; сам он, однако, после тридцати лет чтения странных книг и экспериментов был уверен в том, что они были субъективными, и лишь одному Богу было известно, какие ада и небеса может открыть человек в своей собственной душе с помощью тех методов, которые Хью Пастон планировал использовать.

Конечно, он не мог открыть ни одного ада, которого не было бы там до этого; а если там существовал какой-либо ад, то, согласно Фрейдю, было бы лучше позволить всем дьяволам оттуда выйти проветриться. Но даже не смотря на это, старик испытывал ужас перед теми возможностями, которые открывались перед ними. Однако сейчас останавливать это начинание было слишком поздно. Хью Пастон уже закусил удила и, будучи человеком, который не выносит никакого давления, продолжал бы из чистой бравады.

Ему казалось, что лучшее, что он мог сделать, это помочь Пастону в осуществлении его планов и предоставить в его распоряжение то огромное количество странных знаний, которые он приобрел и которые ни разу не использовал за всю свою жизнь. Хью будет очень занят на протяжении нескольких месяцев, собирая все необходимое снаряжение со всех концов света; это даст ему возможность хоть чем-то занять свою голову и к тому времени, как дом будет полностью оборудован, он вполне может вернуться к нормальному состоянию. Придя к такому решению, Джелкс с торжественным видом внес чайник в гостиную.

Хью Пастон с покрасневшимся лицом, как если бы он напился, хотя старый книготорговец знал, что это было не так, был занят тем, что ворошил стопку книг, которая лежала позади него на диване.

- Ти Джей, - воскликнул он, как только старик вошел в комнату. - Я набрел на какой-то след. Я не знаю, куда он ведет, но я чувствую его всем своим нутром.

Джелкс хмыкнул и с грохотом поставил чайник на стол.

- Вы набрели на след чертовски больших неприятностей, если только вы не будете осторожны. Я думаю, что вы будете даже рады одолжить мою сковородку до тех пор, пока не закончите свое дело. Думаю, вам все же захочется вылезти из огня и сесть в нее, чтобы немного остыть. Теперь послушайте, Хью, есть способ сделать то, что вы задумали, способ сделать это правильно, а не в той показной и безвкусной манере, которая засела у вас в голове, и я покажу вам его, если только вы пообещаете мне, что будете делать ровно то, что я говорю, и не позволите нам обоим нарваться на неприятности.
- Я так и знал, старый вы дьявол, что если я сожгу достаточно серы у вас под носом, то вы раскроете все карты. Хорошо, я принимаю ваши условия. Пусть будет полет с двойным управлением для начала. Но потом я хочу лететь один, заметьте. Итак, с чего мы начнем?
- Вы начнете с того, что выпьете чашку чая. Я не хочу, чтобы еще один чайник пропал.
- Хорошо. Теперь я расскажу вам, что у меня на уме, и мы увидим, совпадают ли наши с вами идеи. Я думаю, что нам необходимо начать с invocации Великого Бога Пана.

Старый продавец внутренне застонал, тень духовной семинарии нависла над ним. Однако он не отверг эту идею.

- С чего вы предлагаете начать? - любезно осведомился он.
- Я предлагаю найти подходящий дом - один из тех больших, заброшенных загородных особняков с большим количеством просторных комнат, которые всем кажутся бесполезной обузой, и превратить комнаты этого дома в храмы различных божеств древних пантеонов. Над каждой из них, как вы понимаете, нужно будет провести действительно высокохудожественную работу. Сделать первоклассные фрески и все остальное. Я склонен полагать, что когда мы завершим работу над храмом, то бог поселится в нем и мы сможем начать узнавать что-то о нем — или о ней.

Старый книготорговец вновь застонал.

- Итак, Ти Джей, я обеспечу необходимые для этого средства — это единственная вещь, которую я могу обеспечить, с божьей помощью — если вы обеспечите нас идеями, и потом нам потребуется кто-то, кто займется дизайном и позаботится о разных мелочах. Я знаю множество фирм, специализирующихся на отделке домов от чердака до подвала, но я не знаю никого, кто мог бы сделать такую работу, а вы? Я полагаю, что нам придется биться над этим самостоятельно и найти покладистого художника, который будет делать ровно то, что ему говорят.
- Такие люди, как правило, не становятся художниками, - сказал Т. Джелкс.
- Может быть мы хотя бы можем найти художника, который мыслит бы в таком же ключе?

В этом-то и заключалась проблема, с которой Т. Джелкс столкнулся, пока заваривал чай, и отбросил мысли о ней в сторону. Пастон попал в самую точку; им нужен был их личный мастер-ремесленник, чтобы оформить любой Храм Мистерий. Вещи, которые им

требовались, были не из тех, что можно было легко купить на Тоттенхем-Корт-роуд. Было и еще кое-что, что Хью Пастону нужно бы найти, только еще он не знал об этом — ему нужно было найти жрицу; они, будучи двумя мужчинами, не могли работать вместе с такими вещами. И один только Бог знал, чем все это могло закончиться, если они впутают сюда женщину. Он знал, чем это обычно заканчивалось в языческие времена.

Но у него была на примете жрица, если только он решится попросить ее об этом. Но решится ли он? Нет, вряд ли. Пусть лучше Пастон катится ко всем чертям, чем он пойдет на это. Но с другой стороны, работа стала бы счастливым благословением для девчонки, которая находилась в жуткой нужде. Он очень беспокоился о ней. Дела у нее в последнее время не складывались. Две газеты, на которые она работала, закрылись, оставив ее без зарплаты. Он подозревал, что ей давно было нечего есть. Возможно ли поручить ей работу по созданию всех необходимых вещей и дизайна комнат, что и было ее промыслом, и не дать при этом Пастону одурачить ее?

Он придирчиво осмотрел своего гостя. Ему казалось, что Пастон не тот мужчина, который пользовался большим успехом у женщин. Возможно, в этом и заключалась его проблема. Женщины хотели облизать его серебряную ложечку*, но им совсем не хотелось видеть рядом с собой мужчину, не способного их ничем удивить. Ему очень не хватало какой-либо изюминки. Он был высоким, разболтанным, не умеющим себя держать человеком с неловкими, резкими, нервными движениями. У него были костлявые руки с длинными пальцами, выдающие в нем сверхчувствительную натуру, и Джелкс догадывался, что и остальные части его тела были под стать рукам. Его сила, как он понял, зависела не от мускулатуры, а от количества нервной энергии; и как он мог судить по его резким, неловким движениям, в настоящий момент все в нем было раскоординировано и парень не обладал ни достаточным количеством жизненных сил, ни какой-либо выдержкой. Он мгновенно зажегся от коротких вспышек нервного возбуждения и потухал также быстро, как костер из соломы. Он рассудил, что нет никакой опасности в том, чтобы позволить ему думать своей головой и заняться осуществлением его нового плана, потому как первый же порыв истощит его силы и новая игрушка будет сломана и выброшена, как это принято у жителей Мейфейра. Возможно, стоило бы дать Моне шанс получить эту работу.

Он подумал о Моне. Он не чувствовал здесь никакой опасности для нее. Хью Пастон, вероятно, привык видеть рядом с собой очень красивых женщин; он не думал, что его маленькая серая мышка будет классифицирована как женщина в его глазах.

Его посетитель внезапно прервал его размышления и по странному стечению обстоятельств, как уже было два или три раза до этого, озвучил ровно ту же самую мысль, которую старый книготорговец прокручивал в своей голове.

- Джелкс, можем ли мы поставить это шоу чисто мужским составом, только вы и я, или нам потребуется какая-нибудь женщина?

Джелкс неопределенно хмыкнул.

- Положили глаз на какую-то женщину, подходящую для этой работы?
- Я знаю множество женщин, которые были бы рады присоединиться к...эээ...ведьмовскому ковону, когда мы его организуем, но я не знаю ни одной, которая могла бы стать жрицей. Однако я знаю различных людей, связанных со сценой, и я думаю мы могли бы найти среди них подходящую на эту роль актрису, ну, знаете, одну из этих классических танцовщиц, и обучить ее работе, и она научила бы всех

остальных.

Джелкс вздохнул с облегчением. В любом случае, это решало одну из его проблем.

- Если вы найдете подходящую жрицу, я думаю я смогу привлечь к этой работе подходящего художника.
- Отлично. Мне кажется, мы уже начали работу. Ти Джей, я стану другим человеком, если мне будет, чем заняться, и почувствую, что я реально иду куда-то, вместо того чтобы гоняться за собственным хвостом по сводам лет. Теперь давайте перейдем к практической стороне дела. Каким должен быть первый шаг? Найти дом?
- Нет, не совсем, первый шаг — это решить, что вы в действительности хотите сделать, и затем подумать, как мы можем устроить это лучше всего.
- Мы, Ти Джелкс? Я слышал, вы сказали «мы»? Грешный вы язычник, я смотрю, вы начинаете увлекаться этим планом.
- Все нужно попробовать хотя бы однажды, - мрачно ответил Т. Джелкс.
- Итак, чего мы хотим достичь? Я заметил, что вы сказали «мы», Т. Джелкс.
- Меня вы можете оставить в покое. Я подержу ваш плащ и буду обмахивать вас полотенцем между раундами, но как только прозвучит гонг, я окажусь за веревками быстрее, чем вы успеете оглянуться. Это не станет *моими* похоронами. Чего *вы* хотите, Хью Пастон? Каким конкретно маршрутом вы хотите сойти в преисподнюю?
- Что вы имеете в виду?
- Знаете ли вы легенду о том, как Король Артур, в те дни, когда он еще не был христианским королем и идеалом рыцаря, отправился вместе со своими воинами в преисподнюю, потому что Дьявол перешел все границы дозволенного? Они гонялись за ним по всему аду и все там разрушили, и Артур вернулся оттуда с большим котлом на спине, который захватил с собой в качестве трофея. И он подарил этот котел Керидвен, кельтской богине земли, и она установила его над огнем, который никогда не гас, высоко на склонах Сноудона, и этот котел стал неисчерпаемым источником пропитания для всех и каждого. Сколько бы они ни ели из него и какие бы пиры ни закатывал Артур, котел наполнялся снова и каждый находил в нем свое любимое блюдо. Затем, когда в моду вошла цивилизация, образ Артура выбелили и он превратился в непогрешимого христианского рыцаря и модель рыцарства, а дьявольский котел, который Керидвен использовала для предсказаний, превратился в Грааль.
- Вы слишком упростили эту историю, Ти Джей.
- Ну, мой мальчик, подробности этой истории вы легко найдете в кельтском фольклоре и литературе.
- Вы намекаете на то, что будущие поколения меня канонизируют?
- Нет, я бы не зашел так далеко в своих намеках. Вы скорее окажетесь в одном ряду с

Симоном Волхвом, как мне кажется. Я пытался сказать, что если мы преуспеем в нашем сошествии в преисподнюю, то *возможно* вернемся оттуда с котлом.

- Для меня это звучит так, как если бы было сказано на греческом, Ти Джей.
- Это естественно, мой мальчик, на вашем нынешнем уровне развития.
- Должен сказать, что вы очень противный старик. Вы меня так мучаете!
- Если в вашей жизни не случится ничего похуже, чем эти мучения, то вы неплохо со всем справитесь. Теперь давайте на чистоту — чего вы пытаетесь достичь с помощью инвокации Пана и всего остального?
- Ну, мне кажется, Ти Джей, что если мне удастся получить Пана, то мне удастся получить и всё остальное. Только не думайте, что я живу в иллюзиях. Я прекрасно знаю, что никакой космический козел не материализуется на коврике у камина, но я верю в то, что если я могу сломать святающую оболочку опала, то что-то во мне, что начало гноиться, или просто глубоко вросло, или зерно чего просто есть внутри меня сейчас, сможет соприкоснуться с чем-то в духовном мире, с чем-то, что соответствует ему, но все же не является чисто духовным. Я не хочу никакой духовности, это не мое, я пресытился этим еще в Оксфорде. Чего я хочу, так это чего-то очень важного, того, что, как я чувствую, существует где-то во вселенной и в чем, как мне кажется, я нуждаюсь, но не могу до этого дотянуться. Это и было тем, на поиски чего я отправился в Париж, когда не нашел этого в браке, как ожидал изначально. Теперь я называю это Великим Богом Паном, и вы знаете, Ти Джей, если я этого не найду, то я скачусь в депрессию и загнусь.

Старый книготорговец пристально посмотрел на него своими ярко-голубыми глазами из-под рыжеватых бровей.

- Люди не умирают от психологических проблем, - сказал он.
- Вы полагаете, Ти Джей? А я, смею вас заверить, не намерен жить с ними.

*под серебряной ложечкой здесь и далее подразумеваются деньги Пастона

Глава 7.

Хью Пастон, которого сонный книготорговец прогнал в кровать, обнаружил, что сон от него далек. Его ум как никогда ранее был возбужден вечерним разговором и возникавшие в его голове образы сменяли друг друга с огромной скоростью. Дом, который он планировал купить и обустроить как великолепнейший храм Древних Богов — по факту он стал бы даже не храмом, но монастырем, ибо должны были найтись и другие люди, для кого будет удовольствием присоединиться к нему в его поиске — принимал в его воображении всевозможные формы, пока ночь медленно клонилась к своему завершению. Во-первых, он должен быть построен в классическом стиле, с главным входом, напоминающим Парфенон, над дверью которого художник, с которым дружит Джелкс, вырежет девиз «Познай самого себя». Войдя внутрь, посетитель обнаружит себя в просторном коридоре с колоннами, призванными пробудить воображение. Все будет сделано из белого мрамора. Затем он решил, что мрамор больше подходит для отделки ванной комнаты, и дом в его воображении приобрел совсем уж обычный вид; зато как только открывалась главная дверь, посетитель обнаруживал себя в таинственном полумраке Египетского Храма и огромные призрачные

образы божеств нависали над ним. Он решил позаимствовать идею из романа «Наоборот» и поставить при входе угольно-черного дворецкого. Однако потом он решил, что это не сработает; чернокожий слуга сбежит, как кролик, почувствовав первые же признаки чего-либо сверхъестественного. Возможно, китаец больше подошел бы на эту роль. Но будет ли присутствие китайца уместно в Египетском Храме? Хью Пастон сдался. Он должен был дожидаться выбранного Джелксом художника.

Он лежал на спине, на перине, разглядывая темные очертания косоного балдахина, смутно вырисовывавшегося в слабом свете, который всегда проникал в лондонские окна, и думал о том, где же закончится его поиск, если он вообще когда-нибудь закончится. Он с большой уверенностью рассказывал старому Джелксу о своем поиске Пана, но действительно ли он верил в это сам? Одно и только одно он знал наверняка — он испытывал отчаянную жажду чего-то важного, съедавшую его изнутри и разрушавшую его так, как если бы что-то питалось его тканями, и эта его жажда могла быть утолена только тем, что он называл Паном, чем бы тот ни оказался в конечном итоге. Это был икс в его вычислениях. Он мог не давать ему определения в настоящий момент. Он мог бы возвести алтарь Неизвестному Богу, если бы захотел.

Причудливые храмы покинули его мысли и он лежал на мягком холме перины, думая о том, что же произойдет теперь, когда он целенаправленно и сознательно освободил своего внутреннего Пана и выпустил его на поиски Пана Космического подобно тому, как Ной выпустил голубя из Ковчега. Наверняка он вернется к нему хотя бы с одним листиком плюща в клюве. Интересно, думал он, что в действительности представляет собой симпатическая магия; то, как описывали ее антропологи, было форменным идиотизмом; но он подозревал, что антропологи никогда не докапывались до истинной сути вещей. В симпатической магии некто, подражая чему-либо, вступал с этим чем-то во взаимодействие. Какое суеверие, сказали бы антропологи. Как по-детски воспринимал мир мозг первобытного человека! Но Игнатий Лойола говорил: «встань в молитвенную позу и вскоре ты почувствуешь себя так, как если бы ты на самом деле молился»; а уж основатель иезуитства считался очень мудрым психологом. Если некоторые из тех методов, которые он описывал в своих «Упражнениях», не были формой симпатической магии, то чем же, хотелось бы знать Хью Пастону, они тогда были! А если симпатическая магия была основой иезуитской подготовки, то, возможно, здесь стоило бы сказать что-нибудь в защиту мировоззрения древних, которые, по крайней мере, обладали достаточными знаниями для того, чтобы построить пирамиды.

Хью Пастон не без успеха разгребал беспорядок на полках пыльной библиотеки. Книги, которые Джелкс больше всего ценил, его личная библиотека, так сказать, были перенесены во внутреннюю комнату и находились теперь вдали от рук, которые могли их осквернить, и эти книги Хью просматривал с особой тщательностью. Систематическая работа была не в его природе; изучать, комментировать, сопоставлять и экспериментировать, как это делал старый книготорговец; но он был настоящим экспертом в том, что касалось вылавливания сути книги с минимумом затрат на ее чтение, ведь это было единственным способом оставаться в курсе всех новостей на Мейфейре. На одну вещь он обратил свое внимание при перелистывании четырех потрепанных книг с загнутыми уголками бумажных обложек, на которых слово «магия» было написано с К* - когда маг проводил магическую операцию, он окружал себя символами особой силы, призванными помочь ему в достижении концентрации. Это был полезный практический момент, думал Хью Пастон; это подтверждало его мысль о том, что сила воздействия симпатической магии, описанной в «Упражнениях» Лойолы, может быть с успехом увеличена при помощи всех украшений храма. И если не только украсить храм, но и жить такой жизнью — разглядывая каждый предмет, одевая каждый наряд, произнося каждое слово или слушая то, что говорят другие, настраиваясь при этом на одни и те же образы в течение длительного периода времени — разве эффект не будет усилен в сотню раз? Не эта

ли идея лежала в основе тех ретритов, которые глубоко верующие люди совершали незадолго до Пасхи?

Он решил искать Пана точно также, как другие люди искали Христа. Было ли это чудовищным богохульством? Возможно, большинство людей и считало так, но он совершенно не возражал против этого. Было ли это Черной Мессой? В каком-то смысле да, но все же она не казалась ему черной. У него, безусловно, не было намерения осквернять что-либо из того, что кто-то другой считал священным. Он не получил бы никакого удовольствия от того, что бросил бы на землю священные облатки и попрыгал на них сверху, как *«ужасающий каноник»*, которого, казалось, веселили подобные вещи. Он мог бы попробовать провести свою Мессу на животе обнаженной леди, если, конечно, нашел бы хоть одну, которая не слишком боялась бы щекотки, но он сомневался, что это будет все еще радовать его после того, как пройдет ощущение новизны. В подобных вещах не было никакого наслаждения для человека, привычного к кабаре. Нет, думал он, всё это было лишь немногим лучше, чем писать непристойности на стенах. Те, кто шли этим путем, могли таким образом избавляться от своих комплексов, однако его этот путь нисколько не привлекал, поскольку его собственные комплексы были совершенно другими. Ему казалось, что Черная Месса, не важно, описанная Гюисмансом или А. Е. В. Мэйсоном, была чем-то деструктивным и опасным, и не несла в себе ничего конструктивного; она была символическим освобождением человека от внутренних запретов; она не требовала присутствия какой-либо внешней силы. Возможно, Исабель Гауди совершала нечто чуть более конструктивное, когда сбегала на церковное кладбище танцевать с Дьяволом, но и в этом поступке тоже была огромная доля абреакции**. Он представлял себе средневековых женщин, задавленных религией и традициями, крадущихся по узким улицам обнесенных стенами городов, группами из двух или трех человек, в темноте, при свете Луны, чтобы оказаться на ужасающем шабаше и попробовать на вкус свою дорогостоящую свободу, расплатой за которую так часто становились вязанка хвороста и мучения. Он также думал о найденном в другой книге упоминании о том, как ведьмы, которые не могли посетить шабаш, натирали себя наркотической, возбуждающей мазью, ложились на кровать и концентрировались на том, что в тот момент происходило на пустоши или в лесу, и вскоре оказывались там во сне или в видении. Это опять же было тем, что делал Игнатий, только он делал это в обратном порядке. И чем больше он об этом думал, тем больше крепло в нем осознание того факта, что все методы являлись в действительности одним и тем же методом. Полетам средневековых ведьм на метлах предшествовал храмовый сон, или высиживание, древних греков, в результате которого служитель, спящий в храме, получал в награду возможность увидеть свое божество. Так может быть и ему удастся найти Пана в конечном итоге?

Он попробовал уснуть на спине, ибо он давно замечал, что эта поза способствует возникновению сновидений, и отправил свой разум вовне, в долины Аркадии, на поиски Пана. В своем воображении он воссоздал «композицию места», используя те обрывочные сведения, которые мог вспомнить из классики, так тщательно и так бесполезно утрамбованной в его голову в Хэрроу. Редкие дубовые и сосновые леса; море темного винного цвета внизу; жужжание пчел в ладаннике и греющиеся на солнце ящерицы, а над ними — стада резвых коз, перепрыгивающих с камня на камень. Он услышал звуки тонкой пастушьей свирели, которая в любой момент могла оказаться флейтой Пана; он почувствовал запах хвои в разреженном сухом воздухе; он ощутил жар солнца на своей коже; он услышал шум прибоя, с грохотом разбивавшегося о камни далеко внизу. Он услышал крики чаек. Были ли чайки на греческих островах? Он этого не знал, но он действительно их слышал; они возникли здесь сами собой.

Но переключение внимания и вопросы о чайках разрушили всю магию, он снова вернулся в

свою кровать и Греция отдалилась от него так, как если бы он стал смотреть на нее в другой конец театрального бинокля. И все же он увидел достаточно для того, чтобы утолить свою жажду. Эти чайки были необычайно реальными и ему не приходилось выдумывать их так, как он выдумывал козлов. Он действительно их слышал.

Он повернулся на бок и спокойно лежал в ожидании сна, лениво размышляя о только что пережитом опыте; о своих разговорах со старым Джелксом в пыльном книжном магазине; он вспомнил точный маршрут дистанции, которую он бежал в школе, будучи еще в прекрасной форме; солнце согревало его спину через тонкую футболку для бега точно также, как солнце Древней Греции, пока он, согнувшись, ожидал старта. Ему вспомнилось лицо его жены, сидевшей и прихорашивавшейся перед зеркалом; она была без платья, а сорочка с вырезом на спине обнажала ее атласную кожу и округлые мускулы, так сильно отличавшиеся от мужских. Она повернула голову, чтобы заговорить с ним, и он внезапно понял, что это была не его жена, но какая-то незнакомка. Однако он увидел ее лишь мельком и сумел различить только блеск ее глаз, нос и рот. Он не узнал это лицо, но оно точно не было лицом его жены.

Затем он обнаружил себя на склоне холма, в редком лесу из дубов и сосен, а перед ним мелькала в легкой тени спина с атласной кожей. Он последовал за ней вприпрыжку; она не становилась ближе. Он ускорил шаг; он был уверен, что когда эта женщина выйдет на солнечный свет, чего не могло не произойти в таком лесу, он сможет разглядеть ее лицо; но этого не произошло и он потерял ее из виду, оказавшись в чаще леса, среди густых и темных зарослей лавра. И эта темнота внушала ему странный, холодный, пьянящий ужас, граничивший с паникой.

Он понял, что сидит в своей кровати, испуганный и удивленный. Должно быть, что-то внезапно разбудило его. Но что это было? Он прислушался, уставившись в темноту. Его уши ничего не слышали, зато почувствовал нос. Вокруг явственно пахло гарью.

Он выскочил из кровати, распахнул дверь, выбежал на площадку и позвал Джелкса. Этот старый дом сгорит, как свеча, если пожар уже начался. Услышав наверху топот, он понял, что старик проснулся, и в тот же момент над перилами появился свет.

— Слышите меня, Джелкс? - закричал он. - Я проснулся от запаха дыма. Я думаю, нам лучше проверить все в вашем заведении.

Джелкс подошел к нему и они стояли на ступенях, принявшись и пытаясь понять, не может ли дым идти снизу. Но дым оттуда не шел. Они прошли в комнату Пастона и обнаружили здесь не только слабые голубые завихрения дыма, но и очень отчетливый запах. Старик спокойно стоял, уставившись на эти голубоватые завихрения в свете свечи, и даже не пытался что-либо с этим сделать. Хью же носился по комнате, словно ищейка; заглянул под кровать, заглянул в камин, распахнул окно, чтобы понять, не шел ли дым снаружи. Но он ничего не обнаружил. Старый Джелкс все еще стоял неподвижно.

— Дым-то есть, - сказал Хью, закрывая окно. - Но я не могу понять, откуда он идет.

— Не можете, - ответил Джелкс. - И вероятнее всего не сможете, потому что это место находится не здесь.

— Где же оно тогда? В соседнем доме?

Старик отрицательно помотал головой.

— Нет, оно вообще не в этой реальности. Вы поняли, что это запах тлеющего кедра?

Внезапно он почувствовал, что его схватили за плечи и закружили по пыльной площадке в диком танце. Хью Пастон, совсем не обращая внимания на свою дырявую пижаму, исполнял сарабанду.

— Ти Джей, - кричал он. - Вы понимаете, что начало положено? Мы смогли это сделать!

— Дьявол, - выругался Т. Джелкс, поскольку обжег свой большой палец воском упавшей свечки.

*слово «магия» в современном английском пишется как magic, но устаревшая форма этого слова пишется с «к» на конце — magick. И кстати, эта устаревшая форма была заново введена в обращение мистером Алистером Кроули — чтобы отличать всякую кухонную магию от настоящего магического искусства.

**абреакция - отреагирование; разрядка; термин в психоанализе, означающий повторное переживание травматического события, с целью дать выход избытку сдерживаемых эмоций (с) Википедия.

Глава 8.

Холодный утренний свет как всегда отрезвляюще подействовал на двух мужчин в старом книжном магазине. Хью Пастон гадал, были ли его опыты прошлой ночью лишь чистым воображением, а Т. Джелкс пытался понять, как же он будет теперь лавировать между Сциллой и Харибдой, с которыми он столкнулся. Здравый смысл не переставая твердил ему оставить все это в покое; он влипнет в очень веселенькую историю, если пойдет еще хоть немного дальше. Оккультизм неплохо смотрелся под обложками книг, особенно романов; но в реальной жизни он, вероятно, мог оказаться достаточно взрывоопасной вещью, если только речь не шла о такой чуши, как создание сновидений. Сам он по натуре был сновидцем, созерцателем; мистическая философия привлекала его теми ответами, которые она давала, и была для него способом побега от ограничений его жизни, которую он жил на весьма ничтожный доход. Но Хью Пастон не был мистиком; что бы он ни узнавал, он тут же применял это на практике. Старый Джелкс понимал, что в тот момент, когда утенок, которого он высидел, прикоснулся к воде, как можно было судить по всем признакам, он и сам вынырнул на поверхность из своих глубин.

Ему казалось, что последней каплей стал тот момент, когда он заставил Хью Пастона смириться с фактом, что его никогда не любили, но обманывали с самого начала, и поступив таким образом, он сорвал с него последние остатки самоуважения. Такая терапия могла либо убить его, либо исцелить раз и навсегда. Он сокрушил этого человека до основания. Насколько бы мужественно Хью Пастон не выносил всего этого, он, тем не менее, лежал головой в пыли. Старый книготорговец лечил его простым гомеопатическим способом, тыкая его носом в эту пыль в надежде, что хотя бы это, если уж не что-то иное, заставит его поднять голову хотя бы из чистой злобы. Если в Хью Пастоне еще осталась способность хоть на что-то реагировать, то пришло время применить стимуляторы, и это должны быть жесткие стимуляторы. Он не посмеет теперь остановиться или у него на руках окажется довольно жуткого вида развалина. Старый книготорговец вздохнул, жалея о том, что вообще начал эти игры с душами.

Он взглянул на своего *визави*, завтракающего напротив него за столом, и увидел, что тот мрачно смотрит в огонь. Серьезный разговор был невозможен, ибо домработница все еще вертелась вокруг, словно огромная синяя муха, да и в любом случае идти дальше было бессмысленно до тех пор, пока он не узнает точно, чем может помочь. Было бы жестоко давать ему надежду, а затем разрушать ее. Он твердо решил, что никаких дальнейших бесед не будет до тех пор, пока он не подготовит все к тому, что все равно должно было случиться.

Хью решил проблему за него, внезапно сказав:

— Мне придется переговорить с матерью сегодня. Не могу больше держать дела в подвешенном состоянии.

Джелкс кивнул.

— Вернетесь к обеду? - поинтересовался он.

— Нет, вернусь к ужину - если позволите.

Убедившись, что его гость благополучно покинул помещение, Джелкс сменил свой халат на старый Инвернесский плащ и вышел на улицу. Идти ему было недалеко. Пара поворотов и он был на месте. Он нажал на кнопку одного из многочисленных звонков сбоку обшарпанной двери под вычурным портиком. Визитная карточка, приколотая булавкой позади него, гласила, что владелицей звонка была мисс Мона Уилтон, дизайнер и ремесленник. Джелкс прислонился плечом к одной из пилястр, находившихся по бокам портика, и приготовился ждать, ибо он знал, что даже если мисс Мона Уилтон была дома, ей потребуется некоторое время, чтобы спуститься с верхних этажей этого высокого узкого дома и впустить его внутрь. Вскоре его терпение было вознаграждено; он услышал, что кто-то идет по голым плиткам пола в холле, дверь открылась и перед ним возникла девушка в выцветшем льняном халате голубого цвета.

Он пристально, почти с подозрением, посмотрел на нее, и увидел то, что и ожидал увидеть — повешенный нос, пустота в глазах; не смотря на ранний час, девушка выглядела истощенной и уставшей, и во всем ее облике было что-то тревожное. Так выглядят люди, которые давно ничего не ели. Джелкс почувствовал себя ужасно виноватым в том, что он не зашел проведать ее раньше.

При виде старого книготорговца глаза девушки наполнились слезами и она не смогла сказать ни слова.

— Почему ты не зашла ко мне? - спросил Джелкс, глядя ей в глаза.

— Я в порядке, - ответила девушка разбито, впуская его в пыльный, пустой коридор, в котором не было ничего, кроме вонючей детской коляски.

Он последовал за ней вверх по широкой, каменной лестнице без ковра. Они поднимались все выше и выше; наконец, голый камень сменился гулким деревом и лестница стала круче. Каждый пролет был украшен бутылками из-под молока, полными и пустыми; а также пепельницами — конечно же, полными.

Наконец они пришли к узкой винтовой лестнице, ведущей на чердак. Наверху были шаткие стеклянные перегородки. Они вошли внутрь и девушка закрыла за ними дверь.

— Боже, ну и высота! - воскликнул запыхавшийся книготорговец. - Не удивительно, что ты сохранила хорошую фигуру, моя дорогая.

— Это того стоит, - сказала девушка. — Ты же видишь, я могу закрыть за собой дверь и уединиться здесь, в то время как никто больше в этом доме не может этого сделать. Добавь к этому прекрасный вид и закаты.

Джелкс подумал, что закаты были слабым утешением лондонским летом, когда эта каморка превращалась в настоящую жаровню под черепицей.

Девушка провела его в небольшую гостиную, свет в которую проникал сквозь маленькие мансардные окна, расположенные на скошенных стенах, и усадила его в одинокое кресло, словно бы он был почетным гостем. Огонь в камине не горел, но пуховое одеяло, соскользнувшее на пол позади кресла, много говорило о том, как именно она предпочитала согреваться.

Мисс Уилтон села на маленький пуф, обхватив руками колени — чтобы не дрожать от холода, подозревал он, и улыбнулась ему, любезно пытаясь казаться веселой.

— Что занесло тебя сюда в такую рань? - поинтересовалась она.

— Есть работенка, - ответил Джелкс.

Ее лицо просияло.

— Для меня?

— Да, если ты за такое возьмешься.

— Что за работа?

— Это очень странная работа, но я думаю она принесет немало денег.

— Будет очень странно, если я за нее не возьмусь. Последняя газета подвела меня.

— Почему ты ничего мне не сказала?

— О, да ладно, о таком ведь не расскажешь, правда? У тебя не больше средств к существованию, чем у меня.

— У меня достаточно средств для того, чтобы угостить тебя обедом, - сказал Джелкс серьезно.

— Ну, на самом деле, я была неподалеку прошлой ночью, но у тебя кто-то был, поэтому я не стала заходить.

Джелкс фыркнул и резко поднялся на ноги.

— Сейчас ты пойдешь со мной и пообедаешь, - сказал он. - И ты не получишь никакой информации до тех пор, пока не сделаешь этого.

— Ох, дядя Джелкс, я не откажусь. Я уже достаточно похудела для того, чтобы больше не беспокоиться о фигуре.

Оставив халат на крючке за дверью, она вышла к нему в потертом коричневом джемпере и юбке, которые еще больше подчеркивали желтизну ее кожи и тусклость ее черных волос; надела маленькую шерстяную шапку на голову; натянула коричневое твидовое пальто с потертым кроличьим воротником, и положила в карман свой ключ.

Джелкс почувствовал облегчение, глядя на нее. Было маловероятно, что Пастон наделает здесь каких-либо проблем.

Они зашли в книжный магазин и Джелкс, усадив ее греться к огню, откармливал ее сосисками и отпаивал чаем до тех пор, пока измученный вид не начал постепенно исчезать с ее лица и она не устроилась в углу дивана, который облюбовал Хью Пастон, и не угостила себя одной из его сигарет.

— Честное слово, дядя Джелкс! - сказала она, вдохнув ароматный дым, - У тебя неплохо идут дела. Эти сигареты, должно быть, стоили тебе немалых денег.

— Все в порядке, моя дорогая, - ответил Джелкс с ухмылкой. - Они даже не мои.

— Итак, что там на счет этой работы?

— Да, что на счет нее? - ответил Джелкс, запустив руку в то, что осталось от его волос. - Я даже не знаю, с чего начать. Есть один парень, которому нужно обустроить дом.

— Ты имеешь в виду, что он хочет, чтобы я придумала дизайн помещений, выбрала мебель и все там обустроила до конца?

— Да, именно так, - ответил книготорговец нерешительно. Это описание, хотя и достаточно точное, не раскрывало всей правды и вводило в заблуждение больше, чем любая изощренная ложь.

— И что дальше? - спросила мисс Уилтон. - Ты выглядишь виноватым, дядя Джелкс. Я уверена, что ты что-то скрываешь. Этого человека можно считать порядочным?

— Да, да, с этим все хорошо. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Тогда в чем проблема?

— Я не уверен, что проблема на самом деле существует. Я боюсь, что я слишком старомоден. Я думаю, что ты и сама можешь позаботиться о себе, причем намного лучше, чем многие другие девчонки в твоём возрасте.

— Если бы не могла, - сказала Мона. - Я бы давно сдохла. Я буду поддерживать отношения с этим человеком до тех пор, пока он будет в состоянии мне платить. Только я не хочу, чтобы в результате у меня остались долги перед какими-либо фирмами, поскольку это плохо отразится на моей будущей репутации.

— Он достаточно платежеспособен. Он внук того человека, который основал Пастон, крупную фирму по продаже чая. Я полагаю, что она частично принадлежит и ему, и много чего еще кроме нее.

— А он никак не связан с тем человеком, чья жена недавно погибла в автоаварии, сбежав из дома?

— Да, это он и есть. Но она не сбежала. Ему не повезло. Она жила на два дома.

— Я бы сказала, что это мерзко.

— Это необычайно мерзко. И это наделало беспорядка в жизни этого человека. Я очень ему сочувствую.

— Зачем ему новая мебель? Он уже пришел в себя?

— Нет. Не совсем. Я думаю, что он просто не может видеть всю эту старую мебель, если тебе интересно мое мнение. Он отдал весь дом в руки аукционеров, чтобы они распродали оттуда все, что смогут найти.

— И он хочет, чтобы я выбрала для него новую мебель? Разве у него нет женщин, которые могли бы ему помочь с этим?

— Мне ничего об этом неизвестно. Я не увидел ни единого намека на то, что они есть. Но в любом случае, ему нужно место с совершенно особенной отделкой.

— Это должно быть интересно.

— Очень интересно, - сказал Джелкс сухо. - Я надеюсь только, что это не превратится во что-то слишком интересное к тому времени, как ты ввяжешься в это.

— К чему столько таинственности? Переходи к делу, дядя.

— Ну, как бы тебе сказать, Мона. Он погрузился к чтение романов Гюисманса, «Без дна» и «Наоборот», и он хочет развлечь себя тем, что пойдет и сделает нечто подобное.

— Он хочет провести Черную Мессу? Как интересно!

— Так, Мона, мне не хочется, чтобы ты говорила об этом в таком духе, даже в шутку. Он конечно же не будет проводить Черную Мессу или я не буду сводить тебя с ним. Что он хочет сделать, так это обставить дом в...mmm...эзотерическом стиле.

— И что он понимает под этим?

— Да чтоб меня повесили, если я знаю, о чем идет речь. И я не думаю, что он сам знает. Так что в этом должна быть некая доля импровизации.

— Конечно должна, если он сам такой же туманный, как и всё остальное, - ответила Мона. - Но даже если так, я не могу обманывать этого несчастного человека. В этом и заключается моя работа — следить, чтобы его никто не обманул.

— Да, это точно. Видишь ли, моя дорогая, он получил кошмарную встряску из-за этого происшествия с его женой; и я думаю, что если ему будет нечем заняться, то он совсем сойдет с ума. И я подумал, что ты можешь получить здесь не меньше выгоды, чем кто-либо другой.

— Огромное спасибо, дядя Джелкс. Я буду очень рада этой работе и я не стану обманывать его больше, чем было бы приемлемо и справедливо в данном случае, и позабочусь о нем в целом. Я полагаю, это от меня и требуется? Ты взял его под свое шерстяное крыло?

— Ну, честно говоря, да. Я очень сочувствую парню.

— Какой он? Он милый?

— Он не так уж плох. Один из этих светских людей, как ты могла догадаться.

— А он носит галстук старой школы*?

— Нет, ему это не нужно. У него все в порядке с одеждой.

— Ты *циник*, дядя Джелкс.

— Ну, моя дорогая, если человек выглядит как джентельмен, ему не нужен лейбл. Только если он выглядит, как живая реклама, он нацепит какой-нибудь знак, кричащий «посмотрите, я джентельмен, хотя вам может казаться иначе».

— Он привлекательный?

— Нет, совершенно обыкновенный.

— Ты переживаешь за мои моральные устои, дядя Джелкс?

— Не более, чем обычно, дорогая моя. Но я знаю, какими бывают эти светские мужчины.

— Полагаю, он считает горничных своими игрушками. Тогда совсем скоро я разрушу его иллюзии. Кстати, где находится его дом?

— Он еще не решил. Я думал, что тебе захочется помочь ему в его поисках.

— Дядя, это становится все забавнее. Я прежде никогда не имела возможности выбрать дом самостоятельно. Мне всегда приходилось делать лучшее, что было возможно, с тем, что выбирал кто-то другой.

— Это будет более чем забавно, Мона. Это станет действительно полезной работой, если ты направишь его по верному пути. Парню необходимо выбраться из собственной головы или он действительно разобьется о скалы.

— Сдается мне, что я должна отремонтировать его самого точно также, как и его дом. Когда я встречу с этим бедным молодым человеком? Я так понимаю, он молод, иначе бы ты не опасался настолько за мои моральные устои?

— Тебе должно быть стыдно за себя.

— Над этим ты не властен, дядя. Не нужно размахивать приманкой у меня перед носом. Иначе как я смогу отказаться от нее? Но тебе незачем волноваться. Я буду общаться с ним только как профессионал. Я понимаю, что лучше не напрашиваться на неприятности.

— Тогда прекрасно. Ты придешь сегодня около семи вечера и поужинаешь с нами. И надень свое зеленое платье. Я не могу видеть тебя в этой ужасной коричневой одежде. В ней ты кажешься еще более серой. Почему ты все время носишь эти темные цвета? Они делают тебя похожей на покойницу.

— Я ношу их, потому что на них не видна грязь, дядя Джелкс. И я не могу надеть свое зеленое платье, потому что другой мой дядя забрал его. Ну, ты знаешь, процентщик. Так что, боюсь, этого будет достаточно. Но как бы то ни было, я не вижу смысла наряжаться ради мужчины вроде мистера Пастона, потому что в его глазах я выглядела бы в своем лучшем наряде так, как если бы была самой обычной горничной на выходном.

Едва мисс Уилтон выскользнула за дверь, как вернулся Хью Пастон.

— Ну, Ти Джей, - сказал он. - Я выполнил свой долг перед семьей. Я пообедал со своей матерью. Бедная старушка. Она ужасно измотана этим происшествием. Она не может обвинять в этом только меня и в то же время она очень зла. Она говорит, что мне нужно было лучше присматривать за Фридой. Я сказал ей, что только лишь потому, что я не следил за ней слишком сильно, все это продолжалось так долго. Они бы сгорели гораздо раньше, если бы я строго следил за всем. И тем не менее, мать винит меня в случившемся. Это ведь ее еда. Видите ли, все ее светские амбиции разрушены. Мы ведь не принадлежим к высшему обществу, как вы могли понять. Мы поднялись лишь немногим выше, чем розничные торговцы. Друзья Фриды больше не хотят иметь со мной дел после того, что произошло; так что мы снова здесь, мы вернулись туда, откуда начали.

Старый книготорговец неодобрительно хмыкнул.

— Только представьте, они уже присмотрели мне вторую жену. Пришла моя старшая сестра и начала рассказывать о какой-то очень бедной дочери герцога, с которой она сдружилась. Я понял, что моя мать итак об этом знает, но мы вынуждены были слушать об этом снова якобы ради моего же блага. На какую жизнь я подписал себя ради фунта чая. Чай Пастона. Это очень хорошо меня характеризует. Будь оно все проклято, Джелкс, неужели они ждут, что я пойду на это снова?

— Что же вы тогда собираетесь делать? Вести распутную жизнь и наслаждаться собой?

— Да, именно это. Обжегшись на молоке, будешь дуть на воду. Я не хочу улучшать свое социальное положение, так зачем же мне тогда жениться?

— И правда, зачем? - ответил Джелкс.

— Ну, так вы не обдумали мой план еще раз?

— Я не только обдумал его, но и продвинулся дальше.

— Отлично! Куда продвинулись?

— Я встретился с художником, о котором говорил вам.

Он дал Хью визитку Моны.

— О, так это женщина? - воскликнул Пастон.

— Да. Простая. Тридцатилетняя. Компетентная. Вам она понравится. Она знает свою работу.

— Святой боже, Ти Джей, вы же не думаете, что я готов начать все это заново? Дайте мне хоть немного перевести дух. Вы ничуть не лучше моей сестры.

Т. Джелкс густо покраснел до самой макушки своей лысой головы.

— Меня не волнует, мужчина это или женщина, или «ветренный гермафродит», если этот человек знает свою работу, - сказал Хью.

— Она зайдет сегодня вечером поужинать.

— Хорошо. Планы не изменились, как я понимаю?

— Нет, планы не изменились.

*имеется в виду галстук выпускников частных британских школ, являвшийся символом принадлежности окончивших такие школы к правящему классу.

Глава 9.

Джелкс раскладывал по тарелкам готовый пудинг из говяжьего мяса, выполнив эту задачу почти наполовину, когда в полужастекленную дверь магазина раздался стук.

— Хью, не подойдете ли вы к двери? - спросил он из кухни, гадая, доводилось ли Пастону раньше открывать кому-либо дверь и как он отнесется к подобной просьбе. Он был твердо убежден в том, что люди, подобные Хью, были не способны даже вытереть себе нос самостоятельно.

Он услышал шаги, удаляющиеся по клеенчатому полу магазина, звон колокольчика, когда открылась дверь, и голоса — теплый участливый мужской и холодный деловой женский.

Мона Уилтон, войдя в дверь магазина с непокрытой головой, была удивлена встречей с незнакомцем. Яркий свет фонаря не пощадил никого из них. Она увидела перед собой тощего мужчину, хорошо сшитый костюм на котором делал все возможное для того, чтобы скрыть сутулость его плеч. Его лицо с резкими чертами выглядело измученным, а черный галстук напомнил ей о причинах этого. Если не брать в расчет его прекрасную одежду, то он был персонажем неприметным, подумала она, лишенным всякой индивидуальности. Она не удивлялась, что жена этого мужчины изменяла ему. Могло ли быть в нем что-то такое, что заставило бы женщину хранить ему верность?

Он, в свою очередь, увидел под ярким белым светом довольно молодую женщину, уставшую, имевшую нездоровый цвет лица и несколько неухоженные темные волосы. Лицо ее было квадратным, с мощным подбородком и широким ртом, а ее губы не были накрашены. Единственное, что его поразило в ней, была ее сильная, мускулистая шея, мышцы которой под оливковой кожей казались мужскими. У нее были широко посаженные глаза цвета лесного ореха и густые черные брови, которые почти сходились над ее коротким, прямым носом. Ее брови были намного темнее ее рыжевато-коричневых волос, похожих на шерсть больной кошки. Она носила *прямой пробор*, прямую челку впереди и прямой боб сзади. Хью Пастон, которому никогда еще не доводилось встречать женщину без завивки, решил, что она выглядит в точности как миссис Ной, сошедшая с Ноева ковчега.

Она прошла в комнату позади магазина и поскольку он задержался, чтобы закрыть дверь, то услышал, как старый книготорговец заворчал на нее. Он был не слишком поражен выбором Джелкса. Честно сказать, он даже был разочарован. Он надеялся увидеть нечто более необычное, чем это — потрепанный стиль старого доброго Челси*. Если бы он только мог, он бы инкрустировал ее драгоценными камнями, как черепаху Дез Эссента, чтобы она стала более яркой. Однако она казалась компетентным специалистом; и на ее счет точно не возникло бы никаких глупых мыслей. Было бы сложно представить себе женщину, вызывающую еще меньше глупых мыслей. Она была чем-то похожа на миссис Макинтош. Фрида умела выбирать экономок.

Он присоединился к компании в комнате позади магазина. Джелкс не стал тратить времени на то, чтобы представить их друг другу. Он считал само собой разумеющимся, что они уже познакомились. Они придвинули стулья к столу и он, вместо того, чтобы подать еду прямо со сковородки, как он делал всегда, чинно водрузил перед ними старое блюдо с китайским узором, до черноты обгоревшее в духовке.

Беседа не задалась. Старый Джелкс не утруждал себя разговорами, по старой привычке поглощая еду в молчании. Девушка, казалось, тоже готова была сидеть в тишине или ответить на любой заданный ей вопрос, как делала и миссис Макинтош в присутствии своего работодателя; но Хью, будучи хорошо обученным своими женщинами, упорно старался разговорить ее.

Он пытался поговорить с ней о ее работе и она отвечала ему холодно и без всякого энтузиазма, рассказывая о своей квалификации и о том, каким опытом она обладала. Он видел, что она не собирается дружить с ним и держится по-деловому. Это возмущало его. Разве она, приняв приглашение на обед, не должна была принять также и подразумевающиеся под этим правила социальных отношений, вместо того чтобы общаться с ним так, как если бы их, так сказать, разделял прилавок? Но он предположил, что у нее, возможно, был некий неприятный опыт в свое время, хоть она и не казалась человеком, который мог бы попасть в подобную ситуацию, и раз теперь она предпочитала держать своих клиентов мужского пола на некотором расстоянии, что ж, это даже делало ей честь. Однако он чувствовал себя несколько уязвленным и обманутым, как если бы не получил должного отношения за те деньги, которые намеревался потратить.

В такой атмосфере обед завершился очень быстро; Джелкс усадил их пить чай рядом с огнем и, легко махнув рукой, сказал:

— Так, вы двое, теперь займитесь вашими делами, пока я прибираюсь, - и исчез в кухне, оставив их разбираться с проблемой самостоятельно.

Хью, взяв пример с девушки, решил перейти прямо к делу.

— Рассказывал ли вам мистер Джелкс что-нибудь о том, что я хочу сделать? - поинтересовался он.

— Немного, - ответила девушка. И затем внезапно ее широкие бесцветные губы растянулись в улыбке. — Я слышала, что вы прочитали «Наоборот».

Неожиданное смягчение девушки удивило Хью Пастона, настолько разительной была эта перемена. Но еще до того, как он успел ответить, на ее лице вновь возникло прежнее бесстрастное выражение. Однако он понял, какую пользу может извлечь из своей временной победы. Он должен был разморозить эту девушку. Невозможно было говорить о том, что он хотел сделать, с безучастной бизнес-леди; невозможно было заставить ее помогать ему.

— Я полагаю, мистер Джелкс сказал вам, что я несколько безумен? - спросил он.

Улыбка коснулась уголков ее рта.

— Нет, этого он не говорил, - ответила она.

— Что ж, поверьте мне, это так. Как бы то ни было, я очень эксцентричен.

Она снова улыбнулась на мгновение, а затем неожиданная перемена произошла во всем ее лице, которое смягчилось и стало почти прекрасным, и Хью Пастон понял, что этой женщине уже была известна история его трагедии. Волна неконтролируемых эмоций захлестнула его;

губы его задрожали, а глаза уставились в пространство и перед ними возник образ двух изуродованных мертвецов. Прошло несколько секунд, прежде чем он сумел взять себя в руки, но как только ему удалось это сделать и он вновь встретился взглядом с этой женщиной, он понял, что барьеры между ними были сломаны.

Он неловко поерзал на стуле, отчаянно пытаясь найти слова, которые могли бы нарушить молчание и вернуть разговор в нормальное русло.

Однако той, кто спас ситуацию, стала женщина.

— Я так понимаю, что мне нужно приступить к работе и сперва заняться поисками дома? - спросила она.

— Да, пожалуй, - ответил Хью, с благодарностью хватаясь за этот спасательный круг. - Я был бы ужасно рад, если бы вы это сделали.

— Какой именно дом вы хотели бы приобрести и где?

— Вы знаете, я не имею ни малейшего представления об этом, - сказал Хью, и девушка разразилась смехом. Невыносимое напряжение спало и Хью, рассмеявшись тоже, откинулся на спинку дивана.

— Я же говорил вам, что схожу с ума, - сказал он, и девушка рассмеялась снова. Но за этим смехом скрывалось глубокое понимание того, почему этот человек выбросил из своей жизни все, чем он владел, и какие кошмарные муки души скрывались за его эксцентричностью. Посмеяться над ним и заставить его самого смеяться над собой было самой безопасной вещью, которую можно было сделать в данный момент. Нет ничего, что могло бы заменить смех, ни как способ маскировки, ни как предохранительный клапан.

Мона Уилтон наклонилась вперед, положив локоть на колено, а подбородок на ладонь, и внимательно посмотрела на него.

— Это должно быть что-то среднее между описанным в романах «Без Дна» и «Наоборот»? - спросила она.

— Да, все в точности так, - ответил Хью с энтузиазмом, переключив на нее все свое внимание, чего она и добивалась.

— Вам важна близость к городу или что-то еще в таком духе?

— Это мелочи.

— Хорошо, тогда лучшее, что мы можем сделать, это достать карту и выбрать наиболее подходящий для этого район. Дядя Джелкс! - позвала она, и старый книготорговец высунул голову с кухни. - У тебя есть большой атлас? Такой, чтобы там была еще и геологическая карта?

Джелкс направился в дальний угол комнаты, отодвинул ногой несколько книг в сторону и вытащил огромный полусгнивший том.

— Держите, - сказал он, принеся его к дивану и положив между ними. - Он довольно старый, но я думаю, что геологические пласты мало изменились со времен его публикации.

— И дай мне пожалуйста еще линейку и карандаш.

— Ха, - воскликнул книготорговец. - Так ты включилась в игру, как я понимаю?

Он дал ей то, о чем она просила, и снова исчез в кухне, очевидно, занявшись мытьем посуды - небывалое развлечение.

— Теперь смотрите, - сказала Мона, открывая в атласе карту Англии. — Есть определенные места, которые намного больше, чем другие, подходят для того, что вы хотите сделать, и среди них есть несколько мест, где вы могли бы выращивать рододендроны, и несколько мест, где вы могли бы выращивать розы; и на местах, где будут расти одни цветы, не будут расти другие.

— О, так вы еще и садовод, в добавок ко всем остальным вашим талантам?

— Была когда-то. А теперь смотрите в карту. Видите Эйвбери?

— Да.

— Это место было центром поклонения Солнцу в старые времена. Теперь проведите линию от Эйвбери до любого другого места, где еще остались следы старой веры, и любое место, расположенное вдоль этой линии, будет подходящим для того, что вы хотите сделать.

— Господи, да причем тут все это?

— Вы хотите пробудить Старых Богов, правда?

— Да.

— Ну тогда отправляйтесь туда, где всегда поклонялись Старым Богам.

— Но разве не стоит тогда поехать в сам Эйвбери или к Стоунхенджу?

— Слишком много туристов. Вы не сможете быть там в уединении. Нет, линии силы между этими местами намного больше подходят для достижения ваших целей. Вы получите достаточное количество энергии, но при этом она не сокрушит вас.

— Если там такое количество энергии, то почему же она не сбивает с ног жителей окрестных деревень?

— Потому что они об этом не думают. Вы можете войти в контакт с такими вещами, только если вы думаете о них. Но вы обнаружите, что люди, живущие в этих местах силы, просто ненавидят любое упоминание о Невидимом. Их как будто бы гладят против шерсти и они корчатся в муках. Это их реакция на невидимые силы. Спросите людей в Гластонбери**, что они думают о Блай Бонде***, и вы увидите, как они свирепеют.

— Я бы скорее спросил их о том, что они думают о Джоне Купере Пауисе****. Мне кажется, пророк лишен не только чести, но и репутации в своем родном месте.

— Вы же не рассчитываете на то, что сохраните свою репутацию, если пойдете на такое? Ведь если вы поселитесь в загородном доме и сделаете что-то, что выходит за рамки обычного, люди будут думать о вас очень плохо?

— Чем хуже, тем лучше. Единственное, чего я хочу, это избавиться от местного общества.

Слабая улыбка появилась на лице Моны Уилтон, когда она склонилась над картой.

— Вы непременно избавитесь от него, - сказала она.

— Ну хорошо, смотрите, я поставил палец на Эйвбери, что дальше?

— Положите на него край линейки и медленно вращайте. Где она теперь?

— Один конец указывает на Корнуолл, другой на север Лондона.

— Вы видите Тинтеджел?

— Да, это немного севернее моей линейки.

— Поставьте линейку в Тинтеджел. Это западный центр силы. Теперь проведите от него линию прямо по карте до самого Эйвбери.

Хью прочертил линию карандашом.

— Теперь продлите линию до Сент-Олбанс. Она все еще прямая?

— Убийственно прямая. Это одна линия.

— Сент-Олбанс является восточным центром силы. Теперь найдите мыс Сент-Олбанс Хед в Дорсете, и положите линейку так, чтобы другой ее конец оказался в Линдисфарне, на побережье Нортумберленда. Проходит ли она через Эйвбери?

— Да.

— Линдисфарн является северным центром силы. Теперь смотрите, если вы проведете линию через Эйвбери от Линдисфарна или от Тинтеджела, вы закончите Сент-Олбансом. Странно, не правда ли?

— Да, это странно. Только я не совсем понимаю, что в этом должно удивлять.

— Святой Албан***** был первым британским святым.

— Но послушайте, нам не нужны никакие святые в этом деле.

— Разве вы не понимаете, что эти доисторические святые на самом деле являются Древними Богами, на которых просто надели белое пальто? Вы не знали, что совсем рядом — иногда даже прямо в склепах старинных соборов — особенно тех, которые построены саксами, неизменно находят следы древнего культа поклонения Солнцу?

— Но почему так происходит?

— Это очень просто и естественно, если подумать. Древние бритты, которые были язычниками, имели привычку устраивать ярмарки каждый раз, когда они стекались в свои священные места для проведения праздника Солнца. Ярмарки проходили совершенно одинаково, вне зависимости от того, были ли они язычниками или христианами, а миссионерские центры вырастали именно там, где собирались вместе толпы людей. Когда король принял новую веру, они просто заменили Солнце на Сына. Обычные люди не заметили никакой разницы. Они приходили на ярмарки для того, чтобы повеселиться и поучаствовать в церемонии, приносящей удачу и делающей поля плодородными. Откуда им было знать, в чем разница между Страстной Пятницей и праздником весенней пахоты? Человеческие жертвы приносились и в том, и в другом случае.

— *Plus ça change, plus c'est la même chose******, - сказал Хью.

— Именно так.

— То есть когда кто-то хочет напасть на след Древних Богов, он должен обнюхать пятки настоятелей и священников, будучи уверенным в том, что Боги притаились где-то неподалеку?

— Да, именно. Видите ли, там, где люди привыкли тянуться к Невидимому, образуется своего рода след, и по нему пройти туда намного проще.

— Но конечно же священники и настоятели сразу же начнут изгонять духов с колоколом, книгой и свечой, стоит им только узнать об этом?

— Конечно да, и поэтому мы, те, кто поклоняемся Древним Богам, используем силовые линии между этими центрами, поскольку с самих центров все силы были изгнаны очень давно. Но они не знали о линиях силы, поэтому никогда не проводили там сеансы изгнания.

— Как они их изгнали?

— Они поставили там часовни, посвященные святому Михаилу, чьей задачей является сдерживание сил преисподней, и устроили там места вечного поклонения. Одна стоит прямо на вершине Гластонберийского Тора; другая на горе Святого Михаила в Корнуолле; и третья в Мон-Сен-Мишеле в Бретани, и эти три часовни образуют равносторонний треугольник. И я

поделюсь с вами одним забавным фактом о той, что стояла на вершине Гластонберийского Тора. Здание церкви рухнуло во время землетрясения, и только башня осталась стоять. А стоящая башня является символом Древних Богов, так что Дьявол определенно одержал там победу.

— То есть Древние Боги это и есть Дьявол?

— Христиане думают, что да.

— А как вам кажется, кто они такие?

— То же самое, что Фрейд называл бессознательным.

— Да ладно, правда? Хотелось бы мне знать, что вы имеете в виду под этим?

— Может, продолжим поиски дома? Сейчас лучшим местом для получения того опыта, который вам нужен, станет то, где есть известняк. Переверните страницу и загляните в геологическую карту, и посмотрите, где линии, проведенные вами, проходят по известковым отложениям.

— Они много где идут по ним, правда? Эйвбери стоит на известковых породах; и Сент-Олбанс стоит на них.

— Ну, любое место вдоль линии, идущей по известковым породам, отлично подойдет для ваших целей.

— Это значительно сужает область поиска. Что дальше?

— Нужно взять карту большего масштаба и найти на ней стоячие камни и искусственные водоемы.

— Для чего использовались стоячие камни?

— Считается, что они были алтарями, используемыми в древности для жертвоприношений, но на самом деле они отмечают местоположение линий силы между центрами. Камни на возвышенностях и искусственные водоемы внизу.

— Я думал, эти водоемы были сделаны древними кузнецами.

— Они находятся там, где нет железа, поэтому вряд ли.

— Тогда для чего древний человек запруживал реки?

— Потому что вода может сама перемещаться в низине среди деревьев, а камни не могут. И потом, вы же видите, что если переводить взгляд с одного камня на другой, то получится убийственно ровная линия, проходящая через всю страну. Вы знаете о Длинном Человеке, вырезанном в грунте на известковых холмах? Вы помните, что он держит палки в обеих

руках? Так вот, это два жезла, которые показывают направление этих линий. И линии эти пересекают всю Англию вдоль и поперек, как кристаллическая решетка. Вы можете вычислить их по любой карте крупного масштаба, исследуя названия мест, стоячие камни и места раскопок.

— Но послушайте, я же всего лишь хотел провести инвокацию Пана. Какое отношение всё вот это имеет к Пану?

— Хорошо, кто такой Пан?

— Одному Богу известно. Мне нет.

— Вы же не думаете, что он и вправду наполовину козел, а Иегова — это такой старик с золотой короной на голове и длинной белой бородой, создавший людей из грязи?

— Сказать по правде, я никогда об этом не думал. И то, и другое всего лишь имена для меня.

— Но они оба что-то символизируют, вы же понимаете. Это... Это движущие силы.

— С чем я их и поздравляю. Я знаю только то, что я получаю мощный энергетический заряд от одной мысли о Панае, и не чувствую ничего от мыслей о Иегове с тех пор, как перерос идею существования ада. Но обойдемся без метафизики. Давайте займемся домом.

— Но то, что вы хотите сделать, это и есть метафизика в чистом виде.

— Об этом мне тоже ничего не известно. Я боюсь, что эти вещи выше моего понимания. Я должен оставить это вам и мистеру Джелксу. Теперь скажите мне, какой следующий пункт в нашей программе? Искать дом в поселениях, расположенных вдоль этой линии, проходящей по известковым породам? Но кто будет этим заниматься?

— Я буду, если вы захотите.

— Как вы туда доберетесь?

— На автобусах «Зеленой линии», а потом пешком.

— Это очень медленное и утомительное занятие. Я мог бы возить вас на своей машине, и тогда мы бы могли смотреть дома вместе?

— Это было бы очень мило с вашей стороны.

Краем глаза Мона уловила какое-то движение на заднем плане и, подняв глаза, она увидела показавшуюся из-за кухонного косяка ястребиную голову книготорговца, с укором посмотревшего на нее.

Очевидно, Джелкс решил, что этой ночью с него хватит мытья посуды и что его долг — вернуться и взять ситуацию в свои руки, так что он уселся в свое кресло и обнаружил, что

испытывает все то же самое, что и насадка, чьи утята наконец спустились на воду. После этого беседа затихла.

*район Лондона, где проживали художники, писатели и всевозможный творческий бомонд.

**одно из мест силы в Англии, где вела свою оккультную деятельность Дион Форчун и где, по легенде, похоронен Король Артур.

***имеется в виду Фредерик Блай Бонд, археолог, который в начале 20 века должен был вести раскопки на месте Гластонберийского аббатства и установил спиритический контакт с «вольными каменщиками» (масонами), которые имели отношение к аббатству в 16 веке.

****британский философ, писатель. Одна из его книг посвящена как раз Гластонберийскому аббатству.

*****Святой Албан был первым христианским мучеником в Англии, казненным за веру в начале IV века.

*****Выражение, означающее нечто вроде «Всё меняется, всё остается неизменным» или же нечто вроде «Ничто не ново под Луной».

Глава 10.

Ровно в десять часов утра Мона Уилтон подошла к магазину подержанных книг, облаченная в свое коричневое твидовое пальто с кроличьим воротником и маленькую вязаную шапку. Снаружи стоял открытый двухместный автомобиль из тех, что используются для гонок. Его ветровое стекло было микроскопическим и у него не было совсем никакой крыши. Мона посмотрела на него с опаской; ее твидовое пальто было из самых дешевых, оно почти совсем не давало тепла, а день выдался холодный.

Она вошла в магазин и обнаружила, что Хью и старый книготорговец все еще не закончили свой завтрак. Ей была предложена чашка чая и она не отказалась от нее. Старый Джелкс молча отрезал для нее толстый кусок хлеба и намазал его джемом, и от этого она тоже не отказалась.

Хью поднялся из-за стола и накинул на себя тяжелое кожаное автомобильное пальто; надел на голову кожаный гоночный шлем и натянул на руки пару больших перчаток на шерстяной подкладке.

— Итак, мы готовы, - сказал он. Мона молча согласилась. Они вышли на улицу.

— Я должен извиниться перед вами. - сказал Хью, - Я забыл, что у меня остался только этот автомобиль, когда предлагал вас подвезти.

Мона вспомнила о том, что случилось с другой машиной, и по его лицу она поняла, что он думал о том же самом.

Они сели в машину. Вокруг ее коленей был обернут красивый плед из шерсти ламы, однако как только они выехали на главную дорогу, ледяной ветер начал полосовать ее сверху, словно

нож. К ее удивлению, они повернули на восток, а не на запад. Машина, словно гончая, петляла в потоке машин, и затем резко остановилась рядом со зданием фирмы, занимавшейся продажей автомобильных аксессуаров. Хью Пастон вышел. Мона, решив, что он собирается купить что-то для машины, осталась на месте.

— Вылезайте, - сказал Хью, открыв перед ней низкую дверь. Она покорно вышла из машины и проследовала за ним. Никто не спорит с клиентами.

Он вел ее через ряды ламп и клаксонов, и, наконец, привел туда, где были выставлены кожаные пальто.

— Мне нужно пальто для этой леди, - сказал он дежурному продавцу.

Мона ахнула. Открыла рот, чтобы возразить ему. Закрыла его снова в растерянности и пронзила его взглядом в безмолвном протесте. Он повернулся к ней, грустно улыбаясь.

— Не беспокойтесь, - сказал он. - Это ничего для меня не значит. У меня столько денег, что я вряд ли когда-либо найду применение им всем. Вы можете оставить пальто в машине, если не захотите его забрать, но я не могу смотреть на то, как вы дрожите.

Мона не смогла найти слов, чтобы ответить. Независимая женщина-профессионал в ней была против того, чтобы принимать этот подарок, и все же она была глубоко тронута тем, как он был сделан. Поведение мужчины создавало впечатление, что у него не было ли малейшего желания ей понравиться; что он совершенно не ждал никакой благодарности за то, что он мог сделать. Прежде, чем она смогла вернуть себе дар речи, продавец вернулся обратно с охапкой одежды.

Глаз Моны упал что-то строгое и темно-коричневое, но Хью Пастон приподнял край ярко-зеленого, нефритового цвета пальто.

— Мне нравится, как выглядит вот это, а вам?

— О, нет, - ответила Мона. - Оно слишком яркое для меня.

— Забавный вы человек. Как художник, вы должны бы разбираться в цветах, но вместо этого вы носите вещи, в которых выглядите, как покойница.

— Я знаю. Дядя Джелкс всегда ворчит на меня из-за этого. Но это не из-за того, что они мне на самом деле нравятся. Это из соображений экономии.

— Давайте хоть раз вы позволите себе выделиться. Примерьте это зеленое пальто. Мне кажется, оно вам понравится.

Она позволила ему надеть на нее зеленое нефритовое пальто. В кармане был мягкий кожаный шлем с ремешком для подбородка, который делал ее похожей на эльфа, обрамляя ее прямые черные волосы и лицо оливкового цвета.

Хью Пастон задумчиво на нее посмотрел.

— Вы знаете, мне кажется, что эта одежда как ничто иное подходит для того, чтобы отправиться в ней на поиски Пана, - сказал он.

Было намного приятнее ехать в кожаном пальто на верблюжьей подкладке вместо тонкой холодной накидки. Машина, рыча на второй скорости, ловко сновала между потоком машин. Мона с интересом наблюдала за тем, как Хью Пастон управляет ей. Много можно узнать о человеке, просто наблюдая за тем, как он водит машину. Она видела, что он точно знает, как обращаться с автомобилем, что он может с ним делать и чего от него ожидать, и что он знает, когда нужно нажать на газ, а когда на тормоз, чтобы выбраться из сложной ситуации на дороге, а как раз этим и определяется мастерство водителя. Он с большой симпатией относился к своей машине и казалось, надеялся на ответную симпатию с ее стороны. По сути его контакт с неживым автомобилем был намного более тесным, чем с любым из человеческих существ. Единственной вещью, которой он, казалось, совсем не ждал от людей, была симпатия. Всем своим поведением он как будто бы говорил «Я знаю, что я осточертел вам. Я не жду, что я вам понравлюсь; но я настолько привык к тому, что я никому не нравлюсь, что совсем не возражаю против этого». Это не было обидой, как не было и ответным жестом; только молчаливое принятие своего одиночества. Она думала о том, какой пережитый им опыт мог сделать его тем, кем он был, и какое восстание против жизни могло привести к его порыву отправиться на поиски Пана.

Ей было совершенно ясно, что мужчина, сидевший рядом с ней, не был сейчас в своем нормальном состоянии, и она пыталась представить себе, каким он был, когда в полной мере был собой. Между вспышками своего внезапного оживления он был крайне пессимистичным. У нее сложилось впечатление, что этот пессимизм был его привычным отношением к жизни; и все же она не думала, что это могло считаться нормой. Он казался ей человеком, который отказался от жизни; однако в его положении ему стоило лишь захотеть чего-либо, чтобы это тут же было ему дано. Она и сама сейчас дошла до того, что готова была расстаться с жизнью, потому что бороться за то, чтобы свести концы с концами, ей было слишком сложно. Ей казалось, что будь у нее столько же денег, сколько у этого человека, ее жизнь была бы невероятно насыщенной. Она не подозревала о том, как изматывает владение большим состоянием и что обладающий им становится жертвой своего собственного богатства. Она знала, что обычно все богатые люди, а в особенности те, которые не могли сами распоряжаться своей судьбой, подозревали каждого, кто был с ним слишком вежлив, в попытках засунуть руку в их карман. Но Хью Пастон, казалось, думал что-то вроде «Это настолько естественно, что вы пытаетесь засунуть руку ко мне в карман, что я не жду от вас чего-то другого. Мои деньги совершенно бесполезны для меня. Если они могут быть полезны для вас, то пожалуйста, распоряжайтесь ими, как хотите». Она подозревала, что он спокойно раздавал их всем, кто просил его об этом, ожидая, что не придется возвращать ему долг и получая в итоге именно это. В ней внезапно проснулось страстное желание защитить его от любого использования.

С такой машиной, как была у Хью Пастона, и его манерой вождения они достаточно скоро свернули с лондонских улиц на магистраль. Хью переключился на верхнюю передачу, машина затихла до равномерного похрапывания, и разговор в ней стал возможным.

— Как далеко мы заберемся, прежде чем начнем искать дом? - спросил мужчина у своей спутницы, когда и без того малое для буднего дня количество машин осталось позади.

— Мы должны очиститься от ауры Лондона, - последовал ответ, произнесенный неожиданно громким голосом, легко перекричавшем порывы ветра и рев автомобиля.

— Далеко для этого нужно уехать?

— По-разному на разных дорогах. Бесплодные почвы и возвышенности в равной мере разрушают ее. Я скажу вам, когда мы очистимся.

Какое-то время они ехали в молчании.

— Мы еще не избавились от нее? - снова спросил Хью.

— Нет еще. Она тянется по дну долины вместе с лентой зданий. Думаю, все жители этих красных домов каждый день ездят в Лондон. Слушайте, сверните на какое-нибудь шоссе. Если мы свернем с главной дороги, мы избавимся от нее гораздо быстрее.

Хью свернул на узкую боковую дорогу, которая спускалась на дно долины, туда, где среди ивовых зарослей бежал болотистый ручей, пересеченный горбатым мостом, и затем лениво поднималась по дальнему склону. Вскоре они оказались на просторном пустыре. Все здесь было безжизненным и иссушенным, хотя за заборами вдоль главной дороги уже вовсю пробивалась первая зелень. Редкие шотландские сосны прерывали линию горизонта; скудная россыпь берез виднелась тут и там, почерневшие от огня стебли зарослей дрока извивались, словно в непрекращающейся агонии, и среди них виднелись банки и бутылки, брошенные здесь после многочисленных пикников. Это было не самое приятное место.

— Мы все еще слишком близко к главной дороге, - сказала Мона.

— Так вот куда все лондонские помои сливаются по воскресеньям.

Они покинули пустырь и нырнули в другую, более мелкую долину, которая была чуть меньше, чем впадина между двумя возвышенностями, и внезапно обнаружили, что находятся в сельской Англии. Среднестатистический автолюбитель не заезжал дальше того первого открытого клочка земли. Здесь же была нетронутая местность. Они ехали по извилистой дорожке между высокими живыми изгородями, в просветах между которыми время от времени виднелись пашни. Затем местность начинала подниматься в гору и пашни сменялись пастбищами. Уклон становился еще круче и пастбище сменилось открытым лугом, по которому гуляло несколько гусей. Вдоль одной стороны луга тянулась деревушка, и когда они подъехали к ней, то увидели, как пожилая дама в соломенной шляпе медленно проковыляла по дороге с ведром в руках и начала крутить ручку насоса.

— Боже мой, - сказал Хью. - Это же дикари.

— Не такие уж они и дикари, - ответила Мона. - Им посчастливилось иметь насос. У них могло бы быть только ведро и лебедка. Теперь надо найти деревенский магазин, ибо это как раз то место, где мы сможем выудить какую-нибудь информацию.

— Но почему не паб? Или вы ярая трезвенница?

— Не в этом дело. Но в пабе мы получим совсем не ту информацию, которую можем получить в магазине. Видите ли, увидев вас, хозяину магазина захочется помочь вам поселиться где-нибудь по соседству в надежде, в каком-то смысле, получить постоянного клиента в вашем лице. Но если вас заметит трактирщик, то он попытается помочь еще и

своим дружкам сделать на вас хороший навар, задрав для вас цены, чтобы потом они потратили у него все, что им удалось заработать.

— Ну хорошо. Мы будем избегать спиртных напитков.

Они остановились напротив маленького магазинчика. Мона зашла в него и ее поприветствовал пожилой джентельмен, чей огромный живот лежал на прилавке, а зад упирался в полки, на которых хранились его запасы. Его гладко выбритое румяное лицо было обрамлено бакенбардами необычной формы, известной как ньюгейтская* борода. Не смотря на то, что день был морозный, он был без пальто. Рукава его чистейшей выцветшей рубашки розового цвета были аккуратно закатаны до локтя. Серый жилет облегал его огромный живот, нижние пуговицы которого, по видимому, служили ему неким подобием ремня, а ровно посередине висело белое бахромчатое полотенце, как у бакалейщика. Это полотенце, такое же безусловно чистое, как и его рубашка, было перекинуто через бесконечный кусок тесьмы, который исчезал в тени позади него и заканчивался бантом. Он был настолько огромным, что полотенце, которое с легкостью могло быть обернуто вокруг бедер обычного человека, смотрелось на нем, как панно на стене. Корм для куриц, ветеринарные препараты, техника, галантерея, канцелярские товары, консервы, подтяжки, спецодежда, детские сарафаны, большой сыр в нарезке, нарезанный таким же образом бекон, канарейка в клетке и кошка с семейством занимали в лавке все то место, над которым не нависал жилет ее владельца.

Казалось, он был рад их видеть, и бесконечно доброжелательная улыбка возникла на его широком лице идеального розового цвета, обычно присущего школьникам.

— Чем я могу быть полезен вам, сэр? Мадам?

— Не так уж и много вы можете сделать для нас сейчас, - ответил Хью. - За исключением, разве что, молочного шоколада; но мы ищем дом и хотели бы узнать, не наведете ли вы нас на след одного из них.

— Дом, постойте, дом? А какой дом вам нужен?

На этом вполне резонном вопросе Хью повернулся и беспомощно посмотрел на Мону.

— Старый дом, просторный, который может быть реконструирован и приспособлен под любые нужды.

Старик печально покачал головой.

— У нас всего-то два больших дома здесь, - сказал он, - И в них обоих сейчас школы.

— И я подозреваю, что все необходимое они закупают в Лондоне?

— Да, конечно, - ответил бакалейщик с внезапной жестокостью, - Если только у них что-нибудь не заканчивается, и тогда начинается «Мистер Хаггинс, не будете ли вы столь любезны?», и ведь как правило это происходит в укороченный рабочий день.

— Ужасно, - сказал Хью. - Люди не должны вести себя так, если живут в глуши.

— Вот и я так считаю, - сказал Мистер Хаггинс, - А если бы у нас снова случилась железнодорожная забастовка, они бы это поняли. Я вынужден привозить больше, чем мне требуется для моих постоянных клиентов. Так что там на счет дома, сэр? Большой дом? МАТУШКА!

Его крик был настолько громким и внезапным, что оба они, и Хью, и Мона, отшатнулись и уперлись в куриный корм.

— Да, Па? - раздался мягкий голос из-за груды банок печенья, и к ним вышла маленькая старая леди, с очками, надетыми на лоб, откинутыми назад волосами, как если бы она собиралась помыться, и в чистом белом фартуке, обернутом вокруг талии.

— Матушка, не знаешь ли ты о каком-нибудь большом доме здесь, который бы стоял пустым?

— Нет, конечно же, - ответила маленькая старая леди задумчиво. - Их все превратили в школы, в наши дни здесь не осталось дворян вроде тех, которым нам довелось служить.

— Да, точно. Не осталось здесь дворян. Всё ушло. Только фермеры, но те едва сводят концы с концами.

— Это идея. Может быть, здесь есть фермы, которые были бы на грани разорения? - спросил Хью. - Как на счет фермы, мисс Уилтон?

Глаза Хаггинсов полезли на лоб от такого обращения, ведь они считали само собой разумеющимся, что если мужчина и женщина ходят вместе, то они должны быть женаты или, как минимум, помолвлены.

— Ферма отлично подойдет, если только вы не против потратить на ее приобретение целое состояние.

— Нет, я совсем не против, - сказал Хью. Хаггинсы не оставили его согласие без внимания.

— Ну что же, я скажу вам, где вы можете найти пустующую ферму, - оживленно сказал мистер Хаггинс, - Монашескую ферму. Люди, которые ее арендовали, уехали в прошлый Михайлов день. Она принадлежит старой мисс Памфри. Вон ее дом, вы можете видеть его сквозь деревья. Она не будет делать там ремонт, а они больше не будут там останавливаться; она не сможет найти никого другого из-за того, в каком состоянии там все находится. Я думаю, она будет счастлива продать вам ее, сэр.

— Звучит многообещающе. Мы должны взглянуть на нее. Как нам туда добраться?

— Как там с водоснабжением? - спросила Мона до того, как Хаггинс успел ответить.

— Ах да, - ответил старый джентельмен, потирая свой нос.

— Хорошо, что вы спросили. Те старые монахи, они знали, что делают. Там есть прекрасный источник чуть выше дома и вода сама, под давлением своего собственного веса, как вы могли

бы сказать, спускается к дому. Это единственная причина, по которой люди, которые там останавливались, задержались там так надолго. Не нужно качать воду.

— Не думаю, что мне мог бы понравиться монастырь, - сказал Хью, поморщившись.

— Там нет привидений, сэр, их не существует, - быстро ответила миссис Хаггинс. Перспективный покупатель вроде Хью, которого не заботила сумма, которую он мог бы потратить на дом, был достоин того, чтобы уцепиться за него. Даже если бы призраки вились вокруг, словно жуки, она бы все равно уверяла его, что все в порядке.

— Не вижу ничего плохого в монастыре, - сказала Мона. - На самом деле это может быть даже лучше.

— Ладно. Решайте вы. Вы единственная, кто знает точно. Где это находится, мистер Хаггинс?

— Езжайте прямо по этой дороге и поверните налево на вершине хребта, когда дорога разветвится. Затем проезжайте чуть дальше в лес, и в лесу вы увидите тропу со снятыми с петель воротами. Проезжайте прямо в них и вы попадете к дому. Это довольно далеко от дороги, но тропа хорошая на всем своем протяжении, и у вас там будет вода, что самое главное.

— Огромное спасибо, мистер Хаггинс. Звучит отлично. Мы поедем посмотреть на нее.

— А когда вы поедете разговаривать с мисс Памфри, скажите ей, что вас послал мистер Хаггинс.

— Да, скажите ей об этом, - настойчиво добавила миссис Хаггинс. - Ей следовало бы продать это место, даже если оно принадлежит их семье уже долгие годы.

— А почему мы должны говорить мисс Памфри о том, что нас послал мистер Хаггинс? Как вы думаете, мисс Уилтон? - спросил Хью, как только они вышли из магазина и сели в машину.

— Я полагаю, что она должна им денег, - ответила Мона, улыбаясь.

— Святой Боже, и это то, до чего докатились помещики? - воскликнул Хью.

Они проехали по дороге так, как было указано, и, наконец, увидели среди густой полосы сосен проем без ворот. Они въехали внутрь и как только сосны сменились открытым, болотистым пастбищем, усеянным зарослями дрока, поехали дальше по песчаной дороге. Все здесь выглядело довольно безжизненно. Они пересекли пастбище и подъехали к другой полосе сосен, сквозь которые были видны очертания побеленных зданий. Проехав через зазор среди деревьев, они оказались во дворе фермы.

Хью не знал, как должна быть устроена ферма, но даже на его взгляд, взгляд городского жителя, двор фермы выглядел странно. Со всех четырех сторон фермы, с промежутками для прохода тут и там, тянулась низкая крыша навеса; грубые просмоленные доски упирались в

нее, очевидно образуя длинный узкий хлев для коров или конюшню. Через один конец двора тянулся огромный сарай с очень крутой крышей, покрытой древней черепицей, которая вся была в пятнах лишайника. На другой стороне был длинный ряд зданий из старого камня, очевидно использовавшихся под жилые помещения, сыроварню, кладовые и что-то еще, наличия чего требует работа фермы. В любом случае, помещение было слишком огромным для жилого дома. В другом конце находился более маленький, грубо сколоченный сарай, который судя по его виду был построен позже, чем все остальные здания. Бесчисленные свинарники, загоны для телят и навесы для телег были разбросаны по огромному двору, вокруг которого располагались эти здания; двор не был вымощен и в сырую погоду он, должно быть, превращался в болото.

Всё было заколочено досками и заперто на огромные амбарные замки, которые, вероятнее всего, были приобретены у мистера Хаггинса, так что запросто могли быть открыты любым, кто купил бы замок в том же самом месте. Все окна нижних этажей были закрыты ставнями, так что они не могли никуда заглянуть.

— Мисс Памфри, должно быть, очень мнительная леди, - сказал Хью. - Послушайте, а не взять ли мне монтировку из машины и не сломать ли несколько досок?

— А мы не отправимся за это в тюрьму? - спросила Мона.

— Я, возможно, отправлюсь. А вы нет.

Хью вставил инструмент под край одной из досок, подпиравших навес, и приподнял ее. Доска оказалась гнилой и чуть не развалилась. Он просунул голову в образовавшийся проем.

— Слушайте, а вы знали, что эти конюшни выглядят, как галереи? Там внутри сводчатый потолок.

— Нет, правда? Это же замечательно. Позвольте мне взглянуть.

Хью отошел, а Мона засунула голову в проем.

— А вы знали, что за кормушками находятся каменные сводчатые окна?

— Правда? Звучит великолепно. Давайте поспешим и найдем мисс Памфри.

— Вы же не будете жить в этих окнах. Давайте поищем водоснабжение.

Они прошли в проем между галереями и оказались рядом с домом. Это было красивое пропорциональное двухэтажное здание, поднимающееся к классическому фронтому в центре и расходящееся от него длинными крыльями в обе стороны. Высоко под фронтоном была пустая ниша, в которой когда-то, вероятно, стояла статуя. Несколько прекрасных золотистых нарциссов на фоне серых каменных стен пытались создать видимость сада, и дальше до самого дальнего ряда деревьев простиралось не огороженное, бесплодное пастбище. Никакого другого человеческого жилья или знака того, что другие люди могли работать на этом поле, не было видно. Это место совершенно не казалось подходящим для занятий какой-либо сельскохозяйственной деятельностью.

В заостренной арке в центре длинного низкого фасада была тяжелая дверь, как в церкви. По обеим сторонам от нее, на одинаковом расстоянии друг от друга, располагались высокие каменные арочные окна в готическом стиле. В целом здание производило очень одухотворяющее впечатление.

Они медленно обошли вокруг дома. В окнах ничего невозможно было разглядеть, так как их нижние части были заколочены. Правда, все выглядело так, как если бы высокая комната внутри здания была разделена на две низких полом из грубых досок, ибо край их они могли видеть через верхние части высоких узких окон.

Они завернули за угол и оказались возле наибольшего из двух амбаров.

— Вероятно, это часовня, - сказала Мона, указывая на остатки сгнившего креста на крыше.

Они продолжили свой обход, проследовав по тропинке, которая вела через небольшой сосновый лес позади дома, который они проезжали в самом начале. Тропинка резко обрывалась у небольшого болотца.

— Ну, как бы то ни было, а мы нашли источник водоснабжения, - сказал Хью. - Только он не кажется мне слишком уж надежным. Не знаю, конечно, что вы об этом думаете.

— Я думаю, что здесь где-то есть труба, которая чем-то перекрыта или сломана, - сказала Мона. — С водой все в порядке, посмотрите, насколько она чистая; и это болото находится здесь не так долго; трава в нем не успела погибнуть.

— Ну, я думаю, что мы увидели все, что могли увидеть, если только теперь не взломаем дверь. Давайте поедem назад и наведаемcя к мисс Памфри, чтобы расспросить ее обо всем?

— Нет, - сказала Мона, посмеиваясь. - Мы поедem назад и наведаемcя к мистеру Хаггинсу, и попросим его поговорить с мисс Памфри на счет продажи.

— Вы жестокая женщина. Мне кажется, старик может оказать на нее жестокое давление.

— Ну, кто-то должен это сделать, и это, вероятно, будете не вы.

— Нет, я не из тех, кто издевается над людьми. Я из тех, кто оставляет их в покое.

Возвращаясь по дороге в деревню, они издалека увидели мистера Хаггинса, стоявшего снаружи своей лавки и размахивающего чем-то, что напоминало сельскохозяйственный инструмент и что оказалось огромным ключом, когда они подъехали ближе.

— Я виделся с мисс Памфри, - крикнул он, когда они приблизились на достаточное расстояние, чтобы расслышать его. - Она продаст. Но не давайте ей ни пенни больше четырехсот. Там все рассыпается на куски и такое же лысое, как тыльная сторона вашей ладони.

Они узнали, что мисс Памфри заходила к нему купить свечи, а в итоге стояла в углу и выслушивала его лекции до тех пор, пока не согласилась продать ферму. Судя по

разгоряченному виду мистера Хаггинса, ему пришлось оказать на нее значительное давление, прежде чем она согласилась на продажу. Позади него стояла, как бы поддерживая его, миссис Хаггинс, с лица которой все еще не сошло мрачное выражение.

Они взяли ключ и вернулись обратно.

— Послушайте, - сказал Хью. - Это всего лишь четыре сотни. Давайте просто совершим эту сделку.

— Давайте сначала все хорошенько здесь осмотрим, - ответила практичная Мона. - Если там сгнили поддерживающие опоры, вы можете зря потратить свои четыре сотни. Я в этом разбираюсь. У меня есть опыт.

Большая церковная дверь неохотно отворилась и они вошли в здание. Пахло плесенью. Грязный каменный пол простирался в обе стороны и то, что когда-то было большими комнатами, похожими на амбары, теперь было грубо разделено тяжелыми досками, оклеенными обоями. Напротив двери широкой спиралью вилась превосходная каменная лестница. Поднявшись по ней, они оказались в дощатом коридоре, тянувшемся вдоль всего второго этажа здания. Из этого коридора выходил ряд маленьких низких дверных проемов.

— Святой боже, это же монашеские кельи! - воскликнул Хью.

Они вошли в одну из них, которая, судя по запаху, который в ней царил, использовалась для хранения яблок.

— Странно, что здесь нет окна, - сказала Мона. - Только маленькая решетка прямо под потолком. Они, должно быть, были очень аскетичным орденом.

Узкая каменная лестница, извивающаяся в толще стены, вела еще выше. Они поднялись по ней. Наверху была маленькая церковная дверь, они толкнули ее, чтобы открыть и вошли внутрь, оказавшись в небольшом помещении, которое, вероятно, было часовней.

— Боже, здесь возникает такое странное чувство, - сказал Хью. - Я не верю, что миссис Хаггинс говорила правду, когда клялась, что здесь нет привидений. Они тут есть и она это знает.

— Сдается мне, что она лукавила, - сказала Мона. - Тем не менее, в этом нет ничего плохого, учитывая те цели, ради которых вы хотите приобрести это место.

— Мне не нужны никакие чужие призраки, - быстро выпалил Хью — Если что-то может быть призвано, то я хочу призвать это сюда самостоятельно.

— Все в порядке, - ответила Мона. - Не нужно так переживать. Однако призраки помогут нам снизить цену.

Они вновь спустились на первый этаж и увидели подвальные ступени, ведущие в глубину.

— Нам стоило бы осмотреть и низ тоже, - сказала Мона. - Так мы сможем узнать, сухое это место или нет.

Они оказались в большом подвале с крестовым сводом, по трем сторонам которого были низкие арочные двери, похожие на дверные проемы камер на верхнем этаже.

— Господи Боже, - воскликнул Хью. - Это же тюремные камеры!

— Не удивительно, что это место вызывает такие забавные чувства, - сказала Мона. - Должно быть, здесь была тюрьма, принадлежавшая одному из монастырей.

— Как это?

— Некоторые монастыри были огромными, размером с небольшие города. Естественно, не все монахи были святыми. И обычно был один монастырь, куда отправляли тех, кто плохо себя вел, чтобы они не развращали остальных. Иногда эти монахи были просто сумасшедшими и вполне безобидными. А иногда они были... совсем не безобидны.

— Почему они не могли просто выгнать юродивых и совсем избавиться от этой проблемы?

— Я думаю, они не хотели, чтобы монашество приобрело дурную славу. Есть много других способов получить плохую репутацию, знаете ли. Послушайте, вы уверены, что сможете находиться в этом месте?

— А что? Что с ним не так? Оно только навевает на меня некоторую грусть, как если бы люди, которые жили здесь последними, пережили какую-то катастрофу, прежде чем уехать отсюда.

— Мне оно кажется странным — необычайно странным — но не враждебным. Давайте поедем и увидимся с мисс Памфри, чтобы узнать его историю.

*Как говорит нам словарь, это намек на петлю, надетую на приговоренного к повешению (по-видимому, на сходство бородки с этой петлей), а Newgate – старое название тюрьмы в Лондоне, ставшее нарицательным.

Глава 11.

Дом, на трубы которого указывал мистер Хаггинс, оказался величественным, но сильно обшарпанным строением в георгианском стиле. Дверь открыла пожилая служанка. Манеры ее были превосходными. В холле стояла красивая старая мебель. В гостиной, куда их провели, стоял прекрасный старый мебельный гарнитур, но его обшивка была потертой. Огонь в камине не горел и служанка даже не подумала его разжечь.

Вошла леди. На ней была вытянутая твидовая юбка; фланелевая рубашка; мешковатый вязанный жакет ручной работы и золотое пенсне. Ее сидящие волосы были собраны в узел на затылке, а челка была завита.

Она холодно их поприветствовала, не предложив даже присесть, и сразу же поинтересовалась причиной их визита.

- Я подыскиваю дом в этих краях, - сказал Хью. - Я только что вернулся с Монашеской фермы и мне кажется, что она может мне подойти. Могу ли я поинтересоваться ее стоимостью?

- Я не могу сказать точно, - ответила мисс Памфри. - Это вопрос к моему нотариусу.

- Но вы готовы ее продать?

Мисс Памфри задумалась.

- Я бы предпочла сдать ее, - ответила она, наконец.

- Я не хочу арендовать это место. Я бы предпочел купить его, - сказал Хью.

- Я готова продать, - ответила мисс Памфри мрачно, - Но только если цена будет адекватной.

- Что для вас адекватная цена?

- Это вопрос к моему нотариусу.

- Сочтете ли вы шестьсот фунтов адекватной ценой?

Глаза мисс Памфри заблестели.

- Вам лучше посетить моего нотариуса.

Где-то в глубине дома прозвучал гонг. Мисс Памфри указала взглядом на дверь. Аудиенция была окончена.

- Боже мой! - воскликнул Хью, когда они благополучно вернулись в машину. - Вы тоже почувствовали себя так, как если бы вас поймали на воровстве яблок?

Мона засмеялась.

- Я не решилась спросить ее об истории этого места, - ответила она. - Вам не кажется, что она была бы прекрасным настоятелем аббатства, способным держать в узде непослушных монахов?

- Сомневаюсь, что у меня могут возникнуть проблемы с местным обществом, - сказал Хью.

- Сегодня вы были без своего старого школьного галстука, - ответила Мона.

- И слава Богу, - сказал Хью. - Я повяжу на шею шнурок от ботинка, когда пойду подписывать документы. Как на счет обеда? Вы не проголодались? Этот гонг, прозвучавший в доме пожилой дамы, заставил меня ощутить приступ голода. Думаю, я бы предложил людям перекусить, если бы они оказались в моем доме в тот момент, когда зазвучал гонг.

Они вернулись на дорогу, по которой приехали в деревню, пересекли горбатый мост и поехали в ближайший городок. Там они нашли несколько закусовых с названиями в духе «Старый Дубь»* и нечто отдаленно напоминавшее еду. Очень отдаленно напоминавшее.

- Это и в подметки не годится дяде Джелксу с его сковородкой, правда? - спросил Хью.

Мона засмеялась.

- Он прекрасен со своей сковородкой; но знаете, даже сковородка может надоесть. Я думаю, что вы устанете от этого в скором времени. Я бы устала.

- Кажется, он с ней процветает.

- Он с ней выживает. Я бы не сказала, что он процветает. Он милый, правда?

- Он чертовски хороший человек. Я многим ему обязан.

- Я обязана ему всем. Он был мне как отец. Думаю, я бы не выжила, если бы не он.

- Полагаю, что я тоже, - ответил Хью, и между ними повисла тишина.

- Мне интересно, что он скажет о нашем монастыре, - сказал, наконец, Хью.

- Он будет очень заинтересован. Вы ведь знаете, что он когда-то учился на священника?

- Да, он рассказывал. И он все еще остается священником в своем сердце. Это видно. Скажите, он все-таки христианин или язычник? Я никак не могу понять.

- В душе он христианин, но он не выносит узких рамок христианской теологии.

- А разве в христианстве есть что-то помимо теологии?

- Безусловно, оно дает столько же силы, сколько и Пан, но только несколько иного типа.

- Вы бы могли сказать, что вы христианка?

- Нет, я бы не могла. Но я и не против христианства. Я воспринимаю его как один из путей.

- Путей куда?

- Путей к Свету.

- Христианина вы бы не заставили признать, что существует более, чем один Путь.

- Я знаю. И мне очень жаль. Именно это и портит христианство. Оно ставит слишком жесткие рамки.

- Что дядя Джелкс говорит о вашей склонности к язычеству?

- Он и подвел меня к этому. Меня очень строго воспитывали и это сильно противоречило моей природе. У меня были чудовищные головные боли, которые просто изматывали меня. Доктора говорили, что они ничего не могут с этим сделать и мне приходилось терпеть. Конечно же, работать я не могла. Борьба с этими болями была совершенно мучительной. И я бы скорее умерла, чем снова вернулась домой. Честно сказать, я не думаю, что они бы приняли меня назад. Отец считал школу искусств обиталищем греха. Потом я встретила дядю Джелкса и он заставил меня понять многие вещи, которых я не понимала прежде. Он заставил меня осознать, что моя приобретенная личность и моя настоящая личность

находятся в конфликте друг с другом, и это было тем, что разрывало меня на куски. Моя настоящая личность говорила: «Я была бы счастлива стать художником»; а моя приобретенная личность говорила: «Это ужасный грех. Ты должна быть проповедником». Дядя Джелкс сказал: «Ты должна отказаться от христианства. Оно тебе не подходит. Оно не для всех». Он рассказал мне о древних греческих Богах и я в них просто влюбилась. Мои головные боли начали проходить, а мои способности к рисованию улучшились. Он говорит, и я уверена в его правоте, что древние греческие Боги могут очень многое дать. С ними открываются те истины, о которых мы позабыли.

- Он предлагает совсем покончить с христианством?

- О нет. Но он считает, что греческое мировоззрение может очень сильно его дополнить.

- Бесспорно, ему требуются изменения, - сказал Хью.

- Это правда, - ответила Мона. - Оно не отвечает потребностям мира в том виде, в каком существует сейчас. И не только простые люди отказываются от него. Не только скептики. Но и такие люди, как дядя Джелкс, и вы, и я, которые хотят большего, чем Бог, которого они могут там найти.

- Какой Бог вам нужен, что там его нельзя найти?

- Я хочу, чтобы Бог был проявлен в Природе — и это Пан, как вы могли догадаться.

- Что это значит?

- Это значит очень многое, но мы не можем обсуждать этого сейчас. Мы должны поехать и встретиться с этим нотариусом до того, как он закроется. Они очень рано закрываются в маленьких городках.

Они нашли мистера Уотни по указанному адресу и он оказался веселым пожилым джентльменом, глаза которого загорелись, как только он заговорил с ними. Однако он почти ничего не рассказал до тех пор, пока Хью не положил перед ним чек на одну сотню фунтов в качестве залога. Это его разговорило.

- У сельских юристов есть обычай скреплять сделку стаканом портвейна. Я часто думал о том, является ли это пережитком христианского таинства или языческого жертвенного возлияния, но я так никогда и не смог этого понять. Некоторые странные привычки прошлых времен все еще существуют в сфере закона. Знаете ли вы, что когда дело решается без суда, то иск всегда помечается Крестным Знаменем?

- Я знаю, что на нем рисуют странные закорючки, - ответил Хью.

- Ну, на самом деле это знак Крестного Знамения. А знаете ли вы, что ни один священник не может быть адвокатом? Если пастор хочет сменить свое одеяние, ему придется отказаться от своего сана. Мы избавились от господства церкви в нашем деле, но все еще благословляем решенные дела. Странно, не правда ли?

- Вы увлекаетесь археологией?

- Да, очень. На самом деле я президент нашего местного археологического общества. Все земли здесь в округе богаты на находки. У нас можно найти саксонские, романские и древние

британские руины, слоями захороненные одни под другими.

- Можете ли вы рассказать мне что-нибудь о Монашеской Ферме?

- Боже мой, да, я могу очень много всего рассказать. Это одна из наших самых интересных реликвий. Есть несколько любопытных историй, связанных с этим местом. Вы знаете, что однажды у нас там даже было расследование, когда в подвале были найдены кости монаха, который был там замурован? Очень интересно. Я смог его опознать. Он был очень известным суб-приором** этого монастыря. Друг Эразма, во всяком случае он переписывался с ним. Он был одним из первых англичан, начавших изучать греческий язык.

- В чем он провинился?

- Понятия не имею. Это должно было быть что-то очень скандальное, потому что об этом нет ни слова в записях монастыря. Только заметка о том, что его сменил на посту кто-то другой. О причинах не сказано. Это должно было быть чем-то таким, о чем они не захотели писать. Монашеская Ферма, как вы знаете, была чем-то вроде тюрьмы. Полагаю, они жили на хлебе и воде, и с горохом в туфлях. С этим монастырем было много проблем. Мы никогда не понимали, из-за чего все это произошло. В записях есть очень странные пробелы. Людей снимали с их должностей без объяснения причин. Новый настоятель был назначен Папой вместо того, чтобы быть избранным монахами. После этого многих монахов распределили между другими домами Ордена, а всех новых руководителей привезли из других мест. Настоящая зачистка, как она есть. Но было очень много тех, кого не учли. Их не отправляли в другие дома, их имена просто исчезли из записей. Мы нашли одного из них во время расследования, так что возможно остальные пропали по тем же причинам. Вы можете найти много интересного, если начнете раскопки.

- Я могу найти очень мрачные вещи, если начну раскопки, - ответил Хью. - Я думаю, что лучше я обойдусь без этого.

- Чушь, полная чушь, вам это понравится! - воскликнул мистер Уотни, который, казалось, внезапно понял, что сказал слишком много лишнего.

Они вернулись в город в сгущающихся сумерках и приехали как раз в то время, когда мистер Джелкс готовил себе чай. Было бы сложно приехать к мистеру Джелксу в такое время, когда бы он не занимался чаем, но этот чай был лучше всех остальных хотя бы потому, что он собирался выпить его с кусочком торга.

- Ну, Ти Джей, мы разделались с этим. Мы купили дом.

- Не долго же вы раздумывали, - ответил старик. - Надеюсь, что вы не поторопились. Куда ты позволила ему забраться, Мона?

- Я позволила ему забраться в монастырь, дядя Джелкс.

- Господи Боже! - воскликнул старик. - Почему же тогда не в женский монастырь, если вы все равно были где-то рядом?

- Как вы думаете, это подходящее место для инвокации Пана, Ти Джей?

Джелкс почесал свой нос.

- Достаточно подходящее, - ответил он, - Психическая атмосфера там была проработана. Но имейте в виду, вам потребуется совершить нечто вроде ритуала изгнания, прежде чем Древние Боги поселятся там; но они будут исправно приходить, если все получится в первый раз.

- Проведете ли вы ритуал изгнания для нас, Ти Джей?

- Нет. Будь я проклят, если я это сделаю.

- Дядя Джелкс, ты помнишь, что однажды рассказывал мне об исправительных домах, прикрепленных к большим монастырям? Ну, так вот это один из них. И ты знаешь, его приор был найден замурованным в подвале, и у них даже было следствие по этому поводу.

- И это мне ты будешь рассказывать, Мона! Должно быть, это та самая тюрьма, которая была прикреплена к большому Аббатству. У них там было много проблем. Один из известных католических историков не так давно предпринял смелую попытку обелить это место. Что доказывает, что было, что обелять. Так ты говоришь, они замуровали приора, да? Тогда это может оказаться чем-то довольно серьезным. Обычно, когда они слетали с катушек, их понижали в звании и выдворяли куда-нибудь в другие дома того же Ордена.

- Нотариус рассказал нам, что они выслали многих монахов, но там также были и те, кто просто исчез, и этот мужчина, личность которого они пытались установить, был одним из них. Он был одним из первых англичан, начавших изучать греческий язык, как сказал мистер Уитни.

- Тогда это, вероятно, объясняет причины его проблем. Как ты думаешь, что значила для этих монахов, запертых в своих монастырях, работа над греческими манускриптами, попавшими в Европу во времена эпохи Возрождения? Они были очень осторожны с латинскими книгами, попавшими в библиотеку, потому что аббаты могли прочитать их. Но они не умели читать на греческом, и умные молодые люди в скриптории*** работали над ними — молодые парни, как этот ваш замурованный приор, - и, должно быть, прозревали. Только представь, что они, например, заполучили «Вакханок» с призывами Диониса? Это могло вдохнуть в них жизнь. Знаете, что там могло произойти по моему мнению? Этот приор, Амброзиус, как его, кажется, звали, был известен своей перепиской с Эразмом. Его письма дошли до наших дней. Есть одно письмо от него, в котором он заказывает партию греческих манускриптов для библиотеки аббатства. Аббат был очень старым, он уже пребывал в маразме, и этот Амброзиус практически занял его место. Приор, как вы понимаете, был вторым по старшинству. Потом Папа отправил своего человека, чтобы он посмотрел, как там идут дела. Это разозлило их, и поскольку у них была специальная грамота, освобождавшая их от проверок, они выставили этого человека вон. Но потом Папа отправил к ним нового аббата, а гражданская власть его приняла. Старый аббат умер и Амброзиус надеялся на то, что его выберут вместо него. Но его так никто и не выбрал. Он просто исчез и вместо него приехал итальянец. Затем последовала та самая зачистка, о которой вы слышали. Я думаю, в этом монастыре случилось что-то ужасное. И я предполагаю, что причиной тому стали греческие манускрипты. Они купили огромное количество рукописей и некоторые из них, вероятно, были не совсем каноническими.

- Сдается мне, Ти Джей, что вы предполагаете, будто бедный старина Амброзиус мог развлекаться с призывами Пана и был пойман?

- Откуда мне знать? Я просто могу сложить вместе два и два. Все, что я читал, было

попытками обелить это место и перепечаткой записей. Но вы можете о многом догадаться, если сложите вместе все детали. Почему в этой истории столько пробелов и что пытались выбелить? Приходят рукописи, монастырь процветает. Мы знаем, что представляет собой греческая литература, и знаем, что представляют собой монастыри. А потом мы находим умного молодого приора, который работал над манускриптами, одиноко замурованным на территории, и чувствуем запах серы.

- Он был молод?

- Он был примерно вашего возраста, Хью, когда он исчез с радаров.

- Бедный малый, я ему сочувствую. Я бы не обрадовался, если бы меня замуровали, когда впереди была бы лучшая часть моей жизни.

- Я бы не хотел быть замурованным на любом этапе своей жизни, - ответил Джелкс сухо. - Это неприятный конец.

Сонный после прогулки на свежем воздухе, Хью рано пошел спать. Но не смотря на усталость, он твердо решил попробовать повторить опыт прошлой ночи. Ему почему-то казалось, что он должен регулярно выполнять эту практику, если хочет добиться успеха. Он лег на спину, скрестил руки на груди и вызвал перед внутренним взором картину залитого солнцем горного склона над морем в Древней Греции. Но еще до того, как он узнал, где он находится, он соскользнул в страну грез. Он вернулся мысленно в исходную точку, но снова провалился в сон и в этот раз его попытка повторить прежний опыт провалилась.

Ему казалось, что он лежит на спине на узких нарах. Вокруг него была кромешная тьма, а крыша, казалось, давила на него сверху, и стены смыкались вокруг него. И в то же время он слышал колокольный звон. Он чувствовал, что голову его покрывал капюшон из какой-то грубой шерстяной ткани наподобие саржи и ощущал складки грубой саржевой ткани под своими руками, сложенными на груди. В своем видении он сел на узких нарах и сбросил с головы капюшон, желая вытереть пот с лица. Он провел руками по своим волосам, мокрым от пота, и обнаружил круглую лысину на макушке, как если бы его густые волосы были сбриты. Затем в своем видении он снова лег и накинуд капюшон на лицо, сконцентрировавшись на единственной мысли — принять смерть с достоинством и без сопротивления. Ему показалось, что звон колокола слился со звуком биения его собственного сердца. Тяжелые удары становились все громче и громче, медленнее и медленнее, и затем, абсолютно внезапно, он оказался на свежем воздухе, на залитом солнцем греческом холме, а впереди него шла женщина с сатиновой кожей и мягкими рельефными мышцами.

Он гнался за ней. Вокруг его бедер была повязана козлиная шкура, он ощущал ее жесткий ворс, а верхняя часть его тела была обнажена. На плечи женщины, шедшей впереди него, была накинута оленья шкура. У нее была кожа оливкового цвета, а тело ее было сильным и мускулистым. Особенно его привлекла ее мощная шея. Он прыжками пытался догнать ее, хотя она даже не бежала, а спокойно шла впереди него.

Внезапно сон его прервался и он проснулся, обнаружив себя в луже пота.

- Господи боже, - сказал он самому себе, поднимаясь и пытаясь нащупать полотенце, чтобы вытереться, - Так не пойдет. Я сам себя погружаю в кошмары.

Он снова вспомнил символы из сновидения, пытаясь проанализировать их значение в духе

психоанализа.

С первой частью все было ясно. История замурованного приора настолько поразила его воображение, что отыгралась во сне. Происхождение второй части также было ясным. Это было воспроизведение мозгом того видения, которое произвело на него такое впечатление прошлой ночью. Хью Пастон вернулся в кровать и мирно проспал до утра.

*в оригинале «Ye olde Oake» – стилизация языка под староанглийский.

**приор, суб-приор - помощник настоятеля монастыря

***скрипторий - мастерская по переписке рукописей в монастыре.

Глава 12.

Недвижимость никогда не была тем, что быстро переходило бы от одного владельца к другому. Мисс Памфри не была тем человеком, от которого можно было бы ожидать помощи в оформлении собственности, и Хью понимал, что по крайней мере в течение двух недель он больше ничего не сможет сделать.

На следующее утро за завтраком он спросил старого Джелкса:

- Так что мне делать с оплатой мисс Уилтон? Я отнимаю у нее чертовски много времени, а ведь время это деньги для нее, как я понимаю.

- Она вас устраивает?

- Да, она первоклассный специалист. Она чертовски прекрасна. Мне она нравится.

- Тогда на вашем месте я бы выдал ей зарплату. Выдайте ей недельное жалование и обращайтесь к ней в любое время.

- Это хорошая идея. Есть много разной работы, которую я хотел бы ей поручить. Сколько мне предложить ей?

- Три фунта в неделю? - осторожно предложил старый Джелкс.

- Отлично. Я надеюсь, она будет получать и немного комиссионных от каждой фирмы, с которой нам предстоит заключить сделку?

- Да, она на это тоже рассчитывает. Что она может сделать для вас сейчас? Еще слишком рано начинать обустройство дома, не так ли?

Хью пришел в замешательство. У него не было на примете никакой конкретной работы, которую он мог бы поручить Моне. Чего ему хотелось на самом деле, так это дать ей немного денег так, чтобы не задеть ее гордости; работа была всего лишь поводом заплатить ей. По крайней мере, так он объяснял это самому себе. Раньше ему часто доводилось придумывать для людей бесполезные задания, так почему бы не сделать этого и сейчас? Видит Бог, девчонка очень нуждалась в деньгах, что было прекрасно по ней видно. Но в глубине души он осознавал, что эти две недели будут невероятно пустыми, если он не придумает никакого задания для нее.

- Я... Ну... Я думаю, что она могла бы провести для меня одно исследование, - сказал он, импровизируя на ходу.

- Да, с этим она хорошо справляется. Для меня она провела прекрасную работу в Британском музее. Я не могу уходить из магазина в рабочее время. А что вы хотите поручить ей найти?

- Я хочу узнать историю Монашеской Фермы. Сдается мне, что она окажется чрезмерно увлекательной.

- Звучит многообещающе. Да, я могу помочь ей с этим. Ей даже не придется сейчас уходить дальше моих полок. Можно сказать, что я очень сильно увлекался загадочной стороной монашеской истории. После того, как она справится с этим, она может отправиться к нотариусу-археологу и узнать что-то на месте. Думаю, в библиотеке местного музея должно быть прекрасное собрание книг по этой теме. Бьюсь об заклад, что там много материала, из которого любой, кто знает о разных странных вещах столько же, сколько и мы, сможет собрать эту историю по частям.

- Господи, этого же великолепная идея! Я отвезу ее к старому Уотни и мы отправимся на экскурсию в местный музей.

Джелкс хотел было спросить «А почему бы вам не позволить ей начать с моих книг?», но сдержался.

В результате Джелкс сам пошел за мисс Уилтон, оставив Хью за главного в магазине. Вернувшись через десять минут, он обнаружил Хью безмерно радующимся тому, что ему удалось в его отсутствие продать три книги из двухпенсовой корзины.

И вновь гоночная машина повезла на север Мону Уилтон, одетую в зеленое пальто со шлемом и сидящую рядом со своим водителем.

Ее забавляло, что он совершенно забыл о поисках Пана и был всецело поглощен погоней за замураванным приором.

Сначала они навестили мистера Уотни, который при виде них в ужасе вскинул руки и воскликнул:

- Господи, вы хотите вступить в права прямо сейчас? За кого вы меня принимаете? За паровой двигатель?

Однако он не только успокоился, но и обрадовался, узнав о том, что Хью был намерен покопаться в прошлом своей новой недвижимости. Единственное, чего жаждала душа мистера Уотни, так это возможности покопаться в земле и найти еще больше трупов. Хью, однако, интересовали только обстоятельства, приведшие к таинственному кризису в монастыре.

Мистер Уотни дал ему список книг для исследования и рекомендательное письмо для хранителя музея, и они отправились в путь. Хранитель, мистер Дисс, оказался в точности таким же, как мистер Уотни, и эти двое, по-видимому, очень близко дружили, будучи, соответственно, президентом и секретарем местного археологического общества. Мистер Дисс пробормотал что-то о подписании сделок и Хью с энтузиазмом подхватил эту идею. После этого музей вместе со всем своим содержимым оказался в его полном распоряжении и

он мог делать здесь, что захочет. Существует множество способов разращения государственных служащих.

Музей был гордым обладателем свитков аббатства и они с интересом рассматривали оригинал письма о заказе греческих манускриптов у посредника Эразма. Монахи отдали за них тридцать фунтов — в пересчете на современные деньги сумма была внушительной.

- Сдается мне, Амброзиус принял эти тридцать фунтов за тридцать кусков серебра, прежде чем решился их все спустить, - сказал Хью на ухо Моне.

- О чем это вы? - спросил хранитель.

- Это были огромные деньги для того времени, - сказала Мона, тактично предотвращая его дальнейшие расспросы. Вскоре он был отозван и передал их в руки молодого помощника, наказав ему выдать им все, что они потребуют. Хью протянул ему список, который написал мистер Уотни, и юноша, положив перед ними стопку книг, исчез.

- А теперь мы поделим их пополам, - сказал Хью. - Я мастер пропускать второстепенные вещи.

Они приступили к работе и тишина повисла между ними. Мона нарушила ее первой.

- Это интересно, - сказала она, - На ферме есть призрак. Тот, которого по заверению миссис Хаггинс там быть не должно.

Хью встал, обошел стол и сел на стул рядом с Моной, начав читать из-за ее плеча. Книга, раскрытая перед ними, была старым переплетенным сборником разных описанных следственных дел местного археологического общества, а бумага, о которой шла речь, касалась местных суеверий.

Из текста следовало, что Монашеская Ферма имела зловещую репутацию в здешних краях и в ней жило столько же призраков, сколько и в любом подобном месте, и в доказательство своих слов автор приводил ее историю.

Оказалось, что изначально она не была исправительным домом, которые были распространены на континенте и которых почти не было в Англии, ведь английские аббаты довольствовались простым покаянием непокорных монахов. Ферма была построена известным — вернее, печально известным — приором Амброзиусом как специальное место для уединения и медитации, куда некоторые избранные монахи удалялись по каким-то своим причинам. Уже после того, как начались проблемы, ее превратили в исправительное учреждение, просто замуравав окна келий и заставив монахов, которые там жили, остаться в них навсегда, хотели они того или нет. Амброзиуса поймали в его собственном монастыре и замуравали под лестницей в качестве примера и назидания остальным. Других монахов заперли в кельях и почти не кормили, чтобы их смерть была более-менее естественной. Больше они никогда не видели дневного света. В темноте одиночных камер они ожидали своего конца. Один из них дожил до восьмидесяти лет — он провел пятьдесят пять лет в заточении. Их тюремщики никогда с ними не разговаривали и надзиратели сменяли друг друга до тех пор, пока не умер последний монах, а потом это место было заброшено. Считалось, что призрак приора бродил вокруг келий, разговаривая со своими монахами и утешая их. Так или иначе, то, что монахи с кем-то разговаривали в заточении, было точно известно, но с другой стороны, люди, сидящие в одиночных камерах, часто так делали. Всегда можно найти разумные объяснения сверхъестественным явлениям, если только по-настоящему искать их и не обращать внимания на их неправдоподобность.

Однако обсуждение, последовавшее за чтением документа и записанное до последнего слова, позволило отделить зерна от плевел, ибо люди, знавшие местные привычки также хорошо, как и местные суеверия, указали на то, что пустующие здания монашеской фермы долгое время были излюбленным обиталищем влюбленных, чьи отношения не были одобрены церковью. Это, по всей видимости, позволило избавиться от призрака Амброзиуса раз и навсегда, и хотя спикера поблагодарили за его доклад, никто не сказал, что поверил ему.

- Это полезная подсказка, - сказал Хью. - Как вы думаете, чем они занимались в этом монастыре? Призывали Дьявола?

- Я ничуть не удивлюсь, если они пытались сделать ровно то же самое, что и вы.

- И что же это?

- Избавиться от своих ограничений и обрести полноту жизни.

- Я не осуждаю их. Монашеская жизнь, должно быть, выглядит достаточно пустой в глазах активного парня.

- И в этом вы ошибаетесь. Созерцательная жизнь может быть чрезвычайно яркой и интересной, при условии достижения нужного результата.

- И чем занимаются эти парни, кроме того что читают свои молитвы?

- Молитва это намного больше, чем просто просьба о помощи. Мы, протестанты, ничего в этом не понимаем, но для католиков это целое искусство. Молитва и медитация могут помочь вам пережить великолепный опыт, если вы точно знаете, что нужно делать. Если бы вы пережили это хотя бы однажды, вы бы поняли, что созерцательная жизнь может быть достаточно яркой для кого угодно.

- Не думаю, что это соответствует моим представлениям о прекрасном. Меня тянет к Пану.

- А разве молитва и медитация не приближают вас к Пану?

- Теперь, когда вы спросили об этом, я подумал, что приближают. Честно говоря, я пытался соприкоснуться с ним, используя метод святого Игнатия. И не безуспешно. Это было уже дважды.

- Расскажите мне об этом?

- Ну, я создал мысленный образ Древней Греции и он ожил, и на мгновение я оказался там. А прошлой ночью, когда я пытался проделать это снова, я был слишком уставшим, чтобы удерживать контроль, и сначала провалился в кошмар, уснув на спине, а затем я вырвался из кошмара в ту самую сцену, которую я представлял себе, но знаете, о чем был этот кошмар? Я видел бедного старину Амброзиуса. Точнее, во сне я был замурован также, как и он, и это тоже было очень неприятно. Затем я вырвался из этого сна на греческий склон, залитый солнечным светом, и кто-то бежал по холму впереди меня, и мне кажется, что это были вы. Во всяком случае, у этого человека было ваше телосложение и походка.

- Это интересно, - сказала Мона уклончиво, по-видимому поглощенная рассказом о том, как древние римляне прокладывали канализацию.

В этот момент вернулся хранитель музея.

- Сожалею, что был вынужден оставить вас, - сказал он. - Не желаете ли взглянуть на иллюминированные рукописи*?

Они согласились и он привел их к стеклянной витрине, открыл замок, откинул крышку и начал бережно переворачивать тяжелые пергаментные листы чрезвычайно красивого псалтыря.

- Вот эта особенно интересна, - сказал он, - Поскольку все заглавные буквы в ней стилизованы под миниатюрные изображения Аббатства.

Он показал им изображения высокого алтаря, галереи, колокольни, больших ворот, монахов за работой в скриптории. Потом он перевернул на другую страницу и указал на маленькое изображение монаха в черном одеянии, что-то пишущего за партой.

- Это тот человек, - сказал он, - Который основал известную библиотеку. Он был великим ученым своего времени, но умер молодым. Жизнь тогда была короткой.

Они увидели мельчайший, но кристально точный портрет молодого мужчины, ссутулившегося над партой. Острые черты лица, гладко выбрит, тонзура** на макушке. Мона невольно подняла голову и взглянула в лицо мужчины, склонившегося над ее плечом. Эти лица были похожими один в один; даже ученая сутулость плеч была такой же.

- Это был один из приоров, Амброзиус, - сказал хранитель музея.

На мгновение повисла мертвая тишина и Мона гадала, затаив дыхание, что же будет дальше. Тишину нарушил Хью и Моне показалось, что голос его звучит несколько странно.

- Это интересно, - сказал он, - Не могли бы вы рассказать мне что-нибудь о нем?

- Да, в библиотеке было много всего о нем, разбросанного в разных местах. Все это было собрано вместе в одном из подобных томов, и наш общий друг, мистер Уотни, тоже предпринял попытку собрать это все воедино. Я думаю, что он очень рад тому, что вы покупаете Монашескую Ферму. Он всегда хотел провести там раскопки, но мисс Памфри никогда бы этого не позволила.

- Он говорил что-то об этом, - ответил Хью, - Но я боюсь, что не поддерживаю его в этом. Я не в восторге от мысли, что мой будущий сад будет полностью перекопан.

- Но уважаемый сэръ, сад и должен быть перекопан. На вашем месте я бы позволил мистеру Уотни перекопать сад на том условии, что он будет удобрять его навозом, пока роется там. И позволил бы ему забрать любые кости, которые он там найдет, в обмен на удобрения.

- Заманчивое предложение, - сказал Хью. - Кстати, где закопали Амброзиуса после того, как закончили расследование?

- А, сейчас, это странная история. В городе есть небольшой монастырь того же Ордена, что когда-то владел Аббатством. Следователь предложил им захоронить эти кости на своем кладбище, но они отказались, так что они были захоронены на церковном кладбище в деревне. Амброзиус, несомненно, снискал дурную славу после смерти, но вы же не думаете,

что они могут продолжать вражду спустя столько веков, правда?

- Не могу сказать. Я ничего не знаю об их традициях. Но что бы он ни совершил, они могли бы и позволить его костям покоиться среди друзей по прошествии столького времени.

- Ну, вы знаете, у них очень строгие взгляды. Я не сомневаюсь, что они были правы по-своему. С вашего позволения, я должен вернуться к работе. Но вы можете вернуть эти книги на стойку, когда закончите с ними.

Хью занял освободившийся стул мистера Дисса и сидел, уставившись в пустоту, даже не пытаясь начать работу с томом, что был раскрыт перед ним. Мона, наблюдая за ним, отметила, что он побледнел и на лице его читалось удивление.

Он поднял глаза.

- Вы знаете, от изображения Амброзиуса у меня побежали мурашки.

- У меня тоже, - ответила Мона.

- Это заставило меня понять, что значит замуравывание. Жил себе парень, который спокойно сидел за столом и изучал то, что было ему интересно, и все это время над его головой висела эта история с кирпичной кладкой. Учитывая, что я видел место, где это произошло, и видел его во сне прошлой ночью — ну, это произвело на меня очень сильное впечатление.

- Вам повезло, что вы попали на его след.

- Да, нам повезло. Теперь давайте посмотрим, что еще мы можем узнать о нем из этой бумаги.

Он начал бегло просматривать текст, зачитывая выдержки Моне, которая слушала, смотрела на него и думала о том, что скажет обо всем этом мистер Джелкс. Она чувствовала сильную ответственность перед старым Джелксом за Хью Пастона, как если бы ей позволили взять чьего-то чужого ребенка на прогулку.

- «Родился в 1477», - читал Хью. - «Незаконнорожденный сын дочери торговца» (возможно, имевший некоторое количество благородной крови). «Проявил такие способности в учебе, что был принят в школу Аббатства без оплаты. Получил пострижение в юности. Был в большой милости у аббата. Из-за быстрого продвижения по службе ему многие завидовали. Специальная миссия была послана в Рим, чтобы опротестовать назначение столь молодого парня на должность приора. Старый настоятель дожил до восьмидесяти шести лет и в течение последних нескольких лет своей жизни был прикован к постели. Амброзиус как приор получил полную власть. Много завистников и несогласных. Амброзиус, человек сильного характера, покончил с несогласием и стал проводить свою собственную политику. Он не был видным церковным деятелем, но был видным ученым и коллекционером. Многие критиковали его за то, что денежные средства монастыря он потратил на покупку греческих манускриптов, вместо того чтобы купить кусок Животворящего Креста, который им предлагали. После смерти старого аббата его недоброжелатели были услышаны в Риме, в Аббатство была направлена следственная миссия, и он был снят с должности, поскольку был назначен настоятелем. Его судьба, смерть и место погребения неизвестны». (Подозреваю, что они записали это раньше, чем на ферме были найдены его кости). «Хотя в самом Аббатстве он ничего не изменил, он построил еще одно здание в трех милях от него в Торли и здесь он похоже основал что-то вроде своего собственного филиала; однако ничего не известно о том,

чем там занимались, а записи этого периода истории Аббатства были уничтожены огнем, который сжег часть известной библиотеки и в котором погибли все греческие манускрипты, заказанные у Эразма».

- Ну, это не много, но этого нам достаточно. Хотел бы я знать, кто устроил пожар. Возможно, их новый аббат-итальяшка. Должен признать, что ничуть не сомневаюсь в том, что Амброзиус играл в очень странные игры, и, как и сказал дядя Джелкс, корнем проблемы были греческие манускрипты. Они его испортили, мне кажется. Но вы же понимаете, что парня затолкали в церковь только потому, что это был единственный выход для бедного ученого в те дни, он совсем не принадлежал к ней и восстал против нее, заказав эти манускрипты? Ну же, давайте поедem домой и спросим дядю Джелкса, что он думает об этом.

Хью высадил Мону у книжного магазина и поехал ставить машину.

- Дядя Джелкс, - сказала Мона, как только он исчез, - Мистер Пастон полностью свихнулся на приоре Амброзиусе и совершенно забыл о Пане.

- Великолепно, - сказал Джелкс. - Я необычайно рад это слышать. Я надеялся, что произойдет нечто подобное, если ты возьмешь его в свои заботливые руки.

- Но это еще не все. Мы узнали довольно точную историю Амброзиуса и Амброзиус точно также гонялся за Паном или чем-то необычайно похожим на него. И я тебе вот что еще скажу, в музее мы видели маленький портрет Амброзиуса и он с таким же успехом мог бы быть портретом мистера Пастона.

- Боже мой, - воскликнул старый книготорговец и плюхнулся в свое кресло. - Я подозревал, что все плохо, но я никогда не думал, что настолько!

- Дядя Джелкс, по-моему, мистер Пастон легко может свихнуться.

- Ну, моя дорогая, теперь, когда мы начали, мы не можем остановиться. Это создаст дьявольскую неразбериху. Все, что мы можем сделать, это держаться за подол его пальто и надеяться на лучшее. Но чем все это закончится? Я удивился прошлой ночью, когда он сказал, что очень проникся историей Амброзиуса, но я списал это на то, что он только что узнал эту страшную историю и посетил место, где это случилось. Ведь ты же понимаешь, что у некоторых людей настолько богатое воображение, что даже книга может выбить их из колеи. А смерть Амброзиуса была кошмарной. Ты уверена, что вам это не показалось, Мона?

- Это установленные факты об Амброзиусе, дядя, и ты можешь сам посмотреть на портрет, если не веришь мне. И вот что я тебе еще скажу, у мистера Пастона был кошмар прошлой ночью и судя по тому, как он был расстроен, когда говорил о нем, он был довольно ярким, и во сне он был Амброзиусом, замурованным и умирающим, а потом сбежал в Грецию, где скитался по холмам в солнечном свете.

По какой-то причине, известной только ей одной, Мона не упомянула о том, что во сне Хью был не один.

Старый книготорговец почесал свою лысую ястребиную голову.

- Какая-то одна вещь из всего этого не стоила бы внимания, - сказал он. - Но если сложить их вместе, как это сделала сейчас ты, то это нужно учитывать. Интерес к Амброзиусу сам по

себе ничего не значит; и даже интерес и сон вместе, потому что из интереса могло родиться сновидение. Но там, где есть интерес, сон, похожая история жизни двух мужчин и вишенкой на торте — внешняя схожесть, то отрицать, что происходит что-то важное, мы не можем. Я знаю, что подобные вещи случались раньше. Когда человек, бывший на Пути, возвращается на него снова, обстоятельства часто приводят его к месту его последней смерти. Теперь мы будем наблюдать за тем, что будет происходить. Хью может начать вспоминать свою прошлую жизнь.

- Не будет ли это несколько мучительно для него? - спросила Мона. - Эти воспоминания могут быть кошмарными. И что будет, если мы призовем Пана в монастыре? Может ли монастырь быть хорошим местом для инвокации Пана?

- Одному Богу известно, - ответил книготорговец. - Этот должен быть.

В этот момент вернулся Хью и они все вместе принялись за один из тех странных, приготовленных из ничего обедов, которые книготорговец каждый раз доставал из своей шляпы, так сказать.

*Иллюминированные рукописи (от лат. *illuminō* — освещаю, делаю ярким, украшаю) — рукописные средневековые книги, украшенные красочными миниатюрами и орнаментами (Википедия)

**тонзура — выбритый круг на макушке, который носили монахи в знак принадлежности к церкви.

Глава 13.

Одна и только одна тема интересовала сейчас Хью, но он видел, что ни Мона, ни старик не хотели касаться ее. Всякий раз, когда бы он ни произносил имени Амброзиуса, они одновременно и единодушно начинали разговор о чем-нибудь другом. Хью, который не отличался подозрительностью, это раздражало. Правда, он ничуть не пожалел о том, что смог раньше отправиться в кровать, и, согревшись под теплым пуховым одеялом, он зажег сигарету и уселся все хорошенько обдумать.

Его совершенно не прельщала возможность повторения эксперимента прошлой ночи и возникновения еще одного такого кошмара — это был опыт, который не должен был повториться. Отсюда сигарета и свеча.

То, насколько захватил его воображение приор-изменник, было поразительно; избавиться от него он не мог. Снова и снова возвращалось к нему воспоминание о его чудовищной смерти, и воспоминание об обстоятельствах, которые к этой смерти привели. Используя тексты скудных записей, которые им удалось получить, и свое еще более скудное понимание их смысла, он пытался воссоздать картину личности этого человека и постичь истинную суть его истории.

Он мог представить себе гениального сына симпатичной, но не слишком праведной дочери торговца, но не мог понять, была ли вызвана заинтересованность аббата в нем искренними отеческими чувствами. Вполне вероятно, что так и было. Рим всегда относился гуманно к проявлениям человеческой природы. Он мог представить себе парня, который довольно охотно принял монастырскую жизнь со всеми ее интеллектуальными возможностями; по-настоящему вложил в это сердце и душу, и добился быстрого продвижения по службе от

облагодетельствовавшего его аббата. Затем, как он понимал, произошло внезапное пробуждение другой части человеческой природы, вызванное соприкосновением с греческой мыслью. Одному богу известно, какая яркая пьеса или дерзкая поэма могли оказаться среди партии непереверденных греческих манускриптов, заказанных у Эразма. Он мог представить себе осторожные эксперименты с какой-либо призывной песней, которые закончились внезапным и неожиданным достижением результата точно также, как это произошло у него самого той ночью, когда он использовал метод святого Игнатия для инвокации Пана. Человек, имевший монастырскую подготовку, мог получить очень быстрые и весьма ощутимые результаты, потому как методы работы с воображением, пусть даже направленные в иную сторону, были ему хорошо известны.

Он мог представить себе возрастающий у Амброзиуса интерес к подобным занятиям; осторожную проверку им других на предмет того, подходят ли они для этого дела; а потом аккуратное учреждение им отдельного монастырского дома, где можно было безопасно утолять новый и всепоглощающий интерес вдали от посторонних глаз.

Затем, представлял он, постепенно возрастали подозрения; отправлялись шпионы и велось наблюдение; медленно собирались воедино все обличительные улики; в конечном итоге, когда смерть старого аббата лишила его влиятельного защитника, внезапно налетел Рим; была проведена зачистка всех заинтересованных лиц; заточение в собственном монастыре всех тех, кто принимал какое-либо реальное участие в языческих ритуалах; замуравывание их лидера в подвалах под их ногами в качестве ужасающего предупреждения, и размеренный колокольный звон, напоминавший им о медленном приближении его смерти. Затем долгие нескончаемые годы тишины, одиночества и темноты, пока их одного за другим не настиг все еще медленный, но неизбежный конец. И когда, наконец, старый-престарый мужчина, которому было больше восьмидесяти лет, дверь кельи за которым захлопнулась, когда он был еще двадцатилетним мальчишкой, нашел свое освобождение, монастырь был оставлен на волю ветра, дождя и крыс.

Был лишь один проблеск света в полном мраке трагедии, который дарил утешение Хью — возвращение духа приора, желавшего быть рядом с безраздельно доверявшими ему людьми. Он мог представить себе призрачную фигуру, высокую и худую в своем тяжелом черном одеянии, ступающую своими сандалиями по полу верхнего коридора и останавливающуюся, чтобы поговорить с каждым монахом по очереди сквозь маленькое зарешеченное окошко, остававшееся открытым в заколоченных дверях келий. Хью не пришлось в голову спросить себя, откуда он узнал, что двери келий были заколочены. Он просто представил, что это было так, и этого было ему достаточно.

Он мог представить себе удивление монахов, когда призрачный посетитель впервые поприветствовал их через узкую щель; затем их ужас, когда они поняли, что их приор и в самом деле был мертв и что это был его призрак, который теперь приходил к ним. Затем их постепенное успокоение, когда они поняли, что дух был добрым — что смерть никоим образом не изменила человека, которому они доверяли. И, наконец, установление постоянной связи между смертью-при-жизни и жизнью-после-смерти, так что духи заключенных людей воспаряли над узкими границами своих келий и дышали свежим воздухом, точно таким же, каким дышал и сам Хью на солнечном греческом склоне.

Внезапно Хью очнулся от своих грез, обнаружив склонившегося над ним старого книготорговца, который укоризненно на него посмотрел и произнес:

— Дружок, вы сожжете весь дом, если будете продолжать в том же духе.

— Господи, Ти Джей, вы знаете, я и в самом деле был в этом монастыре, гуляя туда и обратно по коридору вместе с Амброзиусом и разговаривая с монахами. То есть, вы понимаете, этот парень возвращался из мертвых каждую ночь и разговаривал с ними? И вы знаете, что сейчас до меня дошло? Если он мог возвращаться ради них, то, возможно, удастся уговорить его вернуться ради меня? Вы знаете, я был на сеансах, когда что-то возвращалось с того света, что, как я могу поклясться, не было бессознательным самого медиума. Вы не можете доказать этого, конечно, но в то же время вы знаете, что это правда. Так вот, если я найду хорошего медиума, то, как вы думаете, смогу ли я войти в контакт с Амброзиусом?

Старик стоял, глядя на него, и выражение его лица было очень странным.

— Я бы оставил медиумов в покое на вашем месте, Хью. Ничего хорошего они вам не принесут.

— Ти Джей, понимаете ли, я верю в то, что Амброзиус на раз вернется ко мне, если я испытываю к нему такую симпатию. Его история так похожа на мою. Делать все возможное, чтобы идти не тем путем, пока не почувствуешь, что скоро взорвешься, а потом внезапно обнаружить зацепку, которая меняет все в твоей жизни. Пусть он был заперт. Он не справился с тем, что получил. Обстоятельства были не в его пользу. Но мир изменился с тех пор. Теперь я смогу справиться с этим. Я смогу сделать то, чего не смог он...

Странная перемена произошла в человеке, лежавшим в кровати, оперевшись на свой локоть. Несколько мальчишеское, нетерпеливое, нерешительное поведение неуверенного в себе человека, который так и не нашел себя, сменилось чем-то совершенно противоположным. В нем ощущался человек, привыкший к тому, чтобы ему подчинялись. Человек надменный, целеустремленный, решительный. Пара пронзительных глаз уставилась на Джелкса, но в них не было ни единой толики узнавания.

— *Pax vobiscum*, - произнес Джелкс.

— *Et tibi, pax**, - ответил мужчина на кровати.

С минуту он смотрел в глаза Джелкса, а затем по телу его прошла дрожь. Он ошеломленно моргал, глядя на зажженную свечу в руке старика.

— А? - неопределенно спросил он. - Что происходит?

— А что по-вашему происходит, сын мой? - спросил Джелкс.

— Я не знаю, но я весь вспотел. Подайте мне полотенце, будьте любезны.

Джелкс выполнил просьбу и уселся на кровати, в ногах, пока Хью вытирал мокрую от пота грудь. Он гадал, как много Хью вспомнит о произошедшем; насколько плотный контакт состоялся между двумя режимами сознания. Но в невыразительных серо-зеленых глазах Хью не было и проблеска узнавания, поэтому он подождал, пока полотенце, насквозь мокрое, не будет отброшено прочь, и затем, затушив свечу, пожелал своему гостю спокойной ночи.

На следующее утро Хью проснулся совершенно нормальным, не помня ничего о каких-либо происшествιαх прошедшей ночи. Однако ему не терпелось снова вернуться в музей и

договориться о том, чтобы сфотографировать изображение Амброзиуса из иллюминированного псалтыря.

— В таком большом городе должен быть фотограф, способный взяться за эту работу, - сказал он. - Если бы вы связались для меня с мисс Уилтон, мы бы съездили и разобрались с этим.

Джелкс посмотрел на него. Почему для этой работы требовалась мисс Уилтон? Почему он не мог поехать туда один?

— Она сможет подойти к телефону?

— Думаю да, если только ей его не отключили.

— Почему его должны были отключить?

— Ну, в последнее время ей приходилось туго, так что возможно ей пришлось обойтись без этого.

— Как вы думаете, она позволит мне подключить ей его снова? Было бы очень удобно, если бы он у нее был. И да, Джелкс, позволите ли вы мне поставить телефон и здесь тоже?

— Господи, да вы закончите работу раньше, чем здесь появится телефон. Не забывайте, что имеете дело с правительственным департаментом.

— Ничего страшного, я могу подстегнуть их. У меня есть друзья в высших инстанциях.

Джелкс отправился за Моной, пока Хью ходил за машиной. Придя к ее дому, он переступил порог парадного входа, когда Мона впустила его, и закрыл за собой дверь.

— Дорогая моя, - сказал он. - Нас ждут чертовски сложные времена. Прошлой ночью Амброзиус явился самолично.

— Что ты имеешь в виду? - спросила Мона, которую напугало и его поведение, и его слова.

— Я подумал, что Хью заснул, забыв потушить свечу, и пошел к нему. И он проснулся и начал говорить об Амброзиусе — подозреваю, что он ему снился — и секунд на пять Хью сам *стал* Амброзиусом, и, Господи, он так напугал меня! Он вообще меня не узнавал и казался свирепым, как ястреб. Я обратился к нему на церковной латыни и он ответил мне. И затем он снова стал собой, и слава богу, ничего не помнил об этом с утра.

— Если это произошло один раз, то это произойдет и снова, дядя Джелкс, особенно если он переберется на ферму. И что тогда будет?

— Одному Богу известно. Мне нет. Мы должны следить за ним и делать лучшее из того, что мы можем. Если бы он посмотрел на тебя также, как на меня, ты бы убежала за миллю. Должно быть, он был кошмарным приором.

Мона поднялась, взяла свое кожаное пальто и шлем, и они пошли вместе в магазин, возле которого на тротуаре и обнаружили Хью, возившегося с машиной. При их приближении он выпрямился и поприветствовал их в своей обычной робкой манере, словно школьник, приветствовавший свою семью на публике — испытывая от встречи с ними гораздо больше радости, чем осмеливался показать. Это была странная сцена. В ней был старый Джелкс в своем древнем пальто на фоне ветхого, блеклого фасада своего магазина, с которым они оба, он и магазин, были настолько бесцветными, что с небольшого расстояния могло показаться, будто он растворяется на его фоне и исчезает под слоем Лондонской копоти, покрывавшей их обоих. В ней также была Мона Уилтон, красивое яркое кожаное пальто которой окутывало ее от подбородка до голеней и позволяло видеть лишь пару древних коричневых башмаков на ее ногах, милосердно скрывая под собой потертый, пыльный джемпер и юбку. И, наконец, здесь были Хью Пастон и его машина. На Хью было хромовое кожаное гоночное пальто; его машина была яркого, но потертого голубого цвета, на которой все еще были видны большие черные цифры, отличавшие ее от других в знаменитом гоночном заезде. Блеклая улица и еще более блеклый продавец сливались в однообразную серую массу, но Хью, Мона и машина выделялись на общем фоне, словно ярко раскрашенные виньетки в иллюстрированных рукописях древних монахов. Старому книготорговцу, стоявшему позади и смотревшему на них, казалось, что все, к чему прикасался Хью Пастон, в тот же момент раскрашивалось в яркий цвет. Его собственная жизнь; жизнь Моны; серая ферма на лысом холме — все внезапно становилось ярким, интересным, рискованным. Это было настоящим прикосновением Пана, подумал старик со вздохом, и чем же, черт возьми, все это могло закончиться? Хью мог контролировать это не больше, чем заход солнца. Всем заправлял Пан.

Хью и Мона отъехали на машине, мощный двигатель которой создал невообразимую шумиху на узкой улочке. Джелкс смотрел, как они отъезжают. Куда, в конце концов, все это вело? Хью Пастон был состоятельным мужчиной с хорошими связями, он все еще был молод и, на данный момент, чрезмерно неуравновешен. Мона, дочь министра-нонконформиста из маленького промышленного городка в Мидленде, была молодой девушкой с бурным эмоциональным прошлым позади. Она жила так, как и полагалось жить всем девушкам-художницам, вырвавшимся из подобных домов в среду английской богемы — бросаясь из одной крайности в другую. Именно он протянул ей руку, чтобы успокоить и спасти ее, когда наступил неизбежный упадок, и он надеялся, что теперь она обрела равновесие. Он хотел бы верить, что она обрела его, будучи предоставленной себе самой; но была ли она все еще предоставлена только лишь себе? Джелксу совсем не нравилось то, как смотрел на нее Хью. В конце концов, она была молодой женщиной из совершенно другого класса, бывшей у него в подчинении, и он не имел никакого права смотреть на нее подобным образом. Хью учился в Хэрроу и Бейлиоле, Мона в местной средней школе и в одной из частных мастерских, избилующих лондонской богемой — престиж и безопасность Слейда** были ей недоступны. Хью привык к очень утонченному типу женственности; если Моне удавалось быть чистой и опрятной, то о большем она и не мечтала, ее раннее воспитание успешно помогало ей избежать превращения в кричащую небрежность, что часто случалось с девушками-художницами, и это приносило ей свою пользу. Джелкс рассудил, что нынешнее настроение Хью было его реакцией на шок и разочарование, которые он испытал, и что как только это пройдет, он вернется к нормальному состоянию и людям своего круга общения. Ему больше не захочется мириться с дискомфортом книжного магазина или довольствоваться обществом Моны.

Сейчас Мона, казалось, воспринимала происходящее спокойно и отрешенно. Прежде ей уже доводилось общаться с мужчинами вроде Хью, когда она занималась дизайном интерьеров на Мейфейре, и она прекрасно понимала, чего стоило их внимание. Она вела себя как женщина, старающаяся угодить своему работодателю, подстраиваясь под его настроение и в то же время держа его на расстоянии вытянутой руки. Джелкс это полностью одобрял. Но по

прошлому опыту он знал, что под бесстрастным внешним видом Моны Уилтон скрывалась молодая женщина с бушующими эмоциями и она была способна закусить удила в погоне за ними. Однако он не мог представить себе, чтобы она влюбилась в Хью; ему казалось крайне маловероятным, что в Хью с его манерой себя держать, неуверенностью в себе и отсутствием индивидуальности может влюбиться хоть какая-нибудь женщина. И все равно он был не доволен тем, что Хью постоянно таскал Мону за собой, пользуясь своим положением работодателя. Мона, конечно, равнодушно шагала за ним в своих тяжелых башмаках и ее поведение ничуть не располагало к началу романа. Джелкс, правда, не совсем понимал, как мог бы завязаться роман, учитывая все обстоятельства, но он бы все равно предпочел, чтобы Хью выдал Моне список заданий и отправил Мону выполнять их, вместо того чтобы носиться с ней так, как он это делал сейчас.

А тем временем Хью вел машину по привычному маршруту, и вскоре они прибыли в маленький городок и занялись неизбежными поисками фотографа, которому суждено было увековечить черты, которые гораздо лучше было бы предать забвению. Они посадили низкорослого, недоверчивого мужчину вместе с его снаряжением в машину. Ему пришлось уступить сидение, поскольку он был не молод, так что Моне в ее яркой зеленой одежде пришлось взгромоздиться на узкий багажник и держаться за шею Хью, пока он осторожно, чтобы не уронить ее, вел автомобиль по изгибам узких, извилистых, средневековых улочек.

По прибытии в музей фотограф выполнил свою работу и удалился; но Хью, как Мона и предполагала, остался сидеть над иллюминированными страницами старинной книги. Она наблюдала за ним, пока он изучал их, и ей казалось, что его лицо меняется на глазах, превращая его в хищного ястреба, на которого острые черты лица обритой головы, возвышающейся над черными складками откиннутого капюшона, делали похожим и того, кто был изображен на картине четырехсотлетней давности. Два этих человека, несомненно, были чрезвычайно похожи друг на друга, и глядя на мертвого человека, живой все больше и больше превращался в его подобие.

Моне показалось, что ее работодатель был загипнотизирован изображением мертвого монаха и она подумала, что ей стоило бы разрушить эти чары, пока они не завладели им слишком сильно.

Она наклонилась вперед, намереваясь коснуться его рукава, но ножка ее стула покачнулась на неровном полу и вместо этого она коснулась его обнаженного запястья. Он резко поднял на нее глаза и они встретились взглядом, и человек, который смотрел на нее, был не Хью, но Амброзиусом, и он отреагировал на ее прикосновение так, как и должен был отреагировать монах. Моне показалось, что она смотрит в глаза хищной птицы.

Она прекрасно понимала, что она имеет дело с Амброзиусом, а не Хью Пастоном, но она понятия не имела о том, разозлило ли человека, соблюдавшего монашеский целибат, ее прикосновение, или же это просто выбило его из равновесия. Она была одна с ним в большой пустой верхней комнате средневекового дома, который служил городу музеем. С обычной точки зрения она имела дело с сумасшедшим — человеком, которому казалось, что он был мертвым и давно ушедшим монахом из зловещей истории. Она даже не была уверена в том, что человек его эпохи поймет современный английский, если она заговорит с ним — он, должно быть, был ровесником Чосера***. Не зная, что ей делать, она очень мудро не делала ничего. Выдающийся церковный деятель, не важно, реальный или воображаемый, вряд ли стал бы прибегать к какому-либо насилию или непристойностям.

Фра Амброзиус — было невозможно думать о нем как о мистере Пастоне — уставился на нее с той неподвижностью, с какой змея смотрит на птицу. Возможно, он был не меньше удивлен этим столкновением, чем она сама. Комната могла казаться ему достаточно знакомой — это была комната его времени, бережно сохраненная и отреставрированная; книга, лежавшая под его рукой, была одной из его собственных книг. Стол, на котором она лежала, был трапезным столом из того самого монастыря. Единственное, что выбивалось из общей картины, кроме самой Моны, было висящее на стене предупреждение о том, что здесь было запрещено курить — предупреждение, которое могло ни о чем не сказать ему, даже если бы он смог расшифровать современный почерк.

Но он не обращал никакого внимания на предупреждения. Он был всецело поглощен изучением того, что находилось перед ним. Мона в своей выкрашенной в ярко-зеленый цвет коже выглядела весьма нелепо в глазах человека, привыкшего к серым краскам средних веков. Ее лицо и в лучшие времена казалось эльфийским, а в этом странном зеленом шлеме она даже в современных глазах, привыкших к экстравагантной моде, выглядела как существо, забредшее сюда из дремучего леса — как же тогда она должна была выглядеть в глазах священнослужителя, привыкшего видеть строгие прически на головах средневековых женщин, да и то издалека?

Наблюдая за ним, Мона видела, как оцепенение, с которым он поначалу смотрел на нее, постепенно начало сменяться восторженной экзальтацией, как если бы он был удостоен какого-то чудесного видения из иного мира. Мона гадала, не казалось ли ему, что он видит святого. Но выражение в его глазах не оставляло ей надежды. Амброзиусу вовсе не казалось, что перед ним святой. Она вспомнила об искушении Святого Антония и думала о том, как Амброзиус привык справляться с демонами. Собирается ли он изгнать ее или задушить? Выполнит ли Амброзиус свой монашеский долг и скажет «изыди, Сатана»? Или не выполнит?

По его изумленному, восторженному выражению, с которым он рассматривал ее, она поняла, что он не верил в то, что она могла быть каким-либо земным существом, и поспешил сделать вывод, что она была кем-то пришедшим к нему из иного мира в ответ на его безбожные эксперименты с греческими манускриптами. Средневековому разуму человека, вернувшегося из мертвых, не были известны полутона или компромиссные варианты в учении об аде и грехе. По всем меркам своего мира он продал свою душу Дьяволу и его ожидала вечность в адском пекле. Как бы много человек ни возмнил о себе, а правила его мира нелегко отбросить в сторону и они склонны напоминать о себе всякий раз, когда человек оказывается застигнутым врасплох.

Шли минуты и никто из них не шевелился. Мона, наблюдая за сменяющимися друг друга выражениями на лице человека, наклонившегося к ней — лице незнакомца, хотя его черты были ей знакомы — глубоко осознала, в чем заключалась трагедия жизни в монастыре для тех, кто не имел возможности отдохнуть от нее. Трагедия Абеяра и Элоизы. Был ли английским Абеяром тот, кто наклонился, чтобы взглянуть в ее лицо с другой стороны узкого стола?

Она неотрывно следила за ним. Минуты проходили одна за одной. Городские часы пробили час. Как долго они будут оставаться в таком положении? Она не смела пошевелиться, ибо лишь одному Богу было известно, что могло свалиться на нее. Она знала, что Хью Пастон упадет замертво, если захватчик его тела внезапно исчезнет. Будь что будет, первой она не пошевелится.

Затем мужчина, не отрывая от нее своих глаз, медленно протянул руку и прикоснулся к ее запястью кончиками своих пальцев, как если бы хотел проверить ее пульс. Подушечки его пальцев были ледяными. Это и в самом деле было похоже на прикосновение руки мертвеца. Мона не шевелилась, но продолжала смотреть в его глаза. Он, по-видимому, пытался выяснить, была ли она существом из плоти и крови или же фантазией. Вероятно, он видел много подобных фантазий.

Затем другая его рука начала двигаться и приблизилась к ней. Мона могла видеть, как она приближается, хотя она и не отрывала своих глаз от тех, что непоколебимо смотрели на нее, словно глаза хищной птицы. Что эта рука собиралась сделать? Двигалась ли она к ее горлу? Но нет, она замерла на ее плече. Затем пальцы, которые так легко касались ее запястья, сжались вокруг него. Теперь Мона не смогла бы пошевелиться, даже если бы захотела.

Фантазия об Амброзиусе так сильно захватила ее воображение, что современная одежда исчезла из поля ее зрения и мужчина, наклонившийся к ней, на самом деле был для нее церковником-вероотступником, отчаянно близким к падению в адский огонь. Католику эта ситуация могла бы показаться ужасающе богохульной и непристойной, но нонконформистское воспитание Моны не дало ей ни симпатии к вере, ни понимания католической точки зрения, и все, что она видела, было обычным человеком, чудовищным образом отрезанным от самых обычных вещей. Она знала жизнь такой, какой та была в богемных кругах, и понимала, что представляет собой мужская природа, поэтому очень сочувствовала этому человеку. Инстинктивно, неосознанно, ее свободная рука легла сверху на его руку в знак симпатии. Она увидела, что глаза отступившего от веры, воображаемого монаха начали медленно наполняться слезами. Не имело значения, был ли мужчина, сидевший перед ней, мертвым человеком, вернувшимся из прошлого, или он был сумасшедшим, представляющим себя героем трагической истории, итог был один и причиной этого были неудовлетворенные человеческие желания. Был ли это Амброзиус, давший обет безбрачия, или Хью Пастон, утративший свое мужское достоинство в браке, лишенном любви, - причины и их следствия были абсолютно одинаковыми. Бывают браки без любви, когда монахиня выходит замуж за церковь, и не каждый монах способен совершить эффективный перенос на Деву Марию. Литература мистицизма не оставляет нам никаких сомнений относительно природы этого переноса.

Чем могло бы закончиться это столкновение, знает только небо, но на лестнице послышались шаги и мужчина быстро отпустил Мону и выпрямился, но по его острому, властному виду Мона поняла, что это все еще был Амброзиус. Шаги пересекли голые доски лестничной клетки и вошли в арку, и Мона отвернулась, чтобы поприветствовать хранителя музея, удивляясь тому, как в конце концов разрешилась ситуация.

Но как только она отвернулась, чары разрушились и испуганный возглас мистера Дисса заставил ее повернуться обратно, чтобы увидеть, как Хью Пастон, закрыв глаза, пошатнулся и затем с грохотом упал на пол.

Они оба бросились к тому концу стола, но прежде, чем они успели подбежать, Хью сел, потирая затылок в том месте, на которое пришелся удар об пол.

— Господи, что случилось? - воскликнул он, глядя на них изумленно.

Единственное, что пришло ему на ум, это отказ двигателя. Казалось, правда, что ему стало еще немного хуже, не считая уж того, что болела голова.

Внезапный паралич всей мускулатуры, который происходит после того, как контролирующее тело медиума существо покидает его, сильно отличается от сердечного приступа, который вызывает обморок.

Однако мистер Дисс сильно распереживался.

— Мой дорогой сэръ, позвольте мне помочь вам. Посидите немного и я найду для вас чуть-чуть бренди где-нибудь.

Хью, которому ничего не хотелось, сел и, прищурившись, посмотрел на Мону.

— Что произошло? - спросил он, когда мистер Дисс отвернулся. - Я упал в обморок?

— Я полагаю, что да, - ответила Мона.

— Это странно. С чего бы мне падать в обморок? Все это время я чувствовал себя прекрасно.

— Как вы чувствуете себя сейчас?

— Немного мутно. Как если бы все вокруг не было настоящим и я даже не знал, где я нахожусь. Я не отказался бы от предложенного стариком бренди.

Но Хью не удалось получить свой бренди так быстро, как он думал, ибо мистер Дисс отправил за ним своего молодого помощника, а затем позвонил мистеру Уотни.

— Я хотел бы, чтобы вы зашли, - сказал он. - Ваш новый клиент только что свалился в жуткий обморок, и я полагаю, что юная леди была ужасно напугана.

В итоге, когда появился бренди, они вдвоем принесли его наверх и вместе стояли рядом с Хью, которому теперь было стыдно за самого себя, пока он пил. Они дали выпить глоток и Моне, за что она была им бесконечно благодарна. Каждый раз, когда она смотрела на застенчивое, невзрачное лицо Хью, ей казалось, что в любой момент горящие глаза Амброзиуса могут уставиться на нее с этого лица.

Тут же они решили, что всем четверым стоило бы пройти до дома мистера Уотни и немного перекусить перед тем, как Хью поедет обратно в город.

Мистер Уотни был холостяком, и живя с прислугой, он мог позволить себе многие вещи, которые не смог бы себе позволить, живи он с женой.

Через некоторое время мистер Уотни изловчился составить компанию Моне, в то время как мистер Дисс оказался рядом с Хью.

— У мистера Пастона большое сердце? - спросил он у нее.

— Понятия не имею, - ответила Мона. - Мы очень мало знакомы.

— Значит, вы не родственники?

— О, ну что вы, я профессиональный дизайнер. Моя работа — подобрать весь декор для оформления дома и проследить за заключением договоров. Я ничего не знаю о самом мистере Пастоне. Я познакомилась с ним всего лишь пару дней назад.

— Да уж, да уж. Довольно тяжелый опыт для вас, моя дорогая юная леди.

— Да, очень, - ответила Мона. - Кажется, правда, что он не слишком пострадал.

— Ему очень опасно водить машину, если у него случаются подобные приступы.

— Да, это точно, - сказала Мона, думая о том, что же натворит Амброзиус на современной дороге, если он внезапно появится, когда Хью будет за рулем.

— Вы не можете убедить его нанять шофера?

— Это не мое дело, мистер Уотни. Я не могу вмешиваться в подобные вещи. Мы очень мало знакомы с мистером Пастоном. Если он выбирает риск, то это только его дело.

Она видела, что мистер Уотни пытается узнать об истинной природе отношений между ними, а потому старательно подчеркивала их случайный характер и ее тотальное безразличие к судьбе Хью.

— Вы можете попасть в очень неприятную ситуацию, если не сказать опасную, моя дорогая юная леди, если вы будете ездить вместе с ним.

— Работа есть работа, мистер Уотни. Я не могу указывать своим клиентам.

Казалось, он был полностью удовлетворен исключительно рабочим интересом Моны к Хью Пастону. Они вышли из узкого прохода и оказались рядом с Аббатством. Сердце Моны ушло в пятки, когда они проходили мимо, ведь Амброзиус мог явиться снова или, другими словами, у Хью мог случиться еще один приступ; но хотя он и пялился изо всех сил на древние башни, ничего не произошло и они без приключений дошли до низкого, покрытого плющом дома, из которого открывался вид на монашеское кладбище.

Это был очень интересный и очаровательный дом, с великолепной коллекцией античной мебели внутри; но хотя Мона и была ценителем хорошей мебели, она даже не посмотрела на нее, ибо была одержима мыслью о том, что Хью Пастон был Амброзиусом, и она не могла забыть о том, как Амброзиус смотрел на нее. Ей все еще мерещились эти горящие глаза, когда бы она ни посмотрела на Хью. Она видела, что он заметил ее расстройство и беспокойность на его счет, и это в свою очередь заставляло его беспокоиться о ней. Не требовалось многого, чтобы поколебать уверенность Хью Пастона в себе, его мать была властной женщиной, а жена была эгоцентричной личностью.

Было видно, что Хью все еще был шокирован и с трудом понимал, что он делает. Не только из-за того, что пережил невероятный психический опыт, но и из-за того, что сильно ударился головой. Мона понимала, что если Амброзиус еще раз посмотрит на нее глазами Хью, она

бросится прочь из комнаты, настолько ужасным было впечатление, которое приор-отступник произвел на нее. Она не могла перестать все время наблюдать за Хью, опасаясь, как бы он вдруг снова не превратился в Амброзиуса. Она понимала, что он знает о ее наблюдении, хотя его навыки социального взаимодействия и помогали ему скрыть свое смущение. Мистер Дисс и мистер Уотни не добавляли Моне душевного спокойствия, развлекая их историями об Аббатстве. Они, конечно, ни разу не коснулись темы Амброзиуса напрямую, за что она благодарила небеса, но каждый раз, когда они подходили к этой теме близко, она задерживала дыхание и замирала, так что нормально пообедать ей не удалось. Правда, им обоим был налит лучший портвейн мистера Уотни. Мона ни от чего не отказывалась. Предстояло ли ей умереть от рук Амброзиуса или погибнуть в автоаварии с Хью, - чем меньше она об этом знала, тем лучше.

Наконец, обед подошел к концу, и Мона, вспотевшая от портвейна и жары в душной гостиной с низкими потолками, ибо она не решилась снять свое кожаное пальто из-за того, что платье под ним было убогим, заняла свое место в машине рядом с Хью, после чего они повернули в сторону дома.

Он ехал по сложным улицам городка в молчании. Затем он остановил машину у обочины.

— Вы знаете, я ужасно сожалею, - сказал он. - Я боюсь, что я перепугал вас до смерти. Со мной никогда не случалось такого прежде. Мне кажется, что я был выбит из равновесия всем пережитым.

Мона, из-за шока и портвейна, изо всех сил старалась сдержать слезы. Единственное, чего бы ей не хотелось, это остаться наедине с Хью с безлюдном месте, где он мог внезапно превратиться в Амброзиуса.

— Все в порядке, - сумела, наконец, сказать она. - Если только вы не поранились.

— Я в порядке, - сказал Хью. - За исключением шишки на затылке. Я волнуюсь о вас. Я боюсь, что я расстроил вас.

— Нет, что вы. Я... Я думаю, что у меня начинается один из моих приступов мигрени.

— Который мог возникнуть из-за испуга, как мне кажется, - ответил Хью. - Что ж, я могу только сказать, как ужасно я сожалею, и отвезти вас домой.

Он завел двигатель и они молча поехали домой, головная боль медленно накрывала Мону до тех пор, пока она не почувствовала себя так, как если бы череп ее зажимали в тиски, одновременно вонзая ножи в ее мозг. К тому моменту, когда они вернулись в книжный магазин, выглядеть она стала кошмарно. Хью взглянул на нее, помогая ей выйти из машины, и был здорово напуган ее внешним видом.

— Интересно, что скажет мне Джелкс, когда увидит, в каком состоянии я вернул вас домой, - сказал он. - Я могу только сказать, что я ужасно сожалею, Мона.

Мона была так далеко, что не заметила его обращения к ней, как не заметила и того, что он приобнял ее за талию, поскольку она вошла в магазин, пошатываясь.

Старый Джелкс, запаковывавший книги, вскинул брови при виде этой парочки.

— Боюсь, что обратно я вернул развалину, - сказал ему Хью.

— Один из ее приступов мигрени? Ну, так в том нет вашей вины, - ответил старик.

— Я боюсь, что это моя вина, - сказал Хью. - Я отличился, упав в обморок, и до смерти ее перепугал.

— Святой боже, с вами случилось такое прежде?

— Никогда раньше такого не было и я не знаю, почему это случилось теперь.

— Ну, - сказал книготорговец, глядя на Мону. - Я полагаю, что тебе нужен чай и аспирин, и потом мы отправим тебя в кровать?

Она прошла в комнату позади магазина, не ответив, и, плюхнувшись в его кресло, съежилась перед огнем.

— Позволь мне снять твоё пальто, моя дорогая, - сказал старик.

— Нет, я не хочу его снимать, я замерзла.

Джелкс вышел, чтобы поставить чайник для неизменного чая, а Хью стоял и с болью смотрел на Мону, ощущая себя ответственным за ее состояние. Ему никогда прежде не приходилось сталкиваться с женскими болезнями; его жена была такой же здоровой, как пресловутая лошадь; любая болезнь, которая возникала в его доме, случалась с ним самим.

Мона не просидела у огня и нескольких минут, когда она внезапно сбросила с себя тяжелое кожаное пальто, в которое заворачивалась прежде.

— Я закипаю, - сказала она ворчливо.

Но через несколько секунд пальто понадобилось ей снова. Хью накинул его ей на плечи, видя, что она пытается нащупать его, и когда он это сделал, то почувствовал, что она вся дрожит.

Он тихонько зашел в кухню к Джелксу.

— Мне кажется, - сказал он, - Что это не просто головная боль. Сдается мне, что это пневмония.

Ему доводилось командовать носильщиками на больших высотах и он был знаком с внезапным наступлением «капитана хозяев смерти».

Джелкс присвистнул.

— Это мерзкое дельце, если это так, - сказал он. - Но это может быть и одним из ее приступов мигрени. В этот раз приступ необычайно кошмарен. Я осмотрю ее. Сейчас все узнаем. Я пережил с ней много подобных приступов.

Он вернулся в комнату с чаем.

— Ну, дорогуша? - сказал он. - Как ты себя чувствуешь?

— Паршиво, - ответила Мона. - Похоже, я поймала простуду вдобавок к мигрени.

— Думаю, нам лучше отправить тебя в постель и вызвать твоего доктора, - сказал Джелкс.

— У меня нет доктора, - сказала Мона. - Я ни к кому не прикреплена.

— Вот паршивка, почему его нет? - с ужасом воскликнул книготорговец.

— Я теперь работаю на себя, у меня его и не должно быть.

— Но почему же, ради всего святого, ты не сохранила взносы?

— Не было лишних денег.

Хью с удивлением слушал эти откровения. Он и представить себе не мог, чтобы какая-либо женщина из тех, кого он мог назвать своим другом, была «к кому-то прикреплена», не говоря уже о том, чтобы не иметь возможности посещать врача.

— Послушайте, - сказал он. - Не переживайте об этом. Я виноват в том, что вы заболели, так что я хотя бы помогу вам с вызовом врача.

— Это было бы чертовски мило с вашей стороны, - сказал с облегчением книготорговец, который боялся не потянуть расходы на лечение Моны.

— А что если, - сказал Хью, - Отправить вас в частную клинику?

— Нет! - закричала Мона, внезапно придя в себя. Конечно же, она не могла поехать в частную клинику, потому как у нее даже не было ни одной приличной ночной сорочки или чего-нибудь вроде этого. - Не так уж мне и плохо. Я просто простыла вдобавок к своей мигрени, уже утром я буду в порядке. Я пойду домой, как только допью чай.

— О нет, не пойдешь, - сказал старый книготорговец. - Ты останешься здесь.

— Нет, я не останусь.

Джелкс подошел к ней и приложил свою ладонь к ее лбу.

— Отстань, - злобно прошипела Мона, отбрасывая его руку. - Я не хочу, чтобы меня лапали.

Джелкс не обратил внимания на эти слова, но схватил обе ее руки и, держа их так, чтобы она не смогла оттолкнуть его, спокойно потрогал ее лоб. Хью, который никогда в жизни не видел, чтобы так обращались с женщиной, охнул.

— У тебя температура, - сказал Джелкс. - Теперь надо решить, что нам с тобой делать? В постель ты пойдешь, это бесспорно. Я думаю, что будет лучше уложить тебя в мою постель, а сам я завалюсь на софу. Конечно же ты не сможешь самостоятельно дойти до дома. Даже не думай об этом.

— Нет, - сказал Хью. - Даже не думайте о том, чтобы спать на софе. Послушайте, у меня есть предложение. Позвольте мне позвонить моей экономке, миссис Макинтош, она чертовски замечательная, и попросить ее привезти кровать и все, что нам еще может потребоваться, и мы затолкаем это все в вашу гостиную, чтобы Мона могла побыть здесь до тех пор, пока мы не выясним, что с ней, и пусть миссис Макинтош поможет разругать ситуацию.

— Я бы сказал, что это чертовски разумно, - ответил старый книготорговец. - Да, так мы и поступим.

— Нет, вы не посмеете! - вскричала Мона в истерике. - Я уйду к себе домой. Я не хочу здесь оставаться.

— Она всегда так себя ведет, когда у нее болит голова, - сказал Джелкс взволнованному Хью. - Идите и звоните своей экономке, а я пока успокою ее.

Мона, покачиваясь, встала на ноги.

— Я иду домой, - сказала она. Как она могла объяснить этим двум мужчинам, что она не сможет сомкнуть глаз, находясь в одном доме с Хью Пастоном, когда в любой момент она может оказаться в компании Амброзиуса? Невольно она подняла глаза на Хью и он увидел в них испуг.

— Послушайте, - сказал он тихо. - Я полагаю, мисс Уилтон боится, что я нагряну ее еще одним обмороком, если она останется здесь. Если я уберусь отсюда, вы останетесь? Я легко могу поехать в отель.

— О нет, только не это. Это слишком глупо.

— Ну тогда что не так, Мона? - спросил Джелкс.

— Ничего. Я просто говорю глупости. Я всего лишь хочу, чтобы вы отпустили меня домой. Я вскоре поправлюсь.

— Мы не позволим тебе пойти домой в таком состоянии. Ты останешься, если уйдет Хью?

— Да, да, я останусь. И ему не нужно куда уходить. Я просто сглупила. Не обращайтесь на меня внимания. Я всегда такая, когда у меня болит голова, я скоро поправлюсь.

Как бы плохо она себя не чувствовала, Моне хватало ума не обижать клиента. Она съежилась в кресле и с несчастным видом уткнулась лицом в грязную подушку.

— Идите звоните, - сказал Джелкс Хью, и Хью исчез.

— Так, дорогая, что происходит на самом деле? - спросил Джелкс Мону, как только ушел Хью.

— Он превратился в Амброзиуса, - хрипло ответила Мона.

— Так я и думал, - сказал Джелкс. - И что произошло, когда он стал Амброзиусом?

— Он... Он просто смотрел на меня на протяжении очень долгого времени, не двигаясь, а потом кто-то вошел в комнату, и он свалился в обморок, и очнулся уже нормальным.

— Это был не обморок, это был процесс перехода от Амброзиуса к Хью. Чего ты испугалась, детка? Амброзиус показался тебе страшным?

— Да, ужасающим.

— Ну, так я не думаю, что это произойдет здесь снова. В любом случае, рядом с тобой будет эта шотландская экономка, а я пока пригляжу за Хью. У тебя ведь достаточно знаний, чтобы не бояться мертвых, Мона. Мертвый человек ничем не отличается от живого, кроме того, что не имеет тела.

— Не в этом дело, я не боюсь мертвых, также как и ты. Я... Я боюсь Амброзиуса.

— Почему?

— Я... Я не знаю.

Как могла она рассказать ему о странном эпизоде, произошедшем между ними? Как, ко всему прочему, рассказать ему о том, какую моральную поддержку получил от нее Амброзиус? А без этих фактов любые объяснения будут звучать более, чем неправдоподобно.

Вернулся Хью Пастон.

— Окей, шеф, она сейчас же выезжает, и привезет с собой кровать и постельные принадлежности. Я приказал ей нанять Даймлер и ехать на нем. Надо будет видеть лицо шофера, когда они приедут сюда.

— Я зажгу огонь наверху, - сказал Джелкс и, первым выходя из комнаты, жестами пригласил Хью следовать за ним. Он знал, что Мона не захочет оставаться с ним наедине.

— Послушайте, - сказал он, как только закончил с огнем, - Не разговаривайте с ней об Амброзиусе, он ее раздражает.

— Она думает, что он восстанет из мертвых и начнет ее преследовать?

— Именно так.

— Вы знаете, Ти Джей, я сам очень сильно ощущал его присутствие где-то рядом, но мне не казалось, что он настроен враждебно. Я думаю, что бедняга пережил не лучшие времена и он был бы рад любому доброму слову от кого-нибудь, если вы понимаете, о чем я. Лично я хотел бы сказать ему несколько, просто поприветствовать его, знаете ли. Мне кажется, что у него была крайне отвратительная жизнь.

— Это все замечательно, - сказал книготорговец, - Но не делайте этого, пока Мона больна, или она совсем развалится на части. Не думайте об Амброзиусе, пока вы в этом доме. Мы не хотим, чтобы он проявлялся здесь.

— Хорошо, Ти Джей. Это ваш дом. И только вам решать, кто может приходить сюда, не важно, из этого мира или из другого. Но как только я обустроюсь на ферме, я попытаюсь связаться с ним, и у меня такое чувство, что ему об этом известно.

*латынь, «Мир вам! - И вам мир» дословно.

**Слейд-скул (Slade School), школа искусств при Лондонском университете.

***имеется в виду Джефффри Чосер, знаменитый поэт английского средневековья и отец английской поэзии.

Глава 14.

Прибыла миссис Макинтош, быстро и без нареканий взяв контроль над ситуацией в свои руки.

— Может, пригласим доктора Джонсона? - спросил Хью.

— Конечно же, нет, - последовал ответ. - Если этот человек придет в этот дом, то уйду я.

— Боже, что с ним не так? Миссис Пастон постоянно о нем вспоминала.

— Я знаю, что она вспоминала. Но все же он и близко не подойдет к мисс Уилтон. Кто нам нужен, так это хороший, благоразумный, надежный врач. И если вы позволите послать за ним, то я приведу такого человека.

— Шотландец?

— Да.

— Так я и думал, - сказал Хью, посмеиваясь. - Хорошо, зовите своего шотландца. Он случайно не ваш родственник?

— Он троюродный брат моего покойного мужа.

Прибыл шотландский знакомый миссис Макинтош, который был похож на карманное издание старого Джелкса. Пока он осматривал пациентку, миссис Макинтош присоединилась к Хью Пастону внизу.

— Мистер Пастон, - сказала она тихо. - Мне было бы легче управиться со всем, если бы вы честно рассказали мне о том, кем они вам приходятся.

— Здесь особо нечего рассказывать, миссис Макинтош. Я наткнулся на мистера Джелкса совершенно случайно, ощущая себя очень гадко после похорон, и с тех пор так здесь и оставался. Он вытянул меня из весьма скверного состояния. Мне кажется, я бы совсем сломался, если бы не он. Мисс Уилтон его протеже; сдается мне, что он является кем-то вроде исповедника для всего района. Она художник. Я занимался поисками другого дома, и я хотел подобрать определенную мебель и декор, и старый Джелкс посоветовал мне поручить ей эту работу. Это ее профиль. Затем она заболела прямо на наших глазах. У нее нет никого, кто мог бы за ней присмотреть, и мы сделали для нее лучшее из того, что мы могли.

— Я вижу, - сказала миссис Макинтош. - Что, как ей казалось, было невозможно. Она считает себя женщиной, которая может рассчитывать лишь на себя.

Ее позвали сверху и она ушла, оставив Хью наедине с его мыслями.

Он был очень расстроен болезнью мисс Уилтон и винил себя в произошедшем. Но даже не смотря на то, что он взваливал всю ответственность на себя, а в его обмороке вряд ли была его вина, он все равно переживал гораздо сильнее, чем было бы разумно в данной ситуации. Ему казалось, что он уже давно достиг того состояния, когда все эмоции проходили мимо него и он совершенно ничего не чувствовал. Возвращение же способности чувствовать несло с собой болезненные ощущения, как тогда, когда кровь снова возвращалась в онемевшие части тела. Правда, с другой стороны его несколько успокаивало то, что он все еще был жив; вещь, в которой он часто сомневался в последние годы. Ему казалось, что жизнь, определенно, возвращалась к нему, и даже если этот процесс и был болезненным, то это все равно было хорошим знаком.

Он услышал, как ушел доктор, а затем к нему вернулась миссис Макинтош.

— Ну? - спросил Хью. - Каков вердикт?

— Легкий бронхит. Никаких опасных хрипов в груди. Ее истинная проблема — недоедание.

— Что это значит?

— Она мало ест.

— А в чем причина этого?

— В нехватке денег.

— Что вы хотите сказать?

— Мисс Уилтон ничего не ела на протяжении последних пяти дней, не считая редких перекусов не самой подходящей едой вместе с вами и мистером Джелксом.

— Но почему, ради всего святого? Почему она не поела нормально?

— Потому что, мистер Пастон, у девочки нет работы и она голодает, а вы и мистер Джелкс даже не подумали выдать ей хоть какую-нибудь сумму авансом, чтобы она могла жить на эти деньги до тех пор, пока не получит всю зарплату, а она слишком горда, чтобы попросить об этом. Она пыталась обойтись одним перекусом в день, который ей предлагали вы и мистер Джелкс, а вы же помните, чем вы ее кормили — сосиски, копченая рыба, дешевый сыр. Этого просто недостаточно в ее состоянии. Это только расстраивает ее еще больше.

Хью ничего не ответил. Повисла мертвая тишина, миссис Макинтош наблюдала за ним с непроницаемым видом.

Наконец, он сказал:

— Делайте всё, что необходимо, миссис Макинтош.

— Хорошо, мистер Пастон. Кстати, - добавила она. - Мисс Уилтон умоляла нас о том, чтобы мы ничего не говорили мистеру Джелксу, потому как она считает, что это сильно его расстроит. Но она также не хочет и того, чтобы вы знали об этом, но я подумала, что вам стоило бы узнать.

— Боже, конечно, я бесконечно благодарен вам за то, что вы мне рассказали. Я и не подозревал об этом.

Миссис Макинтош улыбнулась.

— Да - сказала она. - Вряд ли у вас могли возникнуть подозрения. Раньше вы никогда не видели ничего подобного так близко, правда?

Хью посмотрел на нее с удивлением. Впервые он увидел в ней какие-то человеческие черты.

— Вы знаете, - сказал он. - Мне кажется, что я вообще ничего в своей жизни не видел близко. Казалось, что всё находится по другую сторону толстого стекла от меня, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Вы всегда жили очень искусственной жизнью, мистер Пастон.

— Да, мне кажется, что так и было. Я не понимал этого, потому что я никогда не видел ничего другого. Не знал, что что-то другое существует. Мне всегда это казалось естественным, но я думаю, что на самом деле оно не было таковым.

— Я думаю, что это убило бы вас, если бы вы не остановились. Я наблюдала за тем, как вы непрерывно катились вниз с тех самых пор, как я появилась в вашем доме.

— Миссис Макинтош, у вас были подозрения о... о моей жене и мистере Уилмоте?

— Я знала, что у нее кто-то есть, мистер Пастон, но я не подозревала, что это мистер Уилмот. Они всегда были крайне осторожны. Естественно, это не могло бы продолжаться так долго, если бы они не были осторожны.

— Как вы думаете, многие ли об этом знали?

— Не могу сказать. Была одна леди, которая постоянно звонила по телефону. Уилкинс, который пришел на дознание, сказал мне, что он думает, что это был голос мисс Уилмот, он узнал его, когда она давала показания.

— Боже правый, похоже эта девушка участвовала во всем этом! А ведь это я устроил ее в магазин шляп.

— Думаю, если бы вы узнали правду, то обнаружили бы, что именно магазин шляп был излюбленным местом для свиданий.

— Но, боже мой, неужели людям совсем не знакомы правила приличия?

— Прошу прощения, что я говорю подобные вещи, но это крайне редко знакомо людям, на которых мне доводилось работать с тех пор, как умер мой муж.

— Но что с ними не так?

— Слишком много возбудителей, я думаю. Большое количество пряностей в еде; постоянное употребление алкоголя; женская одежда — никто не может жить в такой атмосфере и сохранять благопристойность. Порядочные люди уходят от такой жизни; тем, кто остается — благопристойность не знакома. Это мое честное мнение, и у меня были прекрасные возможности для того, чтобы его сформировать.

— Ну, я думаю, что я не могу быть очень уж благопристойным, ибо я никуда не сбежал.

— О нет, вы сбежали, мистер Пастон. Вы полностью исчезли. Вы были похожи на муляж. Это первый раз, когда я вижу вас настолько живым.

— Знаете, миссис Макинтош, я думаю, что я страдал от недоедания точно также, как и мисс Уилтон.

Миссис Макинтош улыбнулась.

— Я надеюсь только, что мистер Джелкс не будет кормить вас неподходящими продуктами, как это было с Моной. Он очень забавный старик. У него есть очень странные книги.

Хью охнул. Миссис Макинтош, которая, очевидно, сочла, что ей лучше снова надеть ее профессиональную маску, попросила у него разрешения уйти наверх, чтобы навестить свою пациентку.

Следующие несколько дней были очень скучными для Хью. Он не виделся с Моной, чья болезнь шла своим чередом, а он был слишком активным человеком, чтобы довольствоваться бесконечным сидением на сломанной софе старого Джелкса и ведением философских бесед. Его не интересовала философская сторона оккультизма, которая была интересна старику. Он хотел необычных проявлений. Джелкс, рассуждавший об относительности природы реальности и психологическом значении символизма, оставлял его равнодушным. Он разобрался со всеми нерешенными юридическими вопросами и затем, когда ему снова стало нечем заняться, взял машину и поехал к мистеру Уотни, который был рад его видеть — кто бы ни был рад видеть такого клиента, как мистер Пастон, - и пригласил его на ланч. Дело с передачей собственности, как оказалось, продвигалось даже лучше, чем можно было ожидать.

— Послушайте, - сказал мистер Уотни приглушенным тоном, как если бы был соучастником преступления. - Скоро вы получите свою собственность. Вы внесли задаток. Мы оба не можем сейчас отступить. Мисс Памфри не должна знать о том, что мы еще не закончили с делами. Если вы сейчас же не приступите к работе, вы не успеете заняться своим садом этим летом и...эээ... я был бы счастлив возможности постоять рядом с вами, пока вы будете рыть землю, и понаблюдать за процессом.

Хью с готовностью согласился. Мистеру Уотни было разрешено докопаться хоть до Австралии, если он сможет до нее добраться, лишь бы только хоть что-то происходило и было чем заполнить нескончаемые дни.

Они расстались на том, что было для мистера Уотни практически проявлением нежных чувств, и Хью получил в свое распоряжение огромный ключ. Отсюда было только три мили до Монашеской Фермы; совсем близко, если ехать на машине. С машиной Хью можно было добраться до места, едва успев завести двигатель. Он неторопливо обошел вокруг фермы и к своему удовольствию обнаружил, что то, что он изначально принял за второй, более маленький сарай, оказалось жилым домом гораздо более современной постройки, чем все остальные здания. Пол устилала обвалившаяся штукатурка; сквозь прогнившие оконные рамы гулял ветер, но основной каркас был добротным, и он понял, что этот дом довольно быстро можно было сделать пригодным для жизни.

Он вернулся к машине и помчался по дороге к деревне со своей обычной скоростью. Здесь его встретил мистер Хаггинс в своей рубашке с розовыми рукавами. Да, он мог порекомендовать строителя, по-настоящему надежного человека, который работал на себя вместе со своими людьми. Хью повели за домами к невероятно беспорядочной череде полуразрушенных замусоренных сараев, стоявших на шумном дворе, с которого, по оклику мистера Хаггинса, вышел бородатый старик и представился мистером Пинкером.

Да, мистер Пинкер мог взяться за работу:

- И был бы рад это сделать, сэр. Обидно наблюдать за тем, как красивые здания вроде этого разрушаются. Вы видели веерообразную арку в сараях для скота, сэр?

Да, Хью видел ее, и оценил ее по достоинству. Мистер Пинкер был восхищен.

- Хорошо, что вы пришли ко мне, сэр. Многие просто выломали бы ее. Но я разбираюсь в церковных зданиях. Я объездил здесь все, сэр, и иногда я бывал неподалеку от Лондона, везде, где есть хоть какая-то работа по сохранению старины. Не каждый каменщик понимает

в старых зданиях. Они сносят их. Они выдирают их, как будто бы они ничего не значат. Вы не должны поступать также, вы должны уважать старину.

Хью понял, что имел дело с настоящим мастером и был доволен. Он читал о таких людях, но никогда не встречал их прежде, и считал, что они были только персонажами романов, как Марк Тели* и другие.

Он посадил старика в машину и вернулся на ферму.

— Здесь все пойдет как по маслу, - сказал старик, осматривая жилой дом. - Мой сын сможет сделать водопровод. Но зачем вам нужно две ванных, я не понимаю. На неделе только одна суббота. Однако, делайте, что хотите.

— Я не знаю, что вы собираетесь делать с этим, - сказал он, когда ему показали остальные здания. - Когда уберут доски, здесь будут огромные комнаты. А еще те маленькие комнатки наверху. Там нет ни одной, из которой можно было бы сделать приличную спальню. Выглядят, как стойла для лошадей. Я бы объединил две или три из них в одну на вашем месте.

— Нет, - сказал Хью. - Не думаю, что мы будем это делать. Я переделаю одну из больших комнат наверху под спальню для своего личного пользования, а все остальное оставлю нетронутым.

Они взобрались наверх по винтовой лестнице, чтобы осмотреть комнату.

— Здесь была часовня, - сказал мистер Пинкер. - Уверены, что хотите спать в часовне?

— Да, потому как она давно не используется в этом качестве, - ответил Хью.

— Некоторым бы это не понравилось, - сказал мистер Пинкер.

— Я не из таких, - сказал Хью.

— Ну, - произнес мистер Пинкер задумчиво. - Говорят, что если родился в конюшне, не обязательно становится жеребцом, так что может быть и сон в часовне никак не повлияет на вас, сэр. В любом случае, я первым же делом уберу всю опалубку и когда вы приедете в следующий раз, то сможете увидеть, как это место выглядит на самом деле.

— Знаете, что, как мне кажется, я сделаю? - спросил Хью. - Я думаю, что я поеду в Лондон и заберу свои вещи, и остановлюсь в деревне до тех пор, пока дом не будет готов. Будет невероятно интересно наблюдать за тем, как он обретает форму. Есть ли в деревне какое-нибудь место, где я мог бы остановиться?

— Вы могли бы поселиться в гостинице Грин Мэн, если вы не слишком требовательны. В ней нет ничего особенного, но зато чисто. Правда, строилась она для таких, как мы. Там не встретишь знати, впрочем как и где-либо еще поблизости.

Хью повез старика обратно в деревню, и длинные расстояния в мгновение ока преодолевались его колесами.

— У вас отличная машина, - сказал мистер Пинкер, когда скоростной автомобиль достиг конечной точки. — Я думал о том, чтобы приобрести подобную для работы. Мне предложили одну за пять фунтов и я бы хотел купить ее теперь, когда увидел, что вы можете делать со своей.

Приехав в деревню, Хью остановился напротив старого покосившегося фасада гостиницы Грин Мэн. Это был очень старый постоялый двор, совершенно не похожий на заведения типа «Старый Дубь». Хозяйка, крепкая и решительная на вид вдова, засомневалась в своей способности угодить джентльмену, но немного усилий со стороны мистера Пинкера, который наслаждался прохлаждающим напитком за счет Хью, помогли ее убедить, и после того, как Хью попросил ее выпить с ним и она была напоена легким портвейном для женщин, она не только не перестала сомневаться, но и стала абсолютно уверенной. Оказалось, что в своей далекой молодости она была кухаркой у матери мисс Памфри, так что она точно знала, как нужно обслуживать господ. Хью удивился тому, что ей удалось дорасти до торговли освежающими напитками. Хозяйство семьи Памфри не выглядело подходящим плацдармом для подобной карьеры.

Ко всеобщему удовлетворению всё было устроено, и Хью помчался обратно в Лондон. Он добрался до книжного магазина и обнаружил, что мистер Джелкс и миссис Макинтош держали совет. Когда он вошел, разговор резко оборвался, из чего он заключил, что он, должно быть, и был предметом этой беседы.

Какое-то время они перебрасывались общими фразами, Хью рассказал о своих достижениях и своих планах, и поинтересовался, не улучшилось ли состояние мисс Уилтон в течение тех нескольких часов, что он отсутствовал.

— Это как раз то, что мы обсуждали, - сказал Джелкс. - Она не поправляется должным образом. Начинает выздоравливать, и снова застревает на одном месте.

— Может быть, ей лучше поехать к морю, чтобы поправиться? - спросил Хью.

— Она еще слишком слаба. У нее все еще держится температура.

— Но почему?

Джелкс посмотрел на миссис Макинтош. Она с готовностью взяла на себя эту задачу.

— Я думаю, мистер Пастон, что когда она увидела ваш обморок, она испытала куда больший шок, чем мы предполагали. У нее было легкое помутнение сознания, раз или два, и она говорила об этом. Она думает, что вы собираетесь проводить спиритуалистические опыты и она этого боится. Я убеждена, что она боится встретиться с вами снова, и в то же время не хочет прекращать с вами общение, потому что ей нужна работа.

— Ох, как ужасно я сожалею. Что я могу сделать для нее?

— Лучшее, что вы можете сделать, это подняться наверх и встретиться с ней, и поговорить с ней так, как будто бы ничего не произошло.

— Хорошо, я поднимусь к ней сразу же, как только она захочет меня видеть.

— Прекрасно, мистер Пастон, а что если вам пойти к ней сразу же после того, как вы выпьете чай?

— Хью, - сказал старый Джелкс, приподняв рыжеватую бровь и глядя на своего гостя поверх чашки чая, - Знаете ли вы, что именно настолько сильно выбило Мону?

— Господи, нет конечно, и что же?

— Амброзиус.

— Что, во имя всего святого, вы имеете в виду?

— Она до смерти им напугана. Думает, что видела его призрак. Воздержитесь от этой темы, хорошо?

— Конечно, Ти Джей. Но что заставило ее так перепугаться?

— Кто его знает. Женщины лишены здравого смысла.

— Не думаю, что в этом дело. Вы знаете, Амброзиус производил на меня порой очень сильное впечатление; но насколько ему рад я, настолько же и она напугана им. Когда он приходит, он вызывает очень сильные эмоции, и если он не нравится вам также, как мне, то я думаю, что он вполне может напугать вас до смерти.

— Ну, как бы там ни было, а оставьте пока эту тему, Хью, ради всего святого.

Закончив с чаем, Хью поднялся наверх, как ему было велено, и миссис Макинтош должным образом провела его в комнату и затем, оставив их наедине, удалилась.

У Моны, сидевшей в кровати с накинутой на плечи выцветшей бледно-розовой шалью, был тот призрачный и почти прозрачный вид, какой всегда придают человеку любые проблемы с грудной клеткой. Не было никаких сомнений в том, что она все еще его боялась. Он видел это по ее глазам и тому, как она старалась держать себя в руках. Хью, который никогда раньше не видел никого, кто мог бы его бояться, и не мог представить себе, как такое вообще могло бы произойти, ощутил, к своему огромному удивлению, отблеск странного чувства удовлетворения в глубине своей души, даже не смотря на то, что его единственным желанием было успокоить ее и вернуть ей ощущение счастья и умиротворения.

Чрезвычайно странно, что Мона, которая на первый взгляд казалась очень своенравным созданием, была по-настоящему и искренне напугана им, и ей потребовалось собрать все свое мужество в обе руки, чтобы заговорить с ним. Было в этом нечто такое, что глубоко восхищало Хью и заставляло его высоко ценить общество Моны. Что-то, что можно было считать первыми намеками на уверенность в себе, которой ему всегда очень не хватало.

Он сел на стул, который был поставлен в правильном месте у изножья кровати — миссис Макинтош всегда делала все очень правильно.

— Ну, как мы себя чувствуем? - спросил он.

— Неплохо, - ответила Мона. - Уже намного лучше, чем было.

— Но не так хорошо, как могло бы быть?

— Нет, боюсь, что нет. Утомительно, не правда ли? Особенно после того, как кто-то был настолько добр ко мне. Я не знаю, как за это отблагодарить.

— Не беспокойтесь об этом. Вы пробудете здесь до тех пор, пока не поправитесь.

Тишина повисла между ними. Хью оглядывался по сторонам в поисках какой-нибудь подсказки, из которой могла бы родиться интересная тема для разговора, не ведущая к Амброзиусу, но ничего не находил. Если бы он заговорил о ферме, то это вылилось бы в разговор об Амброзиусе. Если бы заговорил о ее работе, то они опять пришли бы к ферме, а значит и к Амброзиусу. Внезапно проблема с него была снята. Мона Уилтон пристально посмотрела на него и спросила:

— Вы нашли что-нибудь еще об Амброзиусе?

Хью охнул.

— Я... Я думал, что вам не нравится Амброзиус, - ответил он.

— Я никогда этого не говорила, - сказала Мона. - Он заставил меня испытать настоящий ужас из-за своей кошмарной смерти, но я никогда не говорила, что он мне не нравится. Вообще-то, Я... Мне его невероятно жаль. Мне кажется, что он пережил отвратительные времена.

— Это в точности то же самое, что испытываю к нему я, - подхватил Хью с энтузиазмом, но затем быстро остановился, ибо он знал, что эта тема была запретной и ему казалось, что и без того высокая температура Моны поднимется до точки кипения, если они будут продолжать разговор.

— Расскажите мне о нем. Нашли ли вы что-нибудь еще?

— Э... Нет, я и не искал. Но знаете, я не думаю, что вам пойдет на пользу разговор об Амброзиусе, ведь вы все еще нездоровы. Это довольно мучительная тема, не находите? После нее вы не сможете спать.

— Это лучшая из возможных тем для разговора, как по мне, и я, вероятно, смогу наконец заснуть после нее. Но я не смогу спать нормально, пока не обсужу этого. Амброзиус действует мне на нервы, знаете ли, и я хочу поговорить о нем, чтобы это прекратилось.

— Ну хорошо, начинайте. Что вы хотите узнать о нем?

— Как вы думаете, где он сейчас?

— Господи, я не знаю. Полагаю, спокойно лежит на церковном кладбище, где его и закопали после расследования.

— Там находится его тело, но где *он сам*?

— Откуда мне знать? Вы думаете, что его призрак разгуливает на свободе?

— Не совсем разгуливает, ведь тогда бы он был земным духом, а я не думаю, что он им стал. Но мне кажется, что он может проявиться, если дать ему хоть малейшую возможность.

— Мне тоже так кажется, - ответил Хью, но затем поспешил прикусить язык.

— Знаете, что мы должны сделать?

— Нет.

— Мы должны помочь ему проявиться.

— О чем вы?

— Мы должны связаться с ним и помочь ему вернуться обратно. Никому не будет покоя, пока мы не сделаем этого. Я уже все решила. Это то, что постоянно крутилось у меня в голове, пока я болела. Это то, из-за чего поднималась моя температура. Но теперь, когда я все решила и рассказала об этом вам, она начнет спадать. Если увидите Амброзиуса, передайте ему большой привет от меня.

Мона очень странно улыбнулась ему после того, как произнесла эти последние слова. Никогда прежде он не видел, чтобы женщина так улыбалась, и не мог понять, что бы это могло значить.

Но его охватило чувство невероятного умиротворения и расслабленности, как если бы то, что создавало напряжение внутри него, внезапно уступило и освободило его от себя.

— Чертовски приятно слышать это от вас, - сказал он и сам удивился этому. Почему он благодарил ее вместо Амброзиуса?

— Теперь расскажите мне, что нового произошло, - сказала Мона. - Как обстоят дела с фермой?

— Первоклассно. Вы знали, что то, что мы приняли за маленький сарай, на самом деле оказалось маленьким домом, и что он вполне пригоден для жизни? Его только нужно немного подкрасить и кое-что там подремонтировать. Мы могли бы переехать уже на следующей неделе, если бы захотели.

— Как это прекрасно! Боже мой, я должна очень быстро выздороветь и приступить к работе над ним. Нет ничего лучше, чем придавать вещам должный вид. Вы не представляете себе, какие возможности открывает это место в плане декора. Это самый лучший фон, о котором только можно мечтать.

— Так вы тоже влюбились в это место, правда? Как и я. В нем есть странное очарование, не правда ли? Кто-то из-за его истории мог бы решить, что он мрачное и зловещее, но мне почему-то так не кажется. Кажется, что все это было наносным, а настоящей единственной вещью, связанной с этим местом, было то, что Амброзиус намеревался там предпринять. Вы догадались, что это?

— Нет, и что же?

— То же самое, что и мы собираемся сделать — инвокация Пана. И дом знает об этом. Вот почему мы чувствуем, что он принимает нас. Он был ужасно рад нас видеть. Этот дом можно считать монастырем в той же мере, в какой Амброзиуса — монахом. Держу пари, что на протяжении всех этих столетий Пан ждал возможности продолжить общение, которое было прервано посланником Папы.

— Это многое объясняет, - ответила задумчиво Мона. - Я ломала голову над тем, почему же желание призвать Пана привело вас в монастырь. Это самое неподходящее место, какое только можно себе представить. Но теперь все стало ясно. Один и тот же путь ведет к ним обоим, к Пану и Амброзиусу.

— Я все время так и думал. Что старая часовня не была христианской; она была построена только для отвода глаз; но если она когда-либо использовалась для чего-то правоверного, я съем свою шляпу. И все равно, мне не кажется, что Амброзиус был таким уж плохим парнем, даже по местным меркам. Я полагаю, что в действительности он страдал от несбалансированной духовной диеты и пытался разнообразить ее некоторым количеством витамина П**.

— Какое милое название!

— Оригинальное и запатентованное. Когда он добрался до греческих рукописей, он понял, что с ним было не так и как это исправить, и он начал работать над этим тайно, зная, что он будет сожжен, как ведьма...

— Как колдун, - поправила Мона.

— ...Если будет пойман. Мне кажется, Амброзиус стал бы настоящим реформатором, будь у него хоть половина шанса. Он не просто избавлялся от своих комплексов, играя с грязными вещами. Что бы они ни говорили, а он знал, что Пан был чистым и естественным.

В памяти Моны всплыло выражение острого лица незнакомца, склонившегося над ней в пустой верхней комнате музея, и она гадала, какие же цепи, сковывающие его душу, придется разорвать Амброзиусу, прежде чем он достигнет относительной свободы, о которой говорит Хью Пастон. Она содрогнулась от внезапного приступа страха; ибо хотя она и не боялась Пана, она боялась, и не без основания, тех захлестывающих чувств, которые вырвутся наружу, когда все барьеры будут сломаны.

— Если наши догадки верны, - продолжал Хью, - Амброзиус пытался пробудить Пана. Во всяком случае, его современники говорили, что он пытался вызвать дьявола, а Пан и дьявол были одним и тем же в их средневековых головах.

— Но вы же не думаете, что Пан и дьявол это одно и то же, правда, мистер Пастон? Вы же не сказали «стань моим богом, зло»?

— Господи, нет, конечно, мне не кажется, что Пан это зло; хотя, заметьте, он может стать дьяволом, если выйдет из-под контроля. Я думаю, что он является чем-то, что было утрачено в современной жизни — чем-то вроде духовного витамина. Но и витаминов может быть слишком много. Я видел, что происходило с детьми, которых заставляли вести здоровый образ жизни. В них засовывали половину алфавита и заставляли заниматься спортом. Странно, не правда ли, что и полезных вещей может быть слишком много, но тем не менее это так.

— Так происходит вообще со всем, - сказала Мона. - И также может произойти с Паном. Если вы переборщите с Паном, то станете агрессивны, если переборщите с церковью, ощутите меланхолию. Забавно, не правда ли, что умеренность стала означать тотальное воздержание вместо ограничения количества. Но скажите, когда вы собираетесь переехать в Торли?

— Я перееду завтра, поселюсь в гостинице Грин Мэн.

— Это название местного паба? А знаете ли вы, кто такой Зеленый Человек? Это Пан.

— Боже мой, в самом деле?

— Да, в самом деле. Он Джек-в-зеленом, дух леса — сказочный человек, который гоняется за девицами в канун летнего солнцестояния — и кем ему еще быть, как ни Паном? Британским Паном. А знаете ли вы, что значит название деревни, Торли? Оно означает поле Тора. Там вы окружены Древними Богами; Скандинавскими древними богами, потому как это восточная часть Англии. На западе вы бы встретили кельтских богов. Но вам больше подойдет Северные Боги, потому что вы блондин. Я брюнетка. Я принадлежу к кельтам. Но все это одно и то же, как вы понимаете — другие названия для тех же самых вещей. Пан одинаков для всех. Он является первоначальной энергией – вот и все. Он выходит из-под земли под вашими ногами в виде духовной силы, и как сила Солнца спускается с неба над вашей головой.

— Меня точно повесят! Послушайте, вы не должны рассуждать об этом. У вас снова поднимется температура высотой с дом.

— О нет, не поднимется. Мне стало лучше, когда я сняла этот камень со своей груди.

Открылась дверь и вошла миссис Макинтош.

— Я думаю, она достаточно наговорила для одного визита, - сказала экономка, и Хью последовал за ней, как ягненок. Она была женщиной, которой невозможно было не повиноваться, как и многие другие слуги на Мейфейре.

*Марк Тели — персонаж Чарльза Диккенса из романа «Мартин Чеззлвит».

**В английском слово «язычество» начинается с P, Paganism.

Глава 15.

Оставшись в одиночестве, Мона откинулась на подушки и сцепила руки за головой, задаваясь вопросом, какого черта они делали и куда, черт возьми, они шли. Здесь можно было усмотреть две линии взаимоотношений — отношения между ней и Хью Пастоном как между женщиной и женщиной, и отношения между ними двумя и Амброзиусом, взятыми как вместе, так и по отдельности.

Сперва она подумала об отношениях между ней самой и Хью Пастоном, в которых все было очевидно и неоспоримо — отношения с Амброзиусом можно было интерпретировать по-разному. Она нравилась Хью, это было ясно; казалось, что он хотел постоянно проводить с ней время; он делился с ней абсолютно всем. Но в то же время, по нему нельзя было сказать, что она нравилась ему, как женщина. К ней, как ей казалось, он испытывал только лишь дружескую симпатию. Но возможно ли, чтобы такие отношения между женщиной и женщиной продолжались хоть сколько-нибудь долго без возникновения между ними сексуального притяжения? Она знала, что это было бы возможным только в том случае, если бы у них обоих была адекватная возможность удовлетворить свои потребности где-то еще. Старый Джелкс многое рассказывал ей о предмете секса, который был очень важной частью Мистериальной Традиции — если точнее, одним из ее секретных ключей. С помощью этих знаний он и вытащил ее из очень больших неприятностей, а то, чему он ее обучил, сейчас могло сослужить ей очень хорошую службу. Она знала, что когда между женщиной и женщиной возникала хоть сколько-нибудь заметная симпатия, между ними должно было начать происходить определенное взаимодействие, но из уроков Джелкса она хорошо усвоила, что это взаимодействие не обязательно должно было быть чисто сексуальным. Она знала о тонком обмене магнетизмом, который непрерывно происходил в любых отношениях между более активным и уверенным из партнеров и более податливым и зависимым, совершенно независимо от пола каждого из них. Она видела, что с точки зрения магнетического взаимодействия в своих отношениях с Хью Пастоном она была намного более позитивным полюсом из них двоих. Хью был необычайно отрицателен; ему ужасно не хватало хоть какого-нибудь магнетизма, а это, вероятно, и было корнем его проблем в отношениях с женой. Она не могла представить себе, чтобы он сумел привлечь или удержать хотя бы одну женщину, или, если уж на то пошло, чтобы ему вообще хотелось это делать. Он был самым не сексуальным мужчиной из всех, кого она когда-либо встречала.

Но ведь существовал еще и Амброзиус, с которым была совсем другая ситуация. Но кем, или чем, был Амброзиус? Во-первых, он мог быть второй личностью самого Хью, и не было никакой необходимости искать объяснения происходящему ни в чем ином, кроме как в психопатологии. Во-вторых, он мог быть духом мертвого и ушедшего монаха, проявляющегося через Хью, который был достаточно отрицателен для медиумизма любого типа. Или, в третьих, объяснение этому можно было найти в выходящей далеко за обыденные рамки доктрине о реинкарнации. Но как это работало в последнем случае? В теле Хью Пастона обитало две явно различимых личности, ничего не знающих друг о друге и ведущих себя в точности так, как и было описано в учебниках по психологии, которых благодаря странному вкусу Джелкса и его еще более странной коллекции книг у нее было предостаточно. Мона многое прочла в этой сфере, поскольку это было ей интересно и помогло ей обнаружить корни некоторых из ее собственных проблем.

Можно было с легкостью приравнять эту историю к одним из тех случаев раздвоения личности, которые в огромных количествах встречались в Сальпетриере* еще в то время, когда суггестия и диссоциация были изучены намного меньше, чем сейчас. Можно было с легкостью заключить, что подавленное бессознательное Хью целиком отделилось от осознаваемой части его личности и воплотилось в фантазию об Амброзиусе. Для этого имелись все предпосылки. Хью, будучи уже потрясенным своей личной трагедией, внезапно столкнулся с трагической историей Амброзиуса и поразился тому, насколько похожими были их цели. «Кабы не милость Божья, так шел бы и Хью Пастон»**, сказал он, возможно, самому себе. Но были ли Хью Пастон и Амброзиус сознательной и бессознательной частями психики одного и того же человека? И если да, то где между ними двумя находилась она? О том, кем она была для Амброзиуса, не нужно было даже догадываться — все было предельно очевидно.

Кем она была для Хью? Мона не питала никаких иллюзий по поводу Мейфейра или моральных принципов его жителей. Она понимала, что если Хью был типичным представителем своего класса, то рассчитывать на брак с ним было бессмысленно. Несколько совместных уик-ендов — наручные часы в подарок — ожерелье — она сомневалась, что дело дойдет хотя бы до совместного проживания в это экономически непростое время, когда девушки, принадлежавшие к его собственному классу, с готовностью отдавались любому по первой же его просьбе.

Мона же, даже будучи совершенно неординарной личностью со своими нестандартными манерами и речью, на которые в последнее время часто жаловался Джелкс, имела предельно конкретные представления о том, что было допустимо, а что никак не вписывалось в рамки приличий. Если бы свободный мужчина, который мог бы сделать ей предложение о замужестве, предложил бы ей что-то кроме этого, то она бы сочла это за грубое оскорбление. С другой стороны, если бы несвободный мужчина, который не мог бы пока на ней жениться, предложил ей жить вместе, она бы сочла, что имеет на это полное право; законы о разводе совершенно не соответствовали положению дел в обществе, так что не велик позор позволить себе самому в наши дни быть законом для себя в подобных вопросах. Однако предложение тайного романа мужчиной, который желал бы сохранить лицо перед обществом, было бы с презрением отвергнуто. Мона уже прошла через тот горький опыт, который неизбежно ждет любую женщину, которая всё отдает за то, что, как она думает, является большой любовью к мужчине, не имеющего ни малейшего намерения рисковать своей репутацией. Она усвоила урок, который должны усвоить все дочери Евы, что страстная любовь — это огонь, который сжигает сам себя, и если он не сменяется спокойной любовью единомышленников, то в конечном итоге от него ничего не остается. Никогда снова она бы не повторила этой ошибки и не отдалась бы любви без остатка до тех пор, пока и мужчина не захотел бы тоже отдать любви всего себя и мужественно взять на себя ответственность за нее, разделив с ней кров. Мимолетные интрижки она считала шагом к полнейшей деградации.

Именно после потрясения от той интрижки Джелкс и нашел ее, и помог ей снова собрать себя по кусочкам. Ее тоже утешали бесчисленными чашками чая и укладывали спать на старой перине Джелкса в комнате для гостей. Собственно, именно Мона и сломала тот навес, когда попыталась убить моль. Мудрость Джелкса в вопросах, касающихся человеческой природы, была для нее бесспорной и она считала его настоящим провидцем в том, что касалось ее собственных сердечных дел — эту репутацию он заслужил только лишь благодаря своему знанию о том, что человеческая природа создана по определенному образцу и будет стремиться к своей изначальной форме. В самом начале ее знакомства с Хью Джелкс отвел ее в сторону для прямого разговора и предупредил, что Хью находился в

крайне ненормальном состоянии и не стоило относиться к нему слишком серьезно. Мона и сама повидала достаточно, чтобы знать, как будет вести себя мужчина, переживший эмоциональное потрясение и разочарование, поэтому просто согласилась с ним. Но теперь она не была в этом так уверена. Пассивный, не имеющий целей, мягкий по своей натуре и легко управляемый Хью запросто мог бы стать замазкой в чьих-то руках, вполне довольствуясь платоническими чувствами, но Амброзиус был совсем другим. Он мог хотеть чего угодно, но только не платонических отношений, и обещал быть человеком, не поддающимся никакому контролю, и не важно при этом, был ли он отщепенной частью личности или другим существом.

Мона не знала, как с ним быть, потому как не могла точно понять, чем он был на самом деле. Как отличить раздвоение личности от одержимости духом, а одержимость духом от проявлений предыдущей инкарнации того же человека? Практические результаты в любом случае были одинаковы, какая бы теория ни была выбрана для объяснения этого явления.

В этот момент открылась дверь и вошел Джелкс, который выглядел необычайно мрачным.

— Где Хью? - удивленно вскрикнул он, обнаружив Мону в одиночестве.

— Без понятия. Миссис Макинтош выгнала его какое-то время назад.

— Долго он здесь был?

— Конечно, целую вечность. Господи, не думаешь же ты, что он провел со мной ночь?

— Мона, я бы не хотел, чтобы ты так говорила. Мне неприятно это слышать.

— Не обращай на меня внимания, дядя Джелкс, я только лаю, но не кусаюсь. Ты должен был уже убедиться в этом.

Джелкс хмыкнул и с грохотом швырнул в огонь кусок угля.

— Миссис Макинтош уже было решила, что он собрался заночевать здесь. И в то же время ей совсем не хотелось его беспокоить. Я удивился, узнав, что в конечном итоге она решилась войти.

— Она научилась этому, работая в соответствующих местах. В любом случае, ей пришлось встретиться с разочарованием. Хью пошел за ней, словно ягненок. Это должно бы научить ее не судить других по себе.

— Так ты называешь его Хью, верно?

— Не при нем самом. Я назвала его так только потому, что ты сделал то же самое. Я знаю свое место.

— *Боже, благослови помещика и все его разнообразные союзы, и научи нас, бедных людей, знать наши законные места.**** Я надеюсь, что ты помнишь о своем месте, Мона, для твоего же блага.

— Господи, конечно. Я прекрасно о нем помню. Я уже встречалась с подобными людьми раньше. Тебе не стоит за меня переживать. Меня не привлекает Мейфейр со всеми его связями и проблемами. И все же, дядя, я думаю, что бедный малый находится в дьявольском смятении, просто как человек, который оказался так далеко от своего старого школьного галстука.

— В каком еще смятении?

— Внутреннем смятении. Так как ты думаешь, дядя, что такое Амброзиус на самом деле?

— Это как раз то, над чем я ломаю голову, Мона. Я чертовски волнуюсь за парня. Если это медиумизм, то неприятностей не оберешься. Он не в том состоянии, чтобы это выдержать. Если медиумизм ведет к перенапряжению, то по моему мнению это всегда патология. Я все же склонен думать, что это раздвоение личности. Я видел такое раньше. Был один случай в семинарии. Маленький послушник мыл посуду в кухне. Обычно это было наимягчайшее создание. А потом, когда он пресытился всем этим по горло, он превратился в злющую собаку с лексиконом извозчика. Я предполагал, что инвокация Пана всколыхнет все то, что он подавлял в себе, и в результате мы имеем дело с Амброзиусом.

— Да, дядя, но почему тогда Амброзиус? Почему не Генри Восьмой, или Соломон, или какой-нибудь другой уважаемый полигамист не понравился ему? Почему Амброзиус, который был точно также подавлен, как и сам Хью? Это не самый желанный образ. Знаешь, что я думаю, дядя? Я думаю, что Хью был Амброзиусом в своей последней инкарнации, и что тот, кого мы знаем как Хью сегодня, со всей его нервозностью и запретами, это то, что осталось от Амброзиуса после того, как с ним покончил посланник Папы. Затем, когда Хью призвал Пана, он открыл доступ к своему собственному бессознательному, что всегда и происходит при призыве Пана, и первой же вещью, с которой он столкнулся, был слой воспоминаний, принадлежавших Амброзиусу, и они все еще были полны эмоций, поскольку смерть Амброзиуса была ужасной. Пусть это психопатология; пусть это раздвоение личности — два человека под одной шляпой, но это началось не в этой инкарнации, это уходит своими корнями в прошлое.

Джелкс долгое время сидел, глубоко погружившись в свои мысли. Наконец он заговорил:

— Я думаю, ты права, Мона. Это объясняет многие вещи, цепляющиеся друг за друга. Любой человек, даже не обладающий знанием, понимает, что психика формируется не в этой жизни. Невозможно ничем объяснить наличие у человека каких-либо врожденных качеств, если психика формируется при рождении, разве только особым актом творения, но я полагаю, что эта версия изрядно устарела с тех пор, как появилась теория Дарвина.

— Никогда не верьте ученым, - сказала Мона. - Что со всем этим делать?

— Но именно от ученых зависит ответ на вопрос, что теперь делать, - ответил Джелкс. - До тех пор, пока я не понял, что именно не так с этим парнем, я не смогу понять, что с ним делать. Все, что я могу, это проводить выжидательное лечение, как говорят доктора в тех случаях, когда не уверены в диагнозе. Мы можем выбирать из двух вариантов; мы можем вскрыть его нарыв или можем позволить ему вскрыться естественным путем. Единственное, чего мы не можем сделать, так это вернуть Амброзиуса обратно теперь, когда все зашло настолько далеко. Если бы я знал, как будут развиваться события, я бы выгнал Хью ко всем

чертям сразу же, как только увидел его. Но поскольку все так, как оно есть, нам придется делать для него лучшее из того, что мы можем, будь он проклят.

Мона улыбнулась. Она знала, что сколько бы Джелкс ни лаял, а он никогда бы не укусил.

И Джелкс тоже об этом знал. За рычанием на Хью он пытался скрыть свои собственные эмоции. Он знал, что взявшись решать проблему психопатологии, представленной Хью Пастоном, он взял на себя очень грязную работенку — невероятно грязную, поскольку девчонка была вовлечена в нее целиком. Для того, чтобы сработали инвокации древних богов, должно быть что-то соответствующее им в природе того, кто их проводит. Как справедливо заметил святой Игнатий, правда в другом контексте: «встань в молитвенную позу и ты почувствуешь себя так, как если бы действительно молился». Крестьяне, когда их насос не качает воду, выливают на него немного воды; это перекрывает клапан и помпа начинает работать. Точно также обстоит дело и с инвокациями. Пробуди Пана внутри себя и он войдет в контакт с Великим Богом, Изначальной Любовью, который отнюдь не является просто каким-то космическим козлом. Мона Уилтон стала причиной рефлекторного возбуждения инстинктов Хью Пастона, вне зависимости от того, знал ли он сам об этом или нет, сыграв ту же роль, какую играет вода, вылитая на помпу. Старый Джелкс, чьи идеалы не позволяли ему обманывать самого себя, был уверен, что если Мона захочет ему помочь, то инвокация Пана будет абсолютно успешной. Но захочет ли она это делать? И даже если захочет, позволит ли он ей? Это занятие было довольно рискованным. За ним может последовать внезапный взрыв всех подавленных эмоций, который будет похож на прорыв мельничной плотины, после чего Хью довольно быстро вернется к нормальному состоянию; а вернувшись к нормальному состоянию, он вряд ли будет видеть какую-либо дальнейшую пользу в Моне Уилтон и, пожав ее руку, он тепло поблагодарит ее и вернется туда, откуда он пришел, чтобы больше никогда о ней не вспомнить.

Если бы он был уверен в том, что Мона сможет не только не потерять голову, но и не поддастся панике при манифестации и не включить в это своих собственных чувств, то помочь Хью можно было бы пробуждением его внутреннего Пана, чтобы тот разорвал цепи его внутренних запретов и соединил две стороны природы Хью воедино. И Джелкс знал, как это можно было сделать. Неуклонно, целенаправленно, все время контролируя процесс, как это делали древние жрецы — используя соответствующий ритуал. Но это пришлось бы делать именно Моне. Сам он не обладал словом силы, которое могло бы побудить Пана в душе Хью Пастона к видимому проявлению. Одно дело самому взяться за выполнение грязной работы; но совсем другое дело — заставить кого-то еще ей заниматься. Джелкс, прокручивая в голове свои тяжелые мысли, почти уже былосклонился к мысли, что Хью Пастон был не тем механизмом, который стоил ремонта, когда внезапно его размышления прервал голос Моны:

— Ты знаешь, в чем я вижу единственный способ решить проблему мистера Пастона? В том, чтобы провести церемонию инвокации и позволить Пану проявиться. Тогда его можно будет хотя бы взять под контроль, ведь просачиваясь повсюду так, как сейчас, он скоро займет здесь все место.

— Это как раз то, о чем я и сам думал, Мона. Но если мы пойдем на это, то кто будет проводить инвокацию? Я не смогу. Пан не придет ради меня.

— Похоже, что я, - ответила Мона. - Господи, что за жизнь! Я никогда не думала, что мне придется пойти на такое. Но это единственная вещь, которая может выправить ситуацию.

Мистер Пастон погибнет, если мы не поможем ему. А его семья признает его сумасшедшим, если у них будет хотя бы пол шанса это сделать. Несколько раз они были на грани этого. Вот почему миссис Макинтош не позволила ему позвать семейного доктора. Он причастен к этому. Сдается мне, что он ужасная свинья. Сделал аборт миссис Пастон, чтобы скрыть следы измены. Мистера Пастона, кажется, использовали все, кто только мог.

— Если они объявят его психом, он не сможет снова жениться и создать семью, и тогда все его деньги перейдут к его малолетним племянникам и племянницам. Миссис Макинтош уверена в том, что именно такую игру они затеяли. Они пришли к ней и подвергли ее перекрестному допросу, пытаясь получить доказательства его эксцентричности. Сдается мне, что он весьма эксцентричен, по крайней мере по их мнению и по меркам Мейфейра. Я не думаю, что его считали бы таковым в Челси. В любом случае, если мы хоть чего-то сделаем для бедного парня, то он попадет в передрыгу, поскольку он ужасно незащищен, не смотря на все свои деньги. Из своих знаний о них я могу заключить, что дети миллионеров похожи на рожденных в Михайлов день цыплят — точно также не стоят разведения. Если бы он помыкался, как я, то он бы долго не протянул.

— Если бы он помыкался, как ты, он бы не был таким, какой он есть, он вероятно был бы в порядке. Но каждый, с кем он сблизился, эксплуатировал его, и у парня просто не было шансов. Я бы хотела дать ему шанс, дядя, если ты позволишь. В нем есть что-то невероятно порядочное, не смотря на богатство.

— Я бы тоже хотел дать ему шанс, Мона, но то, что ты предлагаешь, это совсем не шутки, и тебе придется быть тем самым человеком, который должен будет выдержать жар всего этого. Тебе придется провести его по тропе через сад и затем самой сойти с нее в критический момент. Я не думаю, что существует хоть какая-то вероятность того, что Хью останется с нами навсегда; мы не его поля ягода и он тоже совсем не такой, как мы. Мы должны помочь ему встать на ноги и затем навсегда с ним попрощаться. Ты к этому готова?

— О да, я отлично к этому готова, дядя. В сущности, это единственное, к чему я готова. Мне бы не хотелось, чтобы Хью остался здесь навечно. Он будет меня бесить.

— Ну, моя дорогая, тогда я снимаю шляпу перед тобой. Ты спасаешь душу и при этом дорого платишь за ее спасение.

— Мы должны потянуть время до тех пор, пока я не поправлюсь. Я не могу взяться за такую работу, пока я больна.

— Святой боже, нет, дитя, конечно же ты не можешь. И я тоже не хочу двигаться дальше до тех пор, пока не буду абсолютно уверен в том, что собираюсь сделать. Мы должны немного понаблюдать за Хью и убедиться в нашем диагнозе, и даже тогда мы должны очень аккуратно начинать вскрытие. Не стоит проводить такие вещи в сознание через шок. Пусть он приходит в норму постепенно.

— Но при этом ты не должен позволить ему утонуть в этом, - сказала Мона.

— Он в порядке. Он так долго это терпел, что с легкостью потерпит еще немного — хотя бы до тех пор, пока ты не поправишься.

— Я в этом не уверена. Если что-то начало сдвигаться, то вскоре оно наберет скорость и если ты не возьмешь ситуацию в свои руки, то она выйдет из-под контроля.

*Сальпетриер - старинный госпиталь во Франции, где в 19 веке проводились исследования истерии, результаты которых поспособствовали рождению психоанализа.

**Перефраз, в оригинале - «Кабы не милость Божия, так шел бы и я». Фраза сказана английским протестантом, мучеником Джоном Брэдфордом (1510-1555) при виде преступника, ведомого на казнь (как объясняет нам интернет).

***Перефраз строчек из стихотворения Р. Киплинга «The Masque of Plenty».

Глава 16.

На следующее утро Хью хотел было попрощаться с мисс Уилтон перед своим отъездом, но этого не допустила миссис Макинтош, заявив, что они ожидают врача. Однако он был удостоен сообщения о том, что мисс Уилтон хорошо спала минувшей ночью и этим утром чувствовала себя намного лучше. Хотя ее рецепт отлично сработал, миссис Макинтош не собиралась рисковать с превышением дозы. Посему Хью пришлось довольствоваться тем, чтобы заказать отправку огромного букета цветов у очень дорогого флориста, на которого можно было положиться в создании стильной композиции и который уж точно не использовал в работе несвежие цветы, поскольку получатель подарка вряд ли сообщил бы о том, что он был просрочен.

Страшный грохот встретил Хью при его приближении к ферме, и он увидел, что мистер Пинкер сдержал свое слово и теперь это место выглядело так, как если бы в него попала бомба. Весь хлам из неприглядных лачуг во дворе был свален в кучу в самом центре, обещая превратиться в знатный костер. Как только он пробрался через грязь, из двери навстречу ему вышла пара молодых людей, нагруженных гнилыми досками, с которых все еще свисали остатки ярких цветастых обоев. Начало было положено.

Теперь можно было увидеть сводчатую арку и изысканные столбы галерей, окружавших двор со всех четырех сторон. На востоке к галереям не примыкало никаких зданий и над ними нависали шотландские ели, роняя иголки и шишки на их покрытую лишайником каменную крышу. На севере на них отбрасывала тень крутая крыша часовни. На юге к ним примыкал жилой дом; на западе — главное здание старого монастыря.

Он вошел в главное здание через большую дверь, которая была широко открыта, и обнаружил, что последние из оставшихся перегородок уже лежали на полу и можно было рассмотреть большие комнаты. Они находились по обе стороны от большого холла с его сводчатой крышей и изящной винтовой лестницей из камня. Похоже, что все здание было каменным, деревянными здесь были только двери. Хью подумал о холоде долгих зим и заключенных монахах в их неотопливаемых кельях; в двух просторных комнатах были большие каменные каминные, но он сомневался, что заключенным была от них хоть какая-то польза.

И все же место не навевало на него меланхолии. Казалось, что ужасные события, ознаменовавшие конец его церковной карьеры, были сметены прочь, и теперь оно было возвращено в дни своего возведения, когда его хозяин, полный новых надежд, положил начало своему рискованному предприятию.

Хью прогуливался по своим владениям. Рабочие были заняты тем, что ломали грубые доски, которые портили старую часть здания, а в жилом доме делали ремонт опытные мастера. Старый Пинкер чинил оконные рамы.

— Нужно позаботиться о том, чтобы здесь можно было пережить непогоду, прежде чем приступать ко всему остальному, - сказал он в ответ на приветствие Хью. Старая кухонная плита уже была вырвана с корнем, открыв вид на прекрасный камин, находившийся за ней.

— У меня есть пара подставок, которые отлично сюда впишутся, - сказал мистер Пинкер. - Подставок для дров, - подумав, уточнил он. - Стыд и позор тому, кто прячет такой камин. Так что на счет покраски? Как по мне, я бы предпочел милый жизнерадостный розовый; ну или же теплый зеленый цвет. Но вы можете сами выбрать, какой хотите.

Хью взял его очаровательную маленькую книжечку с образцами.

— Я бы взял ее с собой, если можно, - сказал он.

— Конечно, - ответил мистер Пинкер. - Лучше всего посоветоваться с хозяйкой. Тогда она получит то, что хочет и в доме будет мир. А если нет, то мира не будет. Мужчину не должно волновать, что там на стенах. Я полагаю, вы хотите побелить балки? Это будет сложная работенка, но мы с ней справимся, вы только скажите. Они, кстати, дубовые, и прятать их стыдно и грешно.

Прибыв в Торли, Хью не стал бродить по Биллингс-Стрит, как собирался поначалу. Внутри него происходило нечто, что заставляло его погрузиться в размышления, и теперь он хотел остаться в одиночестве.

Он пытался понять, что же все-таки произошло в верхней комнате музея, где он предположительно упал в обморок. Но было ли это обмороком? Последним, что он слышал перед тем, как потерять сознание, был звон большого колокола Аббатства, отбивавший час дня, а когда он пришел в себя, часы отбивали пятнадцать минут второго. Он сидел на стуле, когда потерял сознание, и сокрушенно лежал на полу, довольно далеко от него, когда пришел в себя. Человеку требуется гораздо меньше времени, чем четверть часа, чтобы упасть навзничь во время обморока. Кроме того, с этого момента произошла заметная перемена в отношении к нему Моны Уилтон; она начала бояться его, в этом не могло быть ошибки. И Джелкс тоже заметно к нему охладел. Хью с удивлением осознал, что предательство этих двух новых друзей ранило его куда глубже, чем неверность жены или равнодушие матери.

Единственное, о чем он думал, не переставая, было странное выражение Моны: «Мы должны помочь Амброзиусу проявиться. Передайте ему привет», и волна странных чувств, накрывшая его после ее слов. Он некогда читал о подобных вещах и был поверхностно знаком со спиритуалистическими идеями, поэтому ему внезапно пришла в голову мысль о том, что развоплощенный Амброзиус мог вернуться и использовать его в качестве медиума. Но может ли человек войти в транс, не подозревая об этом? Этого он не знал.

Однако эта идея не воодушевила его. Его нисколько не привлекала возможность обладания способностями к трансмедиумизму. Ему всегда казалось, что это занятие для женщин. Однако к Амброзиусу он испытывал невероятное сочувствие. Абсолютно сокрушающее сочувствие, ибо Амброзиус был последним, о чем он подумал перед тем, как потерять сознание. Ему показалось, что в точности также, как в ту ночь, когда фантазии обернулись

кошмаром, он очень ясно осознал, что Амброзиус пытался сделать и как он, должно быть, при этом себя чувствовал, и в какой-то момент он на самом деле отождествился с умершим монахом и скорее чувствовал это сам, нежели размышлял о чувствах другого человека.

И в этот момент Мона Уилтон коснулась его руки. И тогда Хью почувствовал себя так, как чувствуют себя женатые мужчины, чьи лучшие дни давно остались в прошлом, не смотря на то, что он никогда не был обделен женским вниманием, даже не будучи привлекательным, и случайные прикосновения женщин на вечеринках давно для него ничего не значили. Но когда Мона положила свою руку на его запястье, его реакция была такой же, какой могла бы быть реакция Амброзиуса. Но что все это значило? Он испытал столь же огромное потрясение, какое, как можно было ожидать, испытает в душе монах, совершенно непривычный к обществу женщин и тайно порвавший со своей религией со всеми ее запретами, став приверженцем культа Пана.

Это стало для него ошеломляющим открытием и Хью, сидя у камина в душной маленькой комнатке гостиницы «Грин Мэн», погрузился глубоко в свои мысли.

Но как только это произошло, он ощутил, что с ним снова произошла та же самая перемена. На некоторое время он стал Амброзиусом. И теперь он почувствовал в себе невероятную концентрацию воли, энергии и решимости, и одновременно с тем хитрости и осторожности, которые были присущи монаху-вероотступнику. Он снова путешествовал во времени и пространстве, и его это пугало. Но в то же время он чувствовал странное оживление и возрастающую в нем силу. Подобное чувство возникает за рулем гоночного автомобиля, когда с успехом выходишь из рискованной ситуации, или в тот критический момент на скалистом утесе, когда, наконец, поднимаешься наверх и переваливаешься через край. Именно поэтому он всегда тянулся к риску и занимался опасными видами спорта — из-за этих потрясающих моментов возбуждения, делавших его совсем другим человеком.

Но возможно ли было воспроизвести подобное ощущение усилием воли, просто размышляя об умершем и давно ушедшем монахе? Похоже, что это было возможно. Он должен был спросить об этом Джелкса. Чувство снова исчезло, хоть и оставило после себя следы оживления. Он снова сосредоточился на мысли об Амброзиусе, пытаясь вызвать его перед своим мысленным взором и увидеть его таким, каким он должен был быть в его черном одеянии и с аскетическим ястребиным лицом, но попытка получить хоть сколько-нибудь ясный результат провалилась. Ему было бы легче, если бы у него перед глазами было изображение Амброзиуса, напоминающее о его внешности. Он потянулся за картонным конвертом, который забрал у фотографа по пути в Торли, но который, в своей одержимости новой идеей, забыл открыть, разорвал его и взял в руки фотопластинку. Изображение он начал изучать предельно тщательно.

Манера рисования была чрезмерно изумительной; держа фотопластинку на расстоянии, как держат современные картины, когда хотят тщательно их рассмотреть, он обнаружил, что увеличение изображения создает тот же самый эффект сияния, который можно увидеть на полотнах импрессионистов. Игра света и теней на фотографии создавала ощущение, что ткань одеяния была строгой и тяжелой, а складки капюшона были жесткими, как если бы материал был грубым и немнущимся, что скорее всего соответствовало действительности. Сильный импрессионистский эффект, который изображению художника-миниатюриста придало увеличение, по-особому оттенял черты лица и головы, а также рук с длинными пальцами. Из-под подола одеяния выглядывала босая нога в сандалии. Он испытал странное чувство, глядя на обнаженную плоть человека, который был приговорен к кошмарной смерти.

Он поднес изображение ближе, чтобы разглядеть лицо монаха. Оно было изображено в профиль в то самое время, когда он склонился над своей пологой партой с ручкой в руке. Хью мечтал о том, чтобы здесь было изображение всего лица, чтобы он мог взглянуть ему в глаза. Видя только эти черты, Хью пытался воссоздать по ним сущность этого человека. Высокий лоб под коротко остриженными волосами, как он рассудил, должен был быть узким, как и его собственный. В то же время ему казалось, что у Амброзиуса должно было быть лицо с несколько квадратной челюстью. Те короткие волосы, что торчали вокруг шапочки, закрывавшей тонзуру, были, насколько он мог судить, темными, в то время как цвет его собственных волос был невзрачным, мышино-коричневым — цветом, который так любили осветлять мнимые блондинки. Хью видел контраст между своим невзрачным лицом и изображенным лицом с ястребиными чертами; своей собственной бесцельной расслабленностью и собранностью этого человека даже тогда, когда он просто сидел за партой. Он с полной ясностью осознал, что именно сила человеческого характера и притягивала его к Амброзиусу; в то время как он сам, Хью, не имел никакой силы и просто скатился в пассивное состояние, которое было смертью при жизни, когда не смог справиться с проблемами.

Ему казалось, что Амброзиус воплощал собой всё то, чего не было в нем самом, и к тому же был гораздо лучшим человеком. Но в то же время Хью всегда ощущал это в людях, которые ему нравились. Всегда, когда он видел что-либо достойное восхищения, он понимал, что в нем самом этого не было и что бесполезно было пытаться развить это в его собственной пассивной и ни на что не способной натуре.

В этот момент вошла миссис Паско с его чаем и он отложил изображение в сторону, чтобы помочь ей расчистить место для подноса среди книг и бумаг, которыми он завалил стол. Пока он занимался этим, изображение попало ей на глаза.

— Боже, неужели это вы в такой забавной одежде, мистер Пастон? - спросила она. - Такое разительное сходство!

Когда она удалилась, Хью пошел наверх, не смотря на заваривающийся чай, и взял свое зеркало для бритья. Затем, позируя до тех пор, пока не получится правильный угол обзора, он смог увидеть собственный профиль, отраженный в засиженном мухами зеркале над каминной полкой. В наличии сходства не было никаких сомнений. Даже хозяйка гостиницы видела это.

Он откинулся на спинку стула, совершенно позабыв о чае. Это было невероятно. Вот он, живая копия умершего монаха, к которому он чувствовал такую глубокую симпатию и чей дом он приобрел. И что все это значило? Он поднялся, накинул свое кожаное пальто, пошел и забрал машину из-под навеса, под которым она стояла, и помчался по долгой дороге к Монашеской Ферме.

Когда он приехал, здесь никого не было, ибо мистер Пинкер отозвал своих людей для того, чтобы оказать первую помощь коровнику, грозившему обрушиться на своих обитателей. Уже начинало темнеть, когда Хью решил совершить обход вокруг зданий, и обойдя всю территорию вдоль неровной линии поля, остановился и стал их рассматривать.

Он внимательно разглядывал западный фасад с его высоким фронтоном, который покрывал маленькую часовню с ее нишей, лишенной статуи, которая казалась пустой глазницей на бледном фоне западного неба. Планировалось, что ниша будет сломана и превращена в окно,

но этого еще не было сделано. Он разглядывал маленькие решетки под карнизом, которые отмечали каждую монашескую келью. Сквозь высокие окна комнат с каждой стороны были видны очертания лестниц и досок, которые использовались малярами. Идти туда, где было так много современных строительных приспособлений, у него не было желания, поэтому он повернул влево и, используя свой дубликат ключа, вошел в здание, которое когда-то было большой монастырской часовней.

Последний раз, когда он его видел, весь западный ряд был заколочен досками, и он нисколько не удивился тому, что стена в какой-то момент обвалилась и подверглась столь грубому ремонту. Немощенный пол, весь в следах птичьего помета, такого же твердого, как и цемент, его тоже нисколько не удивил. Но теперь, когда он вошел, ему бросились в глаза колоссальные перемены.

Грубая обшивка с западной стороны была убрана, открыв взору каменное сводчатое окно-розу прекрасных пропорций, в котором все еще тут и там держались в самых высоких углах фрагменты разноцветного витража. Земляной пол был вырыт и под ним обнаружилась узорчатая плитка. В углу под окном, аккуратно уложенные на старый мешок, лежали осколки цветного битого стекла, которые очевидно были откопаны из-под земли во время работы над полом. Мистер Пинкер ничуть не соврал, сказав, что знает, как обращаться со старыми зданиями.

Хью был восхищен. Он уже предвкушал то время, когда будет увлеченно соединять вместе кусочки стекла, словно части сложной головоломки, и помещать каждый из них на свое место в общем узоре.

Стоя под западным окном, сквозь которое проникали последние лучи закатного солнца, он смог, наконец, разглядеть крышу, которую у него не получалось увидеть во время его прошлых визитов, когда западное окно еще было заколочено. Он увидел, что крыша была крутой и очень высокой для здания такого размера, и что она была поделена на пять отсеков опорными столбами. В каждом отсеке, насколько он мог различить в этих последних солнечных лучах, падавших с западного горизонта, находилась огромная крылатая фигура, чьи смутные очертания напоминали ангела.

Восточная сторона, вопреки церковным обычаям, представляла собой глухую стену без окон, и Хью мог различить смутные очертания рисунков на высоте, занимавших всю ее огромную площадь. Он медленно подошел ближе и как только расстояние сократилось, изображение на стене стало более четким и он смог различить, что это был рисунок раскидистого зеленого дерева, украшенного разноцветными фруктами. Десять из них, посчитал он, с выцветшими остатками краски основных изначальных цветов, были сгруппированы в ровные треугольники, три по три, и один странным образом располагался ниже почти у самого основания ствола.

В самом центре, как если бы он был горшком, из которого произрастает дерево, располагался квадратный каменный пьедестал, похожий на усеченную колонну высотой до пояса. Хью терялся в догадках, для чего бы он мог быть предназначен, ибо он находился в точности в том месте, где должен был стоять алтарь, и на нем, вероятнее всего, должна была располагаться какая-либо статуя. На каменной кладке стены можно было легко различить отметки в тех местах, к которым прилегал алтарь, и он, похоже, полностью закрывал собой каменный постамент.

В трех шагах от нефа часовни находилось святилище, в котором облицовка уступала место мозаике. Он увидел, что на мозаике было изображено двенадцать знаков Зодиака с семью планетами вокруг них, а в центре располагались символы четырех стихий — земли, воздуха, огня и воды. Это была точная репродукция картины, которую он видел в одной из книг Джелкса.

— Сдается мне, что это не христианская церковь, - сказал Хью самому себе.

И вдруг до него дошло, чем был этот странный каменный пьедестал, скрываемый алтарем. О подобной конструкции он читал в другой книге Джелкса. Одно из обвинений, выдвигаемое Тамплиерам, заключалось в том, что они делали алтари из кубических камней, предназначавшиеся для бога-козла, Бафомета, и скрывали их под деревянными церковными алтарными столами, открывающимся наподобие дверей в шкафу, поэтому непосвященные не могли ни о чем догадываться.

Хью был поражен до глубины души. Эта часовня, снаружи казавшаяся христианской, была языческой внутри. Не удивительно, что они замуровали Амброзиуса!

Вскоре стало слишком темно для того, чтобы разглядеть что-либо еще в этом мрачном здании, и Хью уселся на строительную тележку, которая стояла близ него, задаваясь вопросом, для чего все это было нужно. И как только он сел, он испытал странное ощущение. Ему начало казаться, что часовня является точкой пересечения всех сил во Вселенной и все они сходились в ней воедино. Он сидел, пытаясь вслушиваться в звук течения этих потоков, и они, неуклонно продолжая свой бег, звучали для него, словно водопад. В часовне становилось все темнее и темнее, но ему казалось, что он мог бы просидеть здесь всю ночь, просто вслушиваясь. Затем мысль о том, что уже становится поздно и ему стоило бы вернуться обратно к ужину, который приготовила ему миссис Паско, ворвалась в его голову, и ощущение тотчас же бесследно исчезло, заставив его вернуться к нормальному восприятию этого заброшенного места. Он встал, на ощупь пробрался вокруг зданий, и, с облегчением включив фары, вернулся в Грин Мэн, где миссис Паско стояла над ним до тех пор, пока он не съел свой ужин, чтобы он не проквасил его точно также, как и чай.

Устроившись у огня после еды с чашкой чая и сигаретой, чему он был научен у Джелкса, Хью принялся разбираться в сложившейся ситуации. Несомненно, Монашеская Ферма играла в ней не просто первостепенную роль; она, фактически, полностью поработила его. Он хотел, чтобы силы древних Богов Греции одержали победу над средневековым монашеством. И потом, здесь был еще Амброзиус, который представлял для него всепоглощающий интерес и который, в конечном итоге, когда он получил его увеличенный портрет, оказался его собственным двойником. А еще здесь была Мона Уилтон, которая, как казалось на первый взгляд, не была особенно к нему расположена, но которая постепенно становилась для него — он в точности не мог сказать, кем. Другом, без сомнений, но было бы странно называть так отношения с женщиной, которая была моложе него.

Хью привык к обществу женщин, воспринимавших любовные игры как нечто само собой разумеющееся, но Мона, очевидно, совершенно не хотела, чтобы он флиртовал с ней - фактически, она бы решительно возражала против любой его попытки это сделать. Он подозревал, что даже в качестве друга она не позволит ему слишком сблизиться с ней, за что он ее очень уважал, ибо он знал, к чему может привести дружба при таких обстоятельствах, да и как Моне было понять, что это не было игрой с его стороны? В каком-то смысле ему даже нравилась такая неназванная дружба, в которой было сильное чувство привязанности и

открытости, и это было лучше, чем какие-либо другие, более явные и понятные отношения, которые могли привести к конфузу; но с другой стороны, мужественность, проснувшаяся в нем впервые с тех пор, как его ударили по голове и бросили умирать в его медовый месяц, хотело во что бы то ни стало продолжить эту дружбу, хотя и проявляло себя очень осторожно, стараясь не называть возникшие чувства никакими другими словами.

Амброзиус, Пан и мистер Пинкер вместе взятые ушли в царство забытых вещей, как только Хью занялся обдумыванием проблемы Моны Уилтон, ибо до него постепенно доходило, что он привязывался к ней все больше. Нет, он не был в нее влюблен, как он был влюблен в свою жену, которая была очень красивой и чувственной женщиной, но просто был привязан к ней, и он не мог объяснить этого никак иначе даже себе самому. Мона Уилтон была очень далека от образа чувственной женщины. Она общалась с ним, как с братом, не позволяя себе ничего большего. Хью настолько привык к этому глубокому, внутреннему, духовному одиночеству души, которое тяжким бременем ложится на плечи любого, кто живет среди враждебного окружения, что воспринимал его как естественную судьбу человека, никогда не знавшего ничего другого. Еще в школе ему в память врезались строчки, хотя все творения имажинистов были давно позабыты:

Мы – словно острова в житейском море:
Проливы между нами и потоки.
Рассеявшись в безудержном просторе,
Мы – миллионы смертных – одиноки!*

Они показались ему, даже когда он читал их впервые, провозглашением неизбежной истины, и жизнь только подтверждала это. Единственный близкий контакт, который он когда-либо сумел с кем-либо установить, был у него с Тревором Уилмотом — потому что Тревор знал, как найти к нему правильный подход. Естественно, Тревор не мог не держаться за связь с дойной коровой. А потом, когда вся правда всплыла на дознании и сорвала с него, наконец, ключья последнего человеческого взаимодействия, произошла встреча со старым Джелксом с мгновенным возникновением необъяснимой привязанности между ними. И странным было то, что Джелкс не только ничего не хотел от него, но и, наоборот, считал себя самого подателем благ — и так оно и было на самом деле. Даже предложение Хью установить телефон было воспринято холодно. Хью привык в ответ на любые предложения, от коктейля до машины, слышать бурные аплодисменты. Постепенно он дошел до того, что не мог представить себе никакого иного способа доставить другим людям удовольствие, кроме как дать им нечто гораздо более соблазнительное, чем то, о чем они посмели бы попросить самостоятельно. Однако он быстро понял, что пытаясь применить тот же метод к Джелксу и Моне, он вгонял Мону в краску, а Джелкса доводил до бешенства.

Отчаянно желая подружиться с Моной, он при этом совершенно не знал, как найти к ней подход. Единственную вещь, которую он подарил ей, зеленое пальто, она упрямо считала заимствованной - «ох, послушайте, я испачкала ваше пальто», - сказала Мона, когда она обнаружила масляное пятно на подкладке — и аккуратно складывала его и оставляла в машине после каждой поездки. Он знал, что таким образом Мона тактично говорила ему «Я не продаюсь»; он знал, что подбирать к ней код нужно иначе, нежели к тем, с кем он привык общаться, тем, кого, подари он им пальто, он легко мог бы обнять в нем за талию. Мона бы, конечно же, сразу же, бросила это пальто ему в лицо, если бы он так сделал. Хью острее, чем обычно, ощутил, что единственным, что он мог предложить кому-либо другому, были его деньги, а если они были им не нужны — ну что он, бедняга, еще мог им дать?

Хью лег в постель в очень подавленном настроении; лежа на спине и пытаясь представить Грецию, он преуспел лишь в том, чтобы представить свою мать, которая, казалось, была на него рассержена. Любопытный и печальный факт заключается в том, что неинтересные люди страдают точно также, как и любимцы толпы.

*перевод стихотворения Ольги Стельмак

Глава 17.

Мистер Пинкер, находясь под неусыпным контролем Хью, носился так резво, как никогда бы не стал, будь он предоставлен сам себе, и маленький дом быстрыми темпами превращался в пригодное для жизни место. Хью отправил письмо миссис Макинтош, попросив ее приехать, и леди тут же вызвала себе такси, облачившись предварительно в черное платье домработницы, не изменяя давно заведенным привычкам. К ней полностью вернулась ее манера держаться и она не выражала ни одобрения, ни недовольства, когда Хью знакомил ее с фермой, лишь полное смирение с его выбором. Она, как ей и было велено, делала все необходимые замеры и записывала результаты, и затем с такой же профессиональной холодностью заняла свое место в неудобной гоночной машине Хью и позволила ему отвезти себя на станцию. Пригласить ее на обед в Грин Мэн он не решился, видя ее непоколебимую отстраненность.

Пока они ждали поезда на платформе, она спросила его:

- Как вы думаете, мистер Пастон, как долго еще я буду вам нужна?

- Я хотел поинтересоваться, не возьмете ли вы на себя управление делами на ферме, миссис Макинтош?

- Нет, - отрезала миссис Макинтош, - Не возьму.

- Но почему? - воскликнул Хью, которого одновременно удивил и разозлил столь категоричный отказ.

- Мне она не нравится. Я бы не смогла там жить.

- Что с ней не так?

- На мой взгляд, это слишком мрачное место. Мрачное и зловещее. Я не знаю, как вы можете там находиться. Я бы не согласилась жить там ни за какое вознаграждение.

Хью, не ожидавший высоких психических способностей от глубоко верующей кальвинистки, несколько опешил. Все шло не по плану. Как мог он заставить Мону Уилтон приехать на ферму, когда там была миссис Макинтош, играющая роль блюстителя приличий и присматривающая за ней, пока она выздоравливает?

- Я думаю, что должна вам сказать о том, мистер Пастон, что леди Пастон приезжала в магазин, чтобы узнать о вас, и я не думаю, что поведение Джелкса смогло ее успокоить.

Хью застонал.

- Она знает о ферме?

- Она ничего не знает. Мистер Джелкс отказался с ней говорить, и был, прошу меня извинить, невероятно груб с ней.

- Что она сказала по поводу вашего пребывания там?

- Она не узнала ни о моем присутствии, ни о присутствии мисс Уилтон. Я думаю, что лучше бы ей и не знать. Мисс Уилтон и я сидели в кухне, в полной темноте, пока она была в магазине.

- Но почему?

- Я думаю, что положение мисс Уилтон было бы воспринято неправильно и это навлекло бы на вас неприятности.

- Не понимаю, почему, черт возьми, это должно быть так.

- Ну, потому что так будет, мистер Пастон.

- Ох, ладно, не беспокойтесь об этом. Вот и ваш поезд.

- Огромное спасибо, мистер Пастон. И если вас это не затруднит, я бы хотела получить расчет до конца недели. Мне предложили другую работу и я хочу иметь возможность навестить кое-каких друзей в Шотландии перед тем, как выйду на нее. Не думаю, что мисс Уилтон еще нуждается во мне.

- Да, конечно, миссис Макинтош. Вы можете быть свободны.

Хью посадил ее в поезд со вздохом облегчения. Она была хорошей женщиной. Она была доброй женщиной. На нее можно было положиться. Она была настоящим профессионалом. Она нравилась ему и он ее очень уважал. Она и его старая няня казались ему лучшими женщинами, которых он когда-либо знал. И все же он испытал невероятное облегчение, когда посадил ее в поезд. Сложно было себе представить, чем бы все закончилось, если бы она приняла его приглашение и стала домработницей на ферме. И затем он с удивлением осознал, зачем вообще сделал такое предложение столь неподходящему на эту роль человеку. Вряд ли кто-то смог бы представить себе миссис Макинтош принимающей участие в ритуале Пана. Если бы она вообще на него пришла, она бы принесла с собой свое вязание. В его сознании она была символом долга и страха перед Богом. Она была невероятно похожа на его старую няню, которая на самом деле заменила ему вечно отсутствовавшую мать. Он предположил, что психологи назвали бы его предложение плодом фиксации на материнской фигуре. Присутствие миссис Макинтош на ферме стало бы подачкой тому, что еще осталось от его совести — и стало бы эффективной защитой от проявления Пана, даже если бы он его призвал. Его сознательный разум хотел видеть ее в роли домработницы, в то время как бессознательное воспринимало ее как страховку от пожара.

Его очень обрадовали новости о том, что она покинет книжный магазин в конце недели. Он был уверен, что когда она уйдет, прояснятся причины отчуждения. Она была набожной женщиной, и ему казалось, что она не вносила ничего хорошего в общую атмосферу. Он удивлялся, как она сумела поладить с Джелксом. В ее голосе чувствовалось скрытое неодобрение, и она никогда не говорила о мисс Уилтон, разве что отвечала на его вопросы чопорно и кратко.

В соответствии с его указаниями, в течение недели в жилой дом была завезена дешевая фабричная мебель, чтобы он стал пригоден для проживания трех человек. Также был привезен кретон с узором в виде бутонов роз.

Зная, что миссис Макинтош собиралась ехать на север и что ей предстояло долгое путешествие, ибо ему казалось, что она родилась в графстве Росс-Шир или где-то в его окрестностях, он решил, что будет достаточно безопасным появиться в книжном магазине в субботу где-нибудь в районе обеда и посмотреть, сможет ли он выпросить у старого книготорговца возможность остаться на весь уик-энд. Поэтому с помощью миссис Паско он уложил в чемодан кое-какие вещи, ибо ненавидел делать это самостоятельно, и отправился в Лондон; однако ему пришлось задержаться, когда он заметил бегущую через пустошь фигуру и кричащую: «Сэр, вы забыли своё масло для волос!». Что он умел делать великолепно, так это пробуждать материнские чувства в душах сочувствовавших ему женщин.

Прибыв в книжный магазин, он обнаружил, что Джелкс, весьма либерально относившийся к установленным часам работы магазина, уже закрыл его для покупателей, и стучался без всякого результата, поскольку Джелкс, заключивший, что это был кто-то, кому срочно потребовалось какое-нибудь воскресное чтиво, будучи человеком несговорчивым, решил не исполнять его желаний. Хью всерьез подумывал о том, чтобы разбить стекло и пробраться внутрь, когда услышал, как над его головой открылось окно и, подняв голову, увидел выглядывающую из него миссис Макинтош. Она улыбнулась своей ничего не выражающей улыбкой, как если бы была представителем закона, наблюдавшим, как Хью во что бы то ни стало пытается пробраться в дверь, пока она наблюдает за ним с более выгодной позиции. Она исчезла и в тот же момент он услышал ее шаги на лестнице.

Но спускалась она не по куриной жердочке Джелкса, а по ступеням маленького двухэтажного дома, которые вели вниз в обход магазина, и когда Хью обернулся, он с удивлением обнаружил позади себя дверь, открывшуюся вместо той, у которой он стоял.

- Могу я поговорить с вами, мистер Пастон? - спросила миссис Макинтош.

Хью молча согласился, гадая, о чем бы, в самом деле, им было еще разговаривать. Миссис Макинтош первой поднялась по лестнице, по которой только что спустилась, и остановилась в замешательстве. Она не могла пригласить его поговорить в свою спальню, ибо это было бы неприлично, хотя сложно было себе представить ситуацию, в которой он мог бы нанести вред репутации миссис Макинтош или ей самой. Поэтому они с торжественным видом стояли на пыльной площадке, пока она готовилась сказать то, что хотела — выпрямившаяся миссис Макинтош и прислонившийся, по своей обыденной привычке, к ближайшему предмету мебели Хью.

- Я хотела бы извиниться перед вами, мистер Пастон, - сказала она.

- Господи, но вам же совершенно не за что извиняться.

- Я хотела бы извиниться за свои слова о вашем новом доме. И я надеюсь, я очень сильно надеюсь, что я не причинила вам неудобств, если вы рассчитывали на меня в том, чтобы присматривать за ним, но я не могу — я правда не могу туда поехать, мистер Пастон. Вы знаете, у членов нашей семьи есть дар ясновидения, и я уверена, что могу видеть кое-какие вещи.

- Вы что-то видели там?

Миссис Макинтош вздрогнула. Она не хотела врать, но и говорить правду ей совсем не хотелось. Такие люди всегда находятся в очень невыгодном положении.

- Не то, чтобы я видела что-то в доме, - ответила она нерешительно.

- Вы видели что-то снаружи дома?

- Нет, и не здесь тоже.

- Ну тогда что вы видели?

Из-за своего чрезмерного желания получить ответ, Хью совершенно не обращал внимания на испытываемый ей дискомфорт.

Она поколебалась, но потом решилась перейти к делу.

- Я увидела ваше лицо, мистер Пастон.

- Мое лицо? Вы о чем?

- Ваше лицо полностью изменилось, когда вы вошли в старую часть дома, - она внимательно посмотрела на него. - Вы знали об этом?

Теперь, наоборот, уже Хью должен был либо солгать, либо выдать ей ту информацию, которую он совершенно не собирался ей выдавать. Ибо, как только он переступил порог того дома, он тут же подумал об Амброзиусе, и на краткий миг он испытал то же самое странное ощущение, которое уже испытывал прежде, думая о монахе-вероотступнике.

- Я думаю, что именно об этом и говорила мисс Уилтон, лежа в горячке в одну из ночей, - продолжила миссис Макинтош. - Тогда я не могла понять, почему она так сильно испугалась, но когда я это увидела, мне сразу же стало все ясно. Это очень страшно, мистер Пастон, и я не думаю, что вы сами понимаете, как вы выглядите в тот момент, когда ваше лицо меняется.

- Но послушайте, миссис Макинтош, вы прожили с нами два года и, насколько я помню, я никогда не делал ничего ужасного, так почему же тогда теперь вы вдруг начали меня бояться?

- Я вас не боюсь, мистер Пастон, - с негодованием воскликнула миссис Макинтош в ответ на подобную клевету, - Но когда вы прямо на глазах превращаетесь совсем в другого человека — я думаю, вы понимаете, что это может напугать любого.

- Я превращаюсь в кого-то очень страшного?

- Не то, чтобы это было так... Хорошо, мистер Пастон, я расскажу вам, почему это меня так впечатлило: однажды я участвовала в сеансе спиритизма, что, конечно, является совершенно неподобающим поведением, и медиум там превращался точно также.

- О, так вы теперь считаете меня медиумом, да?

- Ну, на самом деле, я не знаю, что на это ответить. Это длилось всего минуту. Я ничего не смогла толком рассмотреть. Но это невозможно было не заметить. Вы определенно стали кем-то другим ненадолго.

- Вы думаете, что именно это напугало мисс Уилтон?

- Да, я уверена в этом. Кажется, вы снились ей, когда у нее поднималась температура, и она не единожды кричала во сне «Не превращайтесь снова в Амброзиуса!..». Она была ужасно напугана, мистер Пастон; и я должна сказать, что и я тоже испугалась, когда увидела это своими глазами.

Хью возрадовался тому, что за его спиной было что-то, к чему он прислонился, ибо он был уверен, что без поддержки он бы отшатнулся. Но еще до того, как он успел хоть что-то ответить, даже если бы он был способен это сделать, в дверь магазина раздался настойчивый стук.

- Прошу прощения, - сказала миссис Макинтош, - Полагаю, что это мой носильщик, - и пошла вниз по узкой, пыльной лестнице. Хью слышал, как она открыла дверь внизу, и возглас удивления, последовавший сразу за этим.

- Миссис Макинтош, *вы* здесь? - услышал он голос своей старшей сестры.

- Да, леди Уитни, - последовал ответ в холодной манере, присущей шотландке.

- Я хочу видеть своего брата. Его машина стоит снаружи, так что бессмысленно говорить, что его здесь нет.

Хью решил, что будет лучше принять неизбежное. Он не хотел, чтобы Элис переругалась с Джелксом. Зная их обоих, они легко могли дойти до драки.

Он спустился вниз.

- Элис? - удивленно воскликнул он.

- Так вот ты где, Хью! Мы искали тебя повсюду. Ну и что значит весь этот цирк?

- Я просто хотел отстраниться от всего и побыть немного в тишине.

- Ты должен был сказать нам, где ты. Ты причинил нам массу неудобств. Все спрашивают о тебе, на письма ты не отвечаешь, а их было невероятно много. Где ты был все это время?

- Не важно, где я был. Я все равно тебе этого не скажу. Просто место отдыха, о котором я не хочу рассказывать.

- Ты был там один?

- Безусловно.

- Ну не так уж это и безусловно, насколько я знаю. Хью, кто такая эта мисс Уилтон?

- Она дизайнер, которого я нанял для помощи в обустройстве моего нового дома.

- Так ты уже даже и дом приобрел?

- Да.

- И где же он?

- Это не твое дело.

- Что с тобой случилось? Ты никогда не был таким раньше. К чему все эти секреты?

- К тому, чтобы меня не беспокоили, вот и все.

- И ты думаешь, я в это поверю?

- Нет, я так не думаю. И меня ничуть не волнует, веришь ты мне или нет.

Волна ярости, совершенно не похожая ни на что из того, что он испытывал раньше, поднималась внутри Хью, пока они пререкались, до тех пор, пока внезапно он не потерял дар речи. Он испытал странный жар и жжение, и обнаружил, что стоит, пристально глядя в глаза странной женщины, чьи покрасневшие от злости щеки постепенно становились мертвенно-бледными под слоем макияжа. Он указал на дверь и произнес всего лишь одно слово: «Убирайся». Она ушла.

Хью снова начал подниматься вверх по ступеням, поскольку здесь, казалось, больше нечего было делать, и наверху встретился с другой странной женщиной и услышал, что она испуганно зовет кого-то еще. Место было ему не знакомо, он не знал, где он находится. Вошел мужчина, и сзади него, с тревогой выглядывая из-за его плеча, шла еще одна женщина. И эта женщина была ему знакома!

Впервые он встретил в реальности то лицо, которое так часто видел в своих снах. Суккуба, которая преследовала его по ночам на протяжении многих лет. Теперь он видел ее перед собой. И он не мог отвести от нее взгляда также, как и она не могла отвести взгляда от него.

Он знал, что рискует; и все же он чувствовал, что ничто больше не имело значения по сравнению с этим, и что он во что бы то ни стало должен ее удержать, чтобы она не ускользнула от него навсегда. Он сделал шаг вперед, отодвинул в сторону мужчину и схватил женщину за руку, притянув ее к себе. Он смотрел в ее глаза. Зеленоватые глаза, чего и следовало ожидать от суккубы; но он сразу же понял, что она не была злым демоном, посланным сбивать с пути души человеческие. Взгляд ее был неподвижен и искренен, и она смотрела прямо на него. Это были глаза женщины, а не дьявола.

И с ужасающей безнадежностью он осознал свое одиночество; оковы своих обетов; свое бессилие и невозможность вырваться из жизни, которой он был посвящен прежде, чем успел понять, в чем заключается истинный смысл бытия. Он был отрезан от всего этого. Он должен был отпустить эту женщину или он погубит себя самого. И в этот момент что-то страшное и свирепое пробудилось в нем и сказала, что пусть лучше он погибнет, но он ее не отпустит.

Звук, раздавшийся позади него, заставил его обернуться, и он увидел женщину, которую он уже прогнал ранее, и вместе с ней еще двух, одна из которых была старше и, казалось, была ее матерью. Они заговорили с ним, но их диалект был ему неведом, за исключением нескольких отдельных слов. Однако к нему вернулся разум, а вместе с ним и чувство собственного достоинства. Он отвернулся от суккубы, хотя и не перестал крепко ее держать, и с серьезным видом поприветствовал их, как и подобало церковному деятелю его уровня. Он увидел, что они пришли в замешательство. Тогда старик взял ситуацию в свои руки и стал оживленно беседовать с ними на их диалекте, и из этого разговора даже Хью удалось понять то, что сюда должен был быть незамедлительно вызван какой-то ученый муж. Они ушли, очевидно будучи раздосадованными и разозленными, а старик схватил его за плечи и сказал:

- Хью, чертов ты придурок, прекрати этот маразм или я врежу тебе по башке!

Внезапно у него закружилась голова. Он почувствовал, что его повело, и если бы кто-то не подхватил его сзади, то он бы свалился. Затем он пришел в себя и увидел Джелкса и миссис Макинтош, которые стояли перед ним с испуганными лицами.

- Привет? - сказал он, чувствуя себя невероятно глупо. - У меня опять приключился один из моих припадков? Я полагаю, это то, о чем вы рассказывали? - спросил он, повернувшись к миссис Макинтош.

- Да, мистер Пастон, это оно, - последовал ответ. - И если бы вы отпустили мисс Уилтон, я думаю, она была бы счастлива.

Хью испуганно обернулся и обнаружил позади себя Мону.

- Что все это значит? - простонал он.

- Вот и мы хотели бы это знать, - ответил Джелкс мрачно. - И это то, что захочет знать кое-кто еще в самом ближайшем будущем, если я не ошибаюсь.

Он пошел вниз, в магазин, и все последовали за ним. Хью чувствовал, что никогда прежде он не был так рад видеть что-либо еще в своей жизни, как теплую и уютную маленькую заднюю гостиную. Ему казалось, что он как будто бы только что пробудился от долгого и красочного кошмара о холодных, каменных стенах, одиночестве и фрустрации.

- Как ты себя чувствуешь, Хью? - спросил старый книготорговец, внезапно повернувшись к нему.

- Нормально. Немного взволнован. Что произошло?

- Бог его знает, что произошло. Своего рода помутнение рассудка. Но они пошли искать доктора и если ты не начнешь контролировать каждый свой шаг, они признают тебя сумасшедшим. Ради всего святого, Хью, держи себя в руках, когда придет доктор.

- Если это доктор Джонсон, я бы не впускала его сюда на вашем месте, мистер Джелкс. Он совершенно беспринципный тип, - сказала миссис Макинтош.

- Хорошо, - ответил Джелкс, - Я дам ему пинка под зад.

- Не знаю, - сказал Хью. - Мне бы не помешало немного подлечиться. Чувствую я себя скверно.

- Он ничем не сможет тебе помочь, парень. Я могу сделать для тебя куда больше, чем кто-либо еще.

- Ты сможешь ему? - внезапно спросила Мона.

- Да, мне придется это сделать. Они признают его психом, если я не помогу ему.

- Так это новая игра, да? - спросил Хью. - Очередная разыгрываемая партия. Чего только они ни пытались предпринять раньше, но до этого пока не доходило. Джелкс, ответь мне прямо, по-дружески, какова вероятность того, что у них все получится?

- Честно говоря, парень, огромная вероятность, если они займутся этим всерьез. Не то чтобы тебя нужно было признать психом или чем-то типа того, но ты совершенно не думаешь о последствиях своих действий, и это то, что всегда было твоей проблемой.

- Что я сделал, Ти Джей?

- Погрузился в сон наяву, мальчик.

- Думая об Амброзиусе?

- Именно так.

- Но ради всего святого, Ти Джей, я *был* Амброзиусом, в какой-то момент я им был. Это было странное чувство.

- Не делай этого слишком часто, ибо если ветер изменится, ты можешь таким и остаться, как говорила мне моя мать, когда я корчил рожи.

Они дружно рассмеялись, правда, несколько сдавленно, ибо все они всё еще пребывали в состоянии шока.

Громкий стук в дверь заставил их вздрогнуть. Джелкс с решительным видом накинул на плечи халат и пошел к двери со взглядом убийцы. Он тут же вернулся, удрученный.

- Это носильщик для ваших коробок, - сказал он миссис Макинтош и они пошли наверх, оставив Хью наедине с Моной.

Он сидел на диване, глядя на нее.

- Послушайте, Мона, - начал он. - Скажите мне, пожалуйста, правду, как своему другу, ибо я окажусь в полной заднице, если не смогу взять ситуацию в свои руки. Я знаю об этих играх с признанием невменяемым. Я уже все это видел. Скажите мне честно, то, что случилось сейчас, произошло и тогда в музее?

- Да.

- И поэтому вы перепугались до того, что даже заболели, да?

- Да, боюсь, что так.

- Послушайте, я ужасно сожалею. Я надеюсь, что не расстроил вас снова. Мне ужасно жаль, Мона.

- Нет, в этот раз я в порядке, потому что я уже знаю, что это было, или, по крайней мере, думаю, что знаю. Всё кажется нормальным, когда понимаешь, что происходит, не правда ли?

- Я надеюсь на это. Я бы очень хотел понять, что происходит. Расскажите мне, Мона, расскажите мне всё, что вам известно.

- Я бы предпочла, чтобы вам рассказал об этом мистер Джелкс. Дождитесь, пока он вернется, проводив миссис Макинтош.

- Боже, она уезжает? Я должен попрощаться с ней, она ужасно хорошая.

Он поднялся было с дивана, но внезапные звуки перебранки возле магазина заставили Мону схватить его за руку и притянуть его обратно. Дядя Джелкс, очевидно, отказывал в приеме кому-то, кто довольно властно требовал впустить его внутрь. Он закончил спор, сказав ему убираться к дьяволу и хлопнув дверью с такой силой, что все книги, стоявшие на окне, попадали на пол. Потом стало тихо, если не считать отдаленного звука удара, возвестившего о том, что этот человек врезался в коробки миссис Макинтош.

- Вы знаете, - сказал Хью, - Я был очень занят на ферме, и я привел ее в относительный порядок, по крайней мере один ее конец. Давайте соберемся и поедem туда, что скажете? И нормально отдохнем там все вместе, вы, я и Джелкс. Это будет невероятно весело. Мы можем просто отдыхать там и устраивать пикники. У миссис Паско, это хозяйка моей комнаты, есть какая-то прислуга, которую она пыталась навязать мне и клялась, что она великолепна.

Скажите, что вы поедете, Мона, и мы бесследно исчезнем с этой вечеринки. Нас будет чертовски сложно выследить, если мы быстро сбежим. Они еще не продали большой автобус. Он стоит в гараже. Я видел на днях счет. Он был разобран, когда проводился аукцион, поэтому его оставили в покое. Я угоню эту маленькую дрянь обратно, бог его знает зачем я вообще пытался ездить на ней по обычным дорогам, и пригоню другую. Что скажете, Мона? Будет весело, правда.

Мона подняла на него глаза. Это могло быть весельем для него, для нее же это было настоящей психической работой.

- Я поеду, если поедет дядя, - сказала она.

В этот момент вернулся Джелкс.

- С ней все в порядке, - сказал он. - Просила меня попрощаться с вами за нее. Она здорово его отбрила.

- Жаль, что я упустил ее, - сказал Хью. - Она была чертовски прекрасным работником, хоть и немного деспотичным. Не думаю, что она бы ужилась с Паном, правда ведь, дядя Джелкс?

- Кто сказал, что я твой дядя? - возразил Джелкс, приподняв напомилавшую усы бровь.

- Я говорю, что вы мой дядя. Если вы дядя для Моны, то вы должны стать и моим дядей тоже. Почему девочки всегда получают все самое лучшее?

- Ладно, я не возражаю, - сказал Джелкс. - Случались со мной вещи и похуже.

Он с нежностью посмотрел на Хью.

- Я думаю, тебе не помешал бы дядя, мальчик мой, даже если в данный момент ты ведешь себя хорошо.

- Хью тут предложил кое-что, дядя Джелкс, - сказала Мона.

Джелкс снова вскинул бровь, услышав, что она назвала его по имени.

- Я предлагаю, - сказал Хью, - Чтобы все мы поехали на ферму, скажем, недели на две, и как следует там отдохнули, и сбросили с нашего хвоста всех этих мерзавцев. У меня есть другая машина в гараже, огромный автобус, и я могу погрузить в него вас с Моной и вместе с вами все, что вы захотите взять с собой. Можно даже не упаковывать ничего, бросить все внутрь прямо так — в этом преимущество автобуса — и поехать на ферму прямо сейчас. Они никогда не найдут нас, если мы быстро соберемся.

Джелкс посмотрел на Мону.

- Именно это мы и сделаем, дядя Джелкс, - сказала она тихо. - Это единственное, что мы можем сделать. На нас свалятся все проблемы, какие только можно себе представить, если Хью останется здесь.

- Да, - ответил Джелкс, - Я знаю, что мы должны поехать. Но, господи боже, я бы предпочел, чтобы мы поехали не на ферму!

- Придется ехать на ферму, дядя Джелкс. Удачнее места не придумаешь. И ты знаешь это не хуже, чем я.

- Великолепно! - воскликнул Хью, вскочив на ноги. - Вы оба пока собирайте вещи, а я пойду за машиной, - и он исчез прежде, чем они смогли изменить свое решение.

Мона Уилтон, собирая вещи, смотрела в окно и думала о том, что кто-то успел построить ряд коттеджей на этой улице. Она спустилась вниз с охапкой своих вещей и увидела, что Хью стоит, разглядывая великолепный Роллс-Ройс.

- Вот она, - сказал он, - Роскошный зверь, не правда ли? Боже, я благодарен, что я не шофер. Интересно, что с ней делать в пробках. Она сама по себе как целая процессия автомобилей. Однако, она хороша на пустых дорогах, особенно при езде на большие расстояния. Должен сказать, что мне она нравится. Не такая быстрая, как мой маленький автобус, но куда более милая.

Вышел Джелкс с корзинкой под мышкой.

- Раз мы на две недели, - сказал он, - Я решил, что мне следует взять с собой чистый воротник.

- И зубную щетку, - добавила Мона настойчиво.

- Зубная щетка мне не нужна. Я просто вынимаю зубы и прополаскиваю их под краном.

Глава 18.

Хью протискивался сквозь плотный поток машин на огромном автомобиле, проклиная его на каждом повороте. Мону и Джелкса, сидящих позади него в окружении своих пожитков, это очень забавляло. Никогда прежде им не доводилось видеть Хью в подобном настроении. Он всегда казался человеком чрезмерно застенчивым. Но когда дело касалось машин, он знал, чего он стоит и был уверен в своих силах. Мону особенно веселил тот факт, что Хью проклинал роскошный автомобиль также, как она проклинала подержанный велосипед, который она купила в надежде на сокращение расходов и который так сильно ее подводил. Большинству людей кажется, что когда они сядут в свой собственный Роллс-Ройс, они смогут с легкостью добраться хоть до небес. Мона и сама бы с радостью пожила в роскошной квартире стоимостью как этот Роллс, а Хью крыл его последними словами и обращался с ним так грубо! Как по-разному может восприниматься жизнь, если смотреть на нее с разных сторон.

- Боюсь, что вынужден оставить вас в темноте, - сказал Хью, когда они выехали на пустую трассу и уличное освещение закончилось. Свет в машине погас и зажегся дальний свет; дальше машина ехала мягко и ровно, а на водительском сидении, казалось, воцарился мир и покой.

Однако гармония была нарушена, стоило им свернуть с главной дороги, и ругательства полились снова, когда неповоротливую машину пришлось уговаривать ехать по узким улочкам, и Хью обзывал ее, словно неповоротливую скотину, под аккомпанемент свистящих и скребущих звуков, которые издавала никем не стриженная живая изгородь, царапавшая ее бока. Правда, мучения ее в определенный момент закончились, и она бесшумно, как привидение, заскользила по пустырю и далее, по дороге, ведущей к ферме. Хью остановился у темных и молчаливых зданий, включил свет в салоне и повернулся в водительском кресле, чтобы поговорить со своими спутниками.

Там, в углу, сидел Джелкс, походивший на старого задумчивого петуха, с Моной, которая спала на его плече, измученная шумом и долгой дорогой.

Увиденное произвело на него неопишное впечатление. Ему показалось, что глубочайшие ростки всего его существа утолили бы свою жажду, если бы женщина сделала то же самое для него. Мона проснулась и подняла голову, и взгляды их встретились. Хью поспешно отвернулся, поскольку на его лице было написано слишком многое из того, из-за чего он мог бы лишиться ее дружбы.

— Ну, теперь выходим из машины, - сказал он, тут же подкрепив действиями свои слова. Он открыл дверь машины и протянул руку, чтобы помочь выйти Моне. Она взяла его за руку и поставила ногу на подножку, но нога, онемевшая от сна в неудобной позе, соскользнула, как только она оперлась на нее, и она упала вперед, но была поймана Хью. Она рассмеялась, но на какой-то краткий миг желание Хью оказалось исполненным.

— Идемте, - сказал Хью, доставая ключ из желоба над дверью, что было проверенным временем местом для хранения ключей в этой стране. - Я знаю, что дом сейчас больше похож на разграбленную гробницу, но совсем скоро мы придадим ему более жизнерадостный вид. Вы же больше не боитесь Амброзиуса, Мона? Мы с ним очень близки. Скоро я представлю вас друг другу.

Они вошли, вдохнув холодный и сырой воздух и ощутив запах свежей штукатурки, который был далеко не самым приятным запахом на свете. Хью, у которого не было спичек, чиркнул карманной зажигалкой и поднял вверх тусклое голубое пламя, чтобы осветить помещение, в котором они находились. Всё было не так уж плохо. Дешевая мебель не издавала запаха, а беленый дуб, из которого она была сделана, отлично сочетался по цвету со старым кухонным гарнитуром. Хью зажег потрепанный торшер, свисавший с балки, на котором неровным почерком было выведено «Дж. Пинкер и сыновья» на тот случай, если кто-либо нечистый на руку поддастся искушению, и это место стало куда больше похоже на человеческое жилище, нежели на семейный склеп.

— Теперь займемся камином, - сказал Хью.

— А есть чем топить? - уточнил практичный Джелкс.

— А разве нет? Вынужден заметить, что уж этого у нас предостаточно. Я даже подумывал устроить вечеринку в духе Гая Фокса для всего района.

Джелкс проследовал за ним в дверь, ведущую в судомойню, а оттуда на фермерский двор, и там, в центре двора, они увидели в смутном лунном свете невероятных размеров кучу. Набрав по охапке досок, они вернулись в гостиную и выгрузили их прямо в огромный камин,

ибо обещанные мистером Пинкером подставки для дров все еще не были установлены. Хью сходил до машины и, вернувшись со смазочным пистолетом, облил кучу досок черным маслом. Он поднес к ним спичку и они вспыхнули, словно вулкан.

— А теперь, Ти Джей, я оставлю вас топить дом. Сделайте это место по-настоящему теплым, сколько бы для этого ни потребовалось топлива. Я поехал в деревню.

Приехав в деревню, он столкнулся с непростой задачей сообщить миссис Паско, для которой он стал настоящим любимцем, что он вот-вот ее покинет. Однако он полагал, что сможет смягчить этот удар, открывшись ей и попросив ее совета. Правда, сделать это было не так уж просто, поскольку в ее святилище за барной стойкой явно собралась компания, ведь оттуда лились звуки томной и протяжной песни под аккомпанемент аккордеона. Впрочем, делать было нечего и Хью, преодолев свою застенчивость, постучался в двери. Аккордеон затих с воплем отчаявшегося кота, дверь открылась, и на пороге появился мужчина, явно бывший моряком самых жестких нравов.

— Привет? - сказал Хью, опешивший настолько, что не смог придумать ничего лучше.

— И вам того же, - бросил незнакомец, - Что вам нужно?

— Я хотел перекинуться парой слов с миссис Паско, - ответил Хью.

— Она пошла в магазин. Скоро вернется. Я могу вам как-то помочь?

— Нет, благодарю вас, - ответил Хью. - Я подожду ее возвращения, если позволите.

— Зайдите внутрь и присядьте, - сказал мужчина.

Сначала его, как и старого Джелкса, с первого взгляда насторожили голос Хью и его манера держаться, выдававшие его принадлежность к людям определенного класса, но он, в свою очередь, быстро распознал простого человека, скрывавшегося за внешней оболочкой, которую налепило на Хью его окружение, и, образно говоря, пожал руку тому человеку, который находился под ней. Он провел его в освещенное, прокуренное, уютное помещение с низким потолком.

— Пропустим по одной? - спросил он, взяв в руки каменный кувшин, стоявший на столе среди остатков трапезы.

— Не откажусь, - ответил Хью, - Я сегодня не обедал.

Это был прямой путь к сердцу сидящего перед ним одиночки в синей форме. Согласие Хью значило не больше, чем значил бы его отказ; совсем другим делом было его признание в том, что он был бы рад пиву — это был разговор мужчины с женщиной.

— Не хотите поужинать? - спросил моряк.

— Нет, я не могу, - ответил Хью. - Меня ждут люди и я хотел бы раздобыть немного еды и для них тоже; вот почему мне нужно увидеться с миссис Паско.

— Она вернется через пару минут, а если не вернется, я достану ее из-под земли. Где ваши люди, мистер?

— На Монашеской Ферме.

— О, так вы и есть мистер Пастон? Ма не ждала вас обратно раньше понедельника.

— Я сам не ожидал, что я вернусь, но я здесь, и со мной еще двое людей, один из которых болен. И в том месте, где они находятся, темно и нет ничего для жизни, и я хотел попросить миссис Паско протянуть мне руку помощи.

— Конечно же мы поможем вам, мистер. Что именно вам нужно?

— Я без понятия. Об этом я хотел спросить у вашей матери, она-то уж точно знает.

— Бьюсь об заклад, что знает, - ответил младший мистер Пинкер, подмигивая, - а я раздобуду необходимое хоть из-под земли!

Стук в коридоре возвестил о возвращении миссис Паско, очевидно заходившей по пути к мистеру Хаггину, с полными руками свертков. Хью рассказал о своей ситуации. С ним, прямо на ферме, находились пожилой джентльмен и юная леди, его племянница, поспешно добавил Хью, и юная леди еще совсем недавно лежала в кровати, будучи простуженной.

Миссис Паско пришла в ужас, и не без причины. Бедная юная леди! Она же встретит там свою смерть! Что за люди эти мужчины! Она бегала вокруг, словно курица в загоне. Хью немало удивило то, каким было ее представление о первичных жизненных потребностях. Ящик бутылочного пива, две бутылки портвейна и бутылка виски практически самостоятельно запрыгнули в машину. Затем, воспользовавшись его приглашением, она тоже залезла внутрь. Не ожидая никаких приглашений, ее сынуля-моряк тоже присоединился к их вечеринке, и прямо на Роллс-Ройсе они отправились к мистеру Хаггину.

Изумление этого джентльмена, когда он их увидел, невозможно было описать. Его жилет вздулся так сильно, что казалось, будто под ним был спрятан воздушный шар. В крошечной тьме рядом с машиной они образовали живую цепь, в которой мистер Хаггинс и миссис Паско находились по краям, а он сам и Билл были только лишь бездушными звеньями в центре, и казалось, что всё содержимое магазина медленно потекло через них в машину. На самом деле, только изобретательность Билла помогла Роллсу вместить всю эту ерунду. В какой-то момент Хью даже подумал о том, что скоро с рук на руки начнут передавать местных котят. Наконец вышла миссис Паско и забралась на коврик в салоне с огромным окороком в руках. Билл устроился рядом с Хью, и они поехали. Хью думал о том, какие грузы приходилось перевозить этому Роллсу и что бы чувствовали машины, если бы у них была душа. Как бы то ни было, а к алкоголю ему было не привыкать. На этой вечеринке в духе Безумного Шляпника, решил он, можно было бы считать себя счастливым, если никто не засунет в чайник тебя самого.

В окнах фермы было видно такое яркое пламя, что Хью гадал, не объята ли она случайно пламенем. Но нет, Джелкс просто тщательно соблюдал данные ему инструкции и топил изо всех сил. Дымоход ревел, а камин давал больше света, чем любая лампа.

Знакомство оказалось успешным и всем начало казаться, что они знали друг друга раньше. Билл и Хью, подмигнув друг другу, принялись за бутылочное пиво; но миссис Паско внезапно их засекла и встала перед ними с видом судьи. Хью, однако, сумел спасти ситуацию, заявив, что миссис Уилтон просто необходимо выпить немного портвейна; это пробудило профессиональные инстинкты миссис Паско, ситуация была улажена и жизнь заиграла совсем другими красками. Джелкс и Билл отправились наверх, чтобы собрать кровати, а миссис Паско исчезла в кухне.

Мона, гревшая ноги у камина, выглядела намного лучше, чем в те времена, когда всё пошло наперекосяк и ее газеты отказались ей платить. Бояться Хью после того, как он был пойман за распитием пива, было невозможно. Он поставил свой стул рядом с камином, поближе к ней, и плюхнулся в него.

— Не уверен, что могу сейчас сделать что-то более полезное, - начал он, - Чем развлечь вас. Ну, как вы себя чувствуете?

Она ответила.

— Мы очень весело проведем время, - сказал он, - Это лучшие дни моей жизни. - Он совершенно забыл о долгих часах своей черной депрессии, когда его единственным другом был Амброзиус. - Послушайте, Мона, вам ведь незачем торопиться обратно, правда?

— Мне нет, но я думаю, что дядя Джелкс торопится.

Хью замолчал. Сможет ли он рискнуть? Допустим, ее возмутит его предложение, но закончится ли на этом их дружба?

— А вы знаете, что миссис Макинтош подвела меня?- спросил он после долгой паузы.

— Да, она сказала нам об этом. Знаете, я думаю, что она поступила правильно. Ничего хорошего бы из этого не вышло. Вы ведь хотите порвать со всем, что связано с вашей прежней жизнью.

— Да, так подсказывает мне моя интуиция. Я не знаю, зачем я бегу от нее. Но знаете, я думал, что было бы чертовски удобно, если бы вы могли жить на ферме, пока работаете над ее благоустройством, и я бы даже не стал уговаривать вас остаться, если только не мог бы предложить вам остаться вместе с миссис Макинтош или кем-то вроде нее. Послушайте, предположим, что я найму для вас эту замечательную служанку, расхваленную миссис Паско, останетесь ли вы тогда после того, как дядя Джелкс уедет домой? Если бы вы остались, это избавило бы нас от многих лишних проблем и суеты.

Мона задумалась на минуту.

— Не вижу причин отказываться, - сказала она, наконец. Ее богемную душу несколько не волновала неординарность ситуации.

На миг она испытала приступ ужаса при мысли о том, чтобы справляться с Амброзиусом в одиночку после того, как уедет Джелкс, но она отогнала от себя эти мысли. В конце концов, какие еще у нее были перспективы, кроме работы с Хью? Она должна была попытаться

разделить в своем сознании работодателя и человека. Но в этом, увы, как раз и заключалась проблема, ибо ничто не могло бы заставить Хью быть только работодателем, но не человеком. Мона отложила решение этой проблемы на потом. Она была слишком уставшей для того, чтобы думать об этом прямо сейчас. Это была ее первая поездка после болезни и она требовала от нее достаточно много сил.

Хью, будучи совершенно непрактичным человеком, снова достиг всего, чего хотел, бессознательно прибегнув к своей излюбленной хитрости. Он выбирал людей, которые были ему симпатичны и которые, как он видел, обладали необходимыми знаниями, и отдавал себя на их милость; а поскольку Хью обладал таким же чутьем на человечность, каким обладали лишь маленькие дети и собаки, его метод всегда срабатывал. Его родственниц, которые все как одна были властными и деятельными женщинами, жутко бесила эта его особенность; подобно Кассандре, они предсказывали скорые беды каждый раз, когда Хью терял разум; но вместо этого он всегда возвращался обратно с улыбкой на лице, поддерживаемый каким-нибудь добросердечным, располагающим всем необходимым человеком, которому доставляло удовольствие играть роль его матери или брата, в зависимости от обстоятельств. Этого было достаточно, чтобы вывести из себя любую женщину из его семьи.

Миссис Паско так основательно взяла Хью на буксир, что он с трудом осознавал, что вообще куда-то плывет. Домашний комфорт, можно сказать, вырос из-под земли, и он почти не принимал участия в его создании. Она накормила его самого и его гостей, взбила им постели и, образно выражаясь (хотя, если честно, выражаясь буквально — если речь шла о Моне), уложила их спать, и они даже не успели понять, что вообще происходит. Потом она вместе со своим отпрыском подняла кусок брезента, в который была завернута циркулярная пила мистера Пинкера, и накрыла им Роллс-Ройс, после чего они проделали долгий обратный путь пешком до деревни, а оттуда сразу отправились в постель.

Следующим утром Мона проснулась первой, ведь Хью и мистер Джелкс по природе своей были поздними пташками. Она выглянула в окно и, увидев первую зелень на березах и первые лучи солнца над елями, выбежала за дверь так быстро, как только могла. Она так долго жила в Лондоне, что уже не помнила, как много может значить для нее весна и раннее утро. Несколько полиантусов, бархатисто-коричневых и винно-фиолетовых, были разбросаны среди нарциссов в жесткой траве, произрастающей у основания старой стены, и Мона, ставшая особенно чувствительной из-за болезни, стояла и смотрела на них. Роса искрилась на каждом сером стебельке высушенной зимней травы, тяжелая роса, оставшаяся после последних заморозков, и маленькие бархатистые личики полиантусов проглядывали сквозь нее, ничем не поврежденные. Небо было бледно-голубым, в цветах ранней весны и раннего утра; маленькие хвостики облаков на юге указывали направление ветра, чье мягкое дуновение прогоняло прочь утренний холод рассвета. Темный дрок с желтыми цветами усеивал бесплодный пустырь, серебристые березы возвышались то здесь, то там, сплетая тонкое кружево ветвей на фоне неба, пронзаемого ими насквозь, когда отблески света отражались в слабой дымке молодой зелени. Темные ели сторожили линию горизонта, как и весь год до этого, оставаясь неизменными. Зимнюю серость пустыря украшали широкие полосы папоротника, казавшегося на его фоне огненно-рыжими; ничем не огороженное поле тянулось вдаль и скрывалось в лесу, как только земля начинала идти под уклон. Всем здесь заправлял лесной Пан, не уступавший ни дюйма своих владений Церере. Это было зрелище, способное разбить сердце любого землепашца, однако Мона благодарила Богов за этот пейзаж.

Чье-то неожиданное прикосновение к ее руке заставило ее вздрогнуть, и она обернулась, увидев рядом с собой Хью, который смотрел на нее сверху вниз с высоты своего недостижимого роста. Он улыбнулся и крепче сжал ее руку.

— Милое зрелище, не правда ли? - спросил он.

— Очень милое, - ответила Мона, и они продолжили стоять здесь вместе, в молчании.

— Все только и говорят, что здесь нужно разбить сад, Мона, но никакой сад здесь не нужен. Мне итак здесь нравится.

— Можно посадить какие-нибудь старомодные, деревенские цветы во дворе.

— В каком еще дворе? - спросил Хью.

— На земле внутри галерей, где сейчас находится скотный двор.

— Так ты хочешь разбить сад, да, Мона? Отлично, я не против.

Их внимание привлек стук копыт на дороге, и они увидели мистера Пинкера, подъезжавшего к ферме на старомодной двуколке с весьма необычным грузом на борту, состоявшим из миссис Паско, Билла Паско, прораба, мальчишки-помощника, некоторого количества досок и банки клея, заботливо вложенной в руки миссис Паско. Билл аккуратно держал молочник, как если бы тот был новорожденным ребенком. Грин Мэн мог катиться к дьяволу вместе со всеми своими постояльцами; это в очередной раз доказало правдивость притчи о девяноста девяти овцах, благополучно пасущихся в загоне и ничего не значащих на фоне одной-единственной бродяги*. Формально Хью, конечно, не был овцой, но он был чем-то куда более удивительным — мужчиной, который мог позволить другому человеку управлять своей жизнью.

Джелкс, который из вежливости не стал надевать свой халат, спустился вниз в своем инвернесском плаще, чем придал еще больше живописности собравшейся компании. Мона, чья невзрачная одежда казалась в Лондоне слишком серой, казалась здесь богиней, поднявшейся из земель серого зимнего пустыря также, как Афродита поднялась из пены морской, настолько прекрасно она вписывалась в окружающую действительность.

Они широко открыли дверь в гостиную и поставили стол под лучи солнца, ворвавшегося внутрь. Мона сорвала несколько полиантусов и, засунув их в грубый глиняный кувшин, найденный ей на полке в судомойне, поставила их на стол среди пестрой деревенской посуды, и пчела, неуклюже подлетевшая к цветам, тут же собрала с них мед. Хью внезапно ощутил прилив счастья, пьянящего не меньше, чем алкоголь.

Они оба с огромной радостью показывали Джелксу всё, что было интересного в этих старых зданиях. Джелкс, в свою очередь, не без удивления заметил, что Мона относилась к ним точно также, как и Хью.

Мона не видела их после того, как территория была расчищена от лишних перегородок и других препятствий, и теперь она могла впервые оценить возможности двух великолепных просторных комнат с их арочными окнами и роскошными каминами. Амброзиус, очевидно,

обладал хорошим вкусом, раз не обошел своим вниманием ни одну церковную архитектурную особенность.

Джелкс осмотрел часовню, но не проронил ни единого слова: было ясно, что как попугай, который плохо говорил, он, тем не менее, подумал о многом.

Вернувшись в дом, они столкнулись с миссис Паско, которая собралась с духом, чтобы навязать им великолепную служанку, которая, по ее мнению, была им просто необходима. Оказалось, что в деле поиска слуг всё здесь давно было поставлено на поток, и они узнали, что мисс Памфри имела привычку решать все вопросы по управлению своими владениями с помощью девушек, которых брала из «Домов». Естественно, «Домом» называлось не совсем то, что обычно привыкли под этим понимать. А девочки из этих «Домов» были совсем не похожи на домашних слуг, когда впервые выходили в мир из своего монастырского затворничества. В сущности, они полностью соответствовали старомодному идеалу слуги, а именно таких слуг и нравилось нанимать мисс Памфри. Однако время шло и эти несчастные птенцы становились вполне оперившимися, и осознав, что именно на них возложили, подавали в отставку. Поэтому их приходилось часто менять. Поэтому мисс Памфри управлялась со своими владениями, бесконечно нанимая новых малограмотных сирот, которых вся деревня с нескрываемым удовольствием учила жизни, ибо мисс Памфри не пользовалась в этом обществе большой популярностью.

Последняя из сирот, однако, продержалась дольше остальных. Она прожила у мисс Памфри больше года, и все это время она никогда не выходила из дома одна, но все время была в сопровождении либо пожилой горничной, либо самой мисс Памфри. А потом произошло то, что произошло, хотя на первый взгляд трудно было увидеть связь между двумя этими событиями, но все началось с того, что миссис Паско подала заявку на продление рабочего дня по случаю раздела кассы клуба взаимопомощи в рождественский сочельник; весть об этом достигла ушей мисс Памфри; мисс Памфри поговорила с одним из судей, который был другом ее отца, и в просьбе было отказано. Тогда миссис Паско захотела найти прекрасной сиротке мисс Памфри другую работу.

Конечно же миссис Паско была к этому не причастна — правда, это было такой же глупостью, как и всё остальное в этой истории, но по ее словам, эта девочка была очень хорошей девочкой, которой просто навязали эту работу и которая хотела для себя лучших условий, и в итоге информация просочилась вовне и достигла ушей девочки из-за ее чрезмерной болтливости. После того, как она замолчала, все трое переглянулись.

— Если вы наймете эту девушку, вы наживете врага на всю жизнь в лице мисс Памфри, - сказал Джелкс.

— Ты знаешь, - сказала Мона, - Мне кажется, что я никогда не встречала кого-то, кто не нравился бы мне также сильно, как мисс Памфри. Я бы с удовольствием переманила к себе ее слугу.

— Ну ты это ты, - сказал Джелкс, - Но что скажет Хью? Ему придется жить в этой деревне после твоего отъезда.

Наступила внезапная, глухая тишина, как если бы все были застигнуты врасплох, и брови Джелкса медленно поползли все выше и выше. Затем все одновременно заговорили.

Мона пошла сказать миссис Паско, что они заберут девочку, и подумать, что можно было сделать для того, чтобы перевезти её, вернее, что им для этого потребуется, но узнала, что всё уже было придумано и девочка практически сидела на ящике со своими вещами, дожидаясь, когда ее заберут. Хью начал было протестовать, но его настолько забавляла ссора между миссис Паско и мисс Памфри, что он отказался принять сторону Джелкса и помешать осуществлению их плана, изо всех сил поддерживая миссис Паско.

В конце концов было решено, что он должен отвезти миссис Паско обратно в деревню, загнать Роллс в чащу леса по следу, проделанному деревенским канализационщиком, который опустошал выгребную яму мисс Памфри, и там дожидаться появления беглой сироты. Хью, которого всё это невероятно забавляло, с готовностью согласился на свидание в навозной куче и вместе с миссис Паско тотчас же уехал на Роллсе.

Оставшись наедине с Моной, Джелкс приподнял рыжеватую бровь, глядя на единственного вскормленного им агнца, и спросил:

— Итак, Мона, что ты затеяла?

— Я хотела рассказать тебе, дядя, только у меня не было такой возможности. Мы говорили с мистером Пастоном как раз перед тем, как ты спустился вниз, и он решил, что если бы при мне была эта девочка, то я могла бы остаться здесь после того, как ты уедешь. Так мне было бы удобнее приводить это место в порядок.

Джелкс провел несколько минут в раздумьях.

— Ну, Мона, - сказал он, наконец, - Ты себя похоронишь.

— Ты против, дядя?

— Я не знаю, что сказать. Всё гораздо сложнее, чем кажется. Я не знаю, какие еще могут быть у тебя варианты. Я полагаю, что если ты будешь сохранять благоразумие и будешь думать о последствиях, все будет хорошо, но я не могу сказать, что я счастлив оставить тебя наедине с Амброзиусом. Ты можешь ввязаться черти во что с этим Амброзиусом, будь он хоть самым Хью, хоть блудным духом, хоть кем угодно еще, и девочка не сможет тебя от него защитить. Послушай, а что если тебе найти здесь работу и для Билла? Он расспрашивал меня о такой возможности. Похоже, сейчас многие корабли простаивают, и сложно найти для себя надежный причал. Он мог бы что-нибудь отремонтировать, или работать садовником, или просто выполнять обязанности разнорабочего. Я был бы спокоен, в конце концов, намного более спокоен за тебя, если бы Билл был рядом с тобой.

— Ты меня сметишь, дядя, предлагая нанять головореза вроде Билла для защиты от Хью, который кажется таким душкой.

— Не так уж он и душка, Мона, но ты не веришь в это. Ни один человек, который ввязывается в такие игры, как Хью — альпинизм, гонки и посещение шальных кабаков — не может быть абсолютно мягким. Да и если на то пошло, чем более мягким будет Хью, тем больше проблем доставит Амброзиус.

— Сдается мне, что можно было бы получить что-то интересное, если сначала расплавить, а потом смешать в равных пропорциях Хью и Амброзиуса.

— Это как раз то, что нам нужно сделать, но как именно это произойдет, пока выше уровня моего понимания. Мы просто будем тихо сидеть здесь в течение пары недель и наблюдать за тем, что будет происходить.

— Так ты останешься здесь на пару недель, дядя? Как ты будешь управляться с делами?

— Я буду совершать вылазки до магазина дважды в неделю. Прибыль приносит в основном почтовая торговля. Я прекрасно с этим справлюсь. Наши проблемы куда глубже, чем кажется, Мона. Я не виню миссис Макинтош за ее побег. Я бы и сам сбежал, если бы мог.

— Чего ты боишься, дядя?

— Я боюсь двух вещей, детка. Амброзиуса, будь он хоть предыдущей инкарнацией Хью, хоть раздвоением личности. И в сущности не имеет никакого значения, какой вариант верный. Всё, что подавлено в Хью, присутствует в Амброзиусе — совершенно бесконтрольно. Хью потихоньку выбирается из своей скорлупы, и поскольку из нее выбирается Хью, из нее же выбирается и Амброзиус — и это, если я не ошибаюсь, происходит очень быстрыми темпами; и проблема в том, что пока Амброзиус будет находиться в переходном состоянии, он будет твоей проблемой. Если ты не сможешь его должным образом усмирить, ты горько об этом пожалеешь.

— Если я...что? Что ты имеешь в виду, дядя?

— Я давно перестал рассчитывать на успех этой операции, Мона. Я сразу это заметил и меня это беспокоит. Миссис Макинтош тоже это замечала, в сущности это она и надоумила меня на ваш счет.

— Я так и думала, - воскликнула Мона, - Я знала, что миссис Макинтош здорово мутила воду.

— И тем не менее, Мона, она довольно хорошо знает Хью, и она прекрасно знает правила того мира, в котором он живет. Я говорил тебе с самого начала, что не нужно принимать всерьез действия Хью в его нынешнем состоянии. Как только он придет в себя, он вернется к жизни, к которой привык, и ты должна об этом помнить. Пока ты не забываешь об этом, всё будет идти нормально, но чего я боялся всё это время, так это того, что ты всерьез к нему привяжешься, и в итоге он причинит тебе боль.

— Я не принимаю всерьез самого Хью, - сказала Мона, - Он мне не интересен. Он никакой. Вот если бы на его месте был Амброзиус, то конечно, это был бы совсем другой разговор.

— Мона, ты совершенно лишена стыда. Если бы я не понимал, что ты говоришь о невозможном, я бы решил, что говорю с продажной девкой.

— Да, из Хью и Амброзиуса, смешанных в равных долях, получилось бы что-то достаточно интересное; но я бы не могла влюбиться в Хью, даже если бы он остался последним мужчиной на земле. Я неплохо себя знаю. И меня ничуть не удивляет, что его жена обманула

его, правда, ничуть не удивляет. Мне ужасно жаль Хью и всё такое, но — боже мой, чувство жалости к мужчине не может удержать рядом с ним ни одну женщину, в которой есть хоть капля индивидуальности.

— Ну что ж, моя дорогая, может быть ты и права, но мне стыдно слушать то, что ты говоришь.

Хью, меж тем, сидел в ожидании около зловещего холма, похожего на чье-то доисторическое жилище, из которого торчал кусок печной трубы. К счастью для него, ему не пришлось ждать долго, ибо эта печь с трубой была не самым приятным соседством. Хью только начал размышлять о том, чтобы сделать нечто подобное на Монашеской Ферме и о прелестях сельской жизни в целом, включая все возможности для вражды в ограниченном пространстве, как услышал треск в подлеске и увидел приближающуюся вместе с девчонкой миссис Паско, которые несли, пошатываясь, тяжелый жестяной сундук. Хью удивлялся, зачем нужна такая повышенная секретность. Девчонка, кажется, могла сбежать в любой момент, к тому же она была совершенно не против потерять всё причитавшееся ей жалование. В сущности, ему всегда казалось, что в подобных ситуациях единственным, что стоило бы сделать, так это забрать свои деньги и уйти, взяв с собой всё, что сможет поместиться в руки. В конце концов, именно так представляла себе устройство современного домохозяйства Фрида. И к чему здесь, в конце концов, были все эти тайны?

Но в тот момент, когда они подошли ближе, он всё понял. Стоило ему лишь один раз взглянуть в эти затуманенные карие глаза, глядящие на него с луноподобного лица, как он сразу же понял, из какого именно Дома эта мисс Памфри, доведенная до полного отчаяния, взяла свою последнюю слугу. Он усиленно размышлял, какое наказание полагается за кражу полоумной сиротки, и сердце его уходило в пятки. Это было наказанием каждому из них за то, что они были настолько злыми, чтобы украсть слугу мисс Памфри; в конце концов, в христианском правиле отвечать на зло добром было что-то очень правильное — его соблюдение, как минимум, было отличным способом уберечь себя от обременения слабоумными служанками.

Но поворачивать назад было слишком поздно. Миссис Паско уже закинула багаж в машину, сразу после этого усадила туда девчонку, а затем и сама забралась внутрь. Хью вздохнул и поехал обратно на ферму окольными путями, как ему и было велено.

Оставив миссис Паско и ее протезе разбираться с жестяным сундуком, он прокрался в гостиную и сообщил:

— Мона, она чокнутая!

Мона в ужасе вскочила на ноги.

— Кто, моя новая служанка?

— Стало быть, сослужит тебе веселенькую службу, вам обеим, - сказал Джелкс. Стук в дверь заставил Хью отойти в сторону и открыть ее, и увидеть на пороге миссис Паско.

— Уже всё хорошо, мистер Пастон, сэр, вам не о чем беспокоиться. Я знаю, что она из сумасшедшего дома, но вам не о чем переживать. Из таких получают самые лучшие слуги,

при условии, конечно, что вы берете человека, который глуп только до некоторой степени. Не может быть лучшей слуги, чем слабоумная девчонка, которая на самом деле не настолько уж и слабоумна. Они делают в точности то, что им говорят, а никто другой этим похвастаться не может.

— Я понимаю, - сказал Хью, который разрывался между внутренними терзаниями и выражениями лиц Моны и миссис Паско, и взглядом миссис Паско на эту ситуацию. - Они почти как мушмула, правда, которая пока не сгниет, не созреет?

— Не могу сказать, сэр, никто в округе не выращивает мушмулу. Но она правда хорошая девчонка и, вы не поверите, очень порядочная.

— Ну, разбирайтесь с ней сами, - сказал Хью, направляясь к двери и чувствуя, что будет опозорен, если задержится здесь еще хоть на миг. За ним столь же поспешно последовал Джелкс, который оказался в таком же затруднительном положении.

Благополучно выйдя во двор, они прислонились к стене и взорвались хохотом. Неторопливо подошел Билл.

— Эй, - воскликнул он, - Ма уже свела вас с Глупышкой Лиззи? - и бесстыдно присоединился к гоготу.

Вскоре к ним присоединилась Мона.

— Вы не должны смеяться, - сказала она, - Это очень неприлично с вашей стороны. Я переговорила с ней, и она очень милая малышка с хорошо поставленной речью. Я думаю, что она как раз то, что нам нужно.

— Что я говорил, - воскликнул Билл. - Только мама думает иначе, когда я появляюсь на горизонте.

Джелкс вновь погрузился в раздумья. Снова возникали непредвиденные сложности. Миссис Паско, очевидно, не предполагала, что ее сын может найти работу на берегу, когда посвящала их в свои планы. Это было наказание для всех них одновременно. Особое Провидение явно присматривало за мисс Памфри.

Все трое погрузились в мирную домашнюю жизнь на ферме. К всеобщему удивлению, ибо Мона пела ей дифирамбы только для того, чтобы сохранить лицо, Глупышка Лиззи оказалась наделена, до некоторой степени, именно теми качествами, за которые ее хвалили. Она делала все, что ей говорили. Единственным минусом было то, что она не выполняла того, чего ей не говорили выполнить, но что, тем не менее, было очевидным. О чем она знала, о том знала. Но если она о чем-то не знала, то она просто за это не бралась, невзирая на проблемы, которое это создавало обитателям дома. Велели жарить баранью ногу в течение часа и сорока минут, и она жарила ее в течение часа и сорока минут, причем делала это весьма неплохо. Но оставшись один на один с отбивными для ужина, она жарила их в течение того же часа и сорока минут, и не сложно догадаться о том, каким был результат. Однако если она находилась под непрерывным наблюдением, в котором она так нуждалась, она была просто превосходной служанкой.

*см. Евангелие от Луки, 15:1-15:10.

Глава 19.

Оба они, Джелкс и Хью, судили о поведении Моны, исходя из своих собственных взглядов. Она была полностью поглощена обустройством домашней жизни. До того, как она порвала со своей семьей и стала художником, она получила хорошее воспитание в традициях северной части страны, и теперь, когда она почувствовала себя ответственной за ведение домашнего хозяйства, ей пригодились все те старые навыки, которые так раздражали ее в период обучения. Хью с интересом наблюдал за ней. Тот способ ведения домашних дел, который ему доводилось наблюдать в своем собственном доме, сильно отличался от нынешнего и состоял, главным образом, в том, чтобы снять трубку внутридомового телефона и сообщить, как много народа ожидается к обеду. И этот всепоглощающий интерес, и эта восторженная гордость были для него чем-то совершенно новым. Кстати сказать, это было новым и для Моны. Раньше она бы ни за что не поверила в то, что такое вообще возможно. Но теперь ей казалось, что есть большая разница между тем, чтобы управлять своим собственным шоу и помогать в этом своей матери. И в этом, кстати, может заключаться одна из причин того, почему совершенно не приспособленные прежде к домашней жизни девицы не всегда оказываются разгильдяйками в браке.

Джелкс с не меньшим интересом наблюдал за происходящим, ибо он знал, что машина домашнего хозяйства, порядок работы которой так кропотливо настраивала Мона, встанет в тот же момент, когда она отсюда уедет. Лиззи и Билл готовы были сделать что угодно ради нее, но без нее они сначала начнут замедляться, потом остановятся совсем, а после всё вернется на круги своя. Монашеская ферма не просто погрузится в хаос, когда здесь не будет Моны, а скатится в преисподнюю, подумал Джелкс. Теперь, если Мона по-умному разыграет свои карты, думал он... Но сможет ли она? Он был почти уверен, что нет. Мона, как и все женщины идеалистических взглядов, отлично разбиралась во всевозможных эфемерных вещах, но она становилась необычайно глупа, когда дело касалось ее собственных интересов. Он вздохнул. Мона не смогла бы ни удержать, ни ослепить ни одного мужчину. Однако сам он смог бы повлиять на Хью, Хью легко бы этому поддался. Поэтому он решил отойти в тень и дожидаться своего выхода.

Работа мистера Пинкера постепенно близилась к завершению. Никакой внутренней отделки здесь не требовалось, поскольку стены состояли сплошь из гладко отполированных камней. Под влиянием этого эксперта по старинным зданиям Хью решил не подвергать древний монастырь попытке центрального отопления и ограничиться тем, чтобы поставить огромную печь в подвале, ставшим последним пристанищем Амброзиуса.

- На то, - говорил мистер Пинкер, - чтобы согреть это место, уйдут сотни фунтов, сэр, и здесь все равно не станет теплее. Не стоит делать системы центрального отопления в здании, которое строилось не для этого. Ничего хорошего из этого не выйдет. Это против природы. Но если вы потратите десять фунтов на большую печь для подвала и будете оставлять дверь в подвал открытой, вы получите именно то, что нужно. Тепло имеет свойство подниматься вверх. Ничего не поделаешь.

Хью поблагодарил старого мастера и восхитился его честностью. Однако если бы сын-сантехник мистера Пинкера был лучшим специалистом по проведению систем горячего водоснабжения, то дело приняло бы совсем другой оборот.

Когда внутренний двор монастыря был очищен от грязи, они оказались на восемнадцать дюймов ниже, опустившись на разбитые каменные плитки, которыми когда-то была вымощена территория. Уложенные заново, они превратились в безумно прекрасную отмостку. Как только были установлены водосточные желобы — мисс Памфри ненавидела водосточные желобы — по крайней мере, в домах своих арендаторов — на Хью нашло вдохновение и он пустил дождевую воду с крыши в небольшой пруд с кувшинками, находившийся в самом центре двора. Затем они все вместе погрузились в машину и поехали в близлежащий питомник, и если бы Мона не была настолько решительной в переговорах, если не сказать несколько язвительной, то Хью продали бы весь неликвид, включая те старые кусты, которые были слишком огромными для того, чтобы их куда-либо перевозить. Джелкс гадал, наблюдая за всем происходящим, к чему же в итоге придет эта парочка. Хью всё свесил на Мону, а Мона, словно сокол, в оба глаза следила за соблюдением его интересов. Но даже этого, как справедливо заметила Мона, было недостаточно для женщины с — Джелкс не хотел употреблять словосочетание «стальные потроха» и растерялся в поисках другого.

Насколько мог судить Джелкс, Хью и Мона уже привыкли к своему платоническому сожительству. Правда, он все равно не был в этом уверен. Он прекрасно знал свою Мону. Она не могла питать каких-либо иллюзий на этот счет, даже если их питал Хью.

Время утекало, словно песок. Джелкс не мог оставаться здесь до бесконечности. Как он справедливо замечал, «я не считаю, что нужно вкладывать все свои силы в добывание денег, но бизнес — он как ребенок, которому нужно иногда уделять время, иначе с ним возникнут проблемы».

Но в их Эдем прокрался Змей, и имя ему было практически легион, ибо из большого Даймлера вылезли леди Пастон; ее старшая дочь, леди Уитни; ее младшая дочь, достопочтенная мисс Фоулдс, и аккуратный джентельмен, выглядевший как настоящий профессионал, который определенно не был доктором Джонсоном. Уже один этот факт вселил в Джелкса глубокое беспокойство. Ибо если бы их волновало только лишь здоровье Хью, то человеком, которому бы они доверили его осмотр, стал бы семейный врач, который хорошо его знал. Две, всего лишь две подписи нужно было поставить в сертификате, который навсегда лишал человека всех жизненных свобод. От миссис Макинтош Джелкс слышал о враче, заправлявшем на Мейфейре со всеми его наркотиками и абортами, воображаемыми недугами и совсем не воображаемыми венерическими болезнями. Будь на то его воля, он не позволил бы новоприбывшему даже посмотреть в сторону Хью, ибо человек может засвидетельствовать лишь то, что видел собственными глазами, но глупышка Лиззи безропотно впустила в дом всю компанию. Горничной мисс Памфри так и не удалось обучить ее правильно открывать входную дверь.

Хью явно был взбешен, однако он вежливо заговорил с ними после того, как справился с удивлением. Он представил Мону, и ее приняли с ледяной холодностью; он представил Джелкса и его приняли со смесью холода и интереса. Три женщины уселись вокруг него, словно маленькие мальчишки в ожидании забоя свиньи, и доктор начал беседовать с Хью, без лишних предисловий перейдя к теме Амброзиуса. Джелкс не понимал, как он узнал о том, что ему требовалось найти. Неужели миссис Макинтош выдала их по неосторожности или поступила с ними нечестно? Хью, целиком поглощенный этой темой, разговорился и совершенно забыл о своей стеснительности, и Джелкс подивился его доверчивости.

Все они проявили крайнюю заинтересованность и попросили осмотреть место смерти Амброзиуса, и Хью повел их вниз, в душный подвал, где безостановочно трудилась десятифунтовая печь мистера Пинкера, просушивая здание. Джелкс, решив, что им не стоит

задерживаться здесь надолго, незаметно открыл воронку для загрузки угля и толкнул заслонку.

Леди Пастон, кашляя, заметила, что печи вредят здоровью.

- Все будет в порядке, когда прогреется дымоход, - сказал Джелкс, надеясь, что им нечего будет использовать против Хью; но поскольку печная труба уже итак была раскалена докрасна, им казалось, что он говорил о невозможном.

Раз Хью не попался на удочку Амброзиуса, то Леди Пастон, когда они вернулись наверх, предложила собрать семейный совет для решения насущных вопросов. Хью тяжело вздохнул, но согласился.

Джелкс встал. Он вряд ли мог сделать что-то еще. Посмотрев на того единственного человека среди присутствующих, который не был членом этой семьи, он сказал:

- Возможно, доктор Хьюз захочет присоединиться ко мне на прогулке, пока здесь обсуждаются семейные проблемы?

Доктор Хьюз моргнул, услышав такое обращение, поскольку был представлен просто мистером Хьюзом. Тем не менее, он вежливо поклонился.

- Боюсь, что я могу потребоваться здесь, - сказал он, - Если вы не возражаете.

Он обладал замечательными манерами, присущими всем жителям Мэйфейра, и Джелкс невзлюбил его уже только за это. Помрачнев, он исчез, и стал бродить взад и вперед под окном, чтобы услышать, если внутри вдруг начнется перебранка; ибо он понимал, что если, предварительно заставив его вспомнить об Амброзиусе, они заманили Хью на семейный совет, они, вероятно, встретятся с Амброзиусом, поскольку, как ему казалось, это было как раз тем, чего они добивались. Глубоко встревоженный, он бродил взад и вперед, поглядывая на освещенное окно каждый раз, когда проходил мимо.

Хью тоже был взволнован; это не было связано с тем, что его семья заставляла его волноваться каждый раз, когда они дружно наваливались на него с целью обсуждения семейных проблем; особое чутье, присущее от природы всем пассивным натурам, говорило ему о том, что сегодня происходило нечто совершенно необычное, и присутствие мистера Хьюза, или доктора Хьюза, как его предпочитал называть Джелкс, было для него таким же серьезным сигналом об опасности, каким могло бы быть прибытие палача на ферму для тельенка. Доктор Хьюз был по-своему добр, не желая испортить телятину, но Хью почти разглядел, как тот исподтишка проверяет на остроту лезвие своего ножа. В общем, Хью находился в том состоянии, которое обычно бывает присуще напуганной лошади, и белки его глаз блестели абсолютно также. Он видел, что доктор Хьюз наблюдает за ним, и начал запрокидывать голову назад, словно конь, готовый встать на дыбы. Доктор Хьюз медленно пододвигал свой стул всё ближе и ближе к нему, пока, наконец, они не оказались по разные стороны одного стола.

Впрочем, женщин из собравшейся здесь компании, казалось, совершенно не беспокоила напряженная атмосфера в комнате. Они привыкли к Хью и его поведению, и прекрасно знали, что подобные признаки надвигающейся катастрофы никогда не означали ничего

большого, нежели приближения очередного приступа его глубокой депрессии. Фрида очень переживала, что Хью может однажды покончить жизнь самоубийством во время одного из таких приступов тоски, но ничего подобного не происходило. Хью был слишком хорошо воспитан своей старой шотландской няней, чтобы заканчивать жизнь самоубийством.

— Может быть, ты присядешь, Хью? - спросила леди Пастон с приторной сладостью в голосе, которая пришла на смену авторитарности в тот момент, когда он стал слишком большим для того, чтобы быть отшлепанным. Хью присел, будучи не в состоянии в данный момент думать об извинениях за свой отказ. Каким-то особым чутьем он понял, что поддавшись им, он потерял одно очко в этой игре, пусть и сделал это исключительно из вежливости.

— Мы волновались за тебя, Хью, - продолжила его мать.

— Не стоило, - угрюмо проворчал Хью, шаркая ногами и не поднимая на нее глаз, - У меня все в порядке.

— Мы очень переживаем по поводу тех людей, что живут здесь с тобой. Мы разузнали о них кое-какую информацию и она весьма неутешительна.

Хью пробормотал что-то о том, что он ничего такого не слышал.

— Я полагаю, тебе известно, что старик - лишенный сана священник?

— Да нет же, - возразил Хью. - Он просто не закончил свою учебу.

— А мы слышали совсем другое. И просто так оттуда никого не выгоняют.

Хью молча сидел с несчастным видом, понимая бесполезность любых споров и будучи к тому же совершенно не способным спорить, даже если бы это могло что-то изменить.

— Интересно, знаешь ли ты, что у этой девки весьма сомнительная репутация?

Хью выпрямился и посмотрел ей прямо в глаза.

— Мне ничего не известно о ее прошлом, - ответил он, - Я просто счел, что с ней можно иметь дело, и что она мне подходит.

— Что связывает тебя с этими людьми, Хью? Для нас всё это выглядит как совершенно безумное сожительство.

Это был нокаут. Что связывало его с ними? Он и сам не знал. Он любил старого Джелкса. Он превозносил Мону. Он был невероятно зависим от них, от них обоих вместе и от каждого из них в отдельности; вот только он с грустью осознавал, что он для них ничего не значил; что они помогали ему исключительно из человечности и ждали, что через некоторое время он встанет на ноги и сможет стоять самостоятельно, и что они не позволят ему до бесконечности висеть на их шеях. Как он должен был объяснить всё это своей семье? Как, в конце концов, ему самому было справиться с этим осознанием? Он смотрел в лицо

обнаженной правде, которая, при этом, была достаточно запутанной для того, чтобы сбить с толку кого угодно.

— С Джелксом мы просто приятели, - сказал он, - Мисс Уилтон приходится ему кем-то вроде приемной дочери, за которой он присматривает, поскольку больше у нее никого нет. Она дизайнер и мебелировщик, и она выполняет для меня именно эту работу. Миссис Макинтош должна была приехать сюда и помочь со всем управиться, но она оставила меня в самый последний момент и мисс Уилтон мгновенно заполнила собой образовавшийся пробел. Но это временно, - добавил он мрачно, чувствуя, как мучительно сжалось его сердце при этих словах.

— Что-то я в этом не уверена, - ответила леди Пастон, - Тебе будет проще оставить ее, чем прогнать.

Хью проворчал что-то в возражение, умоляя при этом Богов, чтобы она оказалась права.

— И сколько она получает за всё, что она для тебя делает? - настойчиво поинтересовалась леди Пастон.

— Три фунта в неделю, - ответил Хью.

— А старик?

— Нисколько. Он приехал в отпуск.

— А что ты собираешься делать с этой девчонкой, когда он уедет домой по окончании отпуска?

Хью не знал. Он тупо смотрел в пустоту, и разум его, отвлекшийся от всех остальных проблем, отчаянно пытался решить ту, что только что была озвучена.

— Она собирается остаться здесь, с тобой?

Хью знал не больше, чем она, и продолжал с несчастным видом смотреть в пустоту.

— Ну, тут мне возразить нечего, - сказала леди Пастон, - Давно позади те дни, когда кого-либо можно было шокировать подобными вещами. Не сомневаюсь, что это намного лучше для тебя, чем сидеть в мрачных раздумьях — не правда ли, доктор Хьюз?

— О да, конечно, намного лучше, - быстро выпалил доктор Хьюз, - Сдерживаться не стоит, своим желаниям лучше давать выход.

— Однако что нас действительно беспокоит, и беспокоит очень сильно, - продолжила леди Пастон, - Так это то, что может произойти с тобой, Хью, пока ты в руках этих гарпий.

— Они совсем не похожи на гарпий, - возразил Хью.

— Это только до тех пор, пока они не заслужили твоего доверия. Скоро станут. Даже не переживай.

Хью поерзал на стуле.

— Ну вот когда станут, тогда я вам и сообщу. В настоящий момент они невероятно полезны для меня.

— А потом будет слишком поздно, - ответила леди Пастон с раздражением. - Мы достаточно насмотрелись на таких людей. Ты такой внушаемый, Хью. Любой может получить от тебя всё, что пожелает.

— У меня на всех хватит, - угрюмо ответил Хью.

— Как раз не хватит, если ты будешь впустую растрачивать деньги. Для меня это жизненно важно, ведь мне нечего оставить твоим сестрам. А еще есть две дочери Элис, три ребенка Летиции и ребенок Мойры.

— Ну, и что с ними не так? Они что, будут не в состоянии когда-нибудь заработать себе на жизнь? Я что, должен постоянно их содержать? Не желает ли хоть кто-нибудь из них найти себе работу?

— Не стоит так раздражаться, Хью. Ты прекрасно знаешь о том, в каком трудном положении мы все находимся. Ты, конечно же, отложил немного денег на обеспечение детей своих сестер?

— А я думал, что этим должны заниматься их собственные отцы.

— Повторяю, Хью, не стоит так злиться. Теперь выслушай мое предложение, мой дорогой мальчик, и поскольку маловероятно, что я смогу еще долго быть рядом с тобой, я надеюсь, ты примешь его и потом мы сможем счастливо прожить вместе те несколько лет, которые мне остались. Я предлагаю, чтобы ты передал свои дела в траст, Хью, сделав Роберта и Космо своими доверенными лицами; тогда деньги не смогут быть растрчены и их точно хватит на всех. Когда я убеждала твоего отца переписать всё на тебя, вместо того чтобы делить имущество, мне казалось само собой разумеющимся то, что ты присмотришь за своими сестрами.

— Я присмотрю, - ответил Хью, - Но я не вижу ничего хорошего в том, чтобы обеспечивать еще и третье поколение, вместо того чтобы нормально их выучить. Будь я проклят, если воспользуюсь этим предложением.

— Но Хью, кому еще ты собираешься оставить свои деньги, если не детям своих сестер? Ты же не собираешься спустить их на благотворительность, правда? Я никогда не слышала о том, чтобы кто-нибудь поступал настолько глупо, учитывая, что у него есть три нуждающихся сестры. И если бы я знала, что ты будешь вести себя так, как сейчас, я бы никогда не стала настаивать на том, чтобы твой отец оставил всё тебе. Если уж ты сам не можешь оставить никакого следа в этом мире, то хотя бы не мешай другим это сделать. Кому ты собираешься оставить эти деньги, Хью, если не девочкам?

— Черт подери, мама, почему ты считаешь, что я окочурюсь первым? Я самый младший в этой семье. У меня есть полное право сначала перехоронить вас всех. Почему тебе кажется, что они бы получили больше с этого траста со своими мужьями в качестве доверенных лиц, чем если бы я щедро поделился с ними сам? Или доверенные лица собираются использовать деньги в своих целях?

— Хью, не говори так со мной, я этого не потерплю. Доверить им деньги я хочу только для того, чтобы они не были растрчены впустую, и чтобы хоть что-то, таким образом, досталось детям. Это существенно расширит возможности этих детей, особенно девочек, ведь у них будут хоть какие-то накопления. Ты мог бы прямо сейчас уладить этот вопрос, Хью, и всем нам стало бы спокойнее на душе. Кому ты оставишь деньги, если не детям своих сестер?

— А тебе никогда не приходило в голову, что я могу жениться снова? Я не Мафусаил*, знаешь ли.

Повисла гробовая тишина.

— Еще как думала, - ответила леди Пастон после долгой паузы. - Так она понемногу подводит тебя к этому решению, да?

— Это ее ты выбрал, Хью? - последовал вопрос от его младшей сестры, сидящей слева.

— Судя по всему, ей это не нужно, - ответила его старшая сестра, сидящая справа. - Как по мне, она очень страстная натура, из тех людей, что до краев полны жизни. Сдается мне, что она-то его не выберет, даже если он останется последним выжившим мужчиной на свете.

Хью с горечью благодарил за правду, озвученную в этих возражениях, и не осознавал, какие резкие перемены начали происходить в этот момент.

Голос его матери прервал его раздумья в тот момент, когда он сидел, рассматривая быстро сгущавшиеся за окном сумерки и совершенно не обращая внимания на своих собеседников, наблюдавших за ним, словно множество кошек за мышиной норой.

— Мы только порадуемся, если ты женишься, дорогой, - сказала она, - Особенно если ты женишься на подходящей девушке; но ты будешь полным глупцом, если свяжешься с этой Уилтон, которая, поверь мне, вариант более, чем неподходящий. Мы навели о ней справки, и мало того, что она даже не является представительницей среднего класса, так она еще и прославилась как женщина совершенно свободных нравов, жившая со множеством разных мужчин.

— А как это касается меня? - спросил Хью.

— Еще как касается, если ты задумал на ней жениться.

— Помнишь эту леди Дорин, о которой вы говорили, когда я виделся с вами в последний раз?

— Подругу Элис? Да, дорогой, конечно помню; в последнее время мы часто с ней видимся.

— Интересно, каким окажется ее послушной список, если вы наймете детектива, чтобы разузнать все подробности.

Повисла гробовая тишина, которую не смогла нарушить даже леди Пастон со своим материнским авторитетом.

— А еще мы все знаем, каким был списочек Фриды, правда? - спросил Хью со злой усмешкой.

— Независимо от того, волнуют ли тебя эти списки или нет, Хью, - ответила его старшая сестра, - Ты будешь полным дураком, если позволишь втянуть себя еще глубже в историю с этой Уилтон, ибо она совершенно точно использует тебя ради собственной выгоды.

Хью вздрогнул и поднял голову.

— С чего ты взяла? - резко спросил он.

— Да посмотри на нее — и посмотри на себя. Ты же не думаешь, что у тебя есть хоть какие-то шансы на роман с такой девчонкой, правда, Хью? Живая, полная сил, привыкшая видеть вокруг себя творческих мужчин? Мой дорогой мальчик, прояви хоть немного благоразумия. Посмотри на вещи ее глазами и научись читать между строк. Не будь простаком, Хью, не дай себя обвести. Однажды на тебе уже женились из-за денег и ты прекрасно знаешь, что из этого вышло. Не повторяй этой ошибки снова.

— Не думаю, что она женится на мне даже ради моих денег, - ответил Хью с горечью, и вся компания наострила уши.

— А ее ты спросил? - едко поинтересовалась леди Пастон.

— Нет, - ответил Хью.

— А собираешься?

— Я не знаю. Думаю, нет.

И тут что-то, напоминавшее струну арфы, лопнуло в голове Хью; в какой-то момент комната вокруг него поплыла; затем всё замерло и он собрался с мыслями; вот только это были мысли не Хью, но Амброзиуса.

Два сознания наложились друг на друга, словно две киноплёнки, и получившийся в результате человек не был в полной мере ни тем, ни другим. Затем его охватило ужасное чувство растерянности и недоумения. Он не знал, где он находится — и в то же время место казалось ему знакомым. Он не знал, кем были все эти люди, и все же их лица не казались ему странными. Однако обе части его разума знали, что он был загнан в угол, но он не мог понять, что именно ему угрожало.

Он знал, что попался в сети, что подозрение переросло в крепкую уверенность; что несколько старших монахов воззвали к власти Рима и что в любой момент может прибыть

тот, кому нельзя отказать в посещении. Но эти люди не были похожи на делегацию из Рима; тогда кто они были такие? Он был совершенно сбит с толку, боясь сделать хоть один неверный шаг, который ускорил бы приближение той самой опасности, встречу с которой он отчаянно пытался предотвратить. Сама эта неуверенность, само смятение ума делали ситуацию в тысячу раз хуже, и он опасался, что в любой момент может потерять голову и начать дико метаться по комнате. Ему начало казаться, что всё происходящее не было реальностью, что это просто ночной кошмар; и затем он подумал, что он умер и что всё это было только лишь одним из сновидений, которые он видел после смерти. Ему казалось, что время течет в другую сторону и пространство растягивается и скручивается, словно кусок мокрой кожи. Но даже если нереальным казалось всё вокруг, он понимал, что грозящая ему опасность была вполне настоящей и чувствовал, как ледяная рука страха сжимает его горло и сердце.

Но в то время как в этой ситуации Хью был беспомощен, словно птица, попавшая в змеиные тиски, о чем они очень хорошо знали и сидели в ожидании момента, когда он выдаст сам себя, кто-то, кто не был Хью, тоже возник в комнате и с изменившегося лица Хью на них посмотрел совсем другой человек, который, кем бы он ни был, был совершенно не похож на Хью. Они ахнули. Взгляд незнакомца был неподвижен и холоден, как у меченосца. Женщины потеряли дар речи; то, что они могли бы сделать с Хью, они не посмели бы проверить с этим человеком; силой своей личности он явно превосходил их всех. Доктор Хьюз, имевший достаточно опыта для того, чтобы не усугублять кризис, сидел неподвижно и делал мысленные заметки; он был знаком с классическими случаями раздвоения личности и встречался с некоторыми из них в своей практике, но никогда прежде ему не доводилось видеть ничего подобного. Личность, которая присутствовала здесь сейчас, внушала ему первозданный ужас, чего, определенно, не смогла бы сделать ни одна патология.

Потом, даже не смотря на то, что в данный момент ситуация находилась под его полным контролем, человек, стоявший здесь, внезапно осознал, что он был сломлен — и что это был конец. Те, кто сидели вокруг него, кем бы они ни были, представляли здесь ту силу, которой он не мог противостоять; внутренняя защита, обладание которой ему казалось бесспорным с того момента, когда он впервые вошел в контакт с великим богом Паном, рухнула, и он, стоял, обезоруженный, в ожидании своей смерти.

И все же бог не оставил его совсем. Он лишь отошел в сторону и стоял там в надежде, что тот последует за ним. Нужно время еще не пришло, они не могли противостоять миру, сражавшимся против них. Козлоногий Бог откликнулся на его зов, но закончить начатое было нельзя; он должен был отступить.

Теперь он был абсолютно уверен в том, что в душе его было нечто такое, что могло воспарить над узами этой эпохи и обрести свободу. Пусть он потерпел неудачу на внешнем плане, но на планах внутренних он создал все условия для успешного завершения дела в следующий раз. Сейчас он должен был уйти, но он еще вернется. Он не станет принимать участие в этой игре слов или выдвигать встречные обвинения своим обличителям; он не станет спасаться бегством. Внутреннее напряжение спало, и теперь они могли забрать его жизнь и покончить с этим. Но в его сердце были живы обещания, полученные им из странных видений и текстов, принадлежавших ему одному, и это должно было помочь ему добиться исполнения данной богом клятвы. Когда он придет снова, условия будут правильными и бог проявится, как и обещал; мечты его станут реальностью. Ему показалось, что пока эти мысли проносились в его голове, бог, стоявший немного поодаль на холме, поднял свою руку в знак согласия.

Затем в нем возникло непреодолимое желание еще раз оказаться в своем месте силы, своем монастыре. Позволят ли они ему сходить туда или он уже был взят под стражу? Он решил это проверить и смело вышел за дверь, и никто не посмел его остановить.

Он с удивлением обнаружил, что уже итак был в монастыре, хотя он думал, что находится в судебной комнате Аббатства. Смятение вновь овладело им. Некоторое время назад он был в лесу вместе с Паном. Так где же он все-таки был? Что происходило? Было ли это всё только сном? Но угроза была реальной, он знал это наверняка. Хотя теперь, когда он потерял всякую надежду, это уже не имело никакого значения. Пусть всё закончится, и чем быстрее, тем лучше; однако он был счастлив, что это происходило в монастыре — его любимом месте, которое не было таким чужим и враждебным к нему, какой казалась каждая стена Аббатства.

Он повернулся и пошел к часовне. Он встанет в центр Великого Знака, изображавшего всю сотворенную Вселенную, он встанет в точку пересечения потоков, и там он вернет свою душу силам, сотворившим ее, и исчезнет, оставив свое тело тем, кто имел над ним полную власть; могут приговорить его к самому худшему наказанию, всё равно оно не продлится долго.

Кто-то заговорил с ним, когда он шел по пропитанной росой траве к дверям часовни; он не знал, кто это был, но чувствовал, что этот мужчина желал ему добра, так что он, должно быть, был одним из его монахов, а не кем-то из римских чужаков с их итальянской хитростью и жестокостью. Он вознес краткую благословляющую молитву, как и полагалось священнослужителю его сана, и прошел дальше, оказавшись в темноте часовни.

Прежде чем потянуть на себя массивные двери и закрыть их за собой, он остановился и оглянулся назад. Солнце уже село, но вечерняя заря всё еще пылала над темной линией деревьев и над ней сияла в небесах серебряная звезда. Он долго стоял, разглядывая эту картину. Он был уверен, что больше никогда такого не увидит. Это был конец. У него возникло странное ощущение, будто бы всё это уже происходило раньше — как если бы он точно знал, что будет происходить потом. Они будут искать его здесь; затем заточат его в подземелье; а перед рассветом он встретит свою смерть. В темноте он прошел к высокому алтарю и занял нужное место. Вокруг него были изображены символы небесных домов; позади него возвышались, каждый на своем месте, великие Правители Первоэлементов, чьи крылья делали их похожими на архангелов. Немного постояв, он опустился на колени и положил руки на каменный кубический алтарь. Те, кто придут за ним, должны будут найти его здесь.

*Мафусаил (ивр. מֶטוּשֶׁלַח, Метушелах) — самый старый человек, упомянутый в Библии (Бытие 5:27; Луки 3:36, 37) и сведений о жене которого в самой Библии нет.

Глава 20.

Тем временем в комнате, которую он недавно покинул, шло довольно жаркое обсуждение.

— Как вы думаете, - спрашивала леди Пастон, - можете ли вы признать его невинным на основании того, что вы только что увидели?

Доктор Хьюз потер подбородок.

— Это несколько затруднительно. Мне бы хотелось чего-то более определенного. К этому вопросу нужно подходить с осторожностью.

— Но это как раз то, о чем нам рассказывала мисс Памфри, - сказала леди Уитни.

— Боюсь, что мы не можем это использовать, это только слухи. Она вытрясла информацию из девчонки, а девчонка, по всеобщему мнению, не совсем адекватна. Это может помочь нам принять какое-то решение, но этого недостаточно для признания его ненормальным. Я могу сделать это только на основании того, чему сам стал свидетелем.

— А разве вы видели недостаточно? Мне казалось, что все мы сегодня повидали достаточно для того, чтобы сделать вывод о его невменяемости. Никогда в жизни я не видела ничего более безумного.

— Да, но он ничего не сделал, милая леди.

— Он на это не способен. Он никогда ничего в своей жизни не сделал — и никогда не сделает, - резко заявила леди Пастон. - Чего не сказать о других людях, в руки которых он регулярно попадает. Доктор Джонсон готов признать его невменяемым, если это сделаете вы, а он очень хорошо его знает.

— Ммм... Ну... В таких вопросах не следует торопиться.

— Но если вы этого не сделаете, он не оставит никому ни пенса. К великому сожалению, его отец оставил ему всё, чтобы дать ему шанс подняться в жизни, и вы сами видите, как он этим распоряжается. Доктор Джонсон говорит, что он абсолютный псих.

— Ммм... Да, я вижу. Не хватает звезд с неба. И в то же время очень эксцентричен. Водит дружбу с представителями низших классов. Ненормальные часто так делают.

— Ну так и что вы предлагаете? - леди Пастон начинала злиться.

Доктора Хьюза пригласили сюда ради выполнения особой задачи и он это прекрасно знал, однако, казалось, был совсем не расположен к этой работе.

— Вот если бы мистер Пастон побыл некоторое время под моим наблюдением...

— Это бессмысленно, - рявкнула леди Пастон, - Это не поможет нам прибрать к рукам его дела и контролировать каждый его шаг.

— Я пытался сказать, леди Пастон, - ответил доктор Хьюз с чувством собственного достоинства, - Что если бы мистер Пастон хоть какое-то время побыл под моим наблюдением, то я смог бы получить более полное представление о его состоянии и если бы я увидел нечто такое, что заставило бы меня посоветовать вам признать его невменяемым, я бы обязательно вам об этом сообщил.

— И сколько вы хотите за то, чтобы взять его под наблюдение?

— Двадцать гиней в неделю.

— Двадцать гиней в неделю? Боже, это же тысяча в год.

— Чуть больше, дорогая леди. Я сказал гиней, а не фунтов, а в году, меж тем, пятьдесят две недели.

— Если он еще раз обратится к маме «дорогая леди», она убьет его! - прошептала младшая из сестер старшей. Но леди Пастон, похоже, не собиралась ждать такой возможности и планировала разорвать его на куски в ту же минуту.

— Вы что, хотите сказать, что я должна платить вам по двадцать гиней в неделю до бесконечности?

— Он должен где-то жить, дорогая леди, и он спустит куда больше денег на себя если он... эээ... останется в лапах этих...эээ... товарищей.

— Я не готова к таким растратам, - рявкнула леди Пастон, - Я, конечно же, готова заплатить за консультацию, но я не готова платить вам до бесконечности.

— Думаю, нам лучше узнать мнение другого врача, - холодно сказала леди Уитни.

— В таком случае, - ответил доктор Хьюз с еще большей холодностью, - Я не стану скрывать своего мнения от другого специалиста. Вы не можете бродить от одного доктора к другому до тех пор, пока кто-нибудь не признает человека умалишенным. Если один специалист отказывается это сделать, когда вы просите его об этом, то любой другой врач не станет брать на себя такой риск, дабы не иметь проблем с действующим законодательством.

— Коней во время переправы не меняют, мама, - сказала леди Фоулдз со смехом.

— Это явный шантаж! - воскликнула леди Пастон.

— Это чистая правда, - ответил доктор Хьюз.

Этого они никак не ожидали. Хью, безусловно, можно было признать сумасшедшим, с этим не было проблем; но, по-видимому, он будет считаться таковым только до тех пор, пока доктор Хьюз получает свои двадцать гиней в неделю; если выплаты вдруг прекратятся, Хью сразу же признают нормальным, и тогда его доверенным лицам придется отчитаться за все потраченные со счета деньги. Но ограничится ли доктор Хьюз двадцатью гинейми в неделю? Аппетиты шантажистов обычно растут очень быстро, стоит только начать выполнять их требования.

Но если они обратятся к любому другому специалисту, чтобы избавиться от этого злополучного Хью, тут же объявится доктор Хьюз и заявит, что Хью никакой не псих, и где тогда они окажутся? Отдал пенс, придется отдать и фунт. Решение безумных проблем требует безумных затрат. Они должны сделать все возможное, чтобы заключить максимально выгодную сделку с доктором Хьюзом.

— Двадцать гиней в неделю это невероятно много, - сказала леди Пастон, но ее голос стал куда более мягким, чем был до этого.

— Вы просите меня взять на себя огромную ответственность, - ответил доктор Хьюз.

— Я думаю, что двенадцать гиней в неделю будет вполне достаточно.

— Этих денег недостаточно для того, чтобы я взвалил на себя такую обузу. Мистер Пастон относится к тому типу пациентов, которые вечно пытаются сбежать и могут быть очень опасными, если пытаться их удерживать. Придется приставить к нему специальных людей. Мне также потребуются компенсация любых судебных расходов, в которые он может меня втянуть; такие пациенты питают особую страсть к судебным тяжбам.

— Всё это совершенно ему не свойственно. Он никогда не сделает ничего такого по своей собственной инициативе.

— А если какой-нибудь его друг забьет тревогу?

— У него нет друзей, за исключением воображаемых. Все они были друзьями его жены, а теперь, конечно же, их дружбе пришел конец.

— А его юристы?

— Я уже разговаривала с ними. Они совершенно не против; они лишь хотят продолжать и дальше заниматься его делами, и это меня полностью устраивает.

— Ммм. Да, понятно. Возможно, ему самому будет лучше, если его признают ненормальным. С этим, похоже, не возникнет никаких проблем. Я переговорю с доктором Джонсоном и узнаю его мнение на этот счет. Он знает его дольше, чем я. Пусть решающий голос будет за ним. Если он сочтет это целесообразным, то я не стану препятствовать.

Таким образом, для того, чтобы еще раз замуровать Хью живьем, всё было подготовлено и история вот-вот должна была повториться, но в этот момент на сцену вышел Джелкс и встал в центре комнаты, упершись руками в бока.

— В какие сраные игры вы вознамерились играть? - бросил он доктору Хьюзу, который подпрыгнул на месте так, как если бы его укололи булавкой. - Вы всерьез собираетесь издеваться над ним за двадцать гиней в неделю, которые будете получать до бесконечности?

— Дорогой мой, уважаемый сэръ, я понятия не имею, о чем вы говорите, но ваш тон очень оскорбителен, поэтому я вынужден возразить.

— Вы что, подслушивали у замочной скважины? - рявкнула младшая сестра Хью, которой не было свойственно, в отличие от ее матери, играть роль благоразумной и самоотверженной леди.

— Нет, не там; просто окно было открыто, а вы все голосили, как павлины.

— Тогда почему вы не отошли в сторону, если понимали, что здесь обсуждаются личные вопросы?

— Потому что, как бы то ни было, а один друг у Хью Пастона всё-таки есть.

Доктор Хьюз первым пришел в себя.

— Вы полагаете, что незаинтересованный человек станет отрицать, что мистер Пастон не совсем в порядке?

— Может и так, я не спорю, - ответил Джелкс, нахмутив свои густые брови и выглядя довольно грозно, - И все же незаинтересованный человек не станет пытаться признать его психопатом, потому что он таковым не является. Психопатология — это то, с чем я знаком не по наслышке. А вам я расскажу одну историю, которую вы, похоже, не слышали — о том, как недавно один парень получил штраф в двадцать тысяч фунтов за то, что признал сумасшедшим человека, который таковым не был — но вы, скорее всего, слышали об этом, раз упомянули о возмещении ущерба. Простите мне это замечание, но вы сейчас находитесь всего в одном шаге от пропасти.

Доктор Хьюз смотрел на него с презрением. Ради двадцати гиней в неделю придется потрудиться. Для того, чтобы балансировать на краю пропасти, требовались крепкие нервы, да и к тому же делать это пришлось бы на глазах у таких неприступных и неподкупных свидетелей, как Джелкс.

Он повернулся к сопровождавшим его женщинам.

— Полагаю, милые леди, сейчас нам лучше уйти. Пока мы все равно не можем сделать ничего больше.

Выходя друг за другом из комнаты, они одаривали Джелкса взглядами, полными ненависти.

Как только затихающие звуки удаляющегося автомобиля заверили его, что они действительно уехали, Джелкс поспешил к часовне. Он заглянул внутрь, но внутри стояла крошечная тьма и гробовая тишина. Тогда он принес лампу из гостиной и снова заглянул в часовню. Там, как он и ожидал, он увидел силуэт человека, стоявшего на коленях перед алтарем, который явно не был христианским, и этот человек, кем бы он ни был, взывал к своим странным богам.

Джелкс тяжело вздохнул, бесшумно вышел и вернулся обратно в дом.

Позвав Мону, которая пряталась в спальне от нашествия родственниц Хью, он рассказал ей о произошедшем. Амброзиус проявился перед свидетелями — враждебно настроенными свидетелями, что, как они и ожидали, рано или поздно должно было произойти, и похоже так и не исчез. Джелкс не скрывал своих опасений, что утром сюда может прибыть большой автомобиль, двоюродный брат катафалка, с тремя или четырьмя странными личностями, в задачи которых входит присмотр за душевнобольными, и этот день станет последним, когда они увидят Хью; и если Моне посчастливится выбить из тех людей, что будут управлять его счетами, причитающееся ей жалование, то это можно будет считать невероятным везением. Хью в своем нынешнем состоянии вряд ли мог бы избежать сумасшедшего дома.

В тот самый момент, когда они обсуждали эти мрачные перспективы, раздался звук подъезжающего автомобиля.

— Святой Боже! - воскликнул Джелкс. - Что на этот раз?

Он подошел к двери и за ней оказался немолодой, манерный, низкорослый мужчина, который вышел из такой же маленькой и аккуратной кареты, как и он сам.

— Добрый вечер, - сказал он. - Мистер Пастон дома?

— Нет его, - ответил Джелкс коротко, глядя на него с нескрываемой враждебностью, что немало ошарашило новоприбывшего.

— Очень жаль, - ответил он, - Я надеялся избавить его от поездки в город. Я только что заезжал к мисс Памфри, чтобы получить ее подпись, и я подумал, что, возможно, смогу заодно получить и его подпись, чтобы, наконец, покончить с этим делом. Не будете ли вы так любезны передать ему, чтобы он позвонил мне в офис в любое удобное для него время? Меня зовут Уотни.

Джелкс некоторое время молча смотрел на него.

— Да? - бросил он. - Зайдите в дом, - и оставил дверь открытой.

Мистер Уотни вошел в дом и прошел в гостиную, где увидел стоявшую у камина Мону, которая, очевидно, была очень взволнована. Он поприветствовал ее и она кратко представила ему Джелкса, но без каких-либо дальнейших объяснений он так и не понял, кто это был такой. Однако он ощущал, что атмосфера здесь была напряженной, и отметил, что Хью не было среди собравшихся. Он гадал, почему же столь равнодушная прежде мисс Уилтон, чей интерес в Хью Пастоне был чисто коммерческим, теперь выглядела настолько обеспокоенной.

Однако этого она не объяснила, но зато вопросительно посмотрела на старика, бывшего, предположительно, ее дядей, будто бы спрашивая его о том, что он собирается делать дальше.

— Садитесь, - коротко приказал Джелкс.

Мистер Уотни выполнил это указание.

— У нас тут чёрт-те что творится, - сказал Джелкс.

Мистер Уотни вопросительно посмотрел на него, но проявив присущую юристам осторожность, предпочел ничего не отвечать.

Джелкс внезапно повернулся к девушке.

— Расскажи ему, Мона, ты объяснишь всё это лучше, чем я.

Девушка замешкалась.

— Чего ты хочешь добиться, дядя? - спросила она.

— Мы должны найти хоть кого-нибудь, кто мог бы нам помочь, Мона, они же засунут Хью в психушку, если мы этого не сделаем.

Мистер Уотни изумленно поднял брови.

— В этом вся проблема, сэр, - сказал Джелкс, снова поворачиваясь к нему. - Мой друг Хью Пастон недавно пережил настоящую трагедию — он потерял свою жену при невероятно трагических обстоятельствах.

Уотни кивнул. Очевидно, он был в курсе. «Только откуда ты знаешь об этом?», подумал Джелкс.

— Полученное в результате этого расстройство стало причиной... Эээ... Раздвоения личности. Должно быть, вы слышали о таких вещах?

— Да, я слышал, - ответил юрист сухим и невозмутимым тоном.

— Временами он... - Джелкс с трудом подбирал слова, - Переключается со своей нормальной личности на... Эээ... Вторую личность.

— И случай в музее был одним из таких моментов, - сказал Уотни, глядя на Мону.

— Да, - ответила Мона.

— Я знал, что это был не просто обморок, - сказал мистер Уотни.

— Дело вот в чем, - продолжил Джелкс, - Мне кажется, а я все-таки кое-что понимаю в клинической психологии, что Хью скоро придет в норму, да и, как бы то ни было, он абсолютно не опасен. Но проблема в том, что его семья, кажется, решила упечь его в сумасшедший дом.

— Почему они так этого хотят, если в том нет никакой необходимости?

— Потому что если его признают сумасшедшим, то они получают контроль над огромной суммой денег, и их дети, вернее, дети его сестер, унаследуют всё. Но если он останется на свободе и... Эээ... Снова женится, у него могут появиться свои дети, и тогда уже его собственные дети унаследуют все эти деньги.

— А он хочет снова жениться?

Джелкс замешкался.

— Нет, насколько мне известно, - ответила Мона.

Что-то, о чем он и сам не подозревал, заставило мистера Уотни обернуться, и остальные, проследив за его взглядом, увидели, что в дверях стоял Хью, и, за что Джелкс был безмерно благодарен небесам, это был именно Хью, а не Амброзиус.

— Боюсь, что я стал невольным свидетелем большей части вашего разговора, - сказал Хью, медленно входя в комнату. На Мону он не смотрел.

— Тогда, - сказал Джелкс, - Ты понимаешь, как обстоят дела?

— Начинаю понимать. Так этим и объясняются те... припадки, которые так напугали мисс Уилтон? - и он впервые взглянул на Мону.

— Да, - ответила Мона с жалким видом.

— Я не удивлен, - сказал Хью, - Должно быть, то еще зрелище.

Он повернулся к юристу.

— Что же, мистер Уотни, похоже, меня ждет пожизненное заключение, если я не буду следить за каждым своим шагом. Что делать? Вы юрист, может быть у вас есть какие-то предложения?

— Я могу только предложить вам проконсультироваться у своего юриста или у своего семейного врача, мистер Пастон.

— Это все равно, что отправиться напрямик в логово льва. Наш семейный доктор как раз и затеял это всё. А что до моих юристов, ну, я не знаю. Не удивлюсь, что они получают куда больше, если я буду взаперти, чем получают от меня, когда я на свободе.

— Есть ли хоть кто-то в вашем окружении или, может быть, в окружении вашего покойного отца, кто не является членом или другом вашей семьи, какое-то незаинтересованное лицо, на которое вы могли бы положиться?

Хью указал на старого книготорговца.

— Есть, это Джелкс, - ответил он, - Я больше никого не знаю. Кроме, разве что... - он посмотрел на Мону и замешкался.

— Я сделаю все, что смогу, - ответила она тихо.

— Я рад это слышать, - сказал Хью, - И я не... - он споткнулся, подбирая слова, которые смогут в точности выразить то, что он имел в виду, - Не стану злоупотреблять вашей дружбой.

Атмосфера накалилась и каждый чувствовал себя невероятно смущенным.

Джелкс решил разрядить обстановку.

— Знаешь, что бы я сделал на твоём месте, Хью? Я бы забрал все твои дела из рук этих юристов, раз ты не можешь им доверять, и передал бы их мистеру Уотни, чтобы он за ними присмотрел.

— Это то, о чем я и сам думал, - ответил Хью, - Так и поступим, если только мистер Уотни не будет против.

— Да... Ну, конечно же я... Эээ... Я... Ммм... Буду очень рад.

Да и кто бы не был рад этому? Но, к своей чести, этот маленький человек еще не закончил говорить.

— Но... Эээ... Как быть с этими семейными юристами, мистер Пастон? Это может быть не так-то просто. Ваш отец каким-то образом закреплял с ними отношения?

— Не с этими юристами. Этим я всё передал, чтобы порадовать свою жену. Другие ее не устраивали. Тогда мы распутали все эти юридические узлы. Я не виделся с этой шайкой больше трех лет.

— В таком случае, я буду очень рад помочь вам с ведением дел, хотя мне следовало бы чувствовать некий стыд за то, что я забираю их из рук семейных консультантов.

— А я хочу, чтобы этим занимались вы, - ответил Хью, внезапно улыбнувшись ему. Маленький старый холостяк просиял в ответ. Хью снова провернул свой излюбленный трюк. Мистер Уотни отправился, вслед за миссис Паско, в когарту тех людей, которых благополучие Хью заботило куда больше, чем его самого.

— Теперь, мистер Пастон, - начал маленький юрист, внезапно позабыв о всяком смущении и включив повелительный тон. - Я должен посоветовать вам передать мне все необходимые полномочия для того, чтобы забрать все ваши бумаги из той фирмы, с которой вы работаете сейчас, а я отправлю туда завтра клерка первым же утренним поездом, пока они ничего не заподозрили и не забрали их себе. На девять десятых юриспруденция основана на факте владения. Также, если вы действительно в нас не сомневаетесь, вам стоило бы оформить на меня полную доверенность, которая вступит в силу в случае вашей недееспособности. Конечно, они будут оспаривать это решение, если нам когда-нибудь придется ей воспользоваться, но я все-таки надеюсь, что не придется. Но, опять же, как вы понимаете, факт обладания чем-либо это девять десятых успеха в юридической практике, и им придется выбивать нас с довольно крепких позиций. Обращение в Верховный Суд, мистер Пастон. Максимальная огласка. Существование права на защиту заставит их пожалеть о том, что они не умерли раньше. Силу переговоров, дорогой сэр, силу переговоров никогда нельзя недооценивать. Скажи человеку: «если не захочу я, то и ты не сможешь ничего», и он тут же начинает мыслить разумно. Прикладная психология — очень полезная вещь. Даже порой более полезная, нежели закон. Юристы сосредотачиваются на законах и совершенно забывают о психологии сторон. Это, по моему мнению, глупо. Благодаря знанию психологии я выиграл куда больше случаев, чем благодаря знанию законов.

Его глаза сияли за стеклами очков в роговой оправе, поскольку сейчас он находился в своей стихии. Ему нравилось судиться ради самого этого процесса. Свои дела он никогда не помечал Крестным Знаменем. Он всегда добивался приемлемого соглашения между сторонами в самый короткий срок

— Какой смысл в том, чтобы писать на вас доверенность? - резко спросила Мона.

— А вот в чем, мисс Уилтон. Предположим, что они признают мистера Пастона сумасшедшим, но тогда им придется приложить немало усилий для того, чтобы получить доступ к его счетам. Я разнесу их в хвост и в гриву в любом суде на территории страны. Им это прекрасно известно, можно даже их не предупреждать. Я думаю, вы понимаете, что как только они узнают о существовании доверенности, они тут же откажутся от своих идей, особенно если мистер Пастон обратится к хорошему врачу. Как мы все знаем, нет никакого смысла в том, чтобы признавать нашего друга сумасшедшим, если от этого ему самому не будет никакой пользы, и никто, кто не был бы заинтересован в этом по личным причинам, не станет этого делать; а если вы и мистер Джелкс будете за ним присматривать, то я уверен, что вскоре и заинтересованные лица сочтут эту задачу невыполнимой.

Он огляделся вокруг с сияющей улыбкой, но у него возникло смутное ощущение, что он сказал что-то не то.

— Я согласен со всем перечисленным, - сказал Хью устало, как если бы был до смерти утомлен этими обсуждениями. - Кого мы пригласим в качестве незаинтересованного врача? Двоюродного брата мужа миссис Макинтош?

— Нет, - ответила решительно Мона, - Он справляется с лечением простуды, как никто другой, но для этой работы он не подходит. Он такой же, как миссис Макинтош, недоверчивый и в то же время трусливый .

Мистер Уотни наострил уши. Ему давно казалось, что эта сделка была намного более странной, чем казалась на первый взгляд.

— Теперь, когда я действую в ваших интересах, мистер Пастон, - сказал он, - Я могу рассказать вам о том, что ваши прежние юристы задавали великое множество вопросов в связи с приобретением этого места. Вопросов, которые я счел несколько странными. Естественно, я не смог на них ответить. Я объяснил им, что их клиент — это их проблема, а мой клиент — моя. Конечно же, используя для этого строго юридическую терминологию.

— О чем они хотели узнать? - спросил Джелкс, посмотрев на Хью, который, казалось, был полностью погружен в свои мысли и потерял к этой беседе всякий интерес.

— Они хотели узнать, кто рассказал мистеру Пастону о мисс Памфри. Я ответил им, что не знаю этого. И я действительно не знаю. Потом они звонили мне с просьбой сделать им одолжение и постараться это выяснить. Я ответил им: «Это ваш клиент, а не мой. Я не могу действовать в интересах обеих сторон сразу. Спросите его, если вам так важно это выяснить, и если он захочет, чтобы вы об этом знали, он вам расскажет». Они совершенно ничего не смыслят в имущественных сделках. Их специализация — разводы и криминалистика. Я не знаю, что вас связывает с этими людьми, мистер Пастон.

— Для чего тогда их наняли? - спросил Джелкс.

— Я бы предпочел не озвучивать своих предположений, - ответил Уотни.

— Я говорил этому парню, что ему нужен дядя, - сказал Джелкс с одной из своих внезапных верблужьих усмешек. - И он будет называть меня дядей, хотя у меня всего лишь книжный магазин, а не ломбард.

Мужчины обменялись улыбками и с нежностью посмотрели на Хью, который не обращал на них ни малейшего внимания, будучи полностью погруженным в себя. Они с беспокойством посмотрели друг на друга.

— Я полагаю, вы старые друзья? - спросил мистер Уотни.

— Вовсе нет, - ответил Джелкс, - Я знаком с ним не дольше, чем вы. Он припелся в мой магазин на негнущихся ногах сразу после похорон своей жены, и я приютил его и позаботился о нем, так как никому другому, похоже, до него не было никакого дела.

— Так, так, так, - сказал мистер Уотни, - Ну и дела!

Он перевел взгляд на Мону, но никаких дальнейших объяснений не последовало.

Он вновь повернулся к Джелксу и заговорил тихим голосом:

— Что касается врача, то я бы на вашем месте первым делом отправил его в город завтра с утра, чтобы он посетил какого-нибудь действительно первоклассного специалиста, чье заключение невозможно будет оспорить.

— Нет, - сказал Джелкс, - Мы уже видели местных шарлатанов сегодня. Я не хочу рисковать.

— Я знаю человека, который нам нужен, - тихо продолжил мистер Уотни, - Молодой парень, который только начал работать в этом районе. Он будет очень рад, если я приведу ему пациента и сделает всё, что я ему скажу. Положитесь на меня. Я отправлю его к вам на обратном пути.

Поторопив уезжающего гостя, Джелкс вернулся в гостиную и обнаружил, что Моны там не было. Она явно не была настроена на *тет-а-тет* с Хью в его нынешнем состоянии. Джелкс сел и пристально на него посмотрел, и то, что он увидел, его совершенно не обрадовало. Казалось, что каким-то непостижимым образом он очень сильно постарел. Когда он впервые пришел в магазин, еще не оправившись от шока после смерти жены, он выглядел на добрый десяток лет старше, чем был на самом деле. Потом это прошло и, даже не смотря на то, что лицо его было покрыто преждевременными морщинами, что, по всей видимости, было следствием многолетних проблем, Хью, будучи воодушевленным чем-либо, выглядел совсем как мальчишка. Однако сейчас у него был очень странный вид, как если бы здесь сидел человек, который завершил все свои дела и теперь дожидался смерти. Джелкс видел такое выражение на лицах некоторых из тех людей, которых увольняли с работы, которой они посвятили всю свою жизнь. Это ему совсем не нравилось.

Также как не нравилась ему и чрезмерная задумчивость Хью, пребывая в которой он не обращал внимания ни на что вокруг. Он заговорил с ним, чтобы посмотреть, ответит тот ему или нет.

— Итак, Хью, что же ты собираешься делать дальше? Будешь ли ты продолжать благоустраивать это место, не смотря на сложившиеся обстоятельства?

Хью с трудом нашел в себе силы ответить.

— Я не знаю, правда. Я об этом не думал, - сказал он, - Мисс Уилтон может приобрести всё, что сочтет необходимым.

Джелкс сразу же обратил внимание на то, какую форму имени он использовал в своем ответе и гадал, что бы могли означать такие перемены.

Некоторое время они сидели в молчании, которое затем было прервано звуком подъезжающего автомобиля.

— Должно быть, это тот самый костоправ от Уотни, - сказал Джелкс, - По крайней мере, я молю Бога, чтобы это был он.

И это был он.

Он оказался молодым парнем, пытающимся скрыть свое волнение за напускной самоуверенностью.

— Мистер Уотни рассказал вам о проблеме? - спросил Джелкс тихо, так как полностью одобрил его кандидатуру.

Он кивнул.

— Желаете осмотреть его наедине?

— Да, пожалуйста.

Джелкс хмыкнул, провел его в комнату и закрыл за ним дверь.

Новоприбывший некоторое время стоял в молчании, глядя на своего пациента, и Хью, ощутив присутствие незнакомца, внезапно поднял глаза.

— Да-да? Я прошу прощения, - сказал он, - Не знал, что здесь есть кто-то еще.

— Мистер Уотни попросил меня заехать и осмотреть вас. Я доктор Аткинс.

— Уверен, это очень мило с вашей стороны, - сказал Хью, и, поскольку беседа не клеилась, доктор Аткинс отчаянно пытался вспомнить все, что узнал из скудной инструкции по диагностике душевных недугов. Все, что он мог вспомнить, было положениями закона о признании человека психически ненормальным. О диагностике душевных расстройств он знал немногим больше, чем о воздухоплавании.

— Эээ, а вы не скажете, какой сейчас день недели? - спросил он, наконец.

— Весь день была среда, насколько я помню, - ответил Хью, и снова воцарилось молчание.

Доктор Аткинс чувствовал, что начинает потеть. Это был его первый важный пациент, с которого он начинал свою практику, и поэтому он ужасно переживал. Он понимал, что разбирается в психиатрии даже меньше, чем в акушерстве, и молил бога о том, чтобы стать напарником какого-нибудь более опытного специалиста, вместо того чтобы амбициозно начинать работать самостоятельно. Частная практика, как он вскоре понял, очень сильно отличалась от работы в госпитале. Здесь в большей степени требовалось использовать здравый смысл, нежели научные знания.

— Могу я осмотреть вас? - спросил он, наконец, надеясь найти утешение в привычных для него занятиях.

— Конечно, - ответил Хью, - Делайте все, что вам нужно.

Доктор Аткинс взял свой стетоскоп.

— Тогда не будете ли вы так добры раздеться?

— Раздеться? - воскликнул Хью, внезапно очнувшись. - Святой боже, парень, от шеи и ниже я в полном порядке. Мои проблемы вот здесь, - и он постучал себе по голове. - Разве тут поможет стетоскоп? Уймись и присядьте, и угощайтесь сигаретой.

— Спасибо, - ответил доктор Аткинс, чувствуя, что он пытается быть учтивым.

— Не знаю, что у нас есть из освежающих напитков, - продолжил Хью, - Боюсь, что ничего, кроме бутылочного пива, - и он тут же достал несколько бутылок из буфета. Доктор Аткинс, благодарный за пиво и довольный тем, какой поворот приняло это интервью, отложил в сторону маску профессионала и превратился в скромного, неопытного парня, каким он и был на самом деле, и они уселись с двух сторон от камина, он и его пациент, взяв себе каждый по бутылке пива и сигарете, что было весьма нестандартным способом лечения душевных недугов.

Хью взял направление беседы в свои руки.

— Я полагаю, мистер Уотни рассказал вам обо всем, что ему известно? - спросил он.

— Он рассказал обо всем, что ему известно, - ответил доктор Аткинс с ухмылкой, - Но осмелюсь предположить, что все гораздо сложнее, если вы, конечно, захотите этим поделиться.

На практике в сумасшедшем доме, конечно, случаи душевных недугов разбирались совсем по-другому, но куда приятнее общепринятого способа для обеих сторон был этот — в котором было пиво.

— Я полагаю, Уотни рассказал вам, что они хотят признать меня сумасшедшим? Должен сказать, что они правы, только я этого не хочу. Я был бы счастлив, если бы вы заключили, что никакой я не псих. Я сделаю для вас всё, что угодно.

Доктор Аткинс, задобренный пивом, начал чувствовать себя так, как если бы его направляло Божественное Провидение, ведь его способ лечения душевных расстройств оказался весьма эффективным.

— Не беспокойтесь об этом, - сказал он, - Я прослежу, чтобы этого не случилось.

— Хотите еще пива? - поинтересовался Хью.

— Спасибо, не откажусь, - ответил доктор Аткинс.

Хью открыл еще одну бутылку.

— Пережили потрясение? - поинтересовался доктор Аткинс.

— Да, кошмарное потрясение.

— Хотите поговорить об этом?

— Не очень.

— Всё пройдет, дайте себе время.

— Надеюсь. Еще пива?

— Не возражаю.

Хью открыл еще одну бутылку. Доктор Аткинс достал пачку дешевых сигарет. Они сидели в дружеском молчании. Существовало множество куда более худших способов проведения психиатрических обследований, чем этот. Хью видел некоторые из них в действии и был невероятно благодарен.

— Вы знакомы с психоанализом? - спросил он своего медицинского советника, прикончив бутылку.

— Нет, не очень.

— Ну, а я знаком, - ответил Хью, - И я сверну вам шею, если вы примените его ко мне.

— Понятно, - ответил доктор Аткинс.

— Еще пива?

— Нет, боже мой, не надо. Мне же еще ехать домой! Пустыми бутылками уже уставлен весь пол.

На этом они расстались. Хью испытывал невероятное облегчение. Ему понравился доктор Аткинс и его страхи развеялись. Доктор Аткинс, в свою очередь, сразу же поехал домой и

прежде, чем поставить машину, стал искать информацию о своем случае в книгах. Он знал, что добился успеха, но не понимал ни как, ни почему это произошло. Когда-то он точно также сидел рядом со своим другом, когда тот пережил тяжелейший удар, но тот случай не был связан с психиатрией. В надежде на лучшее он сделал пометку, способную усмирить любых львов и тигров. Больше этот бедный парень не мог сделать ничего. Медицина знает так мало о душах, больных или здоровых, и даже то, что она знает, она использует совершенно неправильно.

Весь следующий день, а потом и еще один, Джелкс провел на страже территории, но никаких вестей из вражеского лагеря не поступало. Как мистер Уотни и предполагал, доверенность стала искусным способом загнать их в угол и они быстро отказались от своих идей — по крайней мере, на данный момент, - и пока Хью не натворил чего-то действительно скандального, он находился в полной безопасности.

Но даже если этот меч больше не нависал над их головами, одна достаточно серьезная проблема всё еще требовала их внимания, ибо нельзя было отрицать того, что с Хью творилось что-то совершенно неправильное. Он пребывал в странной, безжизненной апатии и задумчивости, как если бы его душа находилась где-то в другом мире и мир этот был не самым приятным местом. Джелксу, который прочел много разных книг по психологии и повидал достаточно сломленных душ среди иезуитов — нервный срыв, мягко именовавшийся капитуляцией перед Богом, был обязательной частью их учебной программы, - совершенно не нравилось, как выглядел Хью. Он подозревал, имея представление о его сущности, что тот будет болтаться между апатией и возбуждением. Если что-то сможет прорваться сквозь оболочку его апатии, он тут же придет в возбужденное состояние; а когда это возбуждение изматывает его, он провалится обратно в апатию. В конце концов, человеческий механизм — это двигатель внутреннего сгорания, работающий на топливе духа. Темперамент определяется уровнем жизненной силы. Джелкс понимал, что Хью страдал от перекрытия воздушного шлюза и может получить серьезный обратный удар, если шлюз прочистится. Если кто-то в этот момент повернет ручку запуска, то он запросто сломает себе запястье. Джелкс до смерти не хотел оставлять Мону наедине с Хью, но ради своего же блага он не мог больше оставлять бизнес без присмотра, если хотел, чтобы у него остался хоть какой-то бизнес, когда он вернется обратно. О том, что было на уме у Моны, он не имел ни малейшего представления. Иногда ему казалось, что она совершенно не понимает, как дела обстояли на самом деле, а иногда — что она знала намного больше, чем считала нужным озвучивать. Бесстрастное выражение лица Моны всегда было ее благословением.

Глава 21.

К концу недели Хью казался куда более адекватным; телефон был проведен, так что в случае непредвиденных обстоятельств Мона легко могла позвонить мистеру Уотни, доктору или полицейскому в зависимости от обстоятельств, и ей больше не нужно было полагаться на милость Хью или его *альтер эго*, Амброзиуса, который единственный из них двоих был способен вытворить что угодно; Джелкс решил рискнуть и на несколько дней оставить Монашескую Ферму на произвол судьбы, чтобы проверить, как там обстоят дела с его средствами к существованию.

- Я не верю, что за презренный металл можно продать душу, - сказал он. - И мне импонирует идея герцога Веллингтона — засунуть все свои письма в ящик стола и дать им время, чтобы они ответили на себя сами. Но, к сожалению, в бизнесе нельзя слишком часто поступать подобным образом — люди этого не любят. Бог его знает, почему.

Так что Хью отвез его в долину и он поймал вечерний автобус до Лондона.

Засунув в автобус Джелкса, а вслед за ним и его плетеную корзину, Хью развернул неповоротливый автомобиль и поехал по холмам. Перспектива впервые остаться с Моной наедине его ужасно пугала. Нужно было многое обдумать. Он должен был продумать свою линию поведения и убедиться в своей способности ей следовать. Требовалась немалая доля самоконтроля, думал он, для того чтобы дойти до определенной черты и остановиться, и не натворить при этом ничего такого, что заставило бы Мону отвернуться от него, что, в свою очередь, заставило бы его, в его взвинченном состоянии, потерять самообладание и разругаться с ней, доведя ситуацию до необратимого расставания. Оставшись в одиночестве, Хью не пошел бы на этот риск, но он знал, что Мона ни за что не оставит его одного и пытался понять, так ли много она знала о жизни на самом деле, понимала ли, что она делает, и сможет ли она в конечном итоге справиться со всеми резкими поворотами, которые ждали их впереди?

Чего он боялся больше всего, так это потери собственной способности к самоконтролю. Теперь его проблема была не в том, что он не мог ухватиться за жизнь, а в том, что он мог ненароком придушить ее. Он знал, что упрямство слабых людей, бесстрашие трусливых и распутность святых не вели ни к чему хорошему. Он также знал, что у него никогда не хватало духа для борьбы, что он был чрезмерно слаб по жизни и что он искренне стремился вести себя правильно и всегда готов был пожертвовать собой ради других — а если это не было путем к святости, то чем тогда это было? Вот только теперь он шел на проблемы, словно бык на ворота, низко опустив рога; а что же до праведности, то теперь он жаждал всем своим существом лишь одного — жизни, больше жизни, всей полноты жизни — благословения Пана!

Самопожертвование? Оно было последней нитью, за которую он держался. Ибо сердце Хью было добрым: оно живо реагировало на боль других людей. Ему было сложно пожертвовать кем-то другим, и уж тем более не представлялось возможным пожертвовать кем-то другим во имя себя самого. Однако он понимал, что invocация божества невозможна без жертвы, и что, в случае с Паном, самопожертвование не даст никакого результата.

Повсюду вокруг него, на возвышенности, где он остановил свою машину, цвел дрок, и воздух был наполнен его сладковатым миндальным ароматом. В неспешном дуновении теплого ветра в весенних сумерках ощущалась почти летняя мягкость. Апрель заканчивался; на пороге был май; и с последним апрельским днем приближался канун Белтайна.

Согласно традиции, как Хью узнал из книг Джелкса, Белтайн был Ведьмовской Ночью, и если что-то должно было случиться, то можно было ожидать, что это случится именно в эту ночь. Он гадал, какую же форму примет Пан, если он появится? Произойдет ли грубая его материализация в виде запаха зловонного козла? Или он проявится более тонко, в душе? Хью склонялся ко второму варианту. Его всегда интересовало всё необъяснимое и он прочитывал все оккультные триллеры сразу же после их выхода. Он помнил, что главнейшее событие неизменно было одной из двух вещей: материализацией, которая произошла лишь частично, или видением, от которого все пробуждались в последней главе. Ему казалось, что писатели триллеров старательно пытались переплунуть друг друга — на самом деле один автор зашел так далеко, что полностью отрекся от всяких практических знаний о предмете, о котором писал в таких подробностях, - и по каким-то своим причинам напрочь забывали о Природе описываемого, если такой термин вообще мог быть применен к столь неестественным вещам.

Он, в свою очередь, совершенно не знал, чего ему ожидать, и поэтому не мог решить, должен

ли он разочароваться, если не произойдет ничего действительно впечатляющего, или радоваться тому, что так много всего уже успело произойти. Оглядываясь на все те недели, которые прошли с тех пор, как он начал выбираться из светящейся оболочки, которой был его опал, он не мог отрицать, что произошедшие с ним события — Амброзиус, например, - и пришедшая в его жизнь Мона вполне могли считаться показателями успеха в данном начинании.

Произошло ли все это благодаря его инвокации Пана? Он начал подозревать, что да. Ибо чем еще, в конце концов, была инвокация Пана, как ни намерением, в первую очередь, выбраться из опала? Он дал позволение своему собственному бессознательному выбраться к свету; затем он продолжил начатое, призвав первозданные силы проявить себя; он не только освободил Пана внутри себя, но и воззвал к Великому Богу Пану снаружи. Множество людей могло освободить своего внутреннего Пана — наиболее подходящим для этого способом был прием алкоголя, но Великий Бог Пан — это совсем другое дело; к нему не часто взывали в эти дни повсеместного материализма, когда народ не верил в существование духовного зла даже больше, чем в существование духовного добра. Но был ли злом Великий Бог? «Нет!» - громко воскликнул Хью. - «Он не зло! Я протестую!».

И с этими словами он завел двигатель, еще раз развернул машину и вернулся к Монашеской Ферме и Моне.

Стоило ему свернуть на тропу, превращенную щедрой посыпкой гравия в настоящую дорогу, как его охватило очень странное чувство. Глубоко внутри себя он ощутил внезапный трепет вожделения, хотя снаружи был скован холодным оцепенением. В течение нескольких дней раздумий, которые Джелкс принял за апатию, он уже решил, что попытаться продвинуться куда-либо дальше в отношениях с Моной Уилтон значило потерять все то, чего он уже достиг. Та его часть, которая подняла семь своих коронованных голов из царств несбалансированной силы, если цитировать любимую Джелксом каббалистику, тот старый змей Лефиафан, который есть в каждом из нас, был снова отброшен к месту страшного суда; та часть, которую Хью считал лучшей частью себя самого, взгромоздилась на крышку, и на некоторое время наступило затишье.

Когда он миновал возвышенность, закрывавшую ферму от дороги, и увидел свет камина, струящийся из ее незанавешенных окон, то испытал чувство тончайшего удовольствия, а одновременно с ним его охватило и то мучительное ощущение, которое обычно испытывает изголодавшийся человек, глядя на реалистичный рекламный плакат, изображающий жизнь в достатке. Машина заскользила вниз по пологому склону под своим собственным весом и он заехал в широкие двери сарая, не включая двигатель. Первокласный автомобиль двигался тихо, словно призрак, и не проскрипела ни одна из его пружин, не зазвенело ни одно из стекол. Свеженасыпанный гравий почти не хрустел, и Хью вернулся домой незамеченным.

От сарая он пошел напрямик через двор, намереваясь войти в дом через заднюю дверь. Проходя мимо кухонного окна, он заглянул внутрь и увидел там Билла, отдыхающего у огня, вместе с Глупышкой Лиззи, которая обхаживала его с таким видом, как будто бы он был Воплощением Прекрасного, которым он в своем чрезмерно расслабленном состоянии конечно же не был. Хью смутился. Разрушить такую идиллию было все равно, что разбить оконное стекло. Он развернулся, снова прошел через двор и зашел в часовню.

Поначалу темнота в ней казалась непроглядной, но поскольку сквозь западное окно все еще проникали последние лучи заката, глаза его постепенно привыкли к тусклому освещению. Великолепные ангелы на своих постаментах были скрыты во мраке, но темные очертания Древа в восточном конце часовни отчетливо выделялись на фоне высокой светлой стены.

Хью стоял и пристально смотрел на него, пытаясь представить его таким, каким он его знал, с десятью яркими фруктами, расположенными в виде трех симметричных треугольников и одним странным фруктом в самом низу под ними. Он слышал рассуждения Джелкса о символизме этого Древа, изображавшего, согласно древним раввинам, небо, землю и промежуточные миры между ними. Он медленно прошел вдоль широкого пространства нефа, поднялся по трем низким ступеням и почувствовал под своими ногами гладкий мозаичный пол святилища. Вокруг него, хотя и скрытое во мраке, располагалось грубое изображение Зодиакального круга, созданное неумелыми укладчиками мозаики, жившими во времена Амброзиуса. Ноги его ступали по тому же самому полу, который топтал своими сандалиями и умерший монах. Он гадал, как часто Амброзиус бывал здесь, один, в темноте, ища поддержки и силы, когда его опутали сети, и думал о том, каким же узким был его собственный путь к спасению от перспективы быть замурованным заживо в духовном смысле. Он пытался воссоздать в своем воображении кубический алтарь Тамплиеров, который, если верить их врагам, представлял собой мерзкий трон бога-козла, но согласно их собственным представлениям, был всего лишь символом Вселенной. Конечно, если кто-то представлял Вселенную в виде мерзкого трона бога-козла, что, как казалось, и было свойственно духовно продвинутым людям, то отношение Церкви к Амброзиусу было вполне оправданным. Если же, с другой стороны, кто-то видел алтарь во Вселенной, то Амброзиус был прав в своем отношении к церкви. Все зависело исключительно от точки зрения. Если верно то, что мы были рождены во грехе и беззаконии, то этот мир, несомненно, можно было считать прекрасным местом для того, чтобы покинуть его навсегда; но если, с другой стороны, наша материальная Вселенная была светящимся одеянием Вечности, как считали Гностики, то это меняло всё. Ему вспомнилось изречение Джелкса: «Я поклоняюсь Богу, проявленному в Природе, и к черту святош!».

Хью молил Бога, чтобы у него хватило смелости послать святош к черту и пойти своим собственным путем, как это сделал Амброзиус. Хотелось бы ему знать, как повел бы себя этот безжалостный мятежник, окажись он в нынешних обстоятельствах. В одном он был уверен полностью — для него не стало бы препятствием на пути к Моне Уилтон даже такое незначительное обстоятельство, как отсутствие расположения с ее стороны. Амброзиус представлялся ему человеком огромной силы воли, подчиняющим себе любого, кто вставал у него на пути. И пока он размышлял, представляя себе ход мыслей Амброзиуса, ему показалось, что некая дверь открылась в его собственном сознании и два разных разума соединились в один, и он снова *стал* Амброзиусом. Но в этот раз он это осознавал. Одно сознание не подавляло другое, и какое-то время они могли взаимодействовать друг с другом.

Но эта дверь закрылась также стремительно, как и распахнулась. Хью, задышавшись, обливаясь потом и слегка пошатываясь, пытался восстановить равновесие. Однако теперь ему стали ясны многие вещи, которых он не понимал раньше. Разрозненные обрывки воспоминаний мгновенно сложились в одну картину в его голове: падение на спину в верхней комнате музея, когда он потерял равновесие при переключении из одного режима сознания в другой — замечание миссис Макинтош: «Ваше лицо стало совершенно другим, когда вы зашли» - и другие. Интересно, думал он, а если бы здесь был кто-то еще, смог ли бы он заметить перемены, произошедшие с его лицом в эти несколько минут, и был почти уверен в том, что смог бы.

Однако он со всей ясностью осознал тот факт, что ему удалось «заполучить» Амброзиуса не посредством концентрации на его ментальном образе, как он пытался сделать в пыльной маленькой комнате гостиницы «Грин Мэн», а посредством медитации на то, что Амброзиус должен был бы чувствовать, думать или делать.

«И целый час он созерцал

Равнины людные под низким небом
Из окон башни той, которой
Была его же голова»*.

То, что прежде зашевелилось в Хью под его поверхностной апатией, с усмешкой перевернулось во сне на другой бок. Ключ был найден, если конечно у него хватит смелости им воспользоваться. Амброзиуса можно было вызвать к жизни, просто размышляя о нем определенным способом, заключающемся в самоидентификации с ним вместо того, чтобы просто разглядывать его изображение.

«Но кто посмотрит из-под капюшона Альфреда
Или сделает вдох за него?»**

Хью собирался во что бы то ни стало посмотреть на мир из-под капюшона Амброзиуса. Какие последствия это могло иметь для него, он не знал, но понимал, что они могли быть катастрофическими. Он даже мог бы на полном серьезе оказаться признанным сумасшедшим, если намеревался продолжать в том же духе. Но его это несколько не волновало. Он подозревал, что через капюшон Амброзиуса пролегал путь к Моне Уилтон и ему было абсолютно наплевать на все остальное. Священник-вероотступник уже начал проявлять себя через него.

Хью развернулся, вышел из часовни и бесшумно прошел вдоль южной стены монастыря по пропитанной росой траве. Когда он проходил мимо окна дома, то увидел, что Мона сидела у камина, с незаженной лампой позади нее, в глубокой задумчивости, уперев локти в колени и обхватив руками подбородок, и разглядывала языки пламени. Судя по морщинам на ее лбу и изгибу уголков губ, она была чем-то обеспокоена. Дверь оставалась открытой навстречу мягкой весенней ночи и он неслышно вошел в дом. Только после того, как он заговорил с ней, она заметила его присутствие и испуганно вскочила на ноги, уронив стоявшее позади нее кресло, и Хью кое-как успел поймать лампу, полагодарив небеса за то, что она не была зажжена.

- Я ужасно сожалею, - сказал он, - Я совершенно не хотел тебя напугать, но что я мог сделать, если ты не слышала, как я вошел?

- Это очень глупо с моей стороны, - ответила Мона. - Я не знаю, почему я так подскочила. Абсолютно не понимаю.

Но оба они прекрасно понимали, почему это произошло. Увидеть ястребиное лицо в черном капюшоне — вот что было для нее настоящим кошмаром.

- Как неловко вышло, - сказал Хью, плюхаясь в свое привычное кресло, в котором утопал до такой степени, что сидел практически на лопатках. - Присядь, Мона, нам стоит откровенно поговорить, иначе мы никогда не сможем существовать в стенах одного дома. Ты же не боишься меня, правда? Ни один человек на всём божьем свете не стал бы меня бояться. Ты боишься Амброзиуса, так ведь?

- И да, и нет, - ответила Мона. - Я рефлекторно подпрыгиваю при виде Амброзиуса, но на самом деле я не боюсь его.

- Должен заметить, что ты жутко его боялась, Мона.

- Да, возможно, ты прав; но как бы то ни было, я не собираюсь прогонять его. Ты же

понимаешь, Хью, что он должен проявиться. Это то, что я пыталась принять, пока ты отсутствовал. Он должен проявиться.

Хью был настолько обрадован тем, что она назвала его по имени, а не использовала, как обычно, формальное «мистер Пастон», что почти сразу же забыл об Амброзиусе, ибо ему было абсолютно все равно, проявится он или нет. Но Мона снова напомнила ему о нем.

- Мы должны принять Амброзиуса, Хью, мы оба.

- Хорошо, - ответил Хью, - Что там с ним?

Мона довольно долго молчала, глядя в огонь, и Хью сидел, наблюдая за ней. Он мог представить себе Амброзиуса, который точно также сидел у окна будки привратника в Аббатстве, выходящего на рыночную площадь, и, оставаясь никем не замеченным, наблюдал за женщинами, общества которых, будучи монахом, он был лишен.

Мона, кажется, совершенно забыла о присутствии Хью, и он рассматривал ее в затухающем свете камина, гадая, посмеет ли он подумать об Амброзиусе в этот момент, и, если он всё-таки решится на это, не испортит ли он этим всё шоу. В какой-то момент ему показалось, что своим физическим зрением он может видеть средники каменного арочного окна будки привратника, у которого он сидел.

Наконец, она заговорила снова.

- Хью, тебе никогда не приходило в голову выяснить, кто такой этот Амброзиус на самом деле?

- Ну, я принял как должное тот факт, что он был мертвым и потерянным монахом, бедным парнем, которого они приговорили к смерти под лестницей в здании через дорогу. И то, что я в какой-то мере обладаю медиумистическими способностями, хотя никогда раньше и не подозревал об этом, а значит, он смог бы говорить через меня, если бы ему дали хотя бы полшанса.

- Это одна из возможных вероятностей, - сказала Мона.

- А есть какая-то еще? Помимо того, что я просто спятил.

- Да, есть и другая. Когда-нибудь слышал о реинкарнации, Хью?

- Да, что-то слышал. Это про то, что мы жили и раньше, да? Ты думаешь, что я был знаком с Амброзиусом в прошлой жизни?

- Возможно, - ответила Мона уклончиво, удивляясь тому, как много она осмелилась сказать, не выпустив при этом на свободу пленников тюрьмы подсознания. Тишина снова повисла между ними.

Потом Хью внезапно воскликнул:

- Мона, ради всего святого, скажи мне, что ты на самом деле думаешь. Я совершенно не понимаю, где я и что со мной, и я сойду с ума по-настоящему, если не пойму этого в ближайшее время.

- Хорошо, - тихо ответила Мона, - Я скажу тебе. Конечно, я могу ошибаться, но лично мне кажется, что ты и есть Амброзиус.

- Что ты имеешь в виду? Ты хочешь сказать, что я просто представляю себя им?

- Нет, я хочу сказать, что ты им был в прошлом. Душа, которая теперь обитает в твоём теле, когда-то была Амброзиусом, а до него — кем-то ещё.

- Мона, я не понимаю. О чём ты?

По его тону она поняла, что Хью был очень взволнован, и надеялась, что сказанное не слишком его шокировало. Впрочем, отступить теперь было некуда.

- Ты слышал, что дядя Джелкс говорил о реинкарнации? - спросила она тихо, пытаясь передать ему часть своего собственного спокойствия.

- Да, я слышал, что он говорил, но я не уверен, что хорошо его понял. В его рассуждениях слишком много метафизики, как по мне. Ты хочешь сказать, что Амброзиус — это другая часть меня? Что-то вроде раздвоения личности?

- Нет, не совсем. Это подразумевает патологию — что что-то пошло не так. К Амброзиусу это не относится. По крайней мере, если мы будем правильно с ним взаимодействовать, до этого не дойдет. Он часть тебя, Хью, часть твоего бессознательного, которая пытается выйти наружу, а не что-то, что существует вне тебя.

- Хотелось бы, чтобы это было так, Мона. Мне кажется, что в Амброзиусе воплощено всё то, чем я хотел бы обладать, но не обладаю.

- Да, возможно, так и есть. Огромная часть тебя затерялась в тени, превратившись в Амброзиуса. Если мы выманем ее обратно, твоя целостность восстановится.

- Это самое разумное объяснение, которое мне доводилось слышать. У всех остальных начинается паника при одном лишь упоминании об Амброзиусе. Только у тебя хватает смелости разбираться с ним. Я чертовски благодарен тебе за это, Мона.

Она ничего не ответила, продолжая сидеть и смотреть в огонь, а он, наблюдая за ней, все больше убеждался в том, что путь к Моне пролегал через капюшон Амброзиуса, хотя каким образом или по какой причине, он не понимал.

Он первым нарушил молчание, которое грозило стать вечным, настолько далекой казалась Мона в этот момент.

- Ну, так и что дальше? Предположим, что я был Амброзиусом в прошлой жизни, но что мне нужно сделать с ним в этой?

Мона очнулась.

- Это как раз то, над чем я ломала голову, - сказала она. - Как я понимаю, единственное, что ты можешь сделать, это встретиться с ним лицом к лицу, а затем поглотить его. Только мне не совсем понятно, как именно это должно быть сделано.

- Зато мне понятно, - сказал Хью. - Чтобы стать им, мне нужно только представить, что я это

он, и почувствовать мир через него. Мне удавалось стать им ненадолго, правда, не знаю точно, на сколько, в последние два или три раза.

- Если ты сделаешь это, - сказала Мона, - То это Амброзиус поглотит тебя, а не ты его.

- Вряд ли бы я стал возражать, - ответил Хью, - Он явно во многом лучше, чем я. Разве ты была бы против, Мона, если бы это случилось? Если бы Амброзиус поглотил меня, мы бы перестали быть друзьями?

- Бог его знает, - ответила Мона. - Я без понятия. Тебе придется рискнуть.

Какое-то время Хью сидел молча. Наконец, он ответил:

- Мне кажется, что Амброзиус понравился бы тебе куда больше, чем я, Мона. Ты знаешь, как это ни странно, но именно с твоей помощью я каждый раз захожу в контакт с Амброзиусом. Он многого в жизни был лишен, как и я; и когда я сравниваю свои лишения с лишениями Амброзиуса, тогда это и происходит.

Мона не ответила.

Хью заговорил снова:

- Если ты готова к эксперименту, то и я тоже. Если вы вдвоем с дядей Джелксом сможете справиться с Амброзиусом, когда он появится, то я помогу ему здесь оказаться.

- Дядя Джелкс мало чем может помочь в этом деле, - ответила Мона тихо. - Мне самой придется справляться с Амброзиусом, Хью. Я единственный человек, который мог бы что-нибудь с ним сделать.

Хью молча посмотрел на нее.

- Да, ты права, - сказал он, наконец. - Если, конечно, это не слишком большая наглость — просить тебя о подобных вещах.

Тишина вновь повисла между ними. После долгой паузы, когда огонь начал оседать на пепелище и комната начала погружаться в темноту, Хью заговорил снова.

- Знаешь, что я сделаю, Мона, если все удастся, и я больше не буду ни половиной себя самого, как сейчас, ни абсолютным безумцем, как Амброзиус?

- И что же?

- Я попрошу тебя выйти за меня замуж. Но тебе не нужно беспокоиться об этом сейчас. Не нужно придумывать причины для отказа, ибо сейчас я еще не делаю тебе предложения. Но если у меня все наладится, то я приду и сделаю его.

- Какой вздор, - ответила Мона, - Если у тебя все наладится, ты не захочешь на мне жениться.

- Ну, это мы еще посмотрим, когда придет время. В любом случае, ты можешь рассчитывать на мою честность, что бы ты об этом ни думала.

Оба они этой ночью посвятили больше времени размышлениям, чем сну. Мона сказала ему

намного больше, чем планировала, и теперь очень беспокоилась о последствиях своих действий. Она как раз пыталась всё обдумать, когда вошел Хью, и будучи застигнутой врасплох, потеряла самообладание и выпалила всё, что было у нее на уме. Она не могла себя понять; в свои лучшие времена она была спокойной и сдержанной личностью, но сегодня, когда она ни в чем не была уверена и не успела прийти ни к какому заключению или решению, позволила себе столь опрометчивый поступок. После всего сказанного отступить было некуда. Хью поделился рядом идей, которые, если она правильно его поняла, намеревался реализовать в ближайшем будущем; любые внутренние колебания или неуверенность в обращении с ним могли привести к катастрофе, как если бы он был мощным автомобилем, едущим на высокой скорости. Только абсолютная уверенность в своих силах и железные нервы могли помочь Хью не разбиться на сложных поворотах.

Она не восприняла всерьез предложение Хью о женитьбе. Он совершенно не привлекал ее как мужчина, хотя очень ей нравился и она безмерно ему сочувствовала; но, как она сказала Джелксу, женщины вроде нее не выстраивали брак на подобном фундаменте. Моне была знакома реальная, обжигающая душу страсть, и она бы никогда не приняла простые колебания человеческих эмоций за великую любовь.

Конечно, она была достаточно взрослой и достаточно трезвомыслящей, чтобы рассматривать возможность брака исключительно ради обретения крыши над головой, но была абсолютно уверена в том, что Хью, вернувшись в свое нормальное состояние, тотчас же отправится обратно к котлам египетским***, как неоднократно повторял ей Джелкс. Они происходили из таких разных миров, она и Хью, что с таким же успехом он мог бы жениться на марсианке или готтенготке****, ибо ровно столько же общего было и между ними. Никто из его друзей не принял бы ее, а она бы вскоре возненавидела его образ жизни, судя, по крайней мере, по тому, что она слышала о нем от миссис Макинтош. Она не умела играть в бридж; не имела представления о том, как давать званый ужин или хотя бы как вести себя на таком мероприятии; а что же до уик-енда в загородном доме, то это было бы для нее смерти подобно. Она не умела ни одеваться, ни ходить, ни говорить так, как это делали женщины его круга, а ее чувство собственного достоинства было тем, что она ценила в себе больше всего; она не позволила бы себя критиковать ни дворецким, ни горничным, ни всем тем людям, которые знали о жизни джентри***** намного больше, чем те знали о себе сами.

Она уже достаточно повидала в жизни, чтобы знать, что такой мужчина, как Хью — мягкий, впечатлительный и сверхчувствительный, - будет цепляться за любую протянутую ему руку, когда он беде, но как только у него все наладится, пожмет эту руку с самыми теплыми благодарностями и исчезнет.

Мона спрашивала себя, как так вышло, что она, считавшая себя женщиной, которую невозможно было так уж легко впечатлить и которая, после пережитого ей горького опыта, боялась любых запутанных отношений больше, чем обжегшийся ребенок огня, позволила себе втянуться в столь сложные отношения с Хью? Она мысленно вернулась в тот момент, когда сидела одна у огня в сгущающихся сумерках, и вспомнила, что она совершенно не думала в тот момент об Амброзиусе или даже о самом Хью, но размышляла о том сне про Грецию, о котором рассказывал ей Хью, сне, в котором он следовал по залитому солнцем холму над морем за некоей женщиной с невероятно ровной осанкой, одетой в оленью шкуру. Мона, прочитавшая так много книг по современной психологии, сразу поняла, о чем именно бессознательное Хью пыталось сообщить ему в этом сновидении. Но она также помнила и о том, что точно такая же картина была ее самой любимой фантазией на протяжении всего ее детства и юности. Будучи ребенком, она представляла, как бежит по залитым солнцем камням рядом с другом, одетая в короткую спартанскую тунику наподобие той, что видела в своей книге греческих легенд. Когда она стала старше, фантазия обрела более романтические

очертания и прогулки за руку с товарищем уступили место преследованиям возлюбленного. Позже, когда Джелкс посвятил ее в древние Мистерии и рассказал о том, чему учили в Элевсине, она начала представлять себя менадой, влюбленной в дарителя экстаза Диониса и следующей по горам за прекраснейшим божеством в ритме неистового танца. Иногда Мона снимала свои туфли вместе с чулками и танцевала на мокрой от росы траве. Она, совершенно не умеющая танцевать современные классические танцы с африканскими мотивами, двигалась в своем собственном ритме и пела про себя в такт своим движениям, а временами, когда она была уверена в том, что вокруг нее не было никого больше, позволяла себе петь вслух. Никто никогда не видел ее такой, даже Джелкс, и она бы налетела, подобно менаде, на любого, кто посмел бы за ней шпионить. Знала она и о другом танце, танце жрицы Морской Богини, посредством которого могли быть призваны лунные силы, но она никогда не осмеливалась попробовать его исполнить.

Странно, что и Хью видел нечто подобное в своих снах. И все же этот факт не был необъяснимым. В этом случае не требовалось даже прибегать к помощи эзотерики. Хью учился в обычной государственной школе, специализировавшейся на изучении классических дисциплин, и сцены из жизни Древней Греции и Рима могли отпечататься в его подсознании во время обучения. Нет, ей все же не следовало принимать схожесть их фантазий за духовное родство или какую-то подобную чушь. Это определенно привело бы к неприятностям их обоих. Задача, которую им предстояло решить, была довольно непростой даже в том случае, когда к ее решению подходили без единой эмоции, и она становилась совсем невыполнимой, если в ее решение каким-то образом вмешивались чувства.

Вспоминая то, как Хью реагировал на происходящее в своем сновидении, а также лицо Амброзиуса, когда он проявился в верхней комнате музея, Мона осознала, что ей с высокой долей вероятности придется участвовать в некоторых достаточно радикальных экспериментах, пока они не смогут поставить Хью на ноги и отправить его туда, откуда он пришел. Размышляя о высказывании Фрейда о том, что исцеление обычно происходит через перенос, она столкнулась с проблемой необходимости стать на некоторое время любовницей Хью, но будучи современной женщиной, заключила, что если ей и придется это сделать, ей точно не станет от этого хуже. Благодаря развитию идей Мальтуса*****, неблагоприятные последствия были исключены, а об условностях Мона ничуть не заботилась, имея свои собственные представления о морали. Она не была привязана к плотским наслаждениям и никакие мимолетные влечения не могли бы разжечь ее чувств; она бы скорее положила шиллинг в газовый счетчик и засунула свою голову в газовую печь, нежели продалась бы за деньги, в какой бы большой нужде она ни находилась; но она легко бы отдалась кому-либо по любви, если бы сочла условия для этого подходящими; и, что было не менее странно, она могла бы отдаться другому из сострадания, если бы в этом была реальная необходимость; и не смотря на то, что она сама соглашалась с тем, что ее взгляды были далеки от традиционных и даже фактически сама это утверждала, она ни за что бы не признала бы себя аморальной особой. Ей казалось, что это определение куда больше подошло бы женщине, требующей доступа ко всем активам супруга и совершенно не знающей цены деньгам.

Такова была позиция Моны по данному вопросу и свою роль в отношениях с Хью она рассматривала исключительно через призму его исцеления.

Хью, в свою очередь, несколько часов простоял у низкого окна, засунув руки в карманы и уставившись на Луну, совершенно не осознавая течения времени. Поначалу голова его настолько шла кругом от всего произошедшего, что он мог только представлять себе разные образы и совсем не мог думать связно. Он видел в своем воображении греческий склон и знал, что женщина, которую он преследовал, вне всяких сомнений была Моной, и пытался понять, могло ли оказаться так, что он видел именно такую сцену в еще более раннем своем

воплощении. Он видел Амброзиуса, прогуливающегося вокруг монастыря еще в те времена, когда он только был построен, и себя самого, гуляющего вокруг него же сразу после реставрации. Он думал о той хитрости, которую открыл для себя в часовне, что для того чтобы стать Амброзиусом, нужно было посмотреть на мир его глазами.

Это воспоминание остановило полет его воображения и холод пробежал по его спине. Хватит ли ему смелости проверить этот трюк? И если все удастся, то что, черт возьми, произойдет в таком случае? Ему было безразлично, что случится с ним самим. Его беспокоило только то, что он мог сделать с Моной Уилтон — напугать ее до середины следующей недели и оскорбить до глубины души. В моральных качествах Амброзиуса он был не уверен. Он рассудил, что этот репрессированный монах, державший обет безбрачия, может натворить немало дел, если дать ему волю, и вне зависимости от того, были ли виноваты в том эксперименты с греческой магией в прошлом или неправильно устроенный брак в настоящем, последствия могли оказаться ужасающими. Хью боялся взять на себя ответственность за вызов Амброзиуса.

Наконец, он отправился в постель, невероятно взволнованный, истощенный и уставший от собственных мыслей, и всю ночь видел кошмарные сны о своей матери и том человеке, о котором теперь думал исключительно как о своей первой жене.

Утром Мона встретила с подавленным Хью за завтраком и была поражена тому, с какой бешеной скоростью менялись его настроения. Судя по его поведению, о вчерашнем разговоре можно было забыть. После завтрака он исчез и больше она его не видела.

Закончив со всей домашней работой, она взяла свою записную книжку и измерительную рейку, и занялась планированием сада, который намеревалась разбить во дворе старого фермерского дома. Также стоило сделать, думала она, и широкий травянистый бордюр, который будет идти от самой западной двери, через пастбище, до самого елового леса, и окаймлять единственную тропинку, которая туда вела и была ее излюбленным местом для прогулок в лучах закатного солнца. Не могло быть и речи о том, чтобы посадить величественные мальвы или царственные дельфиниумы на этой мелкой, каменистой, меловой почве, но здесь могли бы прижиться серые, ароматные цветы вроде морской лаванды или крестовника; козлятника и армерии; цветущего шалфея, алого и синего, и полыни с розмарином. Яркое весеннее солнце пекло так сильно, что Моне захотелось, вопреки ее обычным привычкам, надеть на голову шляпу.

Опасаясь, что у нее разболится голова, если она продолжит в том же духе, она зашла в часовню, чтобы просмотреть свои записи и сделать все необходимые расчеты. Она складывала, вычитала и самозабвенно делила ярды на футы, когда вдруг почувствовала, что была здесь не одна. Она с беспокойством огляделась по сторонам, ругая себя за то, что так сильно нервничала, и увидела Хью, неподвижно стоящего в самом центре примитивного Зодиакального круга на мозаичном полу святилища. Она не заметила его, когда вошла, ведь глаза ее были слишком сильно ослеплены наружным светом, чтобы различить хоть что-то в полумраке часовни. Она задумалась, как долго он уже здесь стоял и пришел ли он сюда сразу после завтрака, ибо выглядел он настолько собранным и неподвижным, что казалось, будто бы он стоял здесь уже целую вечность.

Она слегка обернулась, сидя на каменном выступе, и продолжила за ним наблюдать. Эта неподвижная, полностью поглощенная происходящим фигура производила очень странное впечатление. Она пыталась понять, был ли это Амброзиус или Хью, или оба они одновременно, и почему-то не могла этого определить, склоняясь в большей степени к последнему варианту.

Он стоял в центре большого Зодиакального круга, ноги его при этом располагались в центре чуть меньшей окружности, содержащей знаки четырех элементов — земли, воздуха, огня и воды. В тех частях, которые были образованы радиусами знаков, располагались небольшие выемки, в которые, как Моне было известно, могли быть помещены знаки семи планет в соответствии с тем, как менялось их расположение в небесных домах по мере вращения колеса небес. Хью стоял точно в центре символического изображения Вселенной, и Мона никогда бы раньше не смогла поверить в то, что какое-нибудь живое существо в мире может быть настолько одиноким.

Вся ее злость на Хью улетучилась. Он принадлежал к водному типу, находившемуся под управлением Луны и Водолея; это было вполне в его природе — наблюдать за колеблющимися образами на водной глади, порожденными лунным светом. Сама она была землей, родившись под знаком Девы, а Дева, кстати, была не только Вечной Девственницей, но также и символом Многогрудой Богини*****.

Она ощутила глубокое сострадание к этой одинокой душе, стоявшей здесь в тени восточной части святилища, куда не попадал никакой свет, ибо Амброзиус, по одному ему известным причинам, не сделал ни одного окна в этой части часовни. Она сидела в ожидании, наблюдая за происходящим и не переставая удивляться. Казалось, что Хью будет стоять здесь до скончания времен. В конце концов она, будучи не в силах больше выносить возрастающего напряжения, бесшумно прошла по боковому нефу в своих туфлях на джутовых подошвах и встала чуть позади и немного в стороне от него.

Спустя какое-то время он, как и она сама чуть раньше, начал подозревать, что он был здесь не один, и, оглянувшись, увидел ее рядом с собой. С минуту он просто смотрел на нее и на лице его было очень странное выражение; меланхоличное, обреченное, и в то же время не лишённое отблеска какого-то странного огня и фанатичности в глазах. У нее возникло странное ощущение, что сейчас из-под тяжелых век Хью на нее смотрела больше, чем одна пара глаз.

Они стояли и молча смотрели друг на друга. Слова были не нужны. Здесь царила тишина, которую не стоило разрушать. Потом Хью протянул к ней руку и она вложила в нее свою. От ее решимости по телу Хью пробежала нервная дрожь и, как заметила Мона, лицо его передернулось также, как и всегда, когда он был растроган. Затем он снова повернулся к Востоку и потянул ее за руку, чтобы она встала рядом с ним внутри круга Стихий, и они стояли здесь, лицом к алтарю, который находился в иных пространствах и который, если бы располагался в святилище, определенно оказался бы тронном бога-козла, взявшись за руки, как если бы были женаты.

Сердце Моны, казалось, готово было выскочить из груди. Она не могла предугадать, что произойдет дальше. Амброзиус был способен на всё. Потом панический ужас постепенно прошел и ему на смену пришла глубокая умиротворенность. Затем умиротворенность уступила место странному трепету возбуждения, как если бы в ее душе зазвучал величественный орган. Потом прошло и это, и она поняла, что они возвращаются к нормальному состоянию. Хью обернулся и снова посмотрел на нее, и в этот момент она ощутила всю трагедию этого мужчины, вне зависимости от того, был ли это Хью или Амброзиус. Она стояла, держа его за руку и глядя ему прямо в глаза, а он, не отрываясь, смотрел на нее, чего он, будучи нерешительным и застенчивым, никогда не позволял себе прежде, и она почувствовала, что все барьеры между ними были сломаны. Затем он отпустил ее руку и продолжил беспомощно стоять рядом с ней, как если бы в этот момент вся его решимость резко покинула его.

- Ну что, пойдём? - спросила она, легонько потянув его за рукав. Он кивнул и зашагал рядом с ней, пока они пересекали неф. Она почувствовала, что он положил руку ей на плечо, и, подняв глаза, увидела в проникающем через дверь свете Хью, который выглядел теперь очень уставшим, серым и постаревшим, и намного более сутулым, чем обычно.

- Всё происходящее разрывает меня на части, Мона, - сказал он тихо. - Одному Богу известно, чем всё это кончится.

Они сели на низкую скамью, стоявшую в углу, и согревались в лучах весеннего солнца после царившей в часовне прохлады; Хью вытянул свои длинные ноги, закинул руки за голову, откинулся назад и закрыл глаза. Мона смотрела на него с беспокойством. Выглядел он совершенно опустошённым.

Очевидным и разумным выходом из ситуации для Хью было бы прекращение любых дальнейших экспериментов с Амброзиусом. Однако Мона была глубоко убеждена в том, что Хью должен был использовать Амброзиуса для того, чтобы решить свои проблемы, если хотел, чтобы у него когда-нибудь все наладилось, и что если он сейчас повернет назад, то это станет возвращением к той убивающей его жизни, сети которой опутывали его, когда он впервые зашел в книжный магазин в Мэрилебоне.

В этот момент они услышали какие-то шаги на дороге и увидели мистера Уотни. Мона никогда еще в своей жизни не была так рада видеть кого-либо.

Хью собрал себя в кучу и постарался изобразить вежливость. Достал сигареты и отправился на поиски виски, оставив Мону наедине с адвокатом.

- Ну? - спросил мистер Уотни, когда они остались одни. - Как поживает наш друг?

- Я очень волнуюсь за него, - ответила Мона, - И я не думаю, что от врачей здесь будет хоть какая-то польза. Понимаете, поскольку он пережил столь сильный шок, они не смогут ему предложить ничего, кроме снотворного, так ведь?

- Он конечно выглядит ужасно, и с тех пор, как я был здесь последний раз, его состояние явно ухудшилось. Вы знаете что-нибудь о том, какой именно шок он пережил?

- Его жена погибла в автоаварии и оказалось, что в тот момент она была с совершенно другим мужчиной. Он не подозревал, что она ему изменяет, и всецело ей доверял.

- Как давно это было?

- Около двух месяцев назад.

- Тогда я не думаю, что причина проблемы заключается именно в этом, ибо он совершенно ее не любил.

- Почему вы так думаете?

- Потому что он со всей очевидностью совершенно безумно влюблен в вас.

Мона была слишком взволнована для того, чтобы выразить решительный протест, что было ее обычным ответом на обвинения подобного рода.

- Что заставило вас прийти к такому заключению? - спросила Мона со всей серьезностью, как если бы мистер Уотни обратил ее внимание на некий опасный симптом.

Он пристально посмотрел на нее поверх своих очков.

- А разве вы сами этого не замечали?

- Я замечала, но я не воспринимала этого всерьез, зная мужчин его типа.

- Тогда вы совершали ошибку. Для него это очень серьезно.

- Откуда вы знаете?

- Я наблюдал за ним в тот день, когда вы сказали, что у него нет намерения жениться. Это заявление было для него подобно нокаутирующему удару, если я не сильно ошибаюсь. Какими бы огромными ни были все остальные его проблемы, а именно эта вызвала столь сильное обострение сейчас.

- О боже, как это ужасно, - сказала Мона, - Я знаю, что ему хотелось бы пофлиртовать со мной, но я даже не думала, что все настолько серьезно. Что мне теперь делать? Думаете, мне стоит уехать?

- Неужели он вам безразличен?

- В этом смысле да. У нас ничего не выйдет.

- Почему нет?

- Мы принадлежим к разным мирам. У нас нет ничего общего. Мне никогда не ужиться с ним, ему никогда не ужиться со мной.

- Ну, я полагаю, вы лучше разбираетесь в ситуации, но мне очень жаль это слышать. Он хороший парень, и это стало бы для него настоящим спасением.

В этот момент Хью принес напитки, налив виски мистеру Уотни и протянув Моне коктейль, которому она была невероятно рада.

Разговор шел ни о чем. Хью пригласил мистера Уотни на ланч и поскольку предложение было принято, Мона побежала посмотреть, достаточно ли у них было еды для этого. Хью никогда не приходило в голову изучить этот вопрос до того, как начать раздавать приглашения.

В тот момент, когда она скрылась за углом, поведение Хью резко изменилось.

- Я хочу составить новое завещание, - сказал он быстро.

- Вот как? - спросил адвокат, гадая, чего ему захочется на этот раз. - Если вы дадите мне карандаш и бумагу, я набросаю основные пункты и отдам вам черновик на проверку.

Порывшись в карманах, Хью нашел один из подробнейших отчетов мистера Уотни и протянул ему листок. Мистер Уотни перевернул его, сменил очки и приготовился записывать

его распоряжения.

По одной восьмой части личного состояния Хью отходила его матери и каждой из трех его сестер. Оставшаяся часть должна была быть поделена поровну между Моной и Джелксом. Моне также должна была достаться Монашеская Ферма. Мистер Уотни охнул. Поскольку все бумаги уже прибыли к нему от его предшественников, он мог оценить размеры этого состояния.

- Это завещание наверняка будет оспорено, - сказал Хью. - Как мы можем защитить его?

- Завещать всё это мистериу Джелксу и мисс Уилтон только на время их жизни, с возвращением этих денег и недвижимости к детям ваших сестер при условии, что они не станут никому причинять неудобств. Дети любого, кто станет учинять какие-либо разборки, потеряют свою долю и она окажется поделенной между детьми тех наследников, которые не станут протестовать. В противном случае они начнут резать друг другу глотки. А это заставит их замолчать. Психология, опять же.

- Так можно поступить в отношении Джелкса. Он уже стар, как лист по осени. Вряд ли у него когда-либо будет семья. Но мне бы хотелось, чтобы мисс Уилтон получила свою долю в свое постоянное распоряжение на случай, если у нее вдруг появятся дети.

- Она собирается замуж?

- Мне кажется, у нее кто-то есть на примете.

- Я только что говорил с ней об этом и она заверила меня, что это не так.

- Правда? - спросил Хью, внезапно впав в задумчивость. — Она так сказала? Ну что же, не думаю, что это что-то изменит.

Судя по мрачному выражению его лица, он погрузился в тяжелые раздумья.

Потом Мона позвала их к столу. Каждый из них старался, как мог, но их совместный ланч все равно не выглядел веселым, а мистер Уотни даже заметил краем глаза, что Хью усиленно опустошал бутылку с виски.

*Вольный перевод отрывка из стихотворения Гилберта Кита Честерона «Баллада о белой лошади» (Ballad of the White Horse, G. K. Chestertone).

**Еще более вольный перевод строчек из того же стихотворения.

***отсылка к Библии. Ветхий Завет, Исход 16:3: «и сказали им сыны Израилевы: о, если бы мы умерли от руки Господней в земле Египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта! ибо вывели вы нас в эту пустыню, чтобы всё собрание это уморить голодом».

****Готтентоты — племя, проживающее на юге Африки.

*****Джентри - английское нетитулованное мелкопоместное дворянство, занимающее промежуточное положение между пэрами и йоменами. В отличие от йоменов, джентри не занимались земледелием (Википедия).

*****Имеется в виду Томас Мальтус, английский священник и ученый, благодаря развитию идей которого о том, что численность народонаселения нужно тщательно контролировать (ибо, как он считал, сокращение численности населения ведет к увеличению среднего дохода на душу населения), в обществе начали развиваться представления о контрацепции и необходимости абортов, хотя сам он и считал оба этих способа контроля совершенно негуманными.

*****Многогрудая Богиня — имеется в виду многогрудая Артемида Эфесская, богиня народов Малой Азии, считавшаяся богиней Земли и жизни, а также, по некоторым данным, покровительницей амазонок. Изначально была местным божеством, впоследствии отождествленным с греческой Артемидой. Ее многочисленные груди были символом плодородия.

Глава 22.

После ухода мистера Уотни Хью расположился у камина в маленькой гостиной, закулив огромную сигару, которую тот ему оставил. Когда в комнату вошла Мона, он тут же бросил сигару в огонь.

- Не могу сказать, что мне и правда нравятся сигары, - сказал он, - У тебя есть какие-нибудь папиросы, Мона? Мои закончились.

Мона достала желанные папиросы из бездонного переднего кармана своей кофты.

У Хью никогда не было папирос, также как не было и мелочи, чтобы купить их, поэтому он всегда просил их у Моны. На самом деле, в том, что касалось мелкой наличности, он был хроническим бедняком. Богачом он был только тогда, когда у него в руках была его чековая книжка — тогда он неизменно платил за каждую вещь в три раза больше, чем она стоила на самом деле, потому как ненавидел торговаться и не видел никакой ценности в деньгах. Это было то, что раздражало Мону в нем больше всего, и она всерьез подумывала о том, чтобы выйти за него замуж, чтобы насолить всем продавцам антикварной мебели сразу.

В этот раз Мона не села сразу во второе кресло, находившееся по другую сторону камина, как если бы они были неразлучными пожилыми супругами, а продолжила нервно ходить по комнате. Она хотела серьезно поговорить с Хью, но не знала, с чего начать. Хью не обращал на нее никакого внимания. На улице светило великолепное яркое солнце, но он плотно занавесил все окна в комнате и бросил еще больше дров в камин.

- Почему бы тебе не прогуляться? - спросила Мона. - Стыдно пропускать такой прекрасный солнечный день.

- Слишком сложно передвигаться, — ответил Хью, нервно пиная торчащее из камина бревно.

Мона, которая терпеть не могла поведения в духе избалованных детей, ушла и оставила его в одиночестве, надеясь, что после плотного ланча и такого количества выпитого виски, он, разомлев в тепле, уснет и проспит до самого вечера.

Она вернулась с прогулки, как только начало смеркаться, и Хью встретил ее сообщением о том, что ей звонили.

- Миссис Мэдден, - сказал он, - Она сказала, что ты помнишь ее как Люси Уитли. Вы вместе учились в школе. Она приехала в город на несколько дней и хочет провести уик-энд вместе с тобой. Я сказал ей, что ты приедешь.

- О нет, я не приеду, - ответила Мона, - Я не могу уехать отсюда сейчас.

- Почему нет?

- Амброзиус может объявиться. Я не брошу тебя бороться с ним в одиночку.

Хью не выразил ни благодарности, ни протеста, продолжив сидеть в молчании. Тишина длилась так долго, что когда он, наконец, заговорил, Мона не сразу поняла, о чем шла речь.

- Я не могу ждать, что ты будешь нянчиться со мной до бесконечности, - сказал он

Здравый смысл велел ей ответить пространно, но что-то такое, что не являлось ее здравомыслящей частью, вырвалось из глубин ее души и она сказала:

- Мы пройдем через это вместе, Хью.

И снова он не выразил никаких эмоций.

- Скажи мне, что ты делал в часовне этим утром? - спросила Мона.

- Пытался все уладить.

- Успешно?

- Нет, не слишком.

- Ты призвал Амброзиуса?

- Нет, даже не пытался. Сказать по правде, Мона, я немного побаиваюсь Амброзиуса. Понимаешь ли, мне кажется, что когда он придет, то возьмет силой все, что ему будет нужно, и я не уверен, что могу ему доверять в этом вопросе. Я не хотел бы давать ему возможности проявиться, пока в доме только мы вдвоем. Амброзиус не станет довольствоваться отказом, насколько я его знаю.

- Я уверена, что смогу справиться с Амброзиусом, - ответила Мона.

- А я уверен, что не сможешь, - сказал Хью.

- Я скажу тебе одну забавную вещь. Хью, ты знаешь, что вся эта история началась задолго до Амброзиуса?

- Что ты имеешь в виду?

- Помнишь тот свой сон о греческом склоне? Так вот, это было моей любимой фантазией, когда я была ребенком. Оленьи шкуры и все такое прочее.

К ее удивлению, это не вызвало у него ожидаемой реакции; она посмотрела на Хью и увидела, что он пребывал в странной неподвижности. Она молчала.

Наконец, он сказал:

- Ты знаешь, что поразило меня в тебе больше всего, когда я увидел тебя, будучи Амброзиусом?

- Нет.

- Что ты была суккубой, которая преследовала меня во снах на протяжении всей моей жизни.

Между ними снова повисла тишина, поскольку каждый из них пытался осмыслить сказанное другим. Мона прекрасно знала, что говорили о посещавших мужчин во снах демонах теологи прошлого и психологи современности. Она знала всё о теории возникновения сновидений и желаний, равно как была осведомлена и обо всех остальных психологических трюках. Она также слышала рассказы Джелкса о времени и пространстве в понимании современных философов. Существовала ли между ней и Хью некая духовная связь, созданная еще во времена их прошлой жизни в Древней Греции, или же она просто принадлежала к тому типу женщин, которые привлекали именно этого изголодавшегося до секса мужчины, зависело исключительно от того, считать ли время свойством сознания или всего лишь цифрами на часах.

Однако теперь становилось предельно ясно, что это именно она была решением проблемы Хью. Если бы она не захотела помочь ему в этом, то его проблема так и осталась бы нерешенной. И заглянув в глубины собственной души, она вынуждена была признать, что хотя Хью и не привлекал ее как мужчина, в Амброзиусе она находила какую-то странную притягательность.

Она всегда испытывала очень сильные чувства к Греции времен ее рассвета и имела твердую убежденность в том, что когда-то была посвященной в мистерии Матери Земли. Ее детская фантазия о быстром и свободном беге в короткой юбке с разрезами, из-за которых спартанские девушки снискали дурную славу обнажающих бедра у всей остальной Греции, уступила место, когда она стала старше, другой фантазии, в которой она была жрицей и посвященной, знающей самые глубокие тайны, а мальчишка, бывший ее товарищем в детских грезах, превратился в посвященного жреца Мистерий. Незадолго до того, как на сцену вышел Хью, она прочитала в одной из книг, взятой на распродаже у Джелкса, о причинах негативного отношения отцов ранней церкви и их обвинений в адрес языческих верований, которые они всеми силами стремились вытеснить. Она знала, что так называемые храмовые оргии были совсем не тем же самым, что и карнавал *Ми-Карем**, с которым их сравнивали, но были священными и жертвенными действиями, в которых не было места никаким человеческим чувствам.

В кульминационный момент Мистерий Матери-Земли гасли все огни храма и Верховный Жрец вместе с Верховной Жрицей спускались в темноту подземной часовни, где и совершали соединение, которое было не менее священным, нежели поедание Плоти и распитие Крови Христовой. Она знала, насколько сильную магическую связь создает акт

соединения между мужчиной и женщиной, независимо от того, любят ли они друг друга или ненавидят, или и вовсе используют друг друга с презренным безразличием. Если создать столь сильную связь могло даже простое потакание животному инстинкту, то какой же тогда должна была быть связь, созданная в результате столь священного действия в храме Элевсина?

- Знаешь, что я думаю, Хью? - спросила она, нарушив долгую тишину, повисшую в полумраке комнаты. - Я думаю, что перед нами открывается путь, который приведет нас к каким-то совершенно прекрасным вещам, если только нам хватит смелости пройти по нему. Я ступлю на него, если это сделаешь ты, но помни, что как только мы это сделаем, обратной дороги уже не будет.

- Это то, о чем я и сам начал подозревать, - ответил Хью. - Я пытался вернуть все обратно этим утром, когда испугался из-за тебя и Амброзиуса, и понял, что это все равно, что пытаться плыть против течения. Не стоит даже думать о том, что это можно будет сделать, пройдя больше половины пути. Придется дойти до конца. Но понимаешь, Мона, меня пугает мысль о том, что Амброзиус может сделать с тобой, когда проявится, ибо я не имею совершенно никакой власти над ним.

- Мне придется самой разобраться с Амброзиусом и договориться с ним, - ответила Мона. - Другого пути нет.

- Не завидую я тебе, - сказал Хью, - И как бы мне хотелось знать, что ты мне скажешь, когда я снова стану собой после вашей беседы. Честно говоря, мне кажется, что Амброзиус легко мог бы придушить тебя.

- Меня это не волнует. Зато волнует кое-что другое.

- Что же, Мона? - лицо Хью начало странным образом меняться, пока он сидел в своем кресле, пристально глядя на нее. У нее даже возникло стойкое ощущение, что появление Амброзиуса было не за горами. Однако начать этот разговор было нелегко и она пыталась найти подходящие для этого слова.

- Меня беспокоишь ты, потому что мне кажется, что тебя что-то гложет. Может быть, расскажешь, в чем дело?

Хью беспокойно заерзал в кресле и отвернулся.

- Так вот почему ты не хочешь поехать к своей приятельнице на выходные?

- Да.

- Ты с таким же успехом могла бы это сделать. Я должен научиться ходить самостоятельно.

- Нет, не должен. Ты не сможешь ходить без моей поддержки, Хью. Во всяком случае, пока. Неужели ты этого не понимаешь?

- Да, я прекрасно это понимаю, но я решил, что должен попробовать. Я не такой дурак, чтобы не понимать, как ты ко мне относишься. Ты очень добра ко мне, но если я переступлю

установленные тобой границы, то ты вышвырнешь меня также, как вышвырнула бы из рук горящие угли. Я могу пользоваться твоей добротой и твоим обществом только до тех пор, пока не переступлю этих границ; но если я вдруг забудусь, то снова останусь один. И я принимаю это, Мона. Это все, на что я мог надеяться, и больше, чем я мог ожидать, и я думаю, что мне стоило бы считать себя счастливым и быть чертовски благодарным за то, что мне было дано так много.

Он внезапно поднял глаза и посмотрел на нее.

- Странно, не правда ли, как все повторяется в жизни? На таких же точно условиях я жил и со своей женой. Наверное, это потому, что у меня духовный диабет — я могу выжить, только если буду придерживаться голодной диеты.

Мона положила руку ему на колено.

- Ты знаешь, что существует связь, которая привязывает меня к тебе также, как и тебя ко мне?

- Да, я знаю, что она есть. И я видел, насколько тебя это напрягает.

- Так было сначала, но теперь у меня совсем другие чувства на этот счет.

- Полагаю, ты не хочешь выйти за меня замуж, Мона?

- Не сейчас, когда всё обстоит именно таким образом. Это будет не честно.

- Ну, в этом нет твоей вины.

- Нет, я вовсе не это имела в виду. Я хотела сказать, что не хочу использовать тебя, когда ты даже не являешься собой в полной мере. Если бы ты не нравился мне по-настоящему, Хью, я бы так и сделала; конечно, эта возможность — большое искушение для любого, кто находится в таком же положении, как я, но я этого не сделаю. Ты слишком хороший человек, чтобы поступать так с тобой. Если я вообще выйду за тебя замуж, то выйду по-человечески, потому что мне действительно этого хочется.

Хью накрыл ее руку, лежавшую у него на коленях, своей рукой.

- Поэтому я скорее приму твой отказ, чем согласие кого-нибудь другого, - сказал он, и они продолжили молча сидеть у огня, держась за руки.

Наконец Хью заговорил.

- Единственный человек из всех моих знакомых, для кого мои деньги действительно ничего не значат, это старый Джелкс.

- Они и для меня ничего не значат, - ответила Мона раздраженно и попыталась убрать свою руку, однако Хью не позволил ей этого сделать.

- О, имеют и еще какое. Ты немеешь, словно напуганная лошадь, когда тебе приходится с ними сталкиваться. Люди, которых я встречал в своей жизни, делятся всего на две категории — первые хотят во что бы то ни стало заполучить мою серебряную ложку себе в рот и высовывают язык, когда я оказываюсь рядом с ними; другие думают, что я могу решить, будто бы им есть какое-то дело до моей серебряной ложки и убирают подальше свои языки, когда я подхожу к ним близко. Возможно, они совершенно нормальны, но всё это несколько мучительно для меня. Невозможно построить по-настоящему близкие отношения с кем-либо, когда у тебя так много денег, и каждый человек вызывает у тебя столько же подозрений, сколько электрический заяц на собачьих бегах. Сдается мне, что это обратная сторона богатства. Единственные деньги, которые я когда-либо сам заработал в своей жизни, были те 6 пенсов, которые я получил, продав несколько испорченных книг из двухпенсовой корзины старого Джелкса — и будь оно все проклято, если я забыл отдать их старику и присвоил их себе. Если бы мне пришлось полагаться только на свои собственные умения, моим уделом была бы работа живой рекламой. Я ни копейки не заработал самостоятельно. И не думаю, что я мог бы сохранить эти деньги, если бы они не контролировались так сильно и я не получал их все в свое полное распоряжение только после женитьбы. Я никогда не использовал их во благо и они никогда не приносили мне ничего хорошего.

- Ты не пробовал заняться благотворительностью?

- Боже, конечно, я тратил на это тысячи. Моя мать отлично разбирается в том, куда лучше жертвовать средства. Лучше в социальном смысле, я имею в виду. Правда, она хочет, чтобы я немного ужался в расходах и купил себе титул пэра**. Но я скорее раздам все свои деньги партийным фондам, чем начну экономить. В этом деле важно правильно рассчитать время, чтобы получить хоть какую-то выгоду. Не стоит вкладываться в партии, которые исчезнут со сцены в ближайшие пять лет.

- Значит, у тебя нет никаких политических убеждений?

- Ни у кого нет никаких политических убеждений, дорогая моя девочка, кроме авторов передовых статей, но и те меняют свои взгляды, когда уходят работать в другие газеты. Есть только два вида партий, те, что поддерживают правительство и те, что поддерживают оппозицию, и очень важно вкладываться в те, которые поддерживают действующую власть. Но и это еще не все. Пожертвование само по себе не дает тебе шанса на получение титула. Лучший способ получить его — это подписать чек таким образом, чтобы в нем значился желаемый титул, и тогда они вынуждены будут повысить тебя до звания пэра, только чтобы суметь обналичить деньги. Нет, Мона, благотворительность это полная ерунда. Большая благотворительность это большой бизнес по торговле бедностью. И вообще, благотворительность в наше время нездорова. Кладовщик сиротского приюта приходит ко мне и говорит: «Мистер Пастон, в вашей фирме работает более двух тысяч клерков и кладовщиков, не поделитесь ли вы с нами чем-нибудь?». Я даю им чек с четырьмя цифрами и все начинают говорить о том, какой я хороший. Но будь оно все проклято, если после того как мы дали им столь приличную сумму, они потратят ее на обеспечение своих вдов и сирот. Успокоительное для неудачников, чтобы они не мешались у нас под ногами — вот что такое благотворительность, Мона. Сначала мы создаем все условия для того, чтобы сбросить их вниз, а потом кидаем им спасательный круг, чтобы их трупы не попали в водопровод.

- Похоже, ты не очень-то веришь в человеческую природу.

- Не верю. Не тогда, когда люди не могут справиться с искушением, оказываясь рядом со мной. Ты, Джелкс и миссис Макинтош единственные, кто были со мной честны. И никому из вас я при этом не был нужен как человек. Вы все считаете меня идиотом и мне начинает казаться, что вы правы.

Мона не знала, что сказать, ибо это было в точности тем, что все они думали о нем.

- Мона, ты никогда не думала о том, что мужчина не сможет вылезти из ползунков до тех пор, пока не перестанет благодарить женщину за ее доброту?

- Но ты только что говорил о своей благодарности.

- О, да будь оно все проклято, это все равно, что наступать на большую мозоль. Ты наступаешь на нее просто потому, что думаешь, будто бы она болит из чистого упрямства.

Мона встала. Разговор по душам, который она завела с Хью, явно не задался. Он раздражался сам и раздражал этим ее. Если брак с ним был чем-то подобным, то она определенно не хотела бы его заключать. Лучше уж она будет выживать самостоятельно и сохранит свою свободу.

- Боюсь, я повел себя, как скотина, Мона.

- Боюсь, что да.

- Я хочу, чтобы ты меня поцеловала.

- Почему, ради всего святого, я должна целовать тебя после того, как ты вел себя весь сегодняшний день?

- Если бы здесь был Амброзиус, он бы не стал выпрашивать поцелуй, а взял бы его силой. Ей-богу, почему бы мне не попросить Амброзиуса поцеловать тебя для меня? Это было бы довольно забавно.

- Если ты так поступишь, я тебя никогда не прощу.

Хью прислонился спиной к двери, пристально глядя на нее, и Мона заметила, что лицо его начало меняться. Но все закончилось, едва начавшись.

- Прости, это было подло. Прости, Мона.

Он открыл дверь, чтобы она могла выйти.

Она вышла, посмотрела на него снизу вверх, протянула ему руку и сказала:

- Мир?

Он крепко сжал ее руку.

- Спасибо. Это очень мило с твоей стороны, Мона.

*Mi-Carême — середина великого поста, которая со времен средневековья и до 1950х годов широко отмечалась в Париже в виде карнавальных шествий с переодеваниями и всеобщим разгулом. Точное происхождение праздника не известно, но с ним людям было проще пережить долгий период всяческих воздержаний.

**Пэр — титул высшего дворянства

Глава 23.

Хью так поздно спустился к завтраку на следующее утро, что есть ему пришлось в одиночестве, хотя он это и ненавидел.

Он слышал голос Моны, которая, судя по всему, пребывала в отличном расположении духа, разговаривавшей с Глупышкой Лиззи в задней части дома. Также временами слышны были реплики Билла Паско. Не то, чтобы там назревал какой-то скандал, но решалось что-то действительно важное. Постепенно до него дошло, что попытки призвать Пана, которые они здесь предпринимали, не были безрезультатными, и теперь Мона пыталась убедить Глупышку Лиззи в том, что она обязана позволить Биллу Паско восстановить ее статус порядочной женщины, что, к своей чести, он вполне готов был сделать. Однако Лиззи, по-видимому, считала, что раз уж она впала в грех, то ее священным долгом было на этом и остановиться, и что теперь ничто в ее жизни уже не может быть таким, как прежде. Хью был безмерно удивлен тем, как Мона отнеслась к этому факту, ведь в сущности она отнеслась к этому так, как относились к этому все светские люди. Распутник Билл и она находились абсолютно на одной волне и, казалось, прекрасно понимали друг друга и оказывали друг другу самую теплую поддержку. С другой стороны, отношение Лиззи к произошедшему было строго традиционным и она все больше хлюпала носом и жалела себя, пытаясь таким образом загладить свои ошибки. А еще она очень боялась матери Билла.

Хью вовсе не был уверен в том, что Мона была справедлива в своих решениях, разве что в этом не было большой необходимости; Лиззи была совершенно не подходящей для продолжения рода женой — но ведь и Билл был не самым нормальным супругом, так что, возможно, им стоило сойтись и нейтрализовать друг друга, чтобы они не делали несчастными других людей. Наконец, рыдания Лиззи начали утихать и шуточный бас Билла стал слышен лучше, так что Мона оставила счастливую парочку наедине и вышла на улицу, присоединившись к Хью, который стоял на солнце, прислонившись спиной к дверному косяку, и курил сигарету. Вместе они медленным шагом прошли до лавочки на углу стены. Хью угостил Мону сигаретой и зажег ее для нее.

- Ты взяла на себя серьезную ответственность, Мона. Билл и Лиззи нарожают хвостатых детей, если семейное сходство и правда что-то значит.

- Мне кажется, они оба получили лучшее, на что могли рассчитывать, разве нет? - спросила Мона. - Было бы ужасно, если бы они сошлись с кем-нибудь добропорядочным.

- Мона, можно ли считать это результатом инвокации Пана, которую я провел вчера в часовне?

- Я думаю, да.

- Если это оказало столь сильное влияние на Глупышку Лиззи и Билла, то что же тогда будет с нами?

Мона не ответила.

- Я знаю, что у нас, в отличие от них, с головами все в порядке, - продолжил Хью, - Но это нужно иметь в виду.

Мона поскребла ногой гравий.

- К чему ты ведешь, Хью?

- А вот к чему я веду, Мона. Я думаю, что если Пан проявится в полную силу, то разрушит все мои ограничения и запреты, и я приду в норму после этого.

- Как он должен проявиться, по твоему мнению?

- Как всплеск эмоций. Надеюсь, ты понимаешь, что ты очень сильно рискуешь, оставаясь со мной на ферме, пока я пытаюсь расшевелить Пана?

- Я смогу о себе позаботиться.

- Я поступил бы правильно, если бы отправил тебя домой к мамочке; но жизнь так упоительна, Мона, что боюсь, я не стану этого делать.

Она не ответила.

Хью заговорил снова.

- Ты помнишь ту эффектную выходку Дез Эссента — в романе «Наоборот» Гюйсманса? Званный обед, на котором все были в черном, устроенный им, когда он пожелал почувствовать себя особенно безнравственным — или пожелал, чтобы его приятели решили, что он чувствует себя именно так? И его спальню, которую он обтянул бежевым струящимся шелком, так что она стала похожей на камеру с каменными стенами и протекающей крышей? Так вот, как на счет того, чтобы повторить это? Тебе не кажется, что нам стоит вернуться к работе?

Мона вспыхнула от внезапного напоминания о деловых отношениях, о которых она напрочь забыла, как будто бы их и вовсе никогда не существовало.

- Да, конечно, - сказала она. - Скажи, с чего мне начать.

- Ну, я даже и не знаю. Лучше мне спросить твоего дядюшку Джелкса. Он же у нас эксперт. Придется мне самостоятельно разбираться в том, что делать дальше. Мне кажется, что все прояснится, когда мы начнем куда-нибудь двигаться. Но есть одна вещь, создание которой я хотел бы тебе доверить, чтобы поскорее начать что-нибудь делать, и это монашеская роба вроде той, в которую был одет Амброзиус на том изображении в псалтыре.

Мона подняла на него полные удивления глаза.

- Что ты задумал? - с тревогой спросила она.

Он взял ее руки в свои.

- Мона, я всерьез собираюсь воскресить Амброзиуса. Не нужно так бояться. Это абсолютно безопасно; ибо тогда мы узнаем, где он сейчас и кто он такой. Ты поможешь мне с монашеской робой, а потом уедешь в Лондон и погуляешь по магазинам, а к тому времени, как ты вернешься, я уже заставлю Амброзиуса уйти или хотя бы разберусь в ситуации. Ты сможешь достать все материалы для монашеского облачения в пригороде или тебе нужно будет съездить за ними в Лондон?

- Полагаю, мы можем найти их и в деревне. Это довольно развитое местечко.

- Что ж, хорошо. Собирайся, я отвезу тебя в городок, и мы вместе найдем все необходимое и сделаем из этого то, что нам нужно. Потом ты можешь уехать и оставить меня разбираться со всем остальным самостоятельно.

Он отвез Мону в небольшое поселение и, ожидая ее в припаркованной у рынка машине, наблюдал за тем, как она заходит поочередно к драпировщицу, шорнику и обувному мастеру. Вид ее удаляющейся спины, когда она пробиралась сквозь плотную рыночную толпу, снова вызвал к жизни его видение, и нечто внутри него зашевелилось, словно торопящийся на свет ребенок. На несколько секунд он увидел перед собой лицо Моны в зеленом шлеме — лицо суккубы — и шумный рынок вдруг начал казаться ему странным и нереальным. Лишь звон большого колокола Аббатства вернул ему чувство реальности и самоконтроля, и он понял, что на короткий миг Амброзиус проявился снова, и что это именно он смотрел на современный рынок, казавшийся ему странным и фантастичным, и что только знакомый звук большого колокола вернул его обратно.

Драпировщик, у которого Мона купила шесть ярдов грубой черной саржи, используемой жителями города только во время траура, гадал, кого же могла потерять эта юная леди. Шорник, у которого она приобрела длинный хлопчатобумажный шнур, который использовался в основном для управления животными на цирковых представлениях, недоумевал, где же она могла выступать. Обувной мастер, у которого она купила пару сандалий наподобие тех, что носили приговоренные к пожизненному заключению, подумал, что для женщины ее роста у нее, должно быть, невероятно огромные ноги.

Весь оставшийся день Мона провела в своей спальне, превращая грубую черную саржу в одеяние с капюшоном. Где и как провел день Хью, ей было неизвестно, но она заметила, что к ужину он пришел порядком измотанным.

- Я хочу, чтобы ты ее примерил, - сказала внезапно Мона, когда они закончили пить чай.

- Хорошо, - ответил Хью и последовал за ней наверх, когда она пошла принести свою работу.

Он вошел вместе с ней прямо в ее комнату, чего она никак не ожидала, учитывая, что происходила из такой среды, где никто не смел заходить друг к другу в спальню. Он, однако, не видел в этом ничего странного, и ей было проще принять ситуацию такой, какой она была, нежели придать ей важности, которой она не обладала, пытаясь выставить его вон.

Он натянул на себя тяжелое одеяние через голову, как футболку, и завязал на талии белый шнур, а Мона опустилась перед ним на колени, чтобы отрегулировать длину подола. Он посмотрел вверх ее головы на свое отражение в висевшем на шкафу зеркале.

У него возникло очень странное ощущение, когда он увидел себя в длинном черном одеянии

с белым поясом и свободным капюшоном сзади. Подняв руки, он накинул капюшон на голову и стал изучать, какой эффект это произвело на его едва различимое в тени лицо. В этом одеянии он чувствовал себя невероятно естественно. Никогда в жизни ему не было настолько комфортно ни в одной другой одежде. Теперь он понимал, почему Джелкс, однажды привыкнув в своему халату, больше никогда его не снимал. Всю его жизнь, в любое время года он корил себя за то, что выбирает себе ужасную одежду, ужасно ее носит, плохо себя подает и вообще выглядит по жизни убого. Но все эти мысли, казалось, улетучились в тот момент, когда он надел на себя монашескую робу. Длинные свободные складки его одеяния придавали ему с его запредельным ростом невероятно благородный вид. Его сутулость казалась совершенно естественной для священника. В тени капюшона его острое лицо со впалыми щеками казалось лицом утонченного аскета. Он был совершенно другим человеком.

И вместе с этой переменной пришло чувство некоего подъема; уверенности в себе и своеволия, которых он не замечал в себе прежде. Он опустил взгляд на Мону, все еще стоявшую на коленях перед ним, и, влекомый каким-то внезапным озорством, положил ладони ей на голову.

- Рах vobiscum*, дочь моя, - произнес он.

Мона испуганно посмотрела на него.

- Все в порядке, все хорошо, - сказал он, поглаживая ее по голове, поняв, что и в самом деле перепугал ее. - Я не Амброзиус. Я только хотел подшутить над тобой.

Но она продолжила сидеть у его ног, сжимая в руках складку его одеяния.

Он наклонился к ней и положил руку на ее плечо.

- В чем дело, Мона? Мне ужасно жаль, что я напугал тебя. Я просто пошутил. Я не Амброзиус, ты же видишь, я Хью.

- Ты не тот Хью, которого я знала, - ответила Мона.

Он присел на край ее кровати и притянул ее к себе, так что она оказалась у его коленей снова. Она зачарованно смотрела ему в глаза, не обращая никакого внимания на свое положение.

- Что ты имеешь в виду, Мона?

- Ты излучал невероятную силу. Я не знаю, что это может значить.

Хью осознал, что в этот момент Мона была полностью подчинена его воле и он мог сделать с ней все, что угодно. Это вызвало в нем невероятный прилив возбуждения и дало ему почувствовать себя свободным и могущественным. Он понял, что должен что-то сказать, что-то такое, что позволило бы ему укрепить свои новые позиции и превратить их в неприступную крепость.

- Это проявилось мое высшее я, - произнес он тихо.

- Я знаю.

- Это тот самый Амброзиус, который не принял бы отказа.

- Это тот самый Амброзиус, который не получил бы отказа! - и Мона внезапно улыбнулась ему так, как никогда не улыбалась прежде.

Хью сидел неподвижно, не смея разрушить чары; он спрашивал себя, как долго продлится их действие, прежде чем они растворятся в свете обыденного дня.

- Знаешь, что я собираюсь делать, когда мое одеяние будет готово? - спросил он после некоторой паузы. - Я пойду в часовню и попытаюсь в точности воссоздать всю эту историю.

- Разве ты не возьмешь меня с собой? - спросила Мона.

- Не возьму, - ответил Хью, - Я не собираюсь рисковать, оставляя тебя с Амброзиусом. На твоём месте я бы покрепче запер дверь.

- Но Хью, так ты не решишь проблему с Амброзиусом. Это началось куда раньше него. Это началось в Греции — на холме. И я хочу быть там. Я уверена, что я должна там быть. Я тоже часть этой истории.

- Ты не часть жизни Амброзиуса, Мона. Для него ты была просто ночным кошмаром.

- Это и было его проблемой, Хью. Это стало причиной всего того, что с ним произошло. Это произошло, потому что меня не было там, когда все пошло наперекосяк. И все снова пойдет наперекосяк, если меня не будет там и в этот раз тоже.

Хью запустил руки в ее темные волосы, которые, как только к ней вернулось здоровье и она начала есть здоровую еду, вновь стали шелковистыми.

- Никаких человеческих жертвоприношений в стенах этого храма не будет. Я справлюсь с Амброзиусом самостоятельно, и тогда, если что-то вдруг пойдет не так, последствия будут минимальными.

Мона схватила его за запястье и с отчаянием посмотрела на него.

- О, Хью, как я хочу, чтобы ты позволил мне пойти туда вместе с тобой. Я уверена, что все пойдет не так, если меня там не будет.

- Нет, малышка Мона. Я знаю Амброзиуса лучше, чем ты, и ты останешься здесь.

- Хью, если я не смогу быть там в роли громоотвода, то происходящее будет для тебя подобно удару молнии. Я это точно знаю. Сейчас я ощутила это очень отчетливо. Если я не буду держать тебя за руку, когда это случится, то ты тут же превратишься в Амброзиуса.

Хью наклонился и взял ее за плечи.

- Мона, это как раз то, что я должен сделать. Сначала я должен сам стать Амброзиусом, а потом заставить Амброзиуса снова стать мной. Но тебе не о чем беспокоиться, эти два режима сознания уже практически неразличимы и я не потеряюсь в прошлом, если это то, чего ты боишься. Мы с Амброзиусом все больше сливаемся после каждого его появления. Еще совсем немного, и мы станем одним целым, и тогда эта работа будет завершена.

Мона, наблюдая за тем, как в тени капюшона его лицо приобрело ястребиные черты,

инстинктивно поняла, что его сознание сейчас было сознанием человека, который, как Амброзиус, привык к тому, чтобы ему подчинялись и командовал монастырем размером с небольшой город, а не сознанием Хью Пастона, которого изводила женская половина его семейства.

Все последующие дни Мона занималась обустройством сада. Происходящее вызывало в ней сильное напряжение и это на ней сказывалось. Одно дело жить рядом с Хью вместе с Джелксом; и совсем другое — проводить день за днем в одиночестве, зная, что он всё время экспериментирует и что встреча с Амброзиусом неуклонно приближается. Она твердо решила не беспокоить Джелкса из опасения, что его скромный бизнес может рухнуть, если он не будет им заниматься, и тогда он останется совсем без средств к существованию.

Она упрямо создавала травянистый бордюр, уходивший далеко в поле. Земля, добровольно вскопанная Биллом, не имевшим совершенно никакого опыта в садоводстве, выглядела так, как если бы это место пережило артиллерийский обстрел. Она высаживала друг за другом серые, душистые растения, и резкий сладковатый аромат, излучаемый их листьями, когда она прикасалась к ним, витал в воздухе на протяжении всего времени ее работы. Она была полностью поглощена этим занятием, чувствуя, что через связь, которую она устанавливала таким образом с недавно проснувшейся землей, она получала заряд силы и спокойствия. Великая Мать-Земля отвечала, ощущая, что о ней заботятся и ей служат, и огромная сила исходила от нее.

На влажную, согретую солнцем почву внезапно упала тень, и, подняв голову, Мона обнаружила стоявшего над ней Хью Пастона.

- Куда ты дела мое черное одеяние, Мона?

- Оно висит на перилах.

- Спасибо.

Мона поняла, что момент, которого она так сильно боялась, становился все ближе. Она наблюдала за тем, как Хью, ни разу не обернувшись, чего обычно не случалось, когда он покидал ее, шел в сторону дома; не способная больше отвлекать себя садоводством, она села на кучу дерна и дрожащими пальцами закурила сигарету.

Ее ничуть не беспокоило то, чем это дело обернется для нее самой; ей было нечего или почти нечего терять; она беспокоилась только за Хью. Сможет ли он выдержать напряжение от того, что им предстояло сделать, или они просто толкали его к нервному срыву? И были ли они, в конце концов, на правильном пути? Оккультная философия слишком шаткая вещь, и она не дает ничего, за что можно было бы ухватиться, когда дело доходит до практической реализации. Не была ли она, в конце концов, просто интеллектуальными шахматами, не имеющими никакого отношения к жизни, наподобие домислов школяров, споривших о том, как много ангелов могут поместиться на острие швейной иглы?

Насколько она могла судить, Пан, если как следует его растормошить, начнет действовать. И тогда истинная природа Хью вырвется на поверхность и больше никогда не сможет быть подавлена. Но тогда возникало несколько проблем. Хватит ли внутреннему Пану Хью сил для того, чтобы пробиться сквозь все его внутренние ограничения? И если да, выдержит ли личность Хью это напряжение или же расколется на части? А если предположить, что две части личности Хью гармонично соединятся и его целостность будет восстановлена, то что

тогда получившийся в результате этого процесса человек скажет ей? Вернется ли он, когда придет в норму, к той жизни, которая была ему привычна, о чем постоянно твердил ей Джелкс? В конце концов, жизнь с ней на ферме была полным абсурдом для Хью с его положением в обществе и возможностями. Для него в его нормальном состоянии она была совершенно неподходящей парой. Нормальный Хью мог сильно отличаться от того Хью Пастона, которого она знала и который ей нравился. Мона боялась жителей Мейфейра и не доверяла им, много раз наблюдая за их привычками и делами с позиции наемного работника. Старые школьные галстуки казались ей невероятно вонючими после нескольких неудачных попыток взаимодействия с их обладателями. Недоверие Моны пустило корни уже слишком глубоко. По ее мнению, жители Мейфейра годились только на то, чтобы использовать их в своих целях, не попадаясь при этом им в лапы.

Сидя на солнце, она докурила свою сигарету до самого конца и успела обжечь губы перед тем, как выбросить ее прочь. Она была смелым человеком и могла бы бесстрашно оседлать любые штормовые волны, что ждали ее впереди, будь у нее хоть что-то наподобие карты или компаса. Но нигде не было ни одного маяка, который помог бы ей не сбиться с курса, и это сильно ее беспокоило. Ей было известно лишь общее направление движения, но она совершенно не представляла себе, где могли быть отмели и стоило проявить осторожность.

Но оставались еще звезды, которые были не самым худшим ориентиром. Она осознала, что и вправду представляет себе это море, которое было лишь метафорой, бурлящее в темноте море цвета индиго, испещренное белой пеной там, где волны его разбивались о невидимые ей камни. Над ее головой в ночном небе сияли звезды. Солнце село, и Мона осталась один на один со своим видением. Она явственно ощутила, как лодка ее души несла по этим волнам ее саму и другого, неуклонно следующего за ней человека; потом она развернула ее и это сыграло ей на руку при следующей же резкой смене ветра. Приближалась ночь, ветер был свеж, а она думала о Мастере, что гулял по волнам в шторм. Ей, следовавшей по горам за Диким Богом, не стоило даже надеяться на его утешающее прикосновение. Но потом она увидела Пана с его посохом, Пана в его ипостаси Пастуха; Пана с его флейтой — побежденного Аполлоном — приносящего гармонию. Она видела его, лохматого, дикого и бесконечно доброго, ведущего потомков Измаиловых за собою, вниз, к серому и безжизненному берегу, который виднелся впереди. И он протянул ей свой посох над темными водами, и она стала двигаться туда, где он ждал ее, с созданиями Измаиловыми у его ног — созданиями, для которых не нашлось места в городах и среди людей. Каким-то образом она поняла, что держась за этот возвышающийся над морем посох она сможет преодолеть невидимые камни, над которыми бурлили белоснежные волны.

Она бесстрашно продвигалась вперед, хотя и слышала, как вокруг нее бушевала стихия. Затем она увидела, как Козлиный Пастух с раскосыми блестящими глазами агатового цвета, излучавшими добро, увеличился в темноте до гигантских размеров и возвысился над ее маленькой лодкой. Он был хранителем всех диких и преследуемых душ, для которых не нашлось места в рукотворном мире, и она убежала вместе с Хью в спасительную тень его посоха. Они бежали к первоосновам самой жизни, которые ничто не могло поколебать и к которым всё должно было вернуться в конце своего существования. Она ощутила, что оказалась в безопасности и под защитой. Не сводя взгляда с этих первооснов, позволив всему быть таким, каким оно и должно было быть, она обрела абсолютную уверенность в том, что теперь не собьется с предначертанного ей курса. Это была настоящая invocatio Пана - капитуляция перед самими основами жизни, возвращение к Природе, погружение обратно в космические глубины после бесконечной противоестественной борьбы человечества за то, чтобы возвыситься над ними. Зверь - это наше начало, и зверь - это наш конец, и насколько бы развитыми мы не были, он всегда стоит за нашей спиной, и забывая о нашем скромном брате, мы обрекаем себя на болезнь. Лишенный заботы, грязный и закованный в цепи, он все

равно одерживает победу по мере прогрессирования заболевания. И хотя Святой Франциск пренебрежительно отзывался о нашем братце осле**, не стоит забывать, что человек — это еще и кентавр, являющийся прямым родственником Пегаса. Мудрый Хирон, учивший Асклепия целительству, резво скакал на своих четырех копытах. Возможно, в этом скрыт важный урок для каждого из нас.

Мона очнулась от своего видения о козлах, кентаврах и вздымающихся морских водах, и обнаружила, что солнце уже село, а весенний ветер стал намного холоднее. Но она знала, что получила благословение Пана в своем начинании, потому что оставалась непоколебимо верна естественным вещам — и потому, что задаваясь вопросом о том, «а что есть истина?», упрямо продолжала идти вперед, чтобы найти ответ.

Услышав звук гонга, она пришла к ужину, но Хью так и не появился. Она отправила сияющую Глупышку Лиззи — сияющую настолько, что Мона сразу же заключила, что та снова грешила — наверх, в его комнату, чтобы проверить, не было ли его там, но комната оказалась пустой. Встревоженная, что было не совсем разумно, ведь опоздание к ужину не обязательно было знаком случившейся трагедии, Мона побежала в часовню, но и в ней тоже было пусто. Поспешив обратно через ряды галерей, она обнаружила, что дверь в главное здание монастыря была приоткрыта, а в замке находился огромный ключ. С тех пор, как мистер Пинкер закончил свою часть работы над зданием и уехал, они не проводили здесь никаких других работ и еще не начинали обставлять его мебелью. Отделки здесь не требовалось вовсе, ибо все стены строения были каменными.

Большая печь в подвале исправно выполняла свою работу, так что когда она вошла, здесь было достаточно тепло, ибо камень, будучи однажды хорошо прогретым, отлично сохраняет температуру. Она пробежала из одной большой комнаты в другую, но обе они были пусты; заглянула в подвал, но, насколько она могла видеть, он тоже был пуст; затем она поднялась наверх и прошла вдоль линии камер — все они были пусты; поднялась выше, в часовню под крышей — она тоже оказалась пустой. Мона, теперь испугавшаяся по-настоящему, ибо здесь ее постоянно преследовало ощущение надвигающегося зла, снова побежала вниз по истертым извилистым ступеням и спустилась в подвал, который был единственным местом, которое она не обыскала со всей возможной тщательностью. Дверь в одну из камер, которая, возможно, использовалась последними жильцами как хранилище для угля, была закрыта; Мона толкнула ее, дверь открылась и она вошла внутрь.

Одинокая точка тусклого синего пламени мерцала в темноте, не давая почти никакого света; но того света, что шел с лестницы за ее спиной, хватило, чтобы она увидела Хью, одетого в свою монашескую робу и лежащего на грубой скамье, закрыв лицо капюшоном. Слабый синий свет исходил от его зажигалки, которую он поставил горень в нишу высоко в стене. На звук открывшейся двери он никак не отреагировал.

В душном подвале с закрытой печью, сжигающей антрацит, с ним могло произойти что угодно. Мона, напуганная до смерти, откинула капюшон с его лица, и он открыл глаза и посмотрел на нее.

- Это то, как все должно было быть, - сказал он, не двигаясь.

Тогда Мона поняла, что он намеренно проживал жизнь и смерть Амброзиуса заново, в надежде восстановить разорванные нити памяти. Атмосфера обреченности окружала его со всех сторон, и это было то, что она восприняла как надвигающееся зло и опасность. Мощно и точно, на что был способен только хорошо натренированный разум, он создавал эту атмосферу в своем воображении, и она, обладая высокой чувствительностью, ощутила ее

вокруг.

- Это то, как все должно было быть, - сказал он снова. Все было так, как представлял себе монах Амброзиус, умирая во грехе. Суккуба из его видений, женщина, которую он никогда не видел в реальной жизни, открывает двери его тюрьмы, и он оказывается на свободе, на греческих холмах, где его уже ждет Козлиный Пастух.

Мона взяла на себя роль той самой женщины из снов, суккубы, посланника из безграничного свободного мира Непроявленного. Она взяла его за руку и, ощутив, какой теплой она была, подумала о том, какими, должно быть, холодными казались ему ее руки на фоне его собственных.

- Пойдем, - сказала она ему, и он встал.

Он последовал за ней наверх по ступеням подвала, накинув на голову капюшон и спрятав руки в рукава, но дойдя до верха, повернул в другую сторону от двери.

- Я должен позвать и их тоже, - сказал он, и начал подниматься по извилистой лестнице. Она последовала за ним, остановившись на самой последней ступени, чтобы посмотреть, что будет происходить дальше.

Он прошел вдоль длинной линии пустых камер, часть которых была без дверей, а другая часть — с современными сгнившими дверями, висевшими на сломанных петлях, ибо мистеру Пинкеру не было позволено навести здесь порядок, и теперь Мона понимала, почему. Переходя от одной двери к другой, Хью останавливался напротив каждой из них и называл имя. Бенедикт, Йоханнес, Гайлз — одного за другим звал он осужденных монахов, давным-давно истлевших в пыль. Мона гадала, ощущали ли в этот момент переродившиеся души внезапное пробуждение памяти внутри них, своего рода ностальгию по Непроявленному.

Развернувшись в конце коридора, Хью пошел обратно, к ней, стоявшей на верхней ступени крутой и извилистой лестницы. Он шел медленно, как и подобало священнослужителю, и полы его одеяния медленно раскачивались в такт его шагам; его руки, спрятанные в широких рукавах, были сложены на животе; капюшон нависал над его лицом на манер того, как использовали его монахи во время медитации. Он подошел и остановился напротив нее, и посмотрев на него снизу вверх, она первый раз за всё это время отчетливо разглядела его лицо. В тени капюшона оно казалось темным и мрачным, странно отличавшимся от лица Хью Пастона, и все же не ставшим еще лицом Амброзиуса.

- Я уже не тот человек, которого ты знала, Мона, я кто-то совершенно другой.

- И я вижу это, - тихо ответила Мона.

Он не спросил ее, как это сделал бы Хью, не возражает ли она против этой перемены. Он дал ей время самой решить, принимает ли она это или нет, и, поступив таким образом, добился полного своего господства над ней.

- Осознаешь ли ты, кто я такой? - спросил он. - Я Священник, который владел Церковью. Церковь была создана для человека, Мона, а не человек для церкви.

Она заметила, что он не сказал ни «...который отрекся от церкви», ни даже «...который был отлучен от церкви», но «...который владел церковью».

Он подошел к ней ближе.

- Я никогда не надену этого одеяния снова, - сказал он, - Но есть одна вещь, которую я хотел бы сделать перед тем, как сниму его навсегда.

Он взял Мону за плечи и держа ее на расстоянии вытянутых рук, разглядывал ее лицо, пока его собственное лицо оставалось скрытым в тени капюшона.

Он начал говорить тихим голосом, так, как если бы обращался сам к себе и не обращая никакого внимания на свою собеседницу.

- Я видел тебя много раз, близко, очень близко, но никогда настолько... - Он остановился. - Это то, что я хотел сделать всегда, - и с этими словами он заключил ее в свои объятия. Какое-то время она стояла вот так, прислонившись к нему, уткнувшись своим лицом в свободные жесткие складки мошанеского одеяния, страдая от нехватки воздуха и совершенно не желая сдвинуться с места.

- Посмотри на меня, - сказал он, наконец, и она подняла на него свои глаза.

Темное ястебиное лицо Амброзиуса, скрытое в глубинах капюшона, склонилось над ней.

- Это то, что мне запрещено, - сказал он, - И поэтому я делаю это, - и он нежно поцеловал ее в лоб. Затем его руки безвольно упали по бокам и он отошел в сторону и посмотрел на нее, но посмотрел не так, как если бы желал увидеть ее реакцию, а как человек, который сделал всё, о чем мечтал и закончил начатое. Он был необычайно спокоен, хотя в нем ощущалась такая же безмолвная сила, какая ощущается в предгрозовой тишине. Мона почувствовала, что она вся дрожит.

Они стояли лицом к лицу, не двигаясь, и она, глядя в это лицо с отстрыми чертами под тенью капюшона, внезапно почувствовала, что фантазия стала реальностью и они перенеслись во времена жизни Амброзиуса, где, скрываясь в тени от ужасающей руки церковной власти, рисковали пожертвовать всем ради любви.

Человек, стоявший перед ней, был настоятелем Церкви, могущественным и амбициозным; он рисковал всем, что составляло суть его жизни — более того, он рисковал самой этой жизнью, разговаривая с ней в таком тоне в эти несколько украденных для себя самого минут.

А она, чем рисковала она? Во времена Амброзиуса она была бы сожжена у позорного столба; в настоящее время она рисковала оказаться в неприятном и может быть даже опасном положении, став заложницей желаний неуравновешенного мужчины, которого она сознательно провоцировала. Может быть даже она рисковала расстаться с жизнью здесь, в стенах этого пустого здания; множество убийств совершалось мужчинами именно в таком состоянии, в котором сейчас находился Хью Пастон. Пан в своей самой животной ипостаси мог проявиться в любой момент и он придушил бы ее, если бы она встала у него на пути.

Мона старалась держать голову прямо, когда смотрела в серо-зеленые глаза Хью, который не сводил с нее неподвижного, непоколебимого взгляда. Но под влиянием этих одержимых глаз она непроизвольно соскользнула в эпоху Амброзиуса и нашла стоявшего перед ней монаха-вероотступника мужчиной куда более чарующим и притягательным, чем все те, кого она когда-либо знала.

Она с усилием вернула свое сознание обратно в настоящий момент, но монах-вероотступник последовал за ней и она почувствовала, что безумно жаждет разжечь чувства в этом аспекте Хью, представленном Амброзиусом, и ощутить благодаря ему силу глубоких эмоциональных переживаний. Та ее часть, которая, как ей казалось, давно была мертва, начала пробуждаться снова.

Должно быть, это отразилось в ее глазах, ибо в этот момент лицо Хью странным образом изменилось. Затем он тоже вернул себя в настоящее время. Коротко усмехнувшись, он спрятал руки в широкие рукава, как это делали монахи, и отошел от нее еще чуть дальше.

- Не делай этого, Мона, - сказал он. - Лучше вернись в дом и подожди меня там.

- Ты не пойдешь со мной? - спросила она, вздрогнув, и страх охватил ее при мысли о том, что могло произойти с Хью в этом пустом здании, где он бродил в одиночестве, словно призрак.

Он покачал головой.

- Нет, я переживаю самый настоящий катарсис, если ты знаешь, что это такое. Ты же читала книги по психоанализу, правда, Мона? Так вот, я отыгрываю свои комплексы. Оставь меня. Все будет в порядке. Не беспокойся. Тебе не о чем волноваться.

Мона вышла из здания и он закрыл за ней дверь. Она знала, что должна оставить его в одиночестве. Это было лучшее, что можно было сделать — и все же следовать его указанию и не беспокоиться было выше ее сил. То, что переживал Хью, действительно могло быть настоящим катарсисом — очищением души; вот только этот процесс оказывал серьезное воздействие на целостность личности и она слышала от Джелкса о многих неудачных случаях в психоанализе, которые никогда не упоминались в книгах. В таких случаях личность иногда распадалась на части и результатом этого становилось признание человека сумасшедшим.

**Rex vobiscum* (лат.) - мир вам.

**Братцем ослом Святой Франциск называл человеческое тело.

Глава 24.

По истертым ступеням извилистой каменной лестницы Хью поднялся наверх и оказался в часовне под крышей. Из мебели здесь был только гластонберийский стул, шкаф в стене и сундук. Именно такую мебель мог иметь в своем распоряжении Амброзиус, за исключением, разве что, лежащего здесь тростникового коврика, который мог бы защитить его ноги от холода каменного пола — тот был роскошью, которую он едва ли мог себе позволить. Хью плюхнулся на гластонберийский стул, положил руки на подлокотники, еще сильнее натянул капюшон на голову и стал размышлять.

Он не имел привычки к долгим размышлениям, ведь для современного западного общества это было почти утраченным искусством, однако он перенял пару секретов этого ремесла у Джелкса и поскольку предмет, над которым он намеревался поразмышлять, был его всепоглощающим интересом, у него не возникло проблем с тем, чтобы полностью сосредоточить на нем свой разум, что в обычных обстоятельствах было способностью, которая приобреталась медленно и с большим трудом.

Он хотел постичь смысл происходящего; более того, он чувствовал, что это было ему необходимо. Разрозненными обрывками приходило к нему осознание на протяжении нескольких недель с момента смерти его жены и теперь он пытался сложить их вместе. Только так он мог бы заново воссоздать здание своей жизни на его прогнившем фундаменте. От Джелкса он узнал о способе просмотра событий в обратном порядке — о том, как мысленно следовать за проблемой от нынешнего момента до источника ее возникновения, шаг за шагом, вместо того чтобы начинать с воображаемой причины и пытаться понять, какое у нее может быть следствие. Пока он мысленно просматривал в обратном порядке всю свою жизнь, он снова и снова поражался тому, каким странным образом повторялись в ней одни и те же события, принимавшие при этом разные формы. Его дед и Джелкс были людьми одного типажа; его мать и его жена; его старая шотландская нянюшка и миссис Макинтош — одна лишь Мона была уникальной частью его жизненного опыта и он никогда не встречал раньше никого, похожего на нее — и тут он вспомнил о вспышке внезапного воспоминания, настигшего Амброзиуса, которого преследовала похожая на нее суккуба.

Он невольно поежился, когда мысли его вернулись к жизни Амброзиуса и разум его отшатнулся в сторону, словно испуганная лошадь. Он провел два часа в темном подвале, думая об Амброзиусе, усиленно размышляя о нем до тех пор, пока не воссоздал вокруг себя всю средневековую обстановку и не начал в ней жить, и не только испытывать эмоции, соответствующие тому времени, но и чувствовать так, как чувствовали в ту эпоху; однако теперь ему казалось, что все пережитое Амброзиусом пережил много лет назад он сам, и что хотя старые раны и были залечены, они все еще могли отдаваться болью по прошествии времени.

Он поразился, обнаружив, насколько реальными стали для него все эти вещи! Казалось, что это были не две разных жизни, но два периода одной, и что ранние годы Хью Пастона несли на себе следы переживаний, которые когда-то сломали Амброзиуса. Он мог представить себе то бессильное состояние, в котором пребывал бы Амброзиус, если бы ему удалось спастись, ведь это было ровно тем состоянием, в котором пребывал и сам Хью. Из прочитанных книг Хью узнал, что существовала огромная разница между человеком, пережившим сильное нервное потрясение, и врожденным невротиком; что в первом случае обострение могло пройти, но во втором болезнь была хронической. Каждый осматривавший его когда-либо врач заявлял, что Хью был невротиком; но если его состояние было вызвано переживаниями, из-за которых он сломался, будучи еще Амброзиусом, то не могло ли оно пройти также, как проходило у нормальных людей, переживших обычное нервное потрясение? Когда вызвавшие нервный срыв условия проходили и тело получало достаточный отдых, нормальный человек снова приходил в себя, получая возможность вернуться к своей привычной деятельности. Возможно ли было, что он, находясь в состоянии того глубокого потрясения, которое коснулось не только его личности, но и его бессмертной души, смог бы когда-нибудь снова вернуть себе свою духовную силу, если бы ему удалось прикоснуться к тем источникам жизни, которые питали Амброзиуса?

Он знал, что это были за источники. Амброзиус, изгой в своем монастыре, язычник в сердце своем, не взирая на всё свое священство, увидел проявляющегося в природе Бога и отрেকся от аскетической доктрины, восклицающей «Грязь! Непристойность!» при виде естественных вещей. Амброзиус вовсе не был злобным последователем разрушительной силы в лице Сатаны по примеру старых ведьмовских культов; он искал жизни среди мертвецов и света среди средневекового мрака и смыкающихся вокруг него стен монастыря. Амброзиус был сломлен, потому что родился не в том времени; он почернел и был срезан также, как цветок, что распустился слишком рано. Но теперь времена изменились и целый век шел той же дорогой, что и Амброзиус, и путь его был расчищен Фрейдом и другими психологами; если

предположить, что он сможет сделать то же, что и Амброзиус, и вернуться к главному источнику своего вдохновения, добравшись до времен, предшествовавших этой роковой трагедии средневековья, разве откажется он тогда от прикосновения к источникам жизни и не попытается оживить себя снова? Остановка на Амброзиусе не привела бы ни к чему хорошему; это было бы фатальной ошибкой, он только повторил бы трагедию; но и обойти Амброзиуса, оставив его без внимания, было все равно, что оставить в тылу непокоренную крепость; он осознал это, когда провел тот мрачный час в тяжелых раздумьях в темноте подвала, встретившись лицом к лицу со всеми своими страхами.

Суть проблемы Амброзиуса была в том, что в положении, в котором он находился, было чрезвычайно опасно для него отречься от ортодоксальной церкви и претендовать на осуществление всех своих естественных мужских желаний, которых не положено было иметь церковному деятелю. Суть проблемы Хью Пастона была удивительно схожей, за исключением разве что того, что запреты теперь произрастали из его собственной души, а не из внешних обстоятельств. Хью ужасно боялся соприкосновения с естественными вещами на фоне всей искусственности своей жизни, дабы каким-нибудь случайным образом не вызвать катастрофы. В его сознании первичные потребности приравнивались к катастрофической опасности, чем они вероятно и были в ситуации Амброзиуса. Раз обжегшаяся душа продолжает бояться того, что когда-то обожгло ее, даже после перерождения. Хью не справлялся именно с тем, на чем Амброзиус обжег себе пальцы.

Но предположим, что он смог бы вернуться еще дальше в прошлое, пройти туда, куда пытался пройти и Амброзиус? Это определенно того стоило, вот только как можно было это сделать? Он вспомнил о своей изначальной задумке — эвокации Пана путем соединения методов Святого Игнатия и совершенно далекого от святости Дез Эссента, декадентского героя Гюисманса, и внезапно осознал, что необъяснимым для него образом задуманное уже начало спонтанно осуществляться, но только в обратном порядке. Не только благодаря тщательнейшей «композиции места» можно было вызвать к жизни соответствующее Присутствие, но и однажды преуспев в вызове Присутствия, можно было заметить, что обстоятельства начинают сами создавать правильную «композицию места». Это было ошеломляющим открытием.

В конце концов, чем еще были его поиски Пана, если не жадной чехо-то естественного и наполняющего жизнью среди всей сложности и безжизненности его существования? И Пан вел его обратно к естественности по пути его собственной эволюции. Если бы у него хватило смелости погрузиться в собственное бессознательное, то он смог бы, миновав средневековый мрак и трагедию, снова выбраться к свету, которым была для него Греция.

И если Амброзиус был реальным человеком, жившим в средневековье, то каким был человек, живший в Греции? Но был ли Амброзиус реален или он был просто фантазией? Хью не имел об этом ни малейшего понятия и был, вероятно, самым последним человеком, способным сформировать хоть сколько-нибудь беспристрастное мнение на этот счет. Но чем бы Амброзиус мог или не мог быть в конечном итоге, он отражал действительное положение дел также, как движение стрелок часов отражало течение времени. Он представлял нечто жизненно важное в душе Хью.

Хью ничуть не волновала метафизичность Амброзиуса, если с помощью Амброзиуса он мог достичь нужных результатов. Джелкс, рассуждавший о существовании объективной и субъективной реальности, находился, вероятно, ближе к истине, чем кто-либо другой; но была еще и Мона, которая воспринимала Амброзиуса как нечто реально существующее и которая единственная могла помочь в этой ситуации. Примите за время движение стрелок

часов, и вы сможете успеть на поезд и вовремя добраться до места назначения; но примите время за четвертое измерение, и вы сможете оказаться везде сразу и нигде конкретно.

Хью мысленно вернулся к той ночи в косоглазой кровати со старой периной в ветхом заведении Джелкса, где он впервые призвал Пана и начал всю эту историю. Возможно ли было повторить это действие еще раз? Какое слово силы призывало бога? Какие слова силы призывают любого бога, кроме слов благоговения перед ним? Призывает сердце, а не язык. Вознесите сердце свое к Господу и забудьте о других действиях, будь то Адонаи или Адонис. Когда Хью позволил себе принять Священное Право, данное ему Природой, он весьма эффективно призвал Пана. Всякий раз, когда он обновлял это позволение, Пан отвечал ему. Каждый раз, когда его охватывали сомнения в святости естественных вещей, Бог исчезал. Когда он поцеловал Мону, просто потому что он был мужчиной, а она была женщиной, она не стала сопротивляться, как будто бы что-то глубоко внутри нее признало его право на это; но когда он вел себя по отношению к ней как джентельмен, она держала его на расстоянии вытянутой руки и не находила в нем ничего привлекательного. Существует жизнь за пределами личности, которая использует личности как маски. Бывают времена, когда жизнь снимает эти маски и глубокие порывы вырываются наружу. Если за личностью не будут стоять никаких изначальных жизненных сил, то самая прекрасная маска останется безжизненной. Это причина, по которой распадаются некоторые браки, ибо мужчина женится на маске или женщина вступает в союз с тенью. Алкоголь, любовь и сражения — вот три великих опьянения, и различные ведомства устанавливают свой «возраст трезвости» для каждого из них. И в лучшем случае алкоголь может только дополнить любовь и сражения, но он никогда не сможет заменить их целиком. Целомудренные и кроткие найдут на дне своих чашек лишь еще большую сентиментальность; Диониссийское опьянение им познать не дано.

Хью почувствовал, что когда он сделал то, что Амброзиус всегда хотел сделать, но так и не сумел — обнять суккубу — та сила в нем, которую он называл Амброзиусом, нашла канал для выхода, и неупокоенный монах больше не будет приходить. Хью сделал то, что всегда хотел сделать Амброзиус — или завершил то, что Амброзиус заставил его завершить, смотря с какой стороны на это посмотреть; он ухватил нить своего собственного прошлого и та часть его самого, которая представляла Амброзиуса, была интегрирована в его личность. Вне зависимости от того, какие термины он использовал, в нем произошла перемена и он это прекрасно осознавал. В свете этого факта никакие термины не имели значения.

Амброзиус начался с фантазии, которая захватила все его воображение; потом он проник в полуреальный мир ночных сновидений; а на основе сновидений Хью создал абсолютно субъективную картину дневных грез наяву; и во всех этих грезах Амброзиус отражался со странной реалистичностью иллюзии сумасшедшего. Где должна была быть проведена граница между всеми этими вещами, и какой была роль сознательно созданных грез наяву в этом деле? Что именно заставило субъективную фантазию перейти границу и ради каких-то практических целей объективизироваться? Этого он не знал, как не знал и того, каким образом маятник и шестеренки часов соотносятся с четвертым измерением — более того, до тех пор, пока он видел отраженное на циферблате время и мог успеть вовремя на свой поезд, его это нисколько не волновало. Теперь он со всей ясностью осознал, как осознавал все это время в глубине своей души, чьей была та бархатистая мускулистая женская спина, которая не принадлежала его жене и появление которой в его сне положило начало всем этим странным событиям — она была спиной женщины, которой в реальной жизни он был не нужен, но которая в субъективной реальности отозвалась на его зов. Так какой же должна была быть тогда сила грез наяву во всем этом деле? Могла ли она, будучи выпущенной

наружу, как-то влиять на других людей? Если телепатия действительно существовала, то, возможно, могла.

Хью выпрямился и, откинув с лица свой капюшон, взглянул проблеме в лицо. Он знал, чего он хотел, но не знал, имел ли он на это право. Но как, в конце концов, можно было приготовить заварной крем, не разбив предварительно яиц? Огромная разница между языческим и христианским отношением к проблеме заключалась в том, что последнее использовало вместо яиц концентрированный порошок.

На ощупь спустившись по истертой винтовой лестнице в сгущающихся сумерках, он пошел через галереи к жилому дому, совершенно забыв о том, что на нем все еще было монашеское одеяние. Когда он шел через внутренний двор, в темноте раздался полный ужаса вопль и он увидел, что Билл, спасая свою жизнь, убежал вниз по дороге, а вслед за ним, словно заяц, унеслась и Лиззи. Они встретились со знаменитым призраком Монашеской Фермы. Хью почувствовал угрызения совести, ведь он расстроил Моне все ее домашние дела. Однако Элевсинские Мистерии не приветствовали присутствия посторонних. «Некас, hekas, este bibeloi!» Держитесь подальше от нас, о вы, профаны» - так что, возможно, это было к лучшему.

Он мог видеть по лицу Моны, когда вошел в гостиную, насколько сильно она волновалась. Она сделала для него чай и он выпил его с чувством огромного облегчения, ибо он помнил высказывание Джелкса о том, что нет ничего лучше еды, для того чтобы остановить психизм.

Было здорово лежать в глубоком кресле, вытянув ноги к огню, со стоящей рядом чашкой чая и сигаретой в зубах. В какой-то момент Греция и Амброзиус начали казаться ему чем-то безмерно далеким. Но боги обидчивы, и он знал, что если сойдет сейчас с пути, то найти его снова будет не так-то просто. Он не должен был терять сосредоточенности. Теперь он понимал, почему Джелкс говорил, что оккультисты должны усиленно тренироваться в концентрации внимания.

— Мона, - спросил он. - Ты читала «Короля Зерна и Королеву Весны»?

— Да.

— Какое значение имел ритуал на распаханном поле, ну кроме очевидного, естественно?

— Это был способ связи с силами, стоящими за землей и солнцем.

— Он связывал с ними тех, кто принимал в нем участие, или всю общину?

— И тех, и других, я полагаю. Принимающие участие в ритуале не смогли бы соединить с этими силами всю общину, пока сперва не соединятся с ними сами.

— Я понял.

— Это было сакральное действо. «Внешнее и видимое проявление внутренней и духовной благодати».

— Забавно, - сказал Хью, - Христиане видят таинство в уходе из жизни, язычники же считали таинством процесс ее зарождения.

— Возможно, это оказалось бы двумя сторонами одной монеты, узнай мы правду об этих церемониях, - ответила Мона.

— Мы никогда не узнаем правды, - сказал Хью. - Потому что они всегда впиваются друг другу в глотки, едва заприметив поблизости. Очень жаль, ибо мы нуждаемся в обеих религиях, во всяком случае я. Используя знания лишь одной из них, невозможно достичь полного раскрепощения, как бы мне этого ни хотелось. Можно только закончить свою жизнь в петле. В этом слабое место фрейдизма.

Внимательно наблюдая за ним, Мона заметила, что в нем произошли серьезные перемены.

— Ты ведь прочла много книг по психологии, Мона?

— Да, довольно много. Одно время это было мне очень интересно. Потом я от этого устала, потому как психология, похоже, совершенно ничего не дает.

— Я кое-что читал и часто наблюдал некоторые вещи на практике. Психология была модной в наших кругах, когда только появилась. Насколько я мог судить, либо не происходило вообще ничего, либо в процессе ты подсакивал, как ракета, и снова плюхался с грохотом вниз, как палка. Какая мне польза от осознания того, что я мечтал убить своего отца, если он умер естественной смертью двадцать лет назад? Или что у меня была фиксация на матери, когда лучше всего подход к ней находили Аллен и Хэнбери**, и я не мог надрать им задницы и достучаться до нее. Или что я страдаю от подавления своих желаний — ох, ладно, об этом мы не будем. Как бы то ни было, мне больше не нужно подавлять своих желаний. Нет, Мона, все это полная чушь. Существует нечто намного большее, чем это. Я с радостью вручу тебе Фрейда и никогда не попрошу вернуть его обратно. Я думаю, что лучшее, что я могу сейчас сделать, это вернуться к своей изначальной идее инвокации Пана; если сквозь меня пройдет большой поток жизненной энергии, то он смоет все мои внутренние ограничения.

— Разве ты когда-нибудь отказывался от своей первоначальной идеи?

— Ну, мы не особенно преуспели в ее осуществлении за последнее время, не так ли? С твоим бронхитом, мистером Пинкером и всем остальным.

— Хью, ты никогда от нее не отказывался. Стоит тебе только подумать о Панае, как ты тут же проваливаешься в собственное бессознательное и идешь по следам Амброзиуса.

— Я обнаружил его следы, когда приехал сюда, Мона. Не могу сказать, что это заслуга Пана.

— Но почему ты вообще приехал туда, где нашел Амброзиуса?

— Бог его знает. По чистой случайности, я полагаю.

— Существует ли на свете такая вещь, как чистая случайность? Или все подчиняется закону причины и следствия? В любом случае, это было очень кстати.

— Конечно, было. Но знаешь, мне кажется, что я разобрался с Амброзиусом. Мне кажется, я его поглотил. Не думаю, что он снова начнет здесь разгуливать. Понимаешь, я узнал, что он хотел сделать, и решил пойти и осуществить это, и тогда он успокоился. Теперь он будет мирно покоиться в своей могиле. Лучший способ успокоить призраков подсознания, Мона — это выполнить их последние желания.

Мона сидела молча, глядя в огонь и гадая, что же будет происходить дальше и имеет ли Хью хоть какое-то представление о том, к чему он идет. Наконец, она спросила:

— С чего ты предлагаешь начать?

— Если бы я знал. Я должен нащупать дорогу. Сначала нам нужно реализовать наш изначальный замысел и оборудовать себе местечко *в духе* Дез Эссента. Я не чувствовал в себе сил справиться с этим раньше; и я не знал, почему. Но теперь я отлично с этим справлюсь и я хотел бы двигаться дальше.

— Ты хочешь, чтобы я начала собирать для тебя вещицы в стиле эпохи Тюдоров?

— Нет, не хочу, я не хочу попасть во времена Амброзиуса. Мне нужно то, что было до Амброзиуса.

— Греческие вещицы будут кошмарно смотреться в этих стенах, Хью.

— Я знаю; но ультра-современные вещицы не будут. Они будут смотреться нормально, потому что они кажутся примитивными, и это место тоже выглядит примитивным. Древним ремесленникам приходилось делать простые вещи, потому что у них не было ни средств, ни материалов; а современный дизайн стал простым, потому что будучи сложным, начал выглядеть тошнотворно. Он сел на диету. Очень экстремальную диету. Так что крайности встретятся. Ты наберешь ультра-современных, угловатых вещей, и они отлично сюда впишутся. Сводчатые окна Амброзиуса тоже кажутся угловатыми, если подумать. Помяни мои слова, Мона, Пан вновь вступает в свои права, и прямые, жесткие, грубые линии современного дизайна указывают на это. Чистая, неудержимая сила. Это очень подходит Пану. Не вздумай притаскивать никакую фальшивую готику. И смотри, Мона, у тебя есть двенадцать дней до Белтайна, сможешь уложиться в этот срок?

— Что ты хочешь сделать?

— Я много чего хочу сделать. По сути, провести здесь полную реорганизацию. Я думаю, что мы отдадим эту часть здания Биллу и Лиззи. Они должны пожениться. Они не могут до бесконечности продолжать в таком же духе, как сейчас. Деревня восстанет и вывалит их в смоле с перьями.*** О, я забыл тебе сказать, они же удрали. Увидели меня в моем монашеском одеянии и с криком унеслись прочь. Но я думаю, они скоро прибегут обратно. Вряд ли они могут рассчитывать на теплое отношение миссис Паско. Мы отдадим им эти квадраты и переедем в соседнее здание. Я найму старого Пинкера, чтобы он сломал все эти старые монашеские кельи и сделал вместо них две таких же больших комнаты, как внизу. У него руки чесались это сделать. Называл их лошадиными загонами. Нужно будет только поставить стену и дверь с каждой стороны, и работа будет завершена. И да, нужно сделать несколько окон. Мы же не хотим прожить всю жизнь замурованными. Пинкер сделает для них каменные средники, сидя в ожидании клиентов в своем саду. Я думаю, мы прекрасно уложимся в сроки с этой работой. Эту часть я возьму на себя, если ты съездишь в Лондон и

займешься выбором мебели. Я возьму себе одну комнату, а ты другую, и мы превратим верхнюю часовню в настоящую пророческую опочивальню для дяди Джелкса на случай, если он захочет почтить нас своим визитом.

Мона посмотрела на него. Очевидно, он считал ее постоянным жильцом Монашеской Фермы. И похоже, не считал, что кого-то, кроме Лиззи и Билла, стоит вывалить в смоле и перьях.

Робкий стук в дверь нарушил их покой и Мона, не желавшая, чтобы кто-то увидел Хью, ибо он все еще был в своей монашеской робе, пробурчала «проклятие» и пошла узнать, кто там пришел. За дверью стояли две жалкие фигуры, которые, как Хью и предсказал, были бесславно изгнаны из гостиницы «Грин Мэн» ее владелицей.

Билл рассказывал ей грустную историю, пока Глупышка шмыгала носом. Миссис Паско, хоть она и сочла вполне нормальным всучить Глупышку Моне, пришла в ужас от мысли о том, что та может стать ее невесткой, и бескомпромиссно выставила ее к гусям на пустошь прямо в чепце и фартуке, в которых та была. Билла, который в своем затуманенном животной страстью разуме уже считал ее своей невестой, взбесило подобное оскорбление и он последовал за ней, навсегда простившись с мамочкой и всеми своими перспективами. Чем мириться с таким обращением, он предпочел вернуться к Моне, смело сразившись со страшным призраком.

Мона, смеясь, открыла дверь и показала им Хью, одетого в свободно свисавшее с его плеч, словно халат, монашеское одеяние и торчащие из-под него обнадеживающие брюки, и сказала им, что это был мистер Пастон, который просто переоделся забавы ради.

В итоге все с облегчением рассмеялись. Но когда их попросили хранить это в тайне, Билл рассказал, что было слишком поздно, потому как они уже рассказали эту историю всем и каждому. Миссис Паско, правда, списала это видение на результат действия алкоголя, но все остальные слушали их, раскрыв рты. Он также поставил их в известность о том, что они с Лиззи, взявшись за руки, посетили священника, дабы он объявил об их помолвке, но тот оказался, будучи близким другом мисс Памфри, и сказал, что поскольку Лиззи еще не достигла совершеннолетия, она обязана немедленно вернуться к назначенному ей опекуну, и вызвал эту леди с помощью специального посыльного. Она, будучи его ближайшей соседкой, встретила несчастную пару на дороге и попыталась их вразумить, требуя немедленного возвращения Лиззи и наказания для всех и каждого по всей строгости закона.

- Но я сказал, что она ждет ребенка, так что та просто развернулась и ушла, прекратив это, объяснил Билл.

Потом они вернулись к дом священника, чтобы попробовать еще раз получить благословение, и поскольку священник хотел соблюсти все приличия, он сказал ему, что в этом нет нужды, поскольку леди, на которую они сейчас работали, и сама была не особо разборчивой в связях. После этого священник вдруг передумал и пообещал сделать всё необходимое.

Билл невероятно гордился выбранной им стратегией, но Мона пришла в ужас от того, что ее репутация теперь была разрушена в глазах целой деревни. Однако она подумала о том, что люди, которых не испугает призрак, теперь будут держаться от них подальше из-за скандала,

так что они могли быть уверены в неприкосновенности своего уединения, которое требовалось для выполнения любой оккультной работы.

Хью открыл дорожный сундук, вручил Биллу две бутылки пива для празднования и новоиспеченная парочка отправилась к себе.

*Прочь, прочь, непосвященные (древнегреческий).

**Allen&Hanbury – британская фармацевтическая компания.

***Вымазать человека смолой и осыпать перьями было публичным унижением в средневековой Европе. Наказание не было официальным, но было частым выражением неприязни толпы к провинившейся жертве.

Глава 25.

На следующий день Хью отвез Мону в город и высадил ее на Оксфорд Стрит, договорившись встретиться с ней за чаем у дяди Джелкса. Она исчезла за поворотом, нырнув в какие-то ей одной известные труппы, ибо Мона никогда не покупала ничего в известных местах, а Хью, впервые с момента трагедии, отправился в клуб.

Это был клуб, который выбрал для него Тревор Уилмотт. В период своего расцвета это было известное заведение, но поскольку после войны оно переживало тяжелые времена, то предпринимались активные попытки влить в него какую-нибудь свежую кровь. Ходили даже слухи, что была введена своеобразная система талонов, благодаря которым членские взносы участников, приводивших новых членов, сокращались по определенной гибкой системе. Возможно, из-за экономии средств члены клуба проявляли не слишком много благоразумия, когда приглашали новых людей, поэтому клуб оказался в таком же положении, в каком оказывались несчастные инвалиды в те дни, когда при переливании крови еще не учитывалась группа крови донора, и в результате в комнате для курения и других общественных местах происходил опасный процесс свертывания крови, пока в конце концов не было образовано нечто вроде двух разных клубов под одной крышей, для старых участников и для новичков, и лишь на Божью помощь мог уповать тот, кто по ошибке оказывался не на той половине.

Хью, как обычно, не принадлежал ни к одной из групп. Новая кровь представляла собой рисующихся бизнесменов — мелочь, стремящуюся стать городским бомондом. Исключения из-за банкротства происходили с такой завидной регулярностью, что поднимался даже вопрос о том, не стоит ли сразу лишать подписки и того, чей последний *протеже* оказался на Кери-Стрит.* Старая гвардия состояла из людей, похожих на отца Фриды, бывших бесславными пережитками старого *режима*, но упорно требовавших для себя привилегий и престижа, сохраняя остатки самоуважения посредством взаимного восхищения. Чем труднее им самим было поддерживать видимость собственного благополучия, тем более требовательными они становились по отношению к другим. Обе стороны считали Хью безобидным ничтожеством, принадлежащим к соседнему лагерю.

Это был первый его визит в клуб с момента трагедии и его появление стало настоящей сенсацией. Отец Фриды был одним из членов старой гвардии, а Тревор выполнял роль связующего звена между двумя лагерями и принимал весьма активное участие во всех делах клуба в целом, имея за это, по слухам, возможность бесплатного питания. Все были едины во мнении, что Хью выйдет из клуба. Здесь были все друзья Тревора и все друзья отца Фриды. Никто не ожидал, что он зайдет в обеденный зал и, усевшись за стол, закажет себе ланч,

выгляда при этом довольно бодрым. Как и его бывший дворецкий, никто не знал, как вести себя по отношению к Хью. Соболезнования явно были неуместны, а поздравления не были бы сочтены признаком хорошего тона. Все наблюдали, что будут делать другие, и в итоге никто не делал ничего. Хью, чувствующий себя так, как будто бы трагедия принадлежала ко временам куда более далеким, чем даже Амброзиус, и практически полностью о ней забывший, спокойно наслаждался трапезой.

Он прошел в комнату для курения, предназначенную только для членов клуба, и остановился, разглядывая печатную машинку. Это была просторная комната, в каждом конце которой располагался камин. Один из них, тот, что находился в дальнем конце комнаты, был сакральным местом для старой гвардии, а у другого, находившегося ближе к выходу, собиралась новая кровь. Хью, стоя спиной к комнате и разглядывая машинку, был внезапно поражен тем, что он, бывший всегда совершенно невосприимчивым человеком, теперь мог ясно ощущать разницу в духовной атмосфере в каждом из концов комнаты; он также почувствовал, что находился в центре внимания, и внимание это не было дружественным. Он удивился, почему, в конце концов, его так не любили. Что такого он сделал? Хью, который всегда воспринимал как истину в последней инстанции чужое мнение о своих недостатках, теперь испытал совершенно новое ощущение, почувствовав, как его шерсть встает дыбом. Почему эти некогда имевшие статус стариканы и молодые псевдо-денди должны были смешивать его с грязью? Он повернулся и, засунув руки в карманы, медленно пошел к священному камину в дальнем конце комнаты. Там, как на зло, он лицом к лицу столкнулся с одним из дядюшек Фриды. Старый джентельмен смотрел сквозь него с каменным лицом. Также вели себя и остальные старые господа, бывшие его друзьями.

Это очень удивило Хью. Он ожидал взаимного смущения, которое могло бы быть сглажено взаимной же вежливостью; но он никак не ожидал, что его сделают изгоем эти паршивые стариканы, давно не имевшие статуса, которые должны были чувствовать себя виноватыми. Дьявол вселился в Хью, и он намеренно вспомнил об Амброзиусе; и когда он это сделал, то заметил, как на лицах старых джентельменов появилось испуганное выражение, хотя они и старались не смотреть на него. Хью пристально смотрел на своего дядюшку, наблюдая за тем, как лицо его меняет цвет с ярко-красного на пурпурный. Никто так и не заговорил с ним. Правда, теперь они бы вероятно и не смогли этого сделать, даже если бы захотели.

Хью сам нарушил молчание.

- Вы ведете себя так, как если бы это я соблазнил вашу племянницу, - сказал он, резко развернувшись и направившись к выходу.

Он зашел в уборную, чтобы умыться лицо, и все еще стоял, склонившись над раковиной, когда услышал, как некто позади него ледяным тоном произнес его имя, и повернувшись, увидел своего деверя, мужа своей младшей сестры. Этот деверь был тем немногим, что семья Хью приобрела благодаря его женитьбе; он женился на самой младшей дочери в полной уверенности, что Хью как-нибудь их обеспечит, и Хью добросовестно это делал. В благодарность Роберт присоединился к звучащему со всех сторон общему хору голосов, поучающих и оскорбляющих Хью.

- То, как ты повел себя сейчас в курилке, было ужасно, Хью!

- Правда? - спросил Хью, засунув руки по струю воды.

- Что заставило тебя так поступить?

- Дьявол, наверное.
- Тебе правда кажется, что ты одержим дьяволом?
- Не удивлюсь, если это так. Но даже если я и одержим, у вас не выйдет признать меня невменяемым. Я написал генеральную доверенность.
- Ты хочешь со мной поругаться?
- Нет, не особо. Можешь быть спокоен. Я буду вполне счастлив, если больше вообще не увижу никого из вас.
- Это оскорбление!
- Ну, если ты будешь с таким упорством раздавать непрошенные советы, то не удивительно, что ты будешь получать за это по носу.
- Мой *дорогой* Хью!
- Для тебя я не дорогой Хью. Ты меня на дух не переносишь, и ты прекрасно это знаешь.
- Ну, если тебе интересно мое мнение...
- Не интересно, - отрезал Хью.
- ...то теперь тебе остается сделать только одну вещь, а именно выйти из клуба, и после этого, что в твоих же собственных интересах, отправиться подлечиться.
- Естественно, я выйду из клуба, мне от него нет никакой пользы. А потом еще и отзову все свои поручительства.
- Что ты имеешь в виду?
- А ты разве не знаешь, что я выступил поручителем по банковскому счету на случай превышения лимита?
- Нет, я не знал.
- Я так и думал. Я думаю, что отзову и некоторые другие поручительства и соглашения, раз уж придется этим заниматься. Я устал бесконечно платить волынщику, не имея возможности заказывать музыку.

Он выпрямился и, бросив в корзину кусок туалетной бумаги, посмотрел на Роберта. Его лицо приобрело то же испуганное выражение, которое читалось и на лице старого джентельмена в комнате для курения. Он внезапно забыл о своем высокомерии и сам стал похож на использованный кусок бумаги. Затем Хью развернулся и пошел прочь. Он был уверен, что задействовал всю свою волю, чтобы идти как можно медленнее.

На клочке бумаги Хью нацарапал заявление о выходе из клуба и бросил его на стол секретарю; попрощался с портье, который тоже выглядел испуганным, сел в машину и отправился в Мэрилебон.

Услышав звон колокольчика, старый книготорговец вышел из-за потрепанной занавески точно также, как и в ту недавнюю ночь, что стала поворотной точкой в жизненной истории Хью.

Хью прошел во внутреннюю комнату, не став ждать приглашения. Это место было ему куда более родным, нежели клуб.

- Не угостишь меня чашечкой чая, Ти Джей? - спросил он, и они вели непринужденный разговор ни о чем, пока Джелкс выуживал чашку из кучи грязной посуды и отмывал ее.

Поставив чайник на каминную полку, Хью перешел к делу.

- Дядя Джелкс, - начал он, - Я собираюсь соблазнить Мону.

- Святой Боже! - воскликнул Джелкс.

- Ну, она не хочет выходить за меня, так что мне не остается ничего другого. Подскажи, как мне лучше это сделать.

- В тебя вселился дьявол, Хью Пастон?

- Это уже второй раз за сегодня, когда меня спрашивают об этом. Так одержим ли я дьяволом или я просто начал становиться самим собой?

Джелкс осторожно потер свой нос.

- Кто тебя спрашивал, одержим ли ты дьяволом?

- Мой деверь.

- Почему?

- Потому что мне плевать на его мнение.

- И это признак одержимости дьяволом?

- Моя семья думает, что да. Видишь ли, Ти Джей, я всегда считался с их мнением. У собак перемена в поведении считается главным признаком начала бешенства.

- Из-за чего ты разругался с деверем?

- Он пытался отчитать меня за то, что я нахамил дядюшке моей жены.

- И зачем ты это сделал?

- О господи, Ти Джей, если бы ты только видел этого старикашку, ты бы сразу понял, почему! Единственное, что с ним можно сделать — это хорошенько его обхамить. Послушай, Джелкс, я рассорился со всеми уважаемыми членами своего семейства и вышел из клуба. Если ты теперь поможешь мне соблазнить Мону, я клянусь, что потом сразу же восстановлю ее доброе имя.

- Так вот что бывает после призыва Пана, да? - спросил он тихо.

- Ну, а чего еще ты ожидал? Пан был падок до нимф.

Джелкс вздохнул. Он подозревал, что если бы Мона увидела Хью в его нынешнем настроении, то не потребовалась бы никакая помощь в ее обольщении. Эвокация Пана прошла более чем успешно.

- Послушай, Ти Джей, помни, что ты говоришь с куда более крутым священником, чем ты сам когла-либо мог стать. Я заправлял своим собственным монастырем задолго до того, как ты вылез из своих подгузников, и потребовалась помощь целого Папы Римского, чтобы уничтожить меня. Да, я поглотил Амброзиуса вместе со всеми его потрохами. Теперь мне стоит лишь взглянуть на человека, чтобы он тут же притих.

- Скажи, Хью, как ты понял, что ты и есть Амброзиус?

- Неожиданный вопрос, дядя Джелкс, - сказал Хью, будучи прерванным на полуслове. - Как я узнал, что он это я? Ну, я честно говоря и не знаю. Я просто так думаю. Но я думаю об этом со странной внутренней уверенностью, происхождения которой не могу объяснить. Если он и я это разные люди, то по крайней мере он соотносится с чем-то очень глубоко укорененном в моем собственном бессознательном; и он стоит того, чтобы с ним сблизиться, вне зависимости от того, правда ли он существовал или я его себе придумал.

Джелкс кивнул.

- Да, - сказал он, - Мы не знаем, чем являются подобные вещи на самом деле, но мы знаем, как они действуют. По крайней мере, он придаст тебе уверенности в себе, даже если больше никакой пользы от него не будет. А получив это, ты сможешь извлечь и многие другие вещи из своего бессознательного, которые никогда не проявлялись.

- Ты можешь называть это как угодно, Ти Джей. Как ни назови розу, а она все равно будет источать сладчайший аромат. Диссоциированная часть личности, или прошлая инкарнация, или незатейливая выдумка, или какое-то еще название на твой вкус, лишь бы ты принял его, ибо я знаю, что он принесет мне много хорошего. Как ты сам говорил, время это только состояние сознания, хотя будь я проклят, если я понял, что ты имел в виду.

- Будь я проклят, если сам это понял, - ответил Джелкс. - Мы будем ценить Амброзиуса, раз он того заслуживает, и учиться с ним ладить. Когда он впервые проявился?

- Впервые? Сложно сказать. Он не возник из ниоткуда. Он всегда был здесь, только я этого не осознавал. Как если бы я вдруг поднял глаза и обнаружил стоящего передо мной человека. И когда я понял, кто это такой, я просто передал ему бразды правления.

- Что ты имеешь в виду?

- Ну, во мне ведь так многого нет, правда? И моя семейка доставала меня независимо от того, выворачивался ли я для них наизнанку или нет, и это только ухудшало ситуацию. И вдруг я узнал про Амброзиуса и стал бредить им. Оказалось, что в нем было всё, чего мне не хватает, а во мне есть всё, чего не хватало ему. То есть, у него был железный характер, но не было возможностей, а у меня есть возможности, но нет такого характера. И я спросил себя: а что, если бы Амброзиус располагал всеми моими возможностями, что бы он тогда сделал? И если бы у меня был его характер, то что бы сделал тогда я? А потом пришла Мона и сказала: «Ты и есть Амброзиус. Ты был им в прошлой жизни», и стала рассказывать мне про реинкарнацию.

И мне понравилась эта идея, частично потому что она и правда хороша, а частично потому, что рассказала мне об этом именно Мона. И я сказал себе: «Боже, если я и есть Амброзиус, то как я должен чувствовать себя?». И я начал думать о том, что чувствовал бы в этой ситуации Амброзиус, будучи тем, кем он был. И потом я, став им, или думая, что стал им, начал думать также, как он. И как только я начал так думать, другие люди стали воспринимать меня так, как если бы я и правда был злобным приором, и это сыграло мне на руку. Удивительно, как много может дать уважительное отношение других людей. И чем больше они пугаются, тем больше я даю им поводов для этого. Амброзиус, если он даже никогда не был ничем иным, стал прекрасным способом самогипноза. Но лично мне кажется, что он нечто большее, чем это. Есть в нем что-то очень реалистичное, чего я не могу объяснить.

- Ну что ж, хорошо, - сказал Джелкс. - Мы будем относиться к Амброзиусу как к реальному человеку и не будем выяснять, что он такое на самом деле. Если даже сейчас он не реален, то скоро точно станет таковым. Я не думаю, что мы когда-нибудь сможем точно узнать, реален он или нет; но пока он отвечает за что-то очень важное в твоей жизни, верь в его существование также, как веришь в существование Брэдбери**. Ты ведь не кусаешь банкноту, чтобы проверить, настоящая она или нет. Она будет считаться настоящей до тех пор, пока на нее можно будет что-нибудь купить. Я сделаю для тебя все, что будет в моих силах, Хью. Раньше я не хотел помогать тебе только потому, что думал, что ты используешь Мону и потом пойдешь дальше своим путем.

- Ты очень во мне ошибался, дядя Джелкс.

- Что заставило тебя внезапно ополчиться на всех твоих бывших соратников, Хью? Когда ты решил окончательно порвать со всем этим?

- Я всегда хотел порвать с ними, но не знал, что делать дальше. А ты настолько боялся, что не хотел мне этого подсказать. Но вчера я смог во всем разобраться и понял, как мне с этим быть. Теперь я знаю, каким путем мне идти.

- Да, - ответил Джелкс, - Теперь я вижу, что все это время ты действительно взаимодействовал с энергией. Любой, кто серьезно настроен, может войти с ней в контакт. Ты ощутил Пана с первой же попытки; не важно, субъективное ли это ощущение или объективное. Твои намерения были серьезными и инвокация прошла успешно.

- Можно ли таким же образом призвать и других богов?

- Нет, нельзя, потому как остальные боги слишком специфичны и каждый из них требует особого подхода. Но Пан представляет собой Всё Сущее. Ты можешь призывать его как угодно, если искренне этого желаешь. А уж он познакомит тебя со всем Парнасом, если сочтет это уместным.

- Он познакомил меня с Амброзиусом, что уже неплохо.

- Он познакомит тебя абсолютно с чем угодно, если это содержится в твоём бессознательном, или если это содержится в расовой памяти, стоящей за ним, и в биологической памяти, идущей следом, и даже морфологической памяти всех твоих органов, и физиологической памяти каждой из твоих функций, - Джелкс остановился, чтобы перевести дыхание.

- Странно, не правда ли, - сказал Хью, - Что всему этому можно научиться у древнего козла?

- Ну, видишь ли, - сказал Джелкс, - Козел символизирует абсолютное раскрепощение, или по крайней мере мне я так думал, слушая рассказы тех, кто держит козлов.

- Конечно, весь смысл в том, чтобы получить доступ к бессознательному, - сказал Хью, - Ведь оно содержит куда больше информации, чем люди могут себе представить; или, по крайней мере, больше, чем об этом напишет кто-то, кто опасается за свою репутацию.

- Ты читал когда-нибудь «Тайны Золотого Цветка»***, Хью?

- Нет.

- Этот трактат стоит прочитать. Добавь еще Куэ и Юнга к Ямвлиху и Святому Игнатию, и ты увидишь, что произойдет.

- Метафизику я оставлю тебе, дядя, мне же нужно разобраться с композицией места. Мне пришло в голову обставить Монашескую Ферму абсолютно современной мебелью вместо фальшивой готики, к которой я склонялся изначально. Мона сначала хотела зарычать на меня, но потом поняла мою задумку. Понимаешь ли, Ти Джей, мне кажется, что в современном дизайне отражена идея прямого прохождения силы, лишенной всяких тормозов, а с чем это еще это может ассоциироваться, как ни с Паном? Как ты думаешь, Амброзиусу это понравится? Или он превратится в полтергейст и начнет разбрасывать вещи?

- Ну, дружище, он был модернистом в свое время. Ты пытаешься угнаться не за тем, чем обладал Амброзиус, но за тем, что его вдохновляло, точно также как он сам пытался угнаться за тем, что вдохновляло греков.

- Тогда, возможно, нам стоило бы сразу обратиться к первоисточнику и узнать, как это называлось у них.

- Это тебе и нужно сделать. Но тебе придется пройти через стадию Амброзиуса, прежде чем ты доберешься туда. Иначе он и его проблемы будут мешать тебе, как непокоренная крепость, оставшаяся за спиной.

Раздался звон дверного колокольчика и Джелкс нырнул за занавеску, чтобы разобраться с покупателем, но вместо этого вернулся обратно с Моной. Он внимательно наблюдал за этой парочкой, пока они приветствовали друг друга. Ему показалось, что в глазах Хью появился озорной блеск, как если бы у него в рукаве было припрятано для Моны что-то интересное, но она при этом тщательно скрывала свои эмоции.

- Итак, что же тебе посчастливилось добыть? - спросил Хью.

Вместо ответа Мона начала распаковывать маленький коричневый сверток, который был у нее в руках, и достала из него маленькую терракотовую фигурку танцующего Пана, подпрыгивающего со своей флейтой и глядящего через плечо очень выразительным взглядом.

- Ох, - сказал Джелкс, - Очень подходящая вещица. Но на твоём месте я бы не стал распаковывать его прямо сейчас.

*Оказаться на Кери-Стрит — значит, стать банкротом. На улице Кери-Стрит в то время был расположен британский суд по делам банкротства.

******Вероятно, имеется в виду Эдвард Киндер Брэдбери (Edward Kinder Bradbury, 16.08.1881-01.09.1914), известный во времена жизни Дион Форчун офицер английской армии, воевавший и погибший в годы Первой мировой войны и за проявленную храбрость награжденный Крестом Виктории, высшей и самой престижной наградой страны.

*******«Тайны золотого цветка» (Тай И Чин Хуа Пунг Чин) — старинный китайский эзотерический трактат, написанный мастером по имени Лю Янь, которой по преданию стал одним из восьми бессмертных.

Глава 26.

Последующие дни оказались увлекательнейшим временем для Хью и Моны. Она брала его с собой в ремесленные мастерские, презирая витрины магазинов и выставки, и он видел, как оживает изделие под рукой творца, вкладывавшего в него всего себя. Но она была не из тех, кто верил бы в какую-то святость ручной работы, пусть даже примитивной. Нет никакого смысла в том, чтобы делать вручную то, что может настолько же хорошо или даже лучше сделать машина. Промышленный дизайнер точно также оживляет вещь, при условии, конечно, что он занимается творчеством, а не халтурой. Тогда человек управляет машиной, а не машина управляет человеком.

Всегда, всюду, во всех студиях и мастерских, Мона искала проявления творческого духа. Хью удивлялся тому, как много его витало вокруг них.

- Это старинная мебель, - сказала Мона, разглядывая отреставрированные ножки стула, лежащие среди опилок, - И если ты основательно подойдешь к ее выбору, то со временем она станет антикварной. В конце концов, единственная причина, по которой антиквариат так высоко ценился, заключалась в том, что викторианский дизайн был слишком мерзким. И если хочешь знать, что делало его таким, Хью, то я скажу тебе, что всему виной было повсеместное подавление своих желаний в Викторианскую Эпоху. Все формы были лишены каких-либо сил, или отрезаны от своих корней и брошены безвольно висеть. Ни за чем не стояло никакого стихийного импульса. Единственным местом, процветавшим в Викторианскую эпоху, был мюзик-холл, где люди могли хоть ненадолго раскрепоститься. Говори что угодно, Хью, но это был единственный вид искусства, который продолжал развиваться.

На фоне холодных серых камней старинных построек современные цвета смотрелись превосходно — цвета драгоценных камней — зеленый цвет бирюзы, желтый цвет янтаря, красный цвет граната, голубой цвет аквамарина. Лаконичные формы современной мебели отлично сочетались с созданной древними строителями простотой, хоть простота эта и была для них необходимостью, продиктованной отсутствием каких-либо иных материалов и инструментов, кроме самых примитивных. Простота ограничений была раскормлена до ожирения с развитием технологий, и теперь, пресытившись изобилием, ради своего же блага переходила на строгую диету. Цивилизация утратила связь со своими основами, и, как следствие, страдая от головной и сердечной боли, отчаянно искала дорогу обратно. Всё созрело для возвращения Пана, о чем Пан, вероятно, догадался, отвечая на призывный плач жаждущего его.

Бракосочетание Билла и Лиззи должно было состояться в ближайшем будущем - (официальное бракосочетание, имеется в виду. Неофициально, конечно же, они уже отрывались на всю катушку на протяжении некоторого времени), и жилищный вопрос должен был быть решен. Билл и Лиззи, со всей их глупостью, шаркающими походками, преданностью и добродушием, вписывались в атмосферу Монашеской Фермы как нельзя лучше - вписывались так, как никогда не вписалась бы ни горничная мисс Памфри, ни даже

миссис Макинтош. Было очевидно, что новобрачная пара должна поселиться в той части фермы, где располагался жилой дом, а Моне и Хью стоило переехать в главное здание и обустроить там всё так, как они и планировали изначально.

Джелкс решил поговорить с Моной откровенно, но, как он и ожидал, она не пожелала проявить благоразумия.

- Я не собираюсь лицезреть никакие шуры-муры, Мона. Ты собираешься выйти за Хью или нет?

- Не сейчас, дядя.

- Почему не сейчас?

- Трудно сказать. Хью мне очень сильно нравится. В нем есть что-то невероятно милое; на самом деле, я бы даже сказала, что влюблена в него; но я бы не стала переживать, если бы никогда больше его не увидела. Неправильно выходить замуж при таком раскладе, правда? Не честно по отношению к мужчине, не находишь? Особенно, когда речь о таком богатом мужчине, как Хью, и бедной церковной мыши вроде меня.

- Многие женщины построили счастливый брак на куда менее прочном фундаменте.

- Может и так, но они не я, а я всегда была похотливой мартовской кошкой. Видишь ли, дядя, если Хью не сможет дать мне в браке всего, что мне нужно, мне будет очень сложно оставаться рядом с ним. Во мне нет задатков Пенелопы*. Нет смысла обещать того, чего я не смогу выполнить. Очередной фальшивый брак будет подобен порции яда для бедного измученного Хью. Он никогда не оправится снова от такого удара.

- Ты могла бы стать для него хорошей женой, если бы решилась на этот шаг.

- О нет, я бы не могла. Я сделана не из того теста, из которого сделаны хорошие жены. Я могла бы стать первоклассной любовницей для подходящего мужчины, а для всех остальных стала бы настоящим домашним кошмаром.

- Мона, дорогая, как тебе не стыдно говорить такие вещи!

- Какая жалость, дядя, - сказала Мона, задумчиво глядя на него, - Что ты настолько сильно страдаешь от подавления и все твои оккультные знания остаются невостребованными.

- В конце концов, Мона, вся наша социальная жизнь построена на подавлении; если ты разрушишь фундамент, то обрушится вся конструкция.

Мона пожала плечами.

- Одно дело, когда в основе лежат ограничения, и совсем другое — диссоциация. Современная социальная жизнь это подобие трущоб, если тебе интересно мое мнение; всё поделено на тесные комнатухи, а в подвале обитают буйные арендаторы. Небесный санитарный инспектор должен спуститься и осудить это.

- Ты слишком распушенная девушка, как я уже говорил, - ответил Джелкс.

- Наоборот, - ответила Мона, - Я женщина чрезвычайно высоких нравов. Если бы я была

такой, как ты говоришь, то я бы вышла за Хью и надула бы его, смысшись с выплатами на мое содержание.

Приближался канун Белтайна; близилось полнолуние и все ощущали, хоть никто и не проронил ни слова, что надвигался какой-то кризис. Наконец, Джелкс испустил вздох, исходивший из самых глубин его сердца, ибо он ценил свою тихую жизнь и предпочитал теорию оккультизма практике, уложил свою корзинку, закрыл магазин и сел в автобус Зеленой Линии.

Выйдя там, где дорога шла дальше в объезд, он три долгих мили плелся наверх по склону до Монашеской Фермы, держа корзинку под мышкой, и прибыл на место весьма утомленным, ибо день был душным, а он был уже далеко не молод. Однако теплый прием, который ему оказали, полностью компенсировал дневную жару.

- Как дела с обустройством? — спросил старик, когда они сели на скамью на углу стены, слушая отдаленный церковный звон и жужжание пчел.

- Отлично, - ответил Хью, - Ты даже не представляешь, насколько прекрасно современная прямоугольная мебель вписывается в представления Амброзиуса о том, какой должна быть обстановка в монастыре. Единственное, что не выглядит здесь уместным, так это кровати. Но я не намерен спать на нарах, дабы не представлять себя Амброзиусом. Я буду спать на нормальном матрасе, и пусть Амброзиус представляет себя мной.

- Только на твоём месте я бы не делал здесь слишком современной канализации, - сказал Джелкс.

Красное солнце скрылось за елями; пчелы закончили работу и отправились по своим домам, а церковный колокол перестал звонить. Мона пошла в дом, чтобы побудить к активности в кухне влюбленную парочку, тактивно начав ступать громче обычного, когда приближалась к задним комнатам.

Джелкс повернулся к Хью.

- Парень, вечером мы приступаем к работе.

- Каков план действий, Ти Джей?

- Пойти в часовню, открыть наше подсознание и посмотреть, что из этого выйдет.

- Отлично. Я пойду и наведу хоть какое-нибудь подобие порядка в часовне.

Они разошлись, Хью отправился в часовню, а Джелкс вернулся в дом. Там он встретился с Моной.

- Где Хью? - спросила она настойчиво. Джелкс приподнял бровь. В гостиной маленького дома, который еще не отдали Биллу и Лиззи, бывшими в ожидании своего бракосочетания, что, впрочем, было поступком сугубо добровольным, царила атмосфера сильной семейственности.

- Хью пошел подготовить часовню.

- Сегодня та самая ночь?

- Да.

- Что ты предлагаешь делать?

- Привести Хью в часовню, оживить Амброзиуса в его воображении и затем устроить сеанс психоанализа.

- А я? Я буду в этом участвовать?

- Да, конечно же будешь. Ты будешь сидеть напротив Хью и будешь отслеживать перенос, если он нам встретится. Что ты будешь делать с ним потом, это твоя забота. Я устал от твоих глупостей, равно как и Хью.

«Существовала ли женщина, которую добивались бы таким способом»? Это была странная смесь «Ричарда третьего» и «Сватовства Майлза Стендиша»**, и Джелкс надеялся, что это даст свой эффект.

Мона не произнесла в ответ ни слова, но, резко развернувшись, пошла наверх.

Оказавшись в своей комнате, она зажгла все свечи, какие только у нее были, вытащила на середину комнаты потрепанный дорожный чемодан, достала из него коричневый бумажный сверток, разорвала его, достала из него зеленое креповое платье и осмотрела его. Оно было ужасно мятым, пролежав некоторое время на полках ее другого дядюшки, который не был Джелксом, и не распаковывалось с тех пор, как было выкуплено обратно, но распаковать его было необходимо. Она сняла свой выцветший коричневый джемпер и юбку, и надела облегающее, струящееся зеленое платье через голову. Оно ниспадало длинными прямыми складками и фиксировалось на талии свободным поясом с грубой блестящей пряжкой, которая была довольно дешевой, но весьма эффектной вещицей, как и множество других недорогих вещей в наши дни.

Снова нырнув в свой чемодан, она вытащила из него потускневшие золотистые коктейльные босоножки, полученные в качестве чаевых от клиента и несказанно раздражавших ее в те времена, хотя она и не посмела их выбросить из-за страха обидеть дарителя и потерять будущие заказы. Однако теперь они могли пригодиться. Мона сняла свои носки и осмотрела пальцы ног. Благодаря ее пристрастию к грубой обуви они были хоть куда.

Она надела коктейльные босоножки на голые ноги. Пригладила густые, коротко стриженные волосы расческой и повязала на голову широкую повязку из зеленого крепа от платья. Потом она снова нырнула в свой древний чемодан и вытащила оттуда сумочку, бывшую некогда довольно симпатичной и которая тоже была чаевыми от клиента, и, порывшись в ней, извлекла компактную пудру и губную помаду. Поскольку сумочка изначально была неоцененным подарком неизвестной особе, которая, вероятно, была блондинкой, то и набор косметики, который в ней обнаружился, тоже был для блондинок, и когда Мона щедро нанесла на себя пудру и накрасила помадой губы, результат оказался шокирующим. Но Мону это несколько не волновало. Нечто, что всегда было в ней и о существовании чего прекрасно знал Джелкс, закусило удила и слепо помчалось вперед.

Она спустилась вниз, чтобы дать распоряжения относительно ужина, и была встречена круглыми, полными удивления глазами, сполна выразившими чувства Глупышки Лиззи.

- О боже, Мисс, вы так прелестны! - ахнула, совсем сбитая с толку, бедная Глупышка Лиззи,

медленно выливая кипяток из чайника мимо чашки и едва не обжигая себе пальцы. Мона забрала у нее чайник, дала ей все инструкции и удалилась, дабы своим присутствием не нанести еще больше вреда.

Она открыла дверь гостиной и демонстративно вошла внутрь. Джелкс с изумлением посмотрел на нее и приподнял бровь. Хью сидел к ней спиной, но при виде изумленного выражения лица Джелкса он, естественно, обернулся, чтобы увидеть причину его удивления. Мона услышала, как изменилось его дыхание и заметила, как он оцепенел, и в следующий же момент среди них возник Амброзиус.

Перемена была настолько быстрой, что не успела никого шокировать; такой быстрой, что, в сущности, две личности соединились в одну и даже сам Хью сумел осознать, что именно произошло. Но вдруг в холле раздался звук гонга, зовущего всех к ужину.

На момент ястребиные глаза на лице Хью беспокойно забегали, но потом они вновь стали неподвижны и во взгляде его отразилось былое спокойствие. Он стоял, неотрывно глядя на Мону. Потом повернулся к Джелксу.

- Теперь я осознал то, чего никогда не осознавал раньше, - сказал он.

Они оба выдохнули, ибо это был Хью, хотя они и думали, что перед ними Амброзиус.

- Я понял, почему занимался опасными видами спорта. Потому что как только начиналось всё веселье, Амброзиус тут же принимал бразды правления. Все всегда удивлялись тому, как такой болван, как я, может справляться с этим. Но это не был я один, это были мы с Амброзиусом вместе.

- Тогда сейчас это кто, Хью? - спросил Джелкс, пристально глядя на него.

- Черт его знает. Я полагаю, что это ровно то же самое. Я чувствую себя также, как раньше на трассе. Плевать на ужин, я возьму свой костюм Амброзиуса и мы отправимся в часовню, и проведем работу, пока эффект не испарился.

Они прошли в часовню вдоль западного фасада при ярком лунном свете, делавшем бесполезными электрические фонари. Впереди шел Хью в своем монашеском одеянии и сандалиях, накинув на голову капюшон; следом шел Джелкс, выглядевший как огромная линяющая птица в своем Инвернесском плаще; замыкала процессию Мона, завернувшись в темный вельветовый плед из машины, который накинула поверх своего тонкого платья.

Оказавшись в часовне, они увидели, чем здесь занимался Хью. Сверху на алтаре из двойных кубов, представлявших Вселенную - «как наверху, так и внизу» - стояла фигурка играющего на флейте Пана. Гластонберийские стулья, расставленные в святилище, один из которых стоял лицом на восток, а два других — напротив друг друга, образовывали треугольник. По обе стороны алтаря стояли высокие канделябры, а в маленькой нише на стене рядом с ним стояло большое латунное кадило и всё необходимое для его розжига.

Хью выключил электрический светильник и зажег свечи, и их мягкое сияние полилось сквозь мрак, разгоняя колеблющиеся повсюду тени.

- Ты понимаешь в этом? - спросил он Джелкса, и Мона села, наблюдая за тем, как они, две странных фигуры в тусклом свете, боролись с сопротивляющимся углем в кадиле. Потом Джелкс встал и закружил его на длинных-предлинных лязгающих цепях вокруг своей

головы, и клубы дыма с ливнями искр полетели во все стороны; его огромная тень, гротескная и демоническая, растянулась по всему своду крыши, а края его плаща хлопали, словно крылья летучей мыши. Хью, лица которого не было видно под капюшоном, стоял и молча смотрел на него. Мона вцепилась в подлокотники своего стула, сердце ее заколачивалось в груди и она едва не задыхалась от страха. Джелкс и Хью, оба бывшие, как ни крути, высокими мужчинами, в этом слабом свете выглядели просто громадными. Хью, казалось, и в самом деле был монахом-вероотступником, восставшим из могилы; Джелкс же казался существом из иного мира.

Хью протянул руку и Джелкс передал ему кадило. Это была та вещь, с которой неопытному человеку было сложно управиться, и Мона, ожидавшая увидеть, как раскаленные угли разлетятся по всему святилищу, отметила, что Хью обращается с ним со спокойствием, присущим настоящему эксперту; не было слышно никакого лязга металла, когда он раскачивал кадило уверенными движениями руки; капризные цепи не сплетались в клубок и не путались. Стоя перед кубическим алтарем, он окуривал его должным образом, и цепи кадила издавали мелодичный звон при каждом его возвращении. Пять взмахов влево и пять вправо вместо предписанных церковью трех, утверждавших триединство, ибо, согласно учению каббалистов, пять было числом человека, а десять числом Земли. Ровно десять мелодичных и точных, словно бой часов, звуков раздалось в тенистом полумраке.

Закончив с этим, он беспомощно посмотрел на Джелкса, как если бы не знал, что делать дальше. Прежние навыки вспомнили только его руки. В голове же не возникало никаких или почти никаких мыслей.

- Иди и сядь сюда, Хью, - сказал старый книготорговец. Хью сделал, что было велено, заняв стул напротив Моны и аккуратно поставив дымящееся кадило на каменный пол рядом с собой. Глядя на руки, которые помнили, как обращаться со скользящими цепями так, чтобы они снова взмывали вверх, возвращаясь, и не опрокидывали при этом кадила, Джелкс гадал, что же еще выйдет на поверхность, когда все барьеры будут разрушены.

- Теперь, - сказал Джелкс, - Создай ментальный образ Амброзиуса и, глядя на него, рассказывай мне обо всем, что приходит в твою голову.

Хью прилежно исполнил то, что было ему велено. Несколько минут они провели в тишине. Мона сидела, склонив голову на бок и не сводя глаз с темной фигуры в капюшоне ровно на противоположной стороне святилища. Голые ноги Хью в сандалиях с ремешками выглядывали из-под края его одеяния также, как на рисунке в псалтыре выглядывали ноги Амброзиуса. Хью ей нравился и ей было его жаль, но Амброзиус — с Амброзиусом была совершенно другая история.

Наконец, Хью поднял голову и заговорил.

- Я постоянно возвращаюсь к себе самому, когда пытаюсь думать об Амброзиусе, - сказал он.

- Ничего страшного, - ответил Джелкс, - Говори все, что приходит в голову. Начнем с поверхностных слоев.

- Ну, вот я думаю об Амброзиусе, обходящим вокруг этого места и не сводящего с него глаз в то время, когда оно только строилось, и потом представляю себя, делающим то же самое. Я думаю о том, как он планировал обустройство часовни для всех своих делишек, и думаю о том, какие дела хотел бы проверить здесь я сам. Я думаю о том, как он врезался во всевозможные ограничения, потому что был служителем церкви. И я думаю о себе,

сталкивающимся с теми же проблемами, потому что — ну, потому что я помещен в такие условия.

- Не могу представить себе, чтобы ты столкнулся с какими-то ограничениями, располагая такими-то ресурсами, - сказал Джелкс.

- Ну, тогда потому что я был таким создан, - ответил угрюмо Хью и в часовне снова повисла тишина. Не так-то просто подвергаться психоанализу в присутствии другого человека, особенно если этот человек — один из тех, чье мнение для тебя очень важно.

- Давай, Хью, - подбодрил его Джелкс. - Это все равно что удалять зуб, но через это нужно пройти.

- Я просто думал, - ответил Хью, - А что бы делал Амброзиус, будь он мной. То есть, что было бы, если бы у меня был темперамент Амброзиуса или если бы у него были мои возможности. Я думаю, он проскочил бы сквозь все мои ограничения как клоун через бумажный обруч.

- И что бы он делал?

- Ну, для начала, он бы по-быстрому разделался с моей семейкой.

- Ты и сам недавно прекрасно разделался с ней.

- Это все благодаря Моне. Они пытались встать между ней и мной... - Хью внезапно замолчал, взбешенный своим неосторожным высказыванием.

- Что еще сделал бы Амброзиус, кроме того что прикопал бы твою семейку? - мягко спросил Джелкс, стараясь облегчить ему боль, прежде чем поднимется сопротивление и помешает этому.

- Ну, - Хью замешкался, - Мне кажется, он бы вмешался в игры моей жены гораздо раньше и прикопал бы и ее тоже.

- Как думаешь, он бы стал вообще на ней жениться?

- Сложно сказать. Я был совсем молод, а она, видит бог, умела нажать на нужные кнопки. Сомневаюсь, что кто-нибудь из мужчин, уже переросших свои подгузники, смог бы увидеть ее насквозь. Осмелюсь предположить, что женщины могли бы, но мужчины нет. Ужасно легко пустить пыль в глаза мужчине, как я понимаю. Но я не думаю, что ты понимаешь, о чем я, Ти Джей, будучи священником на три четвертых.

- Нет, подобные проблемы мне не знакомы. Я невзрачен и беден, как церковная мышь. Как думаешь, долго ли Амброзиус терпел бы твою жену?

- Недолго, я полагаю, если бы она играла с ним также, как и со мной. Но она бы и не стала с ним играть.

Мона ахнула. Это было в точности ее ощущение.

- Как, по-твоему, он бы избавился от нее? - спросил Джелкс.

- Также, как это сделал я — убил бы ее.

- Святой боже, Хью, ты о чем вообще?

- Разве ты не понял, что это я убил свою жену?

- Но ты не делал этого. Ты себе это придумал. Она погибла в автоаварии, когда ты был за мили от нее.

- Я купил машину для Тренора, с которой, как я знал, он не сможет справиться; это была своего рода шутка; а шутка в шестьдесят лошадиных сил это — ну, скажем так — не смешная шутка.

- Ты понимал, что ты делаешь?

- Во мне сидит маленький бесенок, Ти Джей, который иногда творит всякие шалости, пока я смотрю совсем в другую сторону. И есть еще кое-что, о чем тебе лучше узнать сейчас, - если я ссорюсь с кем-то, кто мне действительно дорог, я могу сделать ему какую-нибудь мелкую пакость.

- Я не могу себе представить, чтобы ты пошел на такое, Хью.

- А ты спроси у Моны, она знает меня куда лучше, чем ты; в отличие от тебя, она не питает никаких иллюзий на мой счет. Я могу представить, как вцепляюсь кому-нибудь в глотку — если меня не устроит его отказ. Так и будет, если в этот момент будет активна та часть моей личности, которая представлена Амброзиусом.

- Какие у вас отношения с Амброзиусом, Хью?

- Не знаю, Ти Джей. Он дышит, где хочет***. Я могу лишь призвать его, но я не могу его контролировать, и, кроме того, я боюсь его призывать из-за опасности для — для других людей.

- Не беспокойся об этом, парень, ты приведешь сюда Амброзиуса, а я смогу его сдержать.

- Ти Джей, мне тридцать четыре, а тебе доходит семьдесят. Кроме того, ты не находишься здесь постоянно.

Повисла неловкая пауза. Затем голос Моны донесся до них из тени.

- Я могу справиться с Амброзиусом.

Хью издал ироничный смешок.

- Бьюсь об заклад, что сможешь — позволив ему делать все, что он захочет.

Голос Моны раздался снова.

- А что бы сделал Амброзиус, если бы ты позволил ему управлять собой, Хью?

- Об этом лучше не думать, Мона, потому что у этого нет реальной возможности исполниться.

- Тогда что бы ты сделал, если бы Амброзиус поддержал тебя в этом?

Хью на момент задумался.

- Я бы провел инвокацию Пана, как и было задумано изначально. Только в этом тоже нет никакого смысла, ибо если я продолжу с инвокацией Пана, тут же нарисует Амброзиус.

- Получается, Пан и Амброзиус на самом деле одно и то же?

- Нет, не думаю. Пан ведь бог, разве нет?

- Ты когда-нибудь слышал об идее внутреннего Христа?

- Да.

- Ну, так вот есть еще и внутренний Пан.

- Ага, и мой внутренний Пан это Амброзиус? Тогда получается, что Амброзиуса никогда не существовало на самом деле? Ох, но он должен был существовать. Он же историческая личность и они даже нарисовали его.

- Что такое время, Хью?

- Бог его знает. Без понятия. Что такое время, дядя Джелкс?

- Режим сознания, парень.

- Я полагаю, что это все объясняет, хоть я и не уверен, что смог это понять. Думаю, что мы столкнулись с искривлением времени также, как Эйнштейн столкнулся с искривлением света. Ну, я не претендую на то, чтобы понять феномены времени или пространства в отрыве от часов и измерительных лент. Как по мне, в этом слишком много пустых разговоров, но я принимаю твои определения для этих вещей, Ти Джей. Я думаю, что для выполнения всех практических задач Амброзиуса нужно рассматривать как фундамент, на котором было возведено здание моей личности. Он мое бессознательное, вернее, какая-то его часть, и когда случается что-то такое, что заставляет мое бессознательное вырываться на поверхность, появляется Амброзиус и полностью берет на себя управление.

- Именно так, парень.

- Так и что с этим делать? Не уверен, что теперь, когда на меня повесили ярлык, мне стало легче. Это именно то, из-за чего я всегда бурчал на психоанализ. Но одно могу сказать точно, Ти Джей, и в этом я уверен на сто процентов — Амброзиус совершенно нормален, а вот Хью Пастон это патология.

- Хью, ты говоришь абсолютно правильные вещи, и если психоаналитики будут опираться на эту гипотезу в своей работе, они действительно смогут излечивать своих пациентов, и происходить это будет куда чаще, чем сейчас. Амброзиус — это настоящий ты, и он стал таким, какой он есть, благодаря пережитому в прошлой жизни.

- Но черт возьми, Ти Джей, мы не можем позволить Амброзиусу свободно разгуливать в приличном обществе. В отличие от тебя, я хорошо знаю Амброзиуса.

- Да, это проблема.

- Я могу справиться с Амброзиусом, - последовал ответ Моны из тени.

- Нет, ты не можешь, - ответили, быстро и одновременно, оба мужчины.

- Могу, - сказала Мона, - В отличие от вас, я не боюсь Пана.

- Я никогда даже не думал о том, чтобы позволить тебе справляться с Амброзиусом, Мона, - ответил Хью, - Он не человек, он чудовище.

- «Голодные люди - опасные люди»****, - сказала Мона.

- И способные на каннибализм, - ответил Джелкс. - Скажи мне, Хью, - быстро продолжил он, надеясь сменить тему, - Что помогает тебе вывести Амброзиуса на поверхность?

- Опасность, гнев и Мона, - кратко перечислил Хью.

Пока бедный Джелкс думал, каким будет его следующий ход, Мона снова заговорила.

- Теперь моя очередь подвергнуться психоанализу, - сказала она. - И я собираюсь про-ана-ли-зировать свои дневные сновидения. Они также полезны, как и ночные сны, если знать, что с ними делать. Когда я была маленькой, я представляла, как я бегая по холмам с мальчишкой, бывшим моим братом. Поскольку мы жили в самом центре индустриального города в Блэк Кантри и я была единственным ребенком в семье, не сложно догадаться, почему видение было именно таким. Когда я стала старше и пошла в школу, меня невероятно очаровали греческие мифы и легенды. Сказки меня совсем не вдохновляли; также как и события английской истории; но греческие мифы захватывали все мое воображение и я вплела их в свои дневные сны. Теперь я уже не бегала по холмам вместе с братом, но стала менадой, отправившейся на поиски Диониса, а парнишка превратился в греческого атлета, который гнался за мной, потому что был мной очарован. На мне не было ничего, кроме оленьей шкуры, потому что мне нравилось ощущать прикосновения солнца и ветра.

- К чему это ты ведешь? - спросил Джелкс.

- К тому, что мать заставляла меня надевать шерстяные вещи на голое тело, - огрызнулась Мона, - Эта фантазия была со мной довольно долго, - продолжила она, - Много лет я создавала ее заново перед сном. Потом, когда я узнала от тебя о мистериях, я стала жрицей, пифией, а греческий атлет превратился в верховного жреца, использовавшего меня в качестве прорицательницы. Это все, что я помню. У меня нет никаких воспоминаний из средневековья, но они есть у Хью. Теперь, Хью, твоя очередь рассказывать. Какими были твои дневные сны?

- Господи, да у меня их никогда не было. Я не обладаю таким богатым воображением, как ты.

- Представь, что Амброзиус это твой дневной сон, и расскажи нам о нем.

- Это я могу сделать. Прекрасная идея. Когда я думаю об Амброзиусе как о реальном человеке, я начинаю его бояться; когда я думаю о нем как о плоде своего воображения, я чувствую себя глупо, но я легко могу говорить о нем, как о своем дневном сне. Ну, мне кажется, что Амброзиус был одиночкой и весьма высокомерным типом, когда он был

маленьким. Держался особняком и чувствовал свое превосходство над людьми, не смотря на то, что местные смотрели на него свысока, потому что он был слишком странным. Я думаю, что вне зависимости от того, каким он был, он не чувствовал своей принадлежности к этому миру. Потом они захотели засунуть его в церковь и это его вполне устроило, потому что снаружи ему было не за что держаться. Потом, мне кажется, когда он стал старше, он получил по шее из-за женщин. Не потому, что старый Аббат давал ему слишком много свободы, но потому что он не смог найти женщины, которая бы ему подошла. В своих кошмарах он видел женщину определенного типажа и он не мог найти такую же в реальности, а никто другой ему не был нужен. Вот что забавно, ты должен найти женщину определенного типажа, потому что со всеми остальными у тебя ничего не выйдет. Я знаю, потому я пытался. Я не такой дурак, чтобы верить в существование одной любви на всю жизнь, но я верю в то, что существует один типаж — или, по крайней мере, один важный фактор, который ты ищешь во всех остальных, хотя даже не знаешь точно, что это такое. Ты *не знаешь*, чего ты *хочешь*, но точно *знаешь*, чего ты *не хочешь*. Прости, Мона, что вот так вываливаю перед тобой свои заморочки, но если дядя Джелкс *продолжит* и дальше ворошить мое бессознательное, то разве может быть иначе?

- Было ли в твоих дневных снах что-нибудь о Греции? - внезапно спросила Мона.

- Ну хорошо, я расскажу тебе, но тогда ты снова попадешь в щекотливое положение. Используя те несколько идей, которые почерпнул в беседах с тобой и дядей Джелксом, и остатки того, что из вежливости могло бы называться моим образованием, я собственно говоря начал представлять себе Грецию. Я думал о том, как ужасно интересно было бы увидеть тебя в качестве предсказательницы, ну или жрицы, или чего-то подобного. Я видел тебя движущейся в процессии и выглядевшей так, как если бы ты сошла с греческой вазы, и ты была одета во что-то такое, во что обычно бывают одеты жрицы. И я видел нас с тобой стоящими у алтаря и проводящими вместе какую-то церемонию, и мы призывали Пана проявиться. Принимали сошедшую вниз силу, так сказать, как принимают сошедшие вниз языки пламени в Духов день.

Джелкс благодарил небеса за то, что в государственных школах даже классика дается в сокращенном варианте. Он поспешно огляделся в поисках какого-нибудь запасного пути, на который он мог бы увести Хью от надвигающейся опасности, но прежде, чем он сумел его отыскать, Мона заговорила снова.

- Так наши с тобой дневные видения встретились, Хью?

- Да, - ответил он тихим голосом из-под капюшона.

- Тогда давай претворим их в реальность. Пойдем со мной на улицу и я станцую для тебя Лунный танец, на траве и при свете луны.

- Я бы лучше остался здесь, если ты позволишь, - тихо сказал Хью.

- Идем, - сказала Мона и, завернувшись в свою тяжелую теплую накидку, она пошла к выходу по боковому нефу, а ее легкое мягкое платье развевалось в такт ее шагам и золотые босоножки поблескивали из-под него. Хью пошел следом.

Джелкс поспешно потушил свечи, дабы они не вызвали пожара, и поторопился следом за ними.

*Пенелопа — в греческой мифологии супруга Одиссея, ее имя стало символом супружеской

верности.

**«Ричард Третий» - пьеса Шекспира, «Сватовство Майлза Стендиша» - поэма Генри Уодсворта Лонгфелло.

***отсылка к Евангелию от Иоанна с легким перефразом. «Дух дышит, где хочет» в оригинале.

****отсылка к пьесе Уильяма Шекспира «Юлий Цезарь»:

Цезарь:

Вокруг себя людей хочу я видеть
Упитанных, холеных, с крепким сном.
А этот Кассий кажется голодным:
Он слишком много думает. Такие
Опасны люди.

(пер. И. Б. Мандельштап).

Глава 27.

Мона стояла, выпрямившись, на короткой траве бесплодного пустыря, залитой лунным светом; бледное сияние делало бесцветными и траву, и платье, и ее лицо, поэтому она выглядела, словно призрак. Хью, высокий и худой, стоял, в своем черном одеянии с капюшоном, ярдах в десяти от нее на самом краю тени, отбрасываемой часовой, но даже в темноте было видно, как побелели костяшки его сжатых в кулаки пальцев.

Но вот Мона начала танцевать. Это был не столько танец, сколько серия жестов пантомимы, ибо она не перемещалась ни вперед, ни назад больше, чем на пару шагов. Низкий, ритмичный напев, который, казалось, не мог быть исполнен человеком, служил ей аккомпанементом, и она покачивалась и жестикулировала в такт подъемам и спускам этой мелодии. Джелкс, знавший язык символов древних верований, понимал, какой смысл она вкладывала в свои движения и с замиранием сердца гадал, как много из этого сможет воспринять бессознательное Хью. Тени семинарии еще мелькали в его душе, поэтому вид мужчины в церковном одеянии, который наблюдал за старейшим в мире танцем, исполняемым для него, его несколько ужасал. Он хотел, чтобы Мона и Хью пришли, наконец, к взаимопониманию, но он даже не надеялся решить этот вопрос столь примитивными методами.

Он прекрасно знал, что Хью не был священником; что он не давал никаких клятв; что это черное одеяние с капюшоном было лишь символическим изображением его внутренних запретов; он знал, что в танце Моны не было ничего непристойного и что исполнен он был безусловно; но знал он также и то, что волнообразными движениями рук она специально вытягивала магнетизм из этого мужчины. Это все понарошку, повторял он себе снова и снова. Мона и Хью просто играют роли и знают об этом. Это не более, чем любительская театральная постановка, в которой они все вместе участвуют. В этом нет ничего неприличного и он оказался здесь лишь для того, чтобы тоже безусловно сыграть свою роль — и все же в происходящем была какая-то странная реалистичность. Глядя на сжатые руки и побелевшие костяшки пальцев Хью, он мог сказать, что для него всё это было реальным. Мона играла с огнем и это было дьявольски опасно, особенно со столь неуравновешенным человеком, как Хью. Мона была сиреной, вытягивавшей из него саму его душу. Хью никогда не смог бы посмотреть ни на одну другую женщину после этого. Чего добивалась Мона? Она

открыто заявляла, что не хочет иметь с Хью ничего общего, но теперь она никогда не сможет избавиться от него, не нанеся парню тяжелейшего удара.

Но постепенно, пока он наблюдал за танцем, в Джелксе возрастало чувство реальности происходящего. Танец был не более чем пантомимой и выдумкой, да, допустим. Но он точно также соотносился с иной реальностью определенного рода, как стрелки часов соотносились с течением времени. И Джелкс начал осознавать эту реальность и ощущать ее значимость. Дикий прилив сил в нем начал затихать. Он был слишком стар для подобных игр. Эмоции в его возрасте были явлением кратковременным. Голова его прояснилась и он стоял, наблюдая за двумя другими фигурами — зеленым, раскачивающимся из стороны в сторону созданием жизни и мечты, и худым, одиноким человеком в черном капюшоне, стоящим поодаль в тени часовни. Вокруг Хью Пастона всегда царил некоторая пустота. Как сказал он сам про Амброзиуса, он нигде не приживался, но везде был чужаком и изгоем. И теперь, когда он стоял в тени в своем черном одеянии с капюшоном, эта граничащая с одиночеством обособленность усиливалась в н-ной степени.

Был ли Хью в силах выйти из тени часовни под лунный свет? Джелкс понимал, что Мона пыталась выманить его. Почему он не реагировал, если она так хотела этого? Это бы не было по-настоящему. Никто бы не был задет. Но в глубине души Джелкс осознавал, и он чувствовал, что и Хью тоже это осознает, что все происходящее было очень далеко от выдумки. Джелкс не обладал сверхъестественными способностями; его никогда не посещали никакие видения; но он мог представить себе, как эфирные руки Моны вытягиваются, касаются Хью и притягивают его к ней, ибо он знал, что именно это она и делала в своем воображении.

Он представил себе, как ее руки, совершавшие волнообразные движения, оставляют линии света в воздухе, а потом вытягиваются, как тонкие серебристые щупальца, и ласкают Хью. Он увидел, что руки Моны лежали на плечах Хью, хотя она находилась в десяти ярдах от него. А потом он видел то, чего никак не ожидал увидеть — он увидел, что серая, призрачная копия Хью стояла в ярде или около того напротив него самого, так что здесь сейчас было два Хью, один темный и один серебристо-серый. Джелкс ахнул, чувствуя себя так, как если бы вся вселенная зашаталась под его ногами. Он всего лишь представил в своем воображении то, что, как он знал, представляла себе и Мона, будучи знакомым с техникой этой операции; но он совершенно точно не визуализировал отделившегося от своего физического тела Хью — тогда почему он это видел? Да, он видел это только духовным зрением, но тем не менее, он это увидел и это определенно не было его выдумкой. Видение возникло спонтанно без каких-либо усилий с его стороны и это заставило Джелкса задуматься.

На мгновение отвлекшись, он потерял из виду тех двоих, за кем он наблюдал, и когда он посмотрел на них снова, то увидел, что Мона закончила свой танец и шла к ним в своей обычной манере, а не тем причудливым способом, каким двигались жрицы в процессиях, как она до этого прошла через всю часовню.

Джелкс сразу понял, что Мона сделала все, что планировала сделать и теперь возвращала Хью к нормальному состоянию. Но Хью не реагировал. Он стоял неподвижно, глядя с высоты своего нескладного роста в лицо Моны, обращенное вверх в лунном свете, в то время как его собственное лицо было полностью скрыто тенью капюшона. Джелкс затаил дыхание, гадая, что же будет происходить дальше; он знал, что Мона освободила ветер и теперь должна была быть готова оседлать смерть.

Внезапно Хью схватил ее за плечи, которые, благодаря свободному крою ее рукавов, были обнажены. Затем, замерев, он вновь уставился на нее, но выражения его лица под капюшоном невозможно было разглядеть. Джелкс был благодарен небесам, что Мона была избавлена от этого зрелища; ему казалось, что там должно было быть что-то такое, что могло бы запросто стать чьим-нибудь ночным кошмаром. Мона тихо стояла, глядя на Хью, и черты ее лица было отчетливо видно в свете яркой луны за его плечами. Ее взгляд был спокоен и неподвижен, но ее губы слегка дрожали. Страшно разжигать такое пламя в мужчине, когда никакой ответной искры нет в тебе самой.

Хью быстро заговорил тихим голосом.

- Зачем ты делаешь это, Мона? Куда ты нас ведешь? Ты знаешь, что ты не хочешь меня. Я надеялся вопреки всему, но я не такой дурак, чтобы не понимать, когда меня на самом деле не хотят. Ты создашь себе большие проблемы, если будешь продолжать в том же духе. Это перебор.

Хватка Хью отдавалась болью в ее руках. У нее возникло ощущение, что если она не ответит, если не возьмет контроль над ситуацией, то эти руки сожмутся на ее горле.

- Если бы я знала, куда я нас веду, - ответила она спокойно, - То я бы тебе сказала, но я иду по наитию и тебе следовало бы радоваться тому, что ты можешь идти вслед за мной. Но мне все же не кажется, что я веду тебя в тупик, Хью.

- Так куда ты меня ведешь?

- Назад к истоку всех вещей, я думаю. Назад к природной силе стихий.

- И когда мы туда дойдем, Мона?

- Этого я не знаю; но Природа не врет и мы должны доверять ей. Мне кажется, мы во всем разберемся, когда дойдем до основания. Мы должны хотя бы попытаться.

- Конечно же я попытаюсь. Столько раз, сколько захочешь. Но что на счет тебя? Я надеюсь, ты делаешь это с открытыми глазами?

- Да, я знаю, что я делаю.

- Ну, надеюсь, что это правда. Если ты не знаешь, случится кошмарная катастрофа.

Пока он говорил, Мона ощутила зарождение холодного ужаса в солнечном сплетении, предвещавшего явление божества. Она схватила за запястья Хью, который все еще держал ее за плечи, и так они стояли, ожидая и прислушиваясь. Поднявшийся ветер зашелестел в зарослях лавров, покрывавших часовню, а Луна, опускаясь к горизонту, коснулась высокого фронтона. Потрепанные непогодой остатки креста, лишившегося своей перекладины, пронзали яркий лунный диск и отбрасывали на него свою языческую тень. Они продолжали ждать; ветер стал свежее; луна медленно опустилась за крышу и исчезла из вида.

Джелкс услышал, как Хью тихо спросил:

- Чем все это закончится, Мона?

И Мона ответила:

- Я не знаю. Мы просто должны доверять силе и следовать за ней.

- Хорошо. Веди. Я пойду за тобой. Я пойду за тобой куда угодно, Мона, ты же знаешь. Единственное, на что я надеюсь, так это на то, что в конечном итоге мы не расстанемся навсегда.

Джелкс понял, что они совершенно забыли о том, что они были здесь не одни. Ему бы очень хотелось увидеть лицо Хью в этот момент, но оно все еще было спрятано глубоко под капюшоном и источник света находился позади него.

Когда Луна скрылась за деревьями, стало темно и тени стали мрачнее.

Теперь Джелкс с трудом мог различать эти две фигуры в темноте. Платье Моны, серое и делающее ее похожей на призрака, слабо светилось в тусклом, рассеянном свете заходящей Луны. Хью в его черном одеянии был неразличим совсем, за исключением бледного пятна его лица в складках капюшона. Только лишь его руки, все еще лежавшие на плечах Моны, казались белыми и были отчетливо видны. Джелкс ожидал в любую секунду увидеть, как напряженное спокойствие двух едва различимых фигур перерастает в непримиримую борьбу, когда сила, призванная из глубин человеческой природы, вырвется на свободу и начнет управлять ситуацией, и он сомневался, что его собственной силы хватит на то, чтобы защитить Мону. Не стоило ли ему лучше вмешаться, пока не грянул шторм? Он открыл было рот, но не смог издать ни звука. Попытался сделать шаг вперед, но понял, что не способен пошевелиться. Вся картина превратилась в кошмарный сон. Мона и Хью были единственными реальными существами; но все, что было вокруг них, перестало быть настоящим; другое измерение открылось здесь.

Джелксу показалось, что тени, сновавшие повсюду вокруг него, были настолько же живыми, как и стоявшие в их окружении Хью и Мона, игравшие со странными силами, вызванными ими к жизни. Он словно бы оказался в кинотеатре, в котором не было экрана и фильмы витали вокруг него и пересекались друг с другом. Может быть, они вновь пробудили магию, сотворенную Амброзиусом? Он, должно быть, проводил свои ритуалы прямо здесь, в часовне, а вещи, созданные с помощью ритуальной магии, надолго остаются в памяти Природы.

Конечно же, это была старая магия, думал Джелкс, чарующая и пугающая одновременно; это было то, чего и хотел Амброзиус! Там был вовсе не Хью, там был Амброзиус, и он сейчас стоял, положив свои руки на Мону. Ну а что ощущала Мона? Джелкс не знал, ибо там была и не Мона тоже. Это создание не было человеком, но было чем-то бесплотным, что было создано Амброзиусом при помощи его магии.

То, что витало вокруг них и над ними, было скоплением элементарных сил; силы воздуха и духи элемента огня; духи воды и хранители сокровищ, спрятанных в жилах земли, и все те странные фамильяры, которые прислуживали средневековым магам. А в центре этого всего стоял Амброзиус, держа в руках то, что он создал — образ женщины, порожденной его собственными желаниями; и рядом с ними витали образы его фамильяров, хранящих круг от постороннего вмешательства.

Джелкс почувствовал, что волосы на его шее встали дыбом, как у собаки. Он отчаянно пытался сотворить крестное знамение и изгнать это всё, но он был связан магией этого круга и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, а мог лишь смотреть полными ужаса глазами на то, что происходило прямо перед ним — на монаха-вероотступника, ласкающего образ женщины, который он создал с помощью запрещенных искусств.

Потом видение начало понемногу рассеиваться; вокруг вновь начали появляться здания и звезды. Хью отстранился от Моны. Никто не заговорил. Хью выглядел слегка шокированным. Мона казалась парализованной. Джелкс чувствовал себя так, как если бы отходил от анестезии. Он подозревал, что Мона всё еще находилась в объятиях Хью.

Хью неуверенно поднял руки и откинул с лица капюшон; Мона испустила глубокий судорожный вздох и ее тело, бывшее до этого напряженным, наконец расслабилось. Джелкс призвал на помощь всю свою силу воли и освободился от чар. Он подошел к ним, взял их за плечи и развернул лицом к себе.

- Пойдемте, - сказал он, - Мы идем в дом. Достаточно с нас всего этого.

Они шли рядом с ним, не произнося ни слова; его руки, лежавшие на их плечах, направляли их в нужную сторону, как если бы они были лунатиками.

Вернувшись в душную гостиную, Джелкс повесил лампу как можно выше и бросил в огонь охапку дров. Хью удивленно уставился на огонь и протер глаза; затем он нырнул в складки своего одеяния, достал носовой платок из кармана своих брюк и протер лицо, которое было настолько мокрым от пота, как будто он окунулся в таз с водой. Он оглянулся, увидев Мону, которая смотрела на него ничего не выразившим взглядом. Она умела контролировать себя лучше, чем любой из этих мужчин, и казалась ядром спокойствия в центре циклона.

Хью медленно стянул с себя свое одеяние, свернул его и бросил в угол дивана. Потом он протер шею.

- Боже, - сказал он, - Есть у нас что-нибудь в шкафчике? - и неуверенно двинулся к буфету.

- Нет, там ничего нет, - отрезал Джелкс, - А даже если бы и было, я бы не позволил тебе к этому притронуться. Мона сделает нам чай.

Мона, благодарная возможности сбежать, удалилась в направлении кухни. Джелкс повернулся к Хью.

- Ну, и что это было? - спросил он настойчиво.

- Бог его знает, Ти Джей. Я без понятия. Все было как во сне. Я надеюсь только, что не слишком расстроил этим Мону.

- Она сама просила об этом. Придется ей с этим смириться.

- Придется, конечно, Ти Джей. Я не собирался позволять всему этому заходить настолько далеко. Это то, чего я всегда боялся. Этого не должно случиться снова, Джелкс, ведь это не честно по отношению к нам обоим.

Вошла Мона с уставленным посудой подносом. Она не смотрела на них и они не смотрели на нее.

- Как теперь быть? - спросил Хью, когда она снова вышла.

- Я поговорю с ней, - сказал Джелкс.

- Надеюсь, что поговоришь, - ответил Хью, - Кто-то определенно должен это сделать. Я не думаю, что она понимала, что делает.

Мона вошла снова, держа в руках большую коричневую фаянсовую чашку. Она остановилась в дверях и стояла, глядя на них. В зеленом платье, которое все еще было на ней, и с лентой в волосах она выглядела, как недавно выразился Хью, так, как будто бы сошла с греческой вазы. Джелкс посмотрел на Хью. Он зачарованно уставился на нее, забыв обо всем остальном. Он перевел взгляд на Мону. Она стояла в дверях, глядя на Хью, который полулежал в глубоком кресле. Ее лицо было спокойным. Глаза ее были неподвижны, но обычно сжатый рот был расслаблен, а губы ее были полными и красными, и во впадинке на шее заметно бился пульс. Джелкс пришел к выводу, что Мона прекрасно знала, что она делает, и что не было никакой необходимости в том, чтобы говорить с ней об этом.

Они поужинали в молчании, не считая редких фраз, обусловленных этикетом. Джелкс и Мона пили свой извечный чай, а Хью, хоть и воздержался от серьезной выпивки из уважения к Джелксу, все же открыл бутылку пива, чувствуя, что это было ему необходимо. В конце концов, хмель — аналог винограда, а Пану тоже делались возлияния. Джелкс, наблюдая за своими товарищами краем глаза, заметил, что Мона, подняв глаза, обнаружила на себе взгляд Хью Пастона и поспешно опустила голову снова, чтобы до самого конца ужина больше ни разу не посмотреть в его сторону.

Они закончили трапезу и сразу же разошлись по своим комнатам. Джелкс гадал, нужно ли ему патрулировать коридоры, но решил, что будет лучше позволить событиям развиваться своим чередом и, вздохнув, натянул пижаму через голову. Будь, что будет. *Dei et diaboli volunti**.

*По воле бога и дьявола (латынь)

Глава 28.

Мона сидела в кровати, крепко обхватив руками колени и пытаясь унять дрожь, и задавалась вопросом, что же, в конце концов, заставило ее вести себя подобным образом. Наступивший упадок сил был пропорционален прежнему состоянию перевозбуждения. Благодаря совести, которая не позволяла ей лгать себе самой, она не отрицала, что Амброзиус, этот предавший веру монах, казался ей дьявольски притягательным; но провоцировать этот аспект личности Хью было все равно, что играть с огнем. В своем нынешнем состоянии она была склонна рассматривать все произошедшее с точки зрения психологии. Амброзиус представлял собой подавленные и вытесненные в подсознание желания Хью, сформировавшие вторую личность. Он должен был пойти и пройти курс психоанализа, чтобы разобраться с этим. Если

она и дальше будет валять дурака вместе с ним, то он заработает кошмарный нервный срыв или может быть даже окажется в шаге от признания себя сумасшедшим. Она ужасно винила себя за это. Она была уверена в искренности своего желания помочь Джелксу с его *протеже*, но в итоге упала так низко, что едва не причинила ему вред. Мона, чьи моральные принципы хоть и были достаточно своеобразными, но все же были вполне определенными, ужасно злилась на себя. Почему она позволила себе настолько увлечься? Ей казалось, что она уже усвоила этот урок раз и навсегда. Она понимала также, что и Джелкс был на нее зол, и это расстраивало ее еще больше, ибо она очень уважала его и высоко ценила его хорошее отношение. В том настроении, в котором она пребывала сейчас, бедный Хью скорее раздражал ее и выглядел в ее глазах не просто непривлекательным, а прямо-таки омерзительным. Затем, осознав, что с завтрашним днем все равно придется встретиться лицом к лицу и что он неуклонно приближается, пока она раздумывает о произошедшем, она приняла две таблетки аспирина и попыталась заснуть, но, как и можно было ожидать, попытка оказалась безуспешной. В конце концов, она довела себя до того, что вся ее жизнь предстала перед ее мысленным взором и она безнадежно разрыдалась в подушку.

Потом ей показалось, что она немного успокоилась, и хотя она была совсем без сил, настроение ее изменилось. Все же Хью был очень мил, а жизнь невыносимо трудна; она бы наверное даже скучала по нему, если бы рассталась с ним, и, вероятно, гораздо больше, чем могла себе представить. Почему бы ей не выйти за него? Это сделало бы его счастливым и избавило бы ее от невыносимой борьбы за выживание.

Затем опять вернулось ее состояние упадка. В конце концов, послевоенная депрессия не будет длиться вечно и как только она сможет нормально зарабатывать, то снова будет больше всего на свете любить свое существование гуляющей кошки; и больше всего на свете ненавидеть свои попытки быть хорошей женой для Хью. Слезы снова потекли по ее щекам, но теперь это были слезы ярости. Мона злилась на себя, на Хью, но больше всего на Джелкса, который, как она понимала теперь, служил своего рода совестью для них обоих. Она явственно ощущала, что Джелкс, если уж говорить откровенно, ненавидел Пана и постоянно мысленно перекрецивался, дабы предотвратить его манифестацию, тем самым внося хаос в происходящее точно также, как и Миссис Макинтош своим обещанием молиться за нее. В ярости Мона отшвырнула в сторону свою сдержанность, но все же самоуважение уберегло ее от того, чтобы уступить Пану в его сатирическом аспекте. Слезы ярости уступили место слезам жалости к себе, и затем, когда они вымотали ее до изнеможения, безнадежным слезам смирения перед жизнью со всеми ее проблемами. Жизнь в этом мире оказалась ей не по зубам и она страстно желала оказаться в долинах Аркадии.

Хью, в свою очередь, не пил никакого аспирина и стоял у окна, засунув руки в карманы халата и уставившись на звезды. Он получил приличную встряску и сон к нему не шел. Он мог быть дураком в ведении совместных дел с другими людьми, потому что был слишком внушаемым и на него легко можно было повлиять, но ни в коем случае не был таковым в оценке того, что ни из себя представляют, ведь благодаря своей податливости он обладал достаточно сильной интуицией. С чувством восторженного триумфа он заключил, что Мона позволила себе зайти намного дальше того, чем она изначально планировала; но он также чувствовал и то ее настроение, которое господствовало на протяжении всего ужина. Он вполне осознавал, что Мона твердо решила не вступать ни в какие отношения с ним, во-первых, потому что он недостаточно ей нравился, а во-вторых, потому что гордость стояла на ее пути, словно лев. Со своей стороны он чувствовал, что все лучшее, что приготовила для него жизнь, было связано с Моной. Его негативная, сверхчувствительная натура тянулась к динамизму Моны как к единственной вещи, которая позволила бы ему продолжать жить в этом абсолютно темном и холодном мире, который от одного ее прикосновения заливался

золотым сиянием. Дошло до того, что он испытал настоящее отчаяние; если Мона не захочет быть с ним, то он понятия не имел, как он тогда будет жить.

Хью казалось, что это была не та проблема, с которой стоило обращаться к Небу, где не нужно было ни жениться, ни выдавать кого-либо замуж; скорее можно было надеяться на землю с ее бесконечным богатством и неизменным плодородием. Разве не смогла бы Великая Мать всех нас в своем богатстве и изобилии удовлетворить и его потребность тоже? Почему мы забываем о Матери в своем служении Отцу? Какие особые преимущества дает непорочное зачатие? Являются ли нисходящий с небес Заступник и восходящий Пан двумя противоположными силами, пребывающими в вечной борьбе, или же они подобны переменному току, протекающему между полюсами духа и материи?

Этого Хью не знал. Метафизика никогда не была его сильной стороной. Он лишь знал, в чем он нуждался, и, рассматривая это как свою законную потребность, не понимал, почему вообще он должен отказываться от ее осуществления. Он намеревался получить желаемое, если это было в его силах, и точка!

Он стал думать, как это можно было сделать. Что творилось в сердце Моны? Почему она не была в браке в свои тридцать с лишним лет? Чего такого она требовала от мужчин, чего они не могли ей дать? В чем реальность расходилась с идеалом? В том ли, что сейчас не существовало посвященных жрецов, способных проводить с ней ритуалы Элевсина? Вероятно, проблема заключалась именно в этом. И он долго раздумывал над тем, смог ли бы он, Хью Пастон, взять на себя роль жреца мистерий точно также, как Ямвлих советовал жрецам взять на себя роль Бога? Мог ли он, представив себя греческим жрецом-посвященным, отождествить себя с Паном? Это был смелый шаг, но, в конце концов, он был вполне традиционным и этом не было ничего нового.

Но если он это сделает, то что будет дальше? Они с Моной были не девчонкой и мальчишкой, играющими на залитых солнцем холмах, но зрелыми мужчиной и женщиной, которые требовали от супружества намного большего, чем то, что могло бы удовлетворить греческого атлета и его пассиву. Они были жрецом и жрицей. В фантазиях Моны жрец был инициатором, посвящающим ее в Мистерии. Как быть с этим? Как он мог восполнить пробел в знаниях? Он особо не мог особо расспросить об этом держащего celibat монаха из книжного магазина; спрашивать же Мону о том, в какие тайны он должен был ее посвятить, было неуместно. Но затем он вспомнил изречение святого Игнатия - «Встань в молитвенную позу и вскоре почувствуешь, что молишься». Если он сыграет роль верховного жреца, то вскоре сможет ощутить себя жрецом на самом деле: особенно если он сможет завлечь Мону сыграть роль жрицы. Это был метод Фрейбеля*, песня, сопровождаемая действиями - «Вот так мы косим пшеницу» - обучение в процессе игры. Так и происходила, если верить Джелксу, инициация в древности.

Затерявшись в своих грезах, Хью стоял у окна, забыв о течении времени. Голые серые камни английского здания уступили место белому мрамору греческого храма; бледный свет звезд английской ночи сменился сиянием греческих факелов. Он был верховным жрецом в святилище, ожидавшим прихода своей жрицы. Он слышал, как за пурпурными занавесками в переполненном храме ропщет возбужденная толпа. Занавески распахнулись, перед ним возникла Мона в одеянии жрицы Цереры и занавески снова закрылись позади нее. В переполненном храме наступила тишина, все затаили дыхание. Это было таинством, нисхождением силы для всеобщего блага. Это была священная обязанность. Позади него находился Отец Всего Сущего, Первозданная Любовь, позади нее находилась Мать-Земля. Как в тех фантазиях он стал жрецом, так теперь жрец стал богом — внезапно, без каких-либо

усилий с его стороны. Он почувствовал, как через него проходит сила, ощутил себя частью великого целого, бывшего единым с землей, раскачивавшейся в кружащихся небесах. Но затем он внезапно остановился. Продолжить он не мог. Для этого ему не хватало его жрицы. Сила, искавшая выражения через него, не смогла бы найти выхода, ибо цепь не была заземлена, но оставалась изолированной в пустоте космоса. За этим осознанием последовал резкий упадок сил. Он знал, что то, что он ищет, находилось всего в одном шаге от него, и потеряв это, почувствовал ужасное разочарование, которое обещало плохо сказаться на его нервной системе на следующий день.

Он попытался взять себя в руки. В конце концов, это была только фантазия, которой он себя развлекал; не стоило так переживать из-за грез наяву, потерявших свой блеск. Он попытался сосредоточиться на проблеме отношений с Моной. Он подозревал, что произошедшее за последние несколько часов дало бы ему определенные преимущества, если бы он только понял, что с этим делать. Но он был настолько безнадежно неумел в обращении с женщинами, что каждый раз он или упускал свой шанс, или слишком превосходил самого себя. Хью почувствовал, что проваливается в свое прежнее состояние жалкой ненависти к себе. Он отчаянно пытался выбраться из него. Оно было прямой дорогой к полнейшей беспомощности — он не должен был допустить этого. Он подумал об Амброзиусе. Легкая улыбка коснулась уголков его губ. Он догадывался, что Моне нравится Амброзиус. Предположим, что он намеренно переключился бы на личность Амброзиуса, что он теперь мог делать практически по собственному желанию, смог ли бы тогда он подчинить себе Мону? Это была заманчивая идея, но все же у него были сомнения на счет нее. Какие-либо отношения между Моной и Амброзиусом привели бы к фрустрации. Дьявольский приор черпал весь свой динамизм в самом факте фрустрированности.

Затем он испытал необъяснимое, но вполне точное ощущение, что он никогда не превратится в Амброзиуса снова по той простой и замечательной причине, что Амброзиус сам превратился в него! Как он сказал Моне, он исполнил последние желания монаха-вероотступника и его беспокойному призраку больше незачем было разгуливать на свободе. Или, другими словами, он исполнил все то, к чему Амброзиус стремился всей душой. Забавный факт заключается в том, что наше внутреннее я оказывается вполне удовлетворенным, когда мы просто «показываем» ему то, чего оно хочет, и нет совершенно никакой необходимости в том, чтобы фактически выполнять его желания. В субъективном королевстве имеют значения лишь ощущения, о чем прекрасно знали древние, когда проводили ритуалы.

Ужасающий приор больше не мог ему помочь. Он должен был рассчитывать лишь на себя. Не стоило еще больше усугублять фрустрацию.

Он вспомнил о той странной сцене в часовне, когда, доведенный до отчаяния намеками своих сестер, он представил себе смерть Амброзиуса, а вместе с этим пришла странная уверенность в данном ему обещании. Что же такое было обещано Амброзиусу? Чем было то, чего он искал? Имел ли он, Хью, право потребовать исполнения обещанного?

Мыслями он снова вернулся к Аркадии. Там и только там ждало его исполнение и обещания, и мечты. Пан из Аркадии с его пастушеской свирелью не был дьявольским созданием, как злоеший Козел Мендеса из воспаленного средневекового воображения. Ему нужно было искать то, что существовало задолго до Амброзиуса — греческое вдохновение, пробудившее в Амброзиусе мужчину. Любопытно, что когда человек начал заново собирать по кусочкам греческую историю — бесподобные статуи богов и вечную мудрость философов — в цивилизации, утопавшей в интеллектуальной темноте с тех самых дней, как боги покинули

ее незадолго до нападения галилеян, наступил Ренессанс. Что же должно было произойти теперь, в наши дни, когда пришел Фрейд и воскликнул «Воскрес великий Пан!»? Хью пытался понять, не были ли его личные проблемы частью одной всеобщей проблемы, а его собственное пробуждение частью куда более широкого пробуждения? Он гадал, не может ли идея, реализованная одним человеком, пусть даже он при этом не скажет никому ни слова, внедриться в групповое сознание расы и остаться работать там, наподобие закваски?

Предположим, думал Хью, поглощенный своими размышлениями и совершенно забывший обо всем, что его окружало — предположим, он бы представлял себя греческим верховным жрецом из дневных грез Моны до тех пор, пока это не стало бы правдой для него, как это сделал Амброзиус, могла ли бы Мона тогда ему не ответить? Знаменитый актер, который был также и великим художником, говорит, что что-то как будто бы входит в него и подчиняет его себе, когда он играет роль, и он меняется, и герой, которого он играет, оживает внутри него. Хью вспомнил, что Мона говорила в часовне, что греческий атлет из ее видений бежал за ней, потому что был ей очарован. В точности то же самое, бесспорно, видел и он тоже. Он вспомнил напряженное выражение лица Моны в тот момент, когда он случайно рассказал ей о своем сне, пока они искали пыльные старые книги в музее. Конечно же она узнала его, и даже по какой-то причине, лучше известной ей самой, открыто призналась в этом в часовне, когда они проводили сеанс психоанализа самим себе. Так почему же она это сделала? Было ли что-то в самой Моне, что говорило бы «Да, я буду служить Пану вместе с тобой, только если вера твоя настоящая»?

Ему казалось, что если уж он смог проверить такую вещь с Моной — этот забавный эксперимент со временем, являвшимся только режимом сознания, и даже еще более забавный эксперимент с могуществом дневных грез — то что-то определенно должно было просочиться и в групповой разум расы, и стать частью культурного наследия. Ему не нужно было взывать к своим братьям или искать их одобрения и поддержки; он только должен был *быть* кем-то — делать что-то, и это произошло бы одновременно и в групповой душе расы и ее отдельные представители подсознательно ощутили бы это — так, во всяком случае, работали все адепты, по словам Джелкса.

Все еще глядя в ночное небо, он вдруг осознал, что был частью огромного целого и что огромная жизнь искала выражения через него, и что через исполнение им желаемого исполнится и желаемое ей, а его фрустрация станет и ее фрустрацией тоже. Проблема была не в Хью Пастоне, который влюбился в женщину, не отвечавшую ему взаимностью, проблема была в том, что определенные силы во Вселенной находились в дисбалансе и он знал, что вся Вселенная жаждет исправить этот дисбаланс, и что если бы он только расслабился и позволил себе плыть по космическим волнам, они бы вынесли его к тому месту, где он хотел бы оказаться. Но чтобы добраться туда, он должен был прежде всего расслабиться и отпустить контроль, и позволить космическим силам исправить всё самостоятельно. Никак иначе он не смог бы их использовать.

Он понял, что нашел очень важный ключ, когда осознал, что достичь динамичной реальности можно только посредством фантазии, наиболее динамичной из всех форм самовнушения. Ортодоксальные психологи никогда этого не замечали. Это могло быть чистым воображением, но тем не менее это был способ, которым можно было привести в действие невидимые причины явлений, если только они совпадали с направлением их течения.

Это действительно было стоящим открытием, подумал Хью, напрочь позабыв о своей фрустрации, когда увидел путь, вновь открывшийся перед ним. Ему только нужно было стать жрецом и он смог бы подчинить себе свою жрицу.

Проблема, конечно, была вовсе не в том, чтобы подчинить себе Мону; проблема была в том, чтобы самому стать тем, кто смог бы удовлетворить ее потребность. Она знала слишком много, чтобы довольствоваться обычными отношениями; что ей было необходимо, так это жрец-инициатор. Если он сможет стать таковым, она конечно же выйдет за него, об этом не стоит даже переживать. Но как ему было это сделать? Как назначить себя на роль жреца забытого ритуала? Как еще, если не позволив силе, выражением которой он был, подняться под действием ее собственного особого магнетизма, чтобы глубина воззвала к глубине? Мона провела для него ритуал, руководствуясь причинами, лучше известными ей и Джелксу; он проведет ритуал для Моны!

Ему показалось, что он увидел свой путь во всех подробностях, и решил, что утром он с этим разберется.

*Фридрих Вильгельм Август Фребель (1782-1852) — известный немецкий педагог, создавший первый в мире обучающий материал для детей и открывший первый в мире детский сад.

Глава 29.

Солнце, поднявшееся на следующий день над утренним туманом, обещало жаркий день, один из тех нечастых и недолгих периодов жары, что бывают иногда между весной и летом, и Хью, ощутив дыхание тепла, ворвавшегося в его окно, пока он одевался, понял, насколько сильно не хочет никаких тяжелых одежд и накрахмаленных воротничков, и надел свои старые шорты цвета хаки, оставшиеся после его африканской экспедиции, сетчатую рубашку цвета хаки с коротким рукавом, потерявшую большую часть своих пуговиц, и сандалии Амброзиуса. В таком сомнительном виде он и спустился к завтраку.

Он бесшумно передвигался в своих сандалиях без каблуков и когда он вошел в гостиную, Мона не заметила его присутствия. Как и в день их первого утреннего завтрака на ферме, дверь, ведущая в сад, была широко открыта, пропуская в гостиную утреннее солнце, а перед ней стоял стол, маленький дубовый стол с раздвижными ножками, покрытый пестрой, цветастой скатертью ручной работы из грубого материала, и на ней, приготовленный для завтрака, стоял набор глиняной посуды ручной работы, которая была раскрашена в желтые и оранжевые цвета, а основания которой оставались серовато-охристого цвета натуральной глины. Как и раньше, коричневые вельветовые личики полиантусов возвышались над маленьким горшочком с медом, но если в тот день это были первые осмелевшие растения, выросшие возле нагретой солнцем стены, то на этот раз это были запоздалые отстающие цветы из тенистого угла дома. Мона, тихо напевавшая себе под нос, переставляла бессистемно расставленную Глупышкой Лиззи посуду, и песня, которую она пела, была достаточно необычной.

Чаша из дуба и глиняный кувшин,
Мед медоносной пчелы,
Коровье молоко и греческое вино,
Золотая кукуруза с соседнего луга -
Это наши приношения тебе, Пан,
Козлоному богу Аркадии.

Рогатая голова и раздвоенное копытце,
Оленята, ищущие нимф, и нимфы, убегающие от них,
Ясные звуки свирели, которые становящиеся все ближе,
Проносясь над долинами Аркадии -

Это дары, которые мы получили от тебя,
Бога невероятного экстаза.

Приди, Великий Пан, и благослови нас всех:
Благослови кукурузу и пчел,
Благослови коров и виноград,
Благослови долины Аркадии.
Благослови нимф, что со смехом убегают прочь,
Бог всего изобилия.

Эти слова странным образом сочетались с простым завтраком, стоявшим здесь, на солнце, в котором не хватало только греческого вина, а Мона, которая, как и Хью, ощутила приход раннего тепла и надела свое тонкое зеленое платье, казалась настоящей жрицей. На ней были ее старые коричневые сандалии, одетые на голые без носков ноги, а на ее голове не было повязки, но за исключением этого она выглядела в точности также, как и предыдущим вечером, когда танцевала лунный танец, пытаясь выманить душу Хью.

Она обернулась и заметила его, и стояла, беспомощно сжимая в руках маленькую вазочку с цветами. Сон и солнечный свет помогли ей ненадолго забыть обо всех ее проблемах и сбежать в долины Аркадии. Она не думала, что Хью уже спустился вниз и, будучи застигнутой врасплох, не смогла сказать ничего лучше, чем: «Привет, Хью?».

- Привет, Мона? - ответил он.

Она отчаянно пыталась понять по тому, как он держался, что он думал о событиях предыдущего вечера. Они могли значить много или мало в зависимости от того, как на них смотреть. Но бывали времена, когда Хью казался невозмутимым, словно могильный памятник, и сейчас было именно такое время. Мона решила, что будет лучше забыть о произошедшем и надеялась, что он последует ее примеру.

- Чудесное утро, не правда ли? - спросила она нервно.

- И в самом деле, Мона, невероятно чудесное. Я думаю, - улыбка тронула уголки его губ, - что Пан должен быть нами доволен.

Затем, к глубокому облегчению Моны, к ним присоединился Джелкс, который, не смотря на жару, был одет в свой извечный инвернесский плащ, и они уселись за молоко, мед, овсянку, только что снесенные яйца и цельнозерновой хлеб при свете яркого солнца — настоящий аркадийский завтрак.

Мона удалилась в задние помещения, чтобы дать наставления Глупышке Лиззи; Джелкс уселся за чтение сенсационной воскресной газеты на солнце и погрузил свою душу в скандалы, а Хью бродил по пастбищу, выкуривая привычную сигарету после завтрака.

У него было отчетливое ощущение, что часовня не была подходящим местом для инвокации Пана — он сомневался, что какое-либо место под крышей вообще может подойти для этого. Великие архангелы в контрфорсных отсеках были строгими правителями элементарных сил, а на мистическое дерево на востоке можно было медитировать всю свою жизнь, но Пан казался чем-то совсем другим. Хью решил, что перевернутый ящик вполне может служить кубическим алтарем и решил перенести его в сосновую рощу, если сможет найти там место, не просматривающееся ни со стороны дома, ни со стороны дороги.

Он медленно брел по широкой травянистой аллее между недавно разбитыми Моной грядками, срывая то здесь, то там пахучие листья, сминая их в руках и вдыхая их чистый, острый аромат из сложенных ладоней. В конце пути, там, где пастбище переходило в пустырь, в неглубокой почве которого, расположенной над меловыми отложениями, не могли найти пропитания даже серые травы, возвышались, словно стражи, два круглых серо-зеленых кустарника. Хью сорвал нежную ветку, похожую на веточку адиантума, с одного из них, размял ее в ладонях и тут же ему в нос ударило отвратительное козлиное зловоние. Он поспешно вытер руки о задние карманы своих шорт, но это ничуть не помогло улучшить ситуацию и запах теперь ощущался не только впереди, но и сзади. Фрида всегда настаивала на том, чтобы он переобувался после посещения конюшни, и он гадал, не потребует ли и Мона, чтобы он переоделся в костюм в этот знойный день, над которым уже повисло сияющее марево. Он мог бы оттереть руки, приложив силу, но могло ли это помочь его задним карманам? Он сомневался в этом, и, посидев еще несколько минут на клочке влажной травы, решил предложить пообедать сегодня на улице.

По его спине пробежал холодок и он, решив, что роса сделала уже все, что могла, встал со своего неудобного места и только теперь понял, что промок он по причинам гораздо более худшим, чем роса. Махнув на это рукой, он пробурчал «проклятие», поджег сигарету и медленно побрел по тропинке дальше, стенающее искушение для всех окрестных козочек.

В небольшом лесу росли одни шотландские ели; но так как их стволы были оголены, как это всегда происходит по мере роста дерева, а дорога в этом месте шла по возвышенности, хотя и на некотором расстоянии, то все, что происходило в лесу, было отлично с нее видно, и перспектива найти здесь укромное место для алтаря Пана казалась не очень удачной. Но на бесплодную землю, не видимую с дороги, не обращала внимания разбросанная на противоположной стороне деревушка, так что это должно было быть здесь или нигде. Они никогда не исследовали лес сколько-нибудь тщательно, потому как он был окружен зарослями ежевики, но Хью, сделав несколько гигантских шагов и перекинув свои длинные голые ноги через них, оказался в тени деревьев в надежде все-таки найти в зарослях какое-нибудь укрытие.

Он пошел дальше, отметив, что в тени деревьев, где почти отсутствовала другая растительность, идти было намного легче, и увидел впереди густую массу темной листвы среди красно-коричневых стволов. Выглядело это обнадеживающе и он направился прямо туда, чтобы обнаружить полосу тесно посаженных тисов, преградивших ему дорогу. Тисы — долго живущие и медленно растущие деревья, и по обхвату их стволов он сделал вывод, что они должны были быть довольно древними, и с внезапным учащением сердцебиения подумал о том, не могли ли они быть ровесниками Амброзиуса и если да, то для чего они были посажены?

Он нырнул под низко свисавшие наружные ветви и с некоторыми усилиями пробрался дальше, оказавшись на небольшой открытой полянке, полностью окруженной тисами. Здесь было именно то уединение, о котором он мечтал! Осматриваясь, он вытаскивал из своей рубашки и волос тисовые иглы.

Со всех сторон вокруг него свисали до самой земли черно-зеленые ветви тисов, образуя закрытую поляну в форме длинного узкого овала. Такая форма образовывалась пересечением двух окружностей и, очевидно, была создана когда-то с математической точностью. В самом центре, на перекопанной кроликами земле, лежал продолговатый валун. Хью осмотрел его. Поскольку камень был измучен непогодой, сложно было определить, было ли это естественным обнажением породы или же он был принесен сюда человеком. Однако в меловом слое такие камни не образовывались и Хью догадался, что это был один из тех

стоячих камней, о которых рассказывала Мона - камень, отмечающий направление линии силы. Небольшой ручей в долине был запружен плотиной, а на плотине росли древние дубы. В этой запруде не было никакого смысла. Она не поила никаких стад. Она не вращала никакой мельницы. Но если провести прямую линию между плотиной в долине и старым монастырем, то она бы прошла точно через этот камень. Шотландские ели были завезены в эту часть страны не так давно. До их появления бесплодная возвышенность была голой и человек, стоявший рядом с запрудой в простиравшейся внизу долине мог увидеть на другой ее стороне запруду в другой долине, и в следующей, и так до тех пор, пока не дошел бы до той точки, где зеленые дороги Англии сходятся в Эйвбери: Амброзиус выбрал себе отличное место. Вокруг старого стоячего камня он посадил тисовую рощицу, тем самым сохранив его на месте прохождения одной из линий силы древнего поклонения.

Хью рассматривал величественный камень, незаметно лежавший в пыли. Не нужно обладать большой силой, чтобы снова его поставить. Он подумал, что он мог бы прекрасно справиться с этим самостоятельно. Пробравшись сквозь тисы, он быстрым шагом направился к дому и, никем не замеченный, обогнул сарай и вернулся обратно с киркой и лопатой. Рыхлый песчаный грунт легко поддавался, но с огромным камнем дело обстояло сложнее, и Хью, как бы ему ни хотелось обратного, был вынужден пойти и притащить сюда Билла.

Приветливый, словно бобтейл, на которого он так сильно походил во всем, кроме интеллекта, Билл продирался сквозь кусты в своем лучшем воскресном костюме вслед за своим работодателем. Однако, когда он увидел камень, он сдвинул за затылок свою остроконечную кепку и почесал ее.

- Оу, - сказал он, - Это же одна из дьявольских кеглей. Не лучше ли нам оставить ее в покое, мистер?

- Ты веришь в дьявола? - спросил Хью.

- Ну, я даже не знаю. Он никогда не делал мне ничего дурного, хотя другие так часто бывают к нему жестоки. Жаловаться мне не на что.

- Тогда прекрасно. Подними этот камень для него и установи его аккуратно вот здесь, так как он всегда был с тобой любезен.

- Да, конечно, сэр, - ответил Билл, с огромной силой навалившись на камень и поставив его прямо в яму, которую Хью выкопал в качестве фундамента. Вместе они засыпали его рыхлой землей и утрамбовали землю ногами. Затем они выпрямились и оглядели свою работу, каждый на свой лад размышляя о том, как ее оценит Дьявол. Что-то привлекло внимание Билла и он с подозрением принялся.

- Господи боже, - воскликнул он, - У кого-то кровоточит коза!

- В самом деле? - спросил Хью, перебираясь на подветренную сторону.

Билл взвалил на плечо кирку и лопату и неторопливо удалился, оставив Хью обдумывать следующий шаг. Со стоячим камнем посреди поляны ему не нужен был никакой другой алтарь. Он внимательно осмотрел его и заключил, что это определенно был обработанный камень — короткий тупой столб с округлым верхом, он был слишком симметричным для того, чтобы быть чем-то еще.

Итак, у него был свой храм, но что было делать с ритуалом? Нужно ли было проводить его в

полдень, или в полнолуние, или в безлунную ночь? Он не знал. Он подождет, пока дух направит его, а потом приведет сюда Мону и позволит Пану говорить через него.

Но предположим, что в конце концов Пан окажется Дьяволом, как считал Билл? Дьявол, так серьезно воспринимаемый всеми правильными христианами, был, конечно, очень похожим на козла персонажем, если верить картинкам из книжек в воскресной школе. И все же в этом небесном козле чувствовались доброта и мягкость, которые никак не вязались с абсолютным злом.

И потом, если Бог был против Дьявола, то зачем тогда он терпел его? И если Бог терпел его, разве не попустительствовал он таким образом его злодеяниям и не разделял с ним за это ответственности? Это было за гранью понимания Хью. Его философские размышления разбились о скалу, которая потопила много крепких теологических лодок. В конце концов, почему Природа должна находиться в вечной войне со своим Создателем? Это не разумно, если, конечно, в сам акт творения не закралось ужасной ошибки. Разве не разумнее, если не сказать почтительнее, было бы предположить, что Бог создал Природу такой, какой и хотел ее видеть, а святые, пытаясь улучшить творение рук Божьих, внесли во все такую огромную неразбериху? Отдаленный звук гонга возвестил о ланче и, приветливо кивнув стоящему камню, Хью пробрался через круговую поросль тисов и удалился.

В ответ на его просьбу, переданную с Биллом, ланч проходил на улице, но даже не смотря на это Мона ходила вокруг Хью, приняхиваясь.

- Хью, - спросила она, - Ты играл с моими рутами?

Хью, пытаясь выглядеть невиновным, спросил, что за руты она имеет в виду.

- Два серых кустика в конце травяной дорожки — козлиная трава.

Хью смущенно рассказал о своих злоключениях. Достаточно было применить силу, чтобы оттереть руки, но ни роса, ни сила ничем не помогли задним карманам его шорт.

Джелкс расхохотался.

- Ну, девушки, насколько мне известно, умывают росой лица, чтобы улучшить их цвет, - сказал он.

Мона бросила на него уничтожающий взгляд.

- Лучше сядь, Хью, - сказала она, - И тогда это не будет настолько заметно.

Мона обслужила их — бесполезно было заставлять Глупышку Лиззи ждать у стола, если, конечно, ты не хотел, чтобы вся твоя еда оказалась у тебя на шее — и они уселись за трапезу. Внезапно старый Джелкс поднял глаза и, нарушив свое привычное правило соблюдения тишины во время еды, сказал:

- Я думаю, ты поступил правильно, решив разобраться со всем этим, Хью, и я сделаю все, что смогу, чтобы помочь тебе, даже если сам я порой запутываюсь в своих собственных комплексах. Этот монашеский капюшон был бы в самый раз для меня. Будь оно все проклято, я ведь был очень близок к подобному!

- Хью однажды сказал очень правильную вещь, - ответила Мона, - Или, может быть, это был

не Хью, а Амброзиус. Теперь я не могу их различать. Он сказал, что это Церковь была создана для человека, а не человек для Церкви.

- Я думаю, так и есть, - сказал Джелкс, - Ведь любая религия - это просто наши домыслы о том, что находится по ту сторону жизни. Мы не знаем этого. По самой природе вещей мы не можем этого знать. Насколько я понимаю, единственный критерий, по которому мы можем оценивать теологическую систему, это ее влияние на личность. Невозможно узнать, что об этом думает Бог, за исключением того, что выдают за его мнение оппоненты того или иного учения; но можно увидеть его влияние на человеческую жизнь, и это именно то, исходя из чего я делаю выводы о религии. Я смотрю на ее приверженцев — среднестатистических приверженцев — не на святых — и не на белых ворон, но на их основную массу. Христианство порождает слишком много злодеев и покровительствует огромному количеству идиотов. Но зачем ему это нужно, спрашиваю я себя? Это самый кошмарный обвинитель из всей шайки. Хотя в исламе есть джихад и массовые убийства, там нет никакой мелкой озлобленности. Я думаю, что групповые души получают невроты точно также, как и отдельные индивиды, и что Христианство слишком сильно страдает от вытеснения своих желаний; и это делает его чертовски не христианским.

- Это кошмарное богохульство, Дядя, - ответила Мона, - Если бы я сказала и половину этого, ты бы свернул мне шею.

- Не так уж и плохо это звучит, - сказал Джелкс, - Я ругаю Церковь, но не Христа.

- Когда тебя дико тошнит от всего этого дела в целом, очень сложно разделить Церковь и Христа, - ответил Хью, - Тем более, что у Церкви на него право собственности.

- Я не признаю этого права, - сказал Джелкс, - По мнению всех беспристрастных ученых, эти права фальшивы. Именно функция, а не какое-то право, дает власть религии. Я следую за человеком, обладавшим подлинной духовной силой, и мне совершенно безразлично, принадлежал ли он к какой-либо вере или нет.

Сидя на низкой, широкой скамье, с мужчиной и девушкой по обе руки от себя, Джелкс смотрел на солнце, висевшее золотым диском над сосновым лесом.

- Каким будет следующий шаг в этой игре? - спросил он, наконец.

- Следующий шаг, - ответил Хью, - Это вернуться к нашему изначальному плану и призвать Пана, смешав методы святого Игнатия и Гюйсманса.

- Разве ты когда-нибудь отходил от этого плана? - спросил Джелкс.

- Ну, мы не слишком занимались им, пока Мона была простужена, а я обустроивал ферму, и пока Амброзиус выкидывал свои номера.

- Ты никогда от него не отходил, Хью. Старые здания пробудили Амброзиуса, а Амброзиус призвал Пана в точном соответствии с планом.

- Боже мой! - воскликнул Хью, и повисла тишина.

- Будет ли Хью из-за жизни здесь периодически превращаться в Амброзиуса? - спросила Мона и в ее голосе прозвучала нотка беспокойства.

- Так бы было, если бы он обустроил это место в духе средневековья. Уберите все средневековые вещи, которые у вас есть, в часовню. Вы не сможете с ними жить, как не смогли бы жить с канализацией времен Амброзиуса или его меню.

- Но стоит ли тогда Хью вообще здесь жить? Правда, он так сильно влюблен в это место. И это место такое прекрасное, - сказала Мона со вздохом, думая об успешном начале разведения сада во внутреннем дворе.

- Дом такой, каким вы делаете его сами, - сказал Джелкс, - Мой предшественник начинал бизнес в качестве прикрытия для скупки краденых вещей, но это не значит, что я тоже скупаю ворованное. Один или два его покупателя возвращались по первости, но когда я сказал «нечего вам здесь делать», они вскоре убралась с моей дороги. В конце концов, последнее слово по поводу атмосферы всегда остается за владельцем, если только он не позволяет месту завладеть своим воображением. Начните им управлять; не позволяйте ему управлять вами.

- Мне кажется, - сказал Хью, - Что мы прошли уже достаточно долгий путь; возможно, куда более долгий, чем осознаем сами.

Джелкс поднял на него бровь.

- Почему ты так думаешь?

Хью откинулся на спинку скамьи и положил жилистые локти на свои огромные костлявые колени — в этой одежде он казался намного более огромным и грозным, чем в своем обычном костюме.

- Сложно объяснить, - ответил он, наконец. - Очень сложно. Люди обычно ждут от психических феноменов каких-то достаточно ощутимых проявлений или чего-то чудодейственного. У нас же ничего этого не было. У нас даже не было ничего похожего на обычный домашний круг, в котором играют гимны на фисгармонии. У нас не было ничего такого, что мы не могли бы при желании списать на работу подсознания. Ничего, что было бы очевидным, если бы мы только понимали что-то в природе очевидного. Но в то же время мы пережили — или, по крайней мере, я пережил — какой-то невероятно глубокий опыт. Я не смогу доказать этого кому-либо еще, да и я не такой дурак, чтобы пытаться это сделать; но сам я весьма доволен пережитым. В любом случае, чем бы это ни было — подсознанием, сверхсознанием, галлюцинациями, телепатией, внушением, самовнушением, космическими опытами, обычной чепухой, обманом или ложью, я чувствую, что я родился заново. Не как будто бы был спасен. И не как будто бы родился. И не как будто бы стал таким, каким хотел бы быть. Но именно родившимся заново для более полной жизни и более развитой личностью. Это весьма неплохо для меня, Ти Джей, и я помогу добраться сюда любому, кто этого захочет.

- Как ты понял, что все это не просто игры твоего воображения, Хью? - спросил Джелкс, наблюдая за ним.

- Я не знаю, Ти Джей, и это не имеет для меня значения. Возможно, это так, ибо я довольно усердно задействовал свое воображение при выполнении этой работы. Но *при помощи* воображения я достиг расширения сознания, чего, вероятно, со мной никогда не произошло бы, если бы я все время опирался только на незыблемые факты и сразу же отвергал все то, существования чего не мог доказать. Бессмысленно так поступать. Нужно принять Невидимое как рабочую гипотезу и тогда то, чего ты не можешь доказать, позже

докажет себя само. Конечно, эти вещи не реальны в том смысле, в каком реальны столы или стулья: иными словами, я бы не ободрал себе ноги, если бы споткнулся о них в темноте; но в наши дни никто, кроме самых наивных, не верит в другую реальность. Последовав за «как будто бы», я вступил в контакт с иной реальностью, отличной от популярной — и в этой реальности я могу тянуть за веревочки, заставляя происходить определенные вещи — и будь оно все проклято, Джелкс, если я не воспользуюсь этой возможностью!

- Как ты собираешься это использовать, Хью?

В глубине души у Джелкса вертелись определенные слова о соблазнении и ему показалось, что сбегать и запастись обручальными кольцами было бы мудрым решением.

- Пусть все идет своим чередом, Ти Джей. Ошибка, которую делает большинство людей — они начинают ждать чудес. Думают, что произнеся слово силы, заставят желаемое свершиться. Но этого не будет, пока прежде всего не будет выработана сила слова. Старый Игнатий, если, конечно, это его слова, был прав, когда говорил - «живи свою жизнь и ты разовьешь свою веру». Я хочу призвать Пана, поэтому я должен жить, как Пан — отсюда и обломки веток крыжовника, на которые, как я вижу, ты смотришь с такой укоризной из глубин своего инвернесского плаща.

- Если ты выйдешь на Биллингс Стрит в пятнистой оленьей шкуре, то соберешь толпу зевак, а вдобавок ко всему еще и простудишься!

- Ты неправильно меня понял, Ти Джей, я не собираюсь устраивать никаких представлений. Ты не увидишь меня гарцующим с лилией по Пикадилли. Главное — это дух вещи, а не то, как она выглядит. Мои шорты с футболкой - это современный эквивалент одеяния древнегреческого атлета, готового к бою. Вся современная прямоугольная мебель — это усложненный примитивизм. Когда потребовался по-настоящему старомодный трон для Эохайда в «Бессмертном часу»*, ему дали современное кресло без подушки. Я чувствую себя раскрепощенным, просто глядя на наш кретон. В то же время, когда я смотрю на розы миссис Макинтош в новой части дома, я сперва ощущаю себя как никогда целомудренным, но затем начинаю чувствовать себя просто кошмарно. О да, Мона прекрасно выполнила свою работу. Временами в эту девчонку вселяется дьявол — если только он не находится в ней постоянно, - он задумчиво потер свой подбородок. - За это она мне и нравится.

- Сдается мне, - ответил Джелкс, - что если Мона намерена остаться здесь с тобой наедине, то ей стоит покрепче запирать свою дверь.

- О чем я ее и предупреждал, - сказал Хью, - Только она этого не делает.

- Как ты узнал про дверь? - с негодованием воскликнула Мона.

- Какое-то время назад я спрятал ключ от нее и ты так ни разу его и нехватила.

Мона вскочила на ноги с тяжелым глиняным кувшином в руках.

- Если ты выльешь на меня эту воду, то получишь по заслугам, - сказал Хью с веселой ухмылкой.

Джелкс вскочил и застучал кулаком по столу, как председатель на вышедшем из-под контроля собрании.

- Я не потерплю такого поведения, Хью Пастон! Такие вещи прокатили бы в тех домах, к которым ты привык, но мы здесь такого не потерпим!

- Ну, я хотел узаконить нашу связь, но она не приняла моего предложения. Ведь я не могу предложить ничего больше, правда? Предложение все еще в силе. Пусть Мона скажет, чего она хочет. Я обойдусь без официальной церемонии, если ей так хочется.

Они поняли, что в этой логике было что-то странное, но в данный момент не могли понять, что именно, и могли только стоять и смотреть на Хью. Джелкс первым взял себя в руки. Было предельно ясно, что нужно сделать, и не важно, почему они вообще пришли к этому разговору.

- Тебе лучше выйти за него, Мона, и покончить с этим. Это спасет всех нас от множества проблем.

Мона, от злости потерявшая дар речи, держала в руках тяжелый кувшин, как будто бы желая бросить его в них двоих одновременно.

- Мне это не важно, - продолжил Хью беззаботно, - Я не Глупышка Лиззи. В тех кругах, где я вращаюсь, церемония не имеет большого значения.

- Как и в тех кругах, в которых вращаюсь я, - ответила Мона, - Но будь я проклята, если позволю так с собой обращаться.

- Ну, так ты выйдешь за меня или нет? Достаточно цивилизованное предложение, не правда ли?

- Нет, черт бы тебя побрал, не выйду!

- Ладно, обойдемся без этого.

- О Господи, - воскликнул Джелкс, плюхнувшись на скамейку и обхватив голову руками.

Хью похлопал его по спине.

- Взбодрись, Дядя; нам это нравится, пусть ты этого не понимаешь. Это любовь, как она есть в современном мире. Посмотри на Мону, она же вся цветет — правда, маленький дьявол?

Он ловко поймал кувшин, но Джелкс был весь облит, и он встал и отряхнулся, словно мокрый кот, с самым возмущенным видом.

- Если это современная любовь, то дайте мне ненависть, - пробурчал он, - Я не знаю, как вы их различаете, - и он исчез в доме, захлопнув за собой дверь.

Хью поставил кувшин подальше от Моны.

- Ну, так что там у нас? Ты выйдешь за меня, подружка?

- НЕТ!!!!

- Прекрасно, я займусь лицензией**.

- Оно потеряется.

- Не важно. Это только формальность. Если ты бросишь в меня эту тарелку, я отшлепаю тебя ей.

Мона плюхнулась на скамью, как до этого сделал Джелкс, и обхватила руками голову.

- О боже мой! Я не ожидала от тебя такого, Хью. Пожалуй, я бы даже согласилась. Я не смогу жить спокойно, пока не сделаю этого. Но то, что ты спрятал ключ, меня взбесило.

- Нет, тебя взбесило не это. Тебя взбесило то, что ты не запирала дверь, даже получив честное предупреждение.

- Ну, в любом случае прятать мой ключ было подло.

- Но я его не прятал. Я только сказал, что я это сделал.

- Тогда ты чертов лжец! Зачем ты это сказал?

- Я хотел узнать, запирала ли ты на самом деле дверь после моего предупреждения. Мне хотелось думать, что нет.

- Какой смысл был это выяснять?

- Потому что, дорогая моя, если ты не запирала дверь, то можно было спокойно напугать тебя свадьбой, ибо твое бессознательное уже ответило мне само, - и он наклонился и поцеловал ее.

*Бессмертный час (Immortal Hour) – опера английского композитора Рэтленда Боутона.

**Брак по лицензии было чуть более дорогим способом заключения брака в Англии 19 — начала 20 века, чем брак по оглашению в церкви. Если пара хотела избежать публичности (оглашение проводилось в течение трех воскресений подряд и любой, кто знал о том, по каким причинам пара не может вступить в брак — а причин могло быть много — мог вмешаться в этот процесс и расстроить свадьбу), или же если у пары имелись деньги, то они покупали лицензию у викария (это было делом сугубо мужским) и заключали брак (по месту жительства невесты).

Глава 30.

Пока будут тянуться те три промежуточных недели, в течение которых викарий будет угрюмо объявлять о предстоящих бракосочетаниях работодателей и их подчиненных, Хью предложил Моне подобрать подходящее приданое, в котором, как он сказал, главным цветом должен был быть зеленый, так как она посвящена Пану.

Мона согласилась, поспешно прикидывая в уме затраты, будучи слишком гордой, чтобы попросить хотя бы пол пенса. Но когда принесли почту, она в безмолвном негодовании помахала у него перед носом печатным бланком: на ее счет в банке было положено пятьсот фунтов.

- Что это значит? - воскликнула она, как если бы ее оскорбили до глубины души.

- Ну, дорогая, мне бы не хотелось, чтобы ты слишком буквально приняла мои инструкции и облачилась в фиговый лист, во всяком случае, не в столь неподходящую для этого погоду. Я хочу, чтобы ты подготовилась тщательно, *в духе* Гюисманса. А теперь пойди и вложи в это свое сердце.

- Серьезно? - спросила Мона, - А какой в твоём понимании должна быть одежда, подходящая для Пана?

- Ну, вообще говоря, ее полное отсутствие, но поскольку за окном английская весна...

- Мне бы хотелось, чтобы здесь оказался Дядя и сказал тебе все, что он о тебе думает.

- Я бы тоже хотел, чтобы он был здесь. Его стоит послушать, когда он заводится. Но вернемся к твоему одеянию, Мона...

- Да?

- Не можешь ли ты сшить для себя что-нибудь в духе того, что ты сделала для дома? Ты превосходно справилась с домом. Я чувствую себя таким раскрепощенным, когда захожу туда.

- И ты хочешь чувствовать себя раскрепощенным, когда видишь меня?

- О нет, это само собой разумеется. Это уже так. Чего я хочу, так это чтобы ты сама чувствовала себя раскрепощенной.

- Я *уже* раскрепощенная! - прорычала Мона, придя в ярость от сомнений в ее современности.

- Увы, но нет, дорогая, иначе бы ты так не рычала. Раскрепощенные люди отличаются добрым нравом, ибо они абсолютно свободны и не скованы внутренними запретами.

- Если бы я была абсолютно свободна и не скована внутренними запретами, то ты бы сейчас уже был мертв.

- О нет, не был бы. В тот же миг, как только ты набросилась бы на меня, я бы тебя хорошенько отшлепал, и нам обоим стало бы хорошо.

- Не думаю, что мне было бы хорошо, - ответила Мона, - Если бы ты заехал мне в челюсть и навалился на меня всем своим весом. Как я поняла, в семье не может быть больше одного раскрепощенного человека. Кто угодно другой должен находить время на уборку после него, чтобы дом был пригодным для жизни. Всем раскрепощенным людям, которых я когда-либо знала, приходилось жить в пустых комнатухах, никого к себе не пуская и переезжая каждый кварталный день*.

- Забавно, - сказал Хью, - Что в те дни, когда я был порядочным гражданином, ты жила жизнью гулящей кошки, а теперь, когда я поймал тебя на слове и присоединился к тебе в твоих похождениях, ты решила сбежать к каминному коврику.

- Именно так. Всё за спокойную жизнь. Я выполню то, о чем ты просишь, но я ненавижу, когда ты даешь мне деньги.

- Через восемнадцать дней мне предстоит стать ответственным за твои долги и проступки.

Так что мы можем несколько опередить церемонию, по крайней мере, в этом вопросе. Ты страдаешь предрассудками людей из среднего класса, Мона.

- Хорошо. Я выполню твои пожелания, но сделаю это в своей манере.

Что она собралась делать, он не знал и не спросил; но когда в один полдень он вернулся со встречи с мистером Уотни, обнаружив фермерский дом пустым, то ощутил внезапный холодный укол боли, ибо это был первый раз за все время, когда он вернулся на ферму и Мона не вышла, чтобы встретить его. Он не представлял себе ферму без нее — да что там, он не представлял себе своей жизни без нее. Привлеченный странным звуком в старой части здания, он быстро направился туда. У подножия великолепной винтовой лестницы его ждала женщина эпохи Возрождения.

Он замер, совершенно пораженный. Он обожал Мону, но никогда прежде она не казалась ему такой восхитительной. На ней было одеяние с пышной юбкой и плотно прилегающим лифом из тяжелой парчи — но не из скромной парчи для одежды, а из тяжелой, красивой, роскошной ткани для обивки мягкой мебели. Основным цветом ткани был желто-коричневый, в ее основе слегка поблескивала золотая нить, а пестрые голубые и зеленые павлины с пассифлорами были разбросаны по всей ее длине. Спереди прилегающий лиф был открытым и низким, а сзади, за гладкой прической Моны возвышался высокий золотой воротник — из белой льняной ткани, купленной уже готовой в деревенском магазине и слегка позолоченной, как понял Хью. Она была удивительно похожа на Беатриче д'Эсте, но вся эта роскошь стоила не больше тридцати шиллингов. Мона была горда собой. Она хотела порадовать Хью, но она бы не отказалась от своей независимости. Его пять сотен останутся неприкосновенными до свадьбы. На то, что она делала, она тратила свои собственные деньги, и когда они закончатся, она остановится.

Хью подошел к ней.

- Что ты здесь делаешь? - спросил он требовательным тоном, дабы скрыть свои эмоции, ибо увидев ее в одеянии в стиле *чинквеченто* он был впечатлен сверх всякой меры. Она была женщиной из времен Амброзиуса!

- Примеряю свои наряды в подходящей для этого обстановке, - ответила Мона с достоинством, хоть и была вся красная, словно пион. - Я не ожидала, что ты так скоро вернешься.

- Итак, ты решила выбрать стиль эпохи Возрождения? - медленно спросил Хью. - Но почему его, а не греческое одеяние?

- Потому что *я и есть* Возрождение, - огрызнулась Мона, вскинув голову.

Он молча смотрел на нее.

- Да, - ответил он, наконец, - Я думаю, так и есть. Я видел кого-то очень похожего на тебя на картине.

Он гадал, куда могла бы повернуть история, если бы определенная итальянская принцесса посетила Англию или же если бы определенный английский священник совершил паломничество в Рим, что он, конечно, и сделал бы, если бы его враги не одержали над ним победу. Предположим, Амброзиус, владевший своим Аббатством, совершил паломничество в Рим и встретил там свою принцессу, богатую даму, принадлежавшую к могущественному

дому, разве не стала бы тогда история европейской мысли развиваться в другом направлении? Ибо Возрождение представляет собой двусторонний процесс - также, как и жизнь представляет собой троицу, по образу создавшего ее Бога.

Могло ли быть так, что и они с Моной совершали нечто такое, что принесло бы не только фрукт, но и семя? Из разговоров в старом книжном магазине он узнал, как мало нужно для того, чтобы заразить групповой разум новой идеей. То, что они делали, вовсе не было дерзким поступком — вдовцы и раньше женились во второй раз; но они, хотя и соблюдали все условности, делали это только на словах. Если это было средством от греха, то оно было гомеопатическим. Греки довольно просто и невероятно вежливо проносили фаллос, установленный на шесте, во время свадебной церемонии — да и почему бы и нет, думал Хью; ибо если нет, то зачем тогда жениться? А если ты вообще женишься, то почему бы не подойти к вопросу основательно? Зачем теряться в нерешительности? Ему вспомнилась строчка из поэмы Арнольда Беннетта - «Ничего не зная о ремесле жены». Англосаксы забавные люди, и Бог создал их еще более сумасшедшими, чем кельтов, не смотря на уверения Честертона в обратном.

На широком диване была навалена куча одежды; там было ржаво-красное одеяние с широким золотым орнаментом в виде драконов; там было одеяние глубокого, насыщенного голубого цвета, с серебряным, словно бы из лунного света, узором; там было платье из тяжелой и жесткой парчи, с пышной юбкой и прилегающим топом. Но были здесь также и прозрачные ткани, струящиеся, словно вода, холодного голубого цвета, цвета серых сумерек и цвета зеленой листвы. Вся куча светилась и переливалась, ибо у полупрозрачных тканей, казалось, был нижний слой из золотистых и серебристых материалов.

Хью посмотрел на них. Ему с его мужским восприятием было сложно понять, что вся эта куча обошлась в несколько скудных шиллингов, ибо над ней поработал художник, и сейчас глаза этого художника сияли, словно райские сады.

- У тебя будут драгоценности, чтобы выходить в этом, Мона, - сказал он вдруг. Он был захвачен новой идеей, которая внезапно пришла ему в голову. У принцессы эпохи Возрождения должен быть дворец стиле эпохи Возрождения где-нибудь в той части Лондона, где собирается богема. Он поселил бы ее так, как Амброзиус, будь у него кардинальская шляпа, поселил бы свою любовницу. Он не слышал разоблачающего признания Моной о том, что она была бы никудышной женой, но первоклассной любовницей, но был довольно проницателен, да и достаточно повидал в жизни, пусть даже только как зритель, чтобы догадаться об этом самостоятельно. Ввести Мону в свой социальный круг будет кошмаром для обоих — и Моной, и социального круга. Мона всегда будет гуляющей кошкой, для которой нужно держать форточку открытой. На ферме они будут устраивать пикники с Глупышкой Лиззи и Биллом; жить они будут в Лондоне, так, как живут все художники; они будут, в сущности, жить для себя, а не для своих соседей, окружения, родственников или потомков. Почему, вообще говоря, мы должны что-то делать для потомков? Разве потомки когда-либо делали что-нибудь для нас?

Мона исчезла за лестницей, чтобы в следующий момент вернуться одетой в свои обычные вещи и держащей в руках роскошное одеяние, собрала в кучу все сияющие ткани и пошла прочь в своей обычной манере, через внутренний двор к фермерскому дому, а за ней последовал Хью. Красота исчезла; Мона вернулась к нормальному состоянию, снова став самой собой; но Хью помнил отблеск другой ее части, принадлежащей эпохе Возрождения, которая лежала под всем этим, ожидая, что ее призовут к жизни, и он бы не хотел о ней забывать.

Наступил день, когда они все вместе упаковались в Роллс-Ройс и направились в деревенскую церковь, чтобы понаблюдать за бракосочетанием Билли и Глупышки. Там были Мистер и Миссис Хаггинс; они наслаждались любой возможностью позлить мисс Памфри, которая держалась с ними неизменно высокомерно, не смотря на то, что была им многим обязана; кроме того, они считали Хью своим личным достоянием. Мистер Пинкер не присутствовал, хотя он появился на свадебном завтраке, внес свою долю и подарил что-то еще, объяснив извиняющимся тоном, что не желает ссориться с мисс Памфри и викарием. Была здесь и миссис Паско, к ужасу Глупышки Лиззи, которая была уверена, что та пришла воспрепятствовать их обручению и которую с огромным трудом удалось отговорить от намерения развернуться и убежать прочь. Но Миссис Паско изменила свои взгляды, когда услышала, что мисс Памфри пришла в ярость от мысли о том, что какая-либо ее сиротка может выйти замуж, и хотела попросить помощи закона, чтобы остановить эту непристойность. Изменив свое отношение, она была полна энтузиазма — по крайней мере, пока. Викарий смотрел на них с кислым лицом и побил все рекорды по скорости чтения речи в епархии. После этого в гостинице «Грин Мэн» была знатная попойка и мистера Хаггинса пришлось везти через пустошь в кабриолете мистера Пинкера, поскольку сам он был не способен никуда пойти; прежде ничего подобного на памяти живущих не происходило и вероятно было обусловлено непосредственным диониссийским влиянием контингента, живущего на Монашеской Ферме. Потом Билл с Глупышкой уехали на неделю в Саутенд за счет Хью и задержались там еще на одну неделю за счет налогоплательщиков, поскольку были пьяны и вели себя буйно.

Теперь Хью и Мона могли спокойно заняться своими делами. Они отправились в город, оторвали Джелкса от его книг и, поскольку квартира Моны находилась сразу за границей Мэрилебона, направились в ЗАГС, который был так символично расположен на полпути между венерологической лечебницей и полицейским участком, с работным домом, находящимся сразу за ним и ломбардом, расположенным напротив, и в котором, стоило вам подняться по красивой лестнице здания, в котором он находился, вам предлагали на выбор услуги регистратора или попечителя бедных. Заплатив эту дань богам Англии, они расцеловали смущенного Джелкса и вернулись к греческим богам на Монашескую Ферму.

*Квартальный день - первый день квартала, когда наступает срок платежей за аренду.

Глава 31.

На безоблачном небе над Монашеской Фермой высоко взошла полная Луна, когда Хью и его невеста сложили грязную посуду, оставшуюся после их свадебного ужина, в раковину *a la* Джелкс, чтобы там она дожидалась утренней мойки. Поскольку внешне их поведение было таким же, как и всегда, этот вечер ничем не отличался от всех остальных вечеров на Монашеской Ферме, за исключением, разве что, того, что здесь не было Лиззи для выполнения разных мелких обязанностей со свойственной ей старательностью и некомпетентностью, поскольку они с Биллом в этот момент тратили деньги на пирсе в Соутенде, пытаясь узнать, «Что видел дворецкий» и «Чем занимался викарий в Париже»*. Однако эти фильмы стоимостью в один пенс были, за исключением их названий, совершенно безобидны, и Билл вставил второй пенс в биоскоп вслед за первым, чтобы они не выдохлись, как какой-нибудь газ, пока те не закончат смотреть.

На Монашеской Ферме царил тишина, казавшаяся почти зловещей, ведь в ушах весь день звенело от Лондонского шума. На отдаленной ферме лаяла собака; кричал забывшийся петух; и между этими звуками были длинные периоды теплой благоухающей тишины, когда слабый ветерок бесшумно шевелил отягощенные цветами ветви древних кустарников. На западе

догорела вечерняя заря и яркая звезда низко повисла над соснами. Из-за дальнего куста терновника раздалось «буль, буль, буль» и длинное мелодичное журчание.

- Наш свадебный марш, - сказал Хью, сжав руку Моны, на которой лежала его рука. - Пойдем, я хочу кое-что тебе показать. Только сперва мы должны надеть наши свадебные наряды или нас выставят вон, как того парня из Писания.

Когда Мона снова присоединилась к нему, на ней было ниспадающее зеленое одеяние, но луна лишила его красок и она выглядела, как серый призрак. Хью же надел традиционную оленью шкуру.

Они прошли вниз между травяной изгородью, в сумерках выглядевшей беловато-серебристой, пересекли бесплодный пустырь и вошли в сосновый лес, который теперь был очищен от зарослей ежевики. В плотном поясе тисов была вырезана арка и установлена дубовая дверь, обитая железом, служившая напоминанием об Амброзиусе. Они вошли внутрь и оказались на маленькой, ромбовидной поляне, залитой лунным светом, и десятки кроликов разбежались в разные стороны — все, кроме одного малыша, который запутался и нашел убежище в тени колонны, так и просидев там на протяжении всей церемонии, как если бы был воплощением Мастера, Повелителя Дикой Природы.

Хью не стал ничего объяснять и Мона никак не прокомментировала увиденное. Это было излишне. Он поставил ее в одном конце поляны и занял свое место на другом, и недавно взошедшая Луна сияла позади него. Затем он стал ждать, пока на него снизойдет вдохновение, ибо он не представлял себе, как именно должен выглядеть ритуал Пана.

Стоя в тишине, они ждали, и хотя время шло, не возникало ощущения, что оно тянется слишком медленно. Они оба думали о древних ритуалах Элевсина и гадали, в какой бы форме на них могла снизойти сила. Хью пошевелился лишь один раз, вскинув руки в призывном жесте. Мона оставалась неподвижной. Земля под их ногами напиталась дневным теплом, хотя воздух начинал медленно охлаждаться под воздействием вечерней сырости.

Мысли Хью вернулись к его видению о греческих холмах: возможно, там он сможет нащупать след. В своей голове он отправился по пути из своих сновидений, наверх по крутому склону, сквозь редкий лес, но затем, практически случайно, он вошел в более густой лес и ощутил приступ холодного страха, который притаился там в ожидании его прихода. Он почувствовал, будто бы чья-то рука вцепилась в его солнечное сплетение и по всему его телу пробежала дрожь. Он посмотрел на свисающие части одеяния Моны и понял, что она тоже дрожала. Затем он увидел между ними дорожку из бледного золотистого света, но свет этот не был лунным.

В узком пространстве между окружавшими их тисами поднялся ветер и едва заметное дуновение прохладного ветерка стало мягко прикасаться к ним, как если бы пытаясь их прочувствовать, затем остановилось, потом снова начало двигаться и после исчезло совсем. После этого температура воздуха вокруг них начала подниматься. Она росла так быстро и неуклонно, что Хью невольно задумался, а не попали ли они и в самом деле в тот самый ад, о котором пророчествовали священники; он почувствовал, как на его голой, не прикрытой оленьей шкурой груди выступил пот; ему стало тяжело дышать и дыхание его стало неглубоким и быстрым. Полоса света с земли поднялся чуть выше бедер. Она притягивала его к Моне также, как ток притягивает человека к проводящему рельсу. Притяжение было намного более сильным, чем он ожидал, и это вызвало новый укол страха.

Затем пространство начало заполняться светом, заглушившим удручающий жар, так что

теперь они были заняты только этим светом и напрочь забыли о духоте. Свет был странным, он не был ни солнечным, ни лунным, ни звездным; полоса, в большей степени серебристая, чем золотая, и к тому же сияющая; но при этом куда менее серебристая, нежели лунный свет или свет звезд. И в этом свете отражалось все сущее. Земля неслась в космосе по большой кривой, а на ней росла их роща. Вокруг нее кружились планеты, а она была окольцована, словно Сатурн, светящейся полосой. Это была аура земли и внутри нее протекала их жизнь. Эти полосы света точно также были нужны для дыхания их психическому я, как физическому я была нужна атмосфера. И внутри земли находилась ее душа, живая и разумная, и из нее происходила их жизненная сила.

Мона знала, что эти вещи существовали всегда, хоть они и не замечали их в своем нормальном состоянии сознания; но Хью казалось, что они возникли после инвокации и, почувствовав, как огромная вращающаяся сфера движется вокруг него, он на краткий миг ощутил свою божественную природу.

Затем свет снова сконцентрировался на поляне, оставляя позади, словно отступающий прилив, воспоминания об окружающей их бесконечности, которые никогда не будут стерты насовсем. Навсегда изменившись, Хью будет жить свою жизнь с этим пониманием и оценивать все происходящее в соответствии с ним.

Поляна была мягко освещена, земля была очень горячей, и полоса, сияющая золотом, тянулась, словно светящийся дым, от Хью к Моне, огибая колонну, конусообразный верх которой возвышался прямо над ней. Позади Хью светила взошедшая Луна и лицо его было скрыто в темноте, зато Мону было ясно видно в лунном свете. Он видел ее глаза, но она не видела его, и в итоге взгляд ее стал пустым, как если бы она смотрела на нечто, находившееся за его спиной. Возможно, так оно и было: ибо в этот момент начало постепенно пробуждаться самосознание и Хью понял, что за ним находилось нечто огромное и затмевающее собой всё, и что из него и исходила та полоса света, которая проходила через него и освещала Мону. Он почувствовал, что становится всё больше и больше, и готов вот-вот разорваться под действием той силы, которая наполняла его. Он возвышался над всем и голова его доставала до звезд; под ним лежали в темноте и Мона, и земля. Но к изгибу земли уже подкрадывалась линия надвигающегося рассвета. На краю его сознания мелькнула мысль, не провели ли они в роще всю ночь, забыв о времени; но затем он понял, что это был не земной рассвет, а приход Солнечного Бога.

Да, это был не грубый и земной бог в виде козла. Это было Солнце! Но не Солнце утонченного Аполлона, но более древнее, раннее, первозданное Солнце, Солнце титана Гелиоса. Хью не представлял себе, через какие фрейдистские глубины им придется пройти во славу бога-козла и был готов ко всему; но это золотое величие в космической вышине застигло его врасплох. Затем он вспомнил любимую фразу старого Джелкса: «Все Боги суть один Бог, и все Богини суть одна Богиня, и Источник всего один». Отец всего сущего был одновременно и небожителем Зевсом — и лесным Паном — и подателем жизни Гелиосом. Он был всеми ими сразу и познав Пана, человек мог достичь и небесных врат, где рядом с Рассветом его ожидал Гелиос.

Хью почувствовал, что ноги его окрылило пламя, и знал, что он придет также, как Ангел Благовещения пришел к Деве Марии: он придет как посланник подателя жизни. Далеко внизу, в земной тени, его дожидалась Мона, и ему почему-то казалось, что она как будто бы лежит на спине и держится на земле также, как пловец держится на воде.

И он понял, что он сейчас же поспешит к ней на крыльях рассвета, спустившись вместе с рассветным ветром, кружившим над землей. Он видел, что линия золотого света все больше

приближается и знал, что его возвращение в рощу будет совпадать с ее приходом.

Затем он обнаружил, что стоит в роще, в своем собственном теле, одетый в оленью шкуру, на полосе света, проходящей прямо под его ногами. Впервые с того момента, как началось его видение, он пошевелился, сделав шаг вперед. Линия света последовала за ним. Он сделал еще один шаг, и она снова подвинулась. Мона тоже сделала два шага вперед. Он снова пошел вперед, и свет вместе с женщиной последовали за ним.

Теперь они стояли лицом к лицу, с двух сторон от колонны. Хью поднял свои голые жилистые руки и обхватил ими голову Моны, и свет, который окутывал его, теперь окутал и ее тоже. Затем, вскинув правую руку в жесте приветствия солнцу, как это делали римские легионеры, он опустил вниз левую руку, которую все еще кололо и обдавало странным жаром, и поместив ладонь между грудей Моны, произнес слова древнего заклинания: «Неkas, hekas, este bibeloi! Держитесь подальше от нас, о вы, профаны!».

Магическая инвокация Пана.

Я та, что еще до начала земли поднялась из морских глубин,
О перворожденная любовь, приди ко мне,
И пусть миры будут созданы нами двоими.
Податель виноградной лозы, вина и экстаза,
Бог садов, пастух лугов,
Несущий страх, заставляющий людей спасаться бегством,
Я твоя жрица, ответь мне!
Ио, я получила дары, которые ты принес мне -
Жизнь, и еще раз жизнь, в полном экстазе,
Я луна, луна, которая притягивает тебя,
Я тоскующая земля, нуждающаяся в тебе.
Приди ко мне, Великий Пан, приди ко мне!

(отрывок из ритуала Пана, разработанного Дион Форчун).